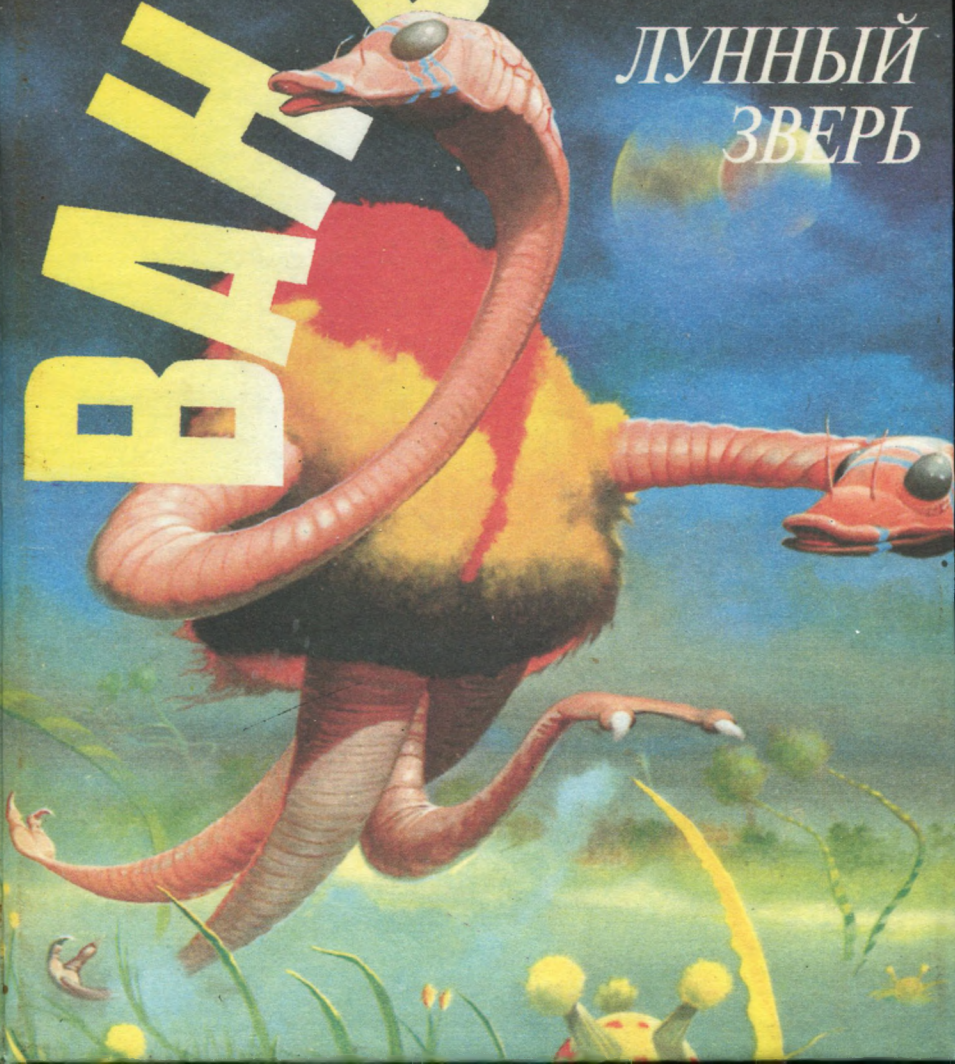

Альфред
ВАН ВОГТ

Альфред

ВАН ВОГТ

ЛУННЫЙ
ЗВЕРЬ

ЛУННЫЙ
ЗВЕРЬ

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ
ФАНТАСТИКА

XX века

Пол АНДЕРСОН
Кеннет БАЛМЕР
Джеймс БЛИШ
Джеймс БАЛЛАРД
Джон БРАННЕР
Мэрион Зиммер БРЭДЛИ
Альфред ВАН ВОГТ
Стенли ВЕЙНБАУМ
Джин ВУЛФ
Джек ВЭНС
Гордон ДИКСОН
Абрахам МЕРРИТ
Ларри НАЙВЕН
Андрэ НОРТОН
Брайан ОЛДИСС
Эдгар ПАНГБОРН
Фредерик ПОЛ
Джерри ПУРНЕЛЛЬ
Джоанна РАСС
Фред САБЕРХАГЕН
Роберт СИЛЬВЕРБЕРГ
Джек УИЛЬЯМСОН
Филипп Хосе ФАРМЕР
Фрэнк ХЕРБЕРТ
Пирс ЭНТОНИ

Alfred VAN VOGT

*Moonbeast
Tales*

**«Sigma-Press»
1995**

Альфред ВАН ВОГТ

Лунный зверь
Рассказы

«Сигма-пресс». Москва
1995

*Перевод с английского
Д. Ю. и Я. Ю. Савельевых*

Печатается с разрешения автора и его литературного агента.

Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом без разрешения — запрещена. **Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с ведома издателя.**

Издание осуществленно при участии издательства: «Амбер, Лтд», г. Ангарск.

Ван Вогт А. Выпуск 6.

В83 Лунный зверь: Роман и рассказы/Пер. с англ.—Ангарск: Амбер, Лтд; М.: Сигма-пресс, 1995.— 384 с.

В $\frac{470310100-20}{\text{ОД4(03)-95}}$ без объявл.

ISBN 5-85949-049-6

MOONBEAST

- © By A. E. Van Vogt, 1943, 1944, 1963
- © Издательство «Амбер, Лтд», составление, 1995 г.
- © Издательство «Сигма-пресс», оформление, 1995 г.
- © Перевод Д. и Я. Савельевых, 1995 г.

ЛУННЫЙ ЗВЕРЬ

© Moonbeast
A.E. Van Vogt, 1943, 1944, 1963

Глава 1

Серо-голубой двигатель почти полностью скрыла зеленая растительность, растущая на пологом склоне холма. Он пролежал там все лето 1972 года, бездушная металлическая конструкция, в которой были запрятаны силы, сравнимые по своему могуществу с самой жизнью. Дождь омывал его корпус, безразличный ко всему. В июле, а потом и в августе солнце испепеляло его своими лучами. Ночью звезды тусклым светом отражались от его металлической поверхности, не способные как-либо облегчить его участь. Корабль, на котором был установлен этот двигатель, входил в земную атмосферу, когда метеорит вспорол блок крепления. В ту же секунду влекомый силой, которую ничто уже не сдерживало, двигатель изорвал в клочья остатки конструкции и, нырнув в проделанное метеоритом отверстие, устремился вниз.

И все последующие недели он пролежал на склоне холма, кажущаяся на вид мертвая конструкция, однако на самом деле по-своему вполне живая. В его силовое поле попала грязь, настолько спрессовавшаяся, что лишь особо восприимчивый человек смог бы разглядеть его быстрое вращение. Но даже мальчишки, присевшие однажды на фланец двигателя, не заметили движения грязи. Сунь один из них свою запачканную грязью руку в ад энергии, который представлял собой силовое поле, и в тот же миг кровь с раздробленными частями мышц и костей обрызгала бы все вокруг, как при взрыве мины.

Но мальчишки ушли, и двигатель все так же лежал на прежнем месте до самого вечера, когда у подножия холма появились наблюдатели. Они очень близки были к тому, чтобы обнаружить двигатель. Их было двое - тренированных наблюдателей, которые, несмотря на некоторую усталость, накопившуюся за целый день, принялись осматривать склон. Однако из-за облака, закрывшего солнце, они прошли мимо и не заметили возможную находку.

Прошло чуть больше недели, и опять на исходе дня лошадь с наездником вскарабкалась на холм и остановилась у выступающего из земли корпуса двигателя. Ее седок начал спускаться с лошади удивительным образом. Одной рукой он взялся за луку седла и стал *приподниматься*. С небрежной легкостью он перенес левую ногу, на мгновение замер в воздухе, а потом спрыгнул на землю. То, что он сделал это все без каких-либо усилий со своей стороны, подчеркивалось полным автоматизмом его действий, все его внимание при этом было сосредоточено на конструкции на земле.

Когда он принялся исследовать это устройство, его худошавое лицо исказилось. Сощурившимися глазами он огляделся, но потом иронически усмехнулся, осознав до конца мысль, мелькнувшую у него в голове. Наконец он пожал плечами. Маловероятно было то, что его кто-либо здесь видел. До Кресцентвилля больше мили, а отсюда только и можно что разглядеть один большой белый дом, затерявшийся среди деревьев на расстоянии трети мили к северо-востоку.

Поблизости от машины никого живого, кроме него и лошади, не было. И через секунду его голос с холодной иронией эхом разнесся в наступающих сумерках:

- Ну, Денди, придется немного поработать. Этот кусок лома позволит купить для тебя довольно много еды. Мы перевезем его старьевщику после наступления темноты. Таким образом она ничего не узнает, а мы сохраним какие-то остатки гордости.

Он замолк. Невольно повернувшись, он посмотрел на напоминавшее сад поместье, которое почти на милю протянулось между городом и ними. Белая изгородь, смутно вырисовывавшаяся сейчас в лучах заходящего солнца, огромной цепью охватила довольно большой массив деревьев и пастбищ. Местами изгородь исчезала из виду в оврагах и кустарниках, пропадая за величественным белым домом.

Мужчина нетерпеливо пробормотал:

- Ну, не идиотом ли я был, что околачивался здесь, в Кресцентвилле, ожидая ее. - Он повернулся и посмотрел на двигатель.

«Надо бы прикинуть вес этой штуковины, - подумал он. - Интересно, что же это такое».

Он поднялся на вершину холма, а потом спустился вниз с сухой веткой примерно в четыре фута длиной и три дюйма в диаметре. С ее помощью он начал выковыривать двигатель из земли. Было неудобно работать только одной левой рукой. Поэтому, когда он заметил заляпанное грязью отверстие в центре, он просунул деревяшку, чтобы попытаться затем приподнять эту штуковину с помощью рычага.

Хриплый вопль боли и удивления разорвал в следующий миг вечерний воздух - настолько сильный был рывок деревяшки.

Подобно закрученному нарезным стволом ружья заряду или раскаленному клинку, она повернулась в его руке, разламываясь на куски и обжигая, как огонь. Его приподняло над землей и швырнуло вниз футов на двадцать по склону холма. Стоная и прижимая поранившуюся руку к телу, он поднялся на ноги.

Но тут же он умолк, когда его взгляд остановился на вращающемся предмете, что был еще минуту назад засохшей веткой дерева. Он внимательно присмотрелся, после чего на дрожащих ногах направился к черной лошади. Оберегая кровоточащую руку и морщась от боли, он рысью направил животное вниз к дороге к городу.

Сани для перевозки камней и упряжь для Денди, одолженные у знакомого фермера, веревка и полиспасть, по-прежнему немеющая от боли перебинтованная рука, путь сквозь темноту ночи с этой грохочущей на санях штуковиной - в течение трех часов Пендрейк ощущал себя персонажем какого-то кошмара.

Но вот двигатель здесь, на полу его конюшни, где его нельзя никак обнаружить, если не считать звука, исходящего от дерева, которое застряло в его силовом поле. Сейчас ему казалось странным, что это на него нашло, почему необходимость перевезти эту хреновину втайне от всех сюда, в его коттедж, было делом жизни или смерти, подобно тому, как рука сама быстро, автоматически хватает стодолларовую купюру на пустынной улице, когда для логичного размышления не остается совсем времени. Все сделанное им казалось столь же естественным, как сама жизнь.

Желтый свет фонарика падал на то, что когда-то было частным гаражом и мастерской. В одном углу стоял Денди, его черная кожа сверкала, глаза блестели, когда он глядел на штуку, с которой ему теперь приходилось делить свое место обитания. Сейчас, когда дверь была закрыта, густой неприятный лошадиный запах заполнял помещение. Двигатель лежал на боку рядом с дверью. Но вся проблема была в том, что дерево, застрявшее в нем, не было прямым. Оно колотило по воздуху, словно какая-то карикатура на пропеллер, издавая при этом резкий звук.

По оценке Пендрейка, скорость составляла примерно четыре тысячи оборотов в минуту. Как замороженный, попытался он постичь природу машины, способной зажать кусок дерева и с такой жуткой скоростью вращать его, но сознание человека застопорилось. Он глядел на этот кусок дерева, и лицо его хмурилось все больше и больше. Он просто не в состоянии был постичь подобное. Ясно было одно: даже если где-нибудь и существуют инструменты, которые могут захватить вращающийся

предмет и вытянуть его, то они недоступны в этой освещенной фонарем конюшне.

Он подумал: «Где-то же должно располагаться управление этой штуковиной, способное отключить источник питания».

Но серо-голубоватый пончикообразный внешний корпус был гладким как стекло. Даже выступающие с четырех концов фланцы, в которых были отверстия для крепящих болтов, казались выросшими из корпуса, словно были выплавлены из одного куска металла - его первоначальная конструкция как бы отвергала все ино-родное. В замешательстве Пендрейк обошел двигатель. Ему показалось, что проблему эту не разрешить человеку, могущему работать только одной рукой.

Но кое-что он заметил. Машина лежала на полу тяжело и солидно. Она не дергалась и не дрожала. И вообще непонятно было, как она компенсировала момент безумно вращающейся деревяшки, что торчала из ее середины. Двигатель явно нарушал третий закон Ньютона.

С внезапно мелькнувшей в голове мыслью Пендрейк наклонился к машине и ухватился за металлический корпус. В тот же миг его руку пронзила резкая боль. На глазах выступили слезы. Но когда он наконец отпустил машину, двигатель стоял вертикально на одном из своих четырех фланцев. И исковерканная деревяшка теперь вращалась уже не вертикально, а горизонтально полу.

Пulsирование жгучей боли в руке Пендрейка замедлилось. Он вытер слезы и приступил к следующему шагу в придуманном им плане. Гвозди! Он вбил их в отверстия для болтов и загнул шляпки над металлом. Сделано это было для уверенности, что стоявший на узком основании двигатель не перевернется, если случайно его корпус толкнуть слишком сильно.

Потом Пендрейк занялся ящиком для яблок. Положенный набок, он оказался на полдюйма ниже центра большого отверстия, с противоположной стороны кото-

рого торчала деревяшка. Двумя книгами он твердо закрепил кусок дюймовой трубы около фута длиной. Ему было больно держать рукоятку небольшого молота в увечной руке, но он не промахнулся. И кусок трубы, посланный молотом, ударил по дереву внутри отверстия в двигателе и выбил его наружу.

Раздался треск на весь гараж. Через секунду Пендрейк увидел длинную рваную пробоину в потолке, которую проделала там отскочившая от пола четырехфутовая ветка. Медленно пораженный разум мужчины стал приходить в соответствие с установившейся в конюшне тишиной. Пендрейк глубоко вздохнул. Да, еще столько предстояло разгадать загадок в этой машине, новой для этого мира, но одно было ясно:

ОН ПОБЕДИЛ ДВИГАТЕЛЬ!

В полночь он все еще бодрствовал. Пендрейк все время вставал, откладывал в сторону журнал, который читал, и отправлялся на темную кухню коттеджа, чтобы посмотреть на еще более темный гараж. Но ничто не нарушало спокойствие ночи. Мародеры не нападали на мирный город. Время от времени вдалеке раздавался шум проезжающей машины.

И лишь когда он оказался, наверное, десятый раз на кухне, прижавшись лицом к холодной раме окна, он начал осознавать, что его действия смахивают на поступки сумасшедшего. Пендрейк выругался вслух и вернулся в гостиную. Что же он пытается делать? Ведь не может же он надеяться сохранить у себя этот двигатель. Это, наверное, какое-то новое изобретение, радикальное послевоенное открытие, попавшее на склон того холма по чистой случайности и оказавшееся у глупого идиота, который не читает газет, не слушает радио и не знает ничего, что творится вокруг.

Где-то в доме, он вспомнил, лежал выпуск «Нью-Йорк таймс», который он купил не так давно. Он увидел эту газету на журнальном столике среди других старых и нечитанных газет и журналов, которые он время от

времени покупал. Газета была датирована 7 июнем 1971 года, а сегодня было 16 августа. Не слишком-то и большая разница.

Но сейчас шел не 1971-й год. А 1972-й!

С криком Пендрейк вскочил на ноги, потом медленно опустился обратно на спинку стула. Перед его глазами возникли ироничные, мелькавшие, как в калейдоскопе, картины человека, настолько оторванного от бега времени, что четырнадцать месяцев пролетели, как несколько недель. «Обленившийся жалкий пес, - подумал Пендрейк, - оправдывающий свое наплевательское отношение к жизни загубленной рукой и не прощающей его женщиной. Но с этим покончено. Со всем этим! Я начну снова...»

Внезапно он понял, что в его руке какой-то лист бумаги. И гнев начал покидать его, когда он с усиливающимся волнением начал читать заголовки:

**«ПРЕЗИДЕНТ ОБРАЩЕТСЯ К НАЦИИ
С ПРОСЬБОЙ ПОДДЕРЖАТЬ
НОВУЮ ПОПЫТКУ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ».**

**«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД
В ТРИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ
ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ,
УТВЕРЖДАЕТ ДЖЕФФЕРСОН ДЕЙЛИ».**

**«6 МИЛЛИОНОВ 350 ТЫСЯЧ
СЕМЕЙНЫХ РЕАКТИВНЫХ ТРЕЙЛЕРОВ
ПРОДАНО ЗА ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ 1971 ГОДА».**

В этот момент Пендрейк понял, что хотя он спрятался в своем маленьком коттедже от всего мира, но жизнь за пределами коттеджа продолжает динамично развиваться. И где-то, не так давно, желание и амбиции гения привели к появлению этого невероятного изобретения. Завтра же он попытается заложить этот коттедж. Это даст ему

немного наличных и навсегда уничтожит его рабскую зависимость от этого места. Денди он отправит Элеоноре тем же способом, каким она прислала его ему три года назад - без каких-либо комментариев. Для животного, голодавшего слишком долго по вине бывшего пилота, жившего лишь на одну свою пенсию, зеленая травка ее поместья покажутся раем.

Наверное, он уснул при этой мысли. Потому что, проснувшись в три часа ночи, он был весь в поту от ужаса. Он бросился во мрак ночи, открыл дверь гаража-конюшни и лишь тогда осознал, что еще не пришел в себя после кошмарного сна. Двигатель был там, на месте, из его силового поля по-прежнему торчал футовый кусок трубы. В свете фонарика при вращении труба отбрасывала коричневое сияние, и в ней трудно было узнать ту грязную ржавую штампованную деталь, которую он раскопал в своем подвале.

И через секунду - впервые за все время - он вдруг понял, что труба вращается гораздо медленнее куска дерева, раза в четыре медленнее - примерно четырнадцать или пятнадцать сотен оборотов в минуту. Наверное, скорость вращения зависела от вида материала, атомного веса, плотности или еще чего-нибудь.

В тревоге, что его могут увидеть в это темное время суток, Пендрейк закрыл дверь и вернулся в дом. Он не злился на себя, что в приступе ярости выбежал в темноту ночи. Но это наводило на серьезные размышления.

Похоже, ему трудно будет отдать двигатель его настоящему владельцу.

Глава 2

На следующий день первым делом Пендрейк отправился в редакцию местной газеты. В сорока выпусках еженедельного кресцентвилльского «Клариона» он не нашел ничего стоящего. Пендрейк быстро просматривал первые две страницы, не пропуская ни одного заголовка. Но не обнаружил ни одного сообщения об авиакатастрофе, ни единого упоминания о каком-либо великом изобретении нового двигателя. В конце концов он вышел на улицу в жаркое августовское утро, весь в возбуждении. Он едва мог поверить в эту мысль, но, похоже, этот двигатель так и останется у него!

Из редакции газеты он направился в местное отделение национального банка. Служащий, ведающий ссудами, робко улыбнулся ему, когда узнал о намерении Пендрейка, и отвел его к управляющему банка. Тот сказал:

- Мистер Пендрейк, вам вовсе необязательно закладывать свой коттедж. В нашем банке на вашем счету имеется внушительная сумма.

Он представился Родериком Клеем и продолжил:

- Как вы знаете, когда вы в составе ВВС были посланы на службу в Азию, вы отписали все свое имущество своей жене, за исключением этого коттеджа, где вы сейчас живете. И это, как я понимаю, было не более, как случайное упущение.

Пендрейк кивнул, не желая говорить вслух. Он знал, что за этим последует, и управляющий только подтвердил его догадку.

- В конце войны через несколько месяцев после того, как вы с женой стали жить раздельно, она втайне от вас переписала на ваше имя всю собственность, включая боны, акции, наличность, землевладения, в том числе и

поместье «Пендрейк», с тем условием, что вы не будете поставлены в известность об этом, пока на самом деле тем или иным способом не выявите свою потребность в деньгах. Также было оговорено предоставление ей минимального месячного прожиточного содержания на собственные нужды и уход за домом.

Смею утверждать, - управляющий не скрывал своего самодовольства и удовлетворения тем, как он проводит эту встречу, ход которой, скорее всего, он разрабатывал заранее в праздные моменты службы, - ваши дела процветали вместе с делами нации. Сейчас вы располагаете акциями, бонами и наличностью общей суммой примерно один миллион двести девяносто четыре тысячи долларов. Если желаете, один из служащих подготовит для подписи чек. На какую сумму?

Снаружи стало еще теплее. Пендрейк, возвращаясь пешком в коттедж, размышлял: «Я должен был бы, зная Элеонору, догадаться, что она сделает что-нибудь подобное. Ох уж эти напряженные, ушедшие в себя, непрощающие женщины...» Как она сидела в тот день, когда он пришел, холодная и отчужденная, отгородившаяся от него стеной сдержанности. Сидела и знала, что полностью теперь в финансовом отношении зависит от его прихотей. Теперь ему придется подумать над тем, что же все это означает, спланировать новый подход к создавшейся ситуации, действия и слова. А между тем его ждет еще и этот двигатель.

Он оставался именно там, где он оставил его перед уходом. Пендрейк мимоходом бросил взгляд на него, потом закрыл дверь. По пути к кухонной двери он похлопал Денди, который пощипывал травку на лужайке. В доме он занялся поисками названия одной патентной фирмы в Вашингтоне. В Азии он служил с сыном одного из служащих этой фирмы. Он написал неуклюжее письмо. По пути на почту он остановился у входа в единственный в городе магазин по продаже инструментов и заказал похожее на колесо зажимное

приспособление, кольцевая часть которого должна была обладать возможностью вращаться вместе с тем, что будет в ней зажато.

Ответ на его письмо прибыл через два дня до того, как его «зажим» был изготовлен. В письме говорилось следующее:

«Дорогой Мистер Пендрейк!

В соответствии с Вашим запросом мы выделили всех незадействованных служащих отдела исследований на решение Вашей проблемы. Мы проверили все патентные документы в области изобретения двигателей за последние три года. Помимо этого я лично переговорил с ответственным директором соответствующего отдела патентного бюро. Согласно всем полученным отчетам, я могу со всей ответственностью утверждать, что в послевоенное время ни в одной из областей техники не было запатентовано ни единого радикального изобретения двигателя, кроме разных видов реактивных.

В соответствии с Вашим запросом мы прилагаем копии девяноста семи последних изобретений в области двигателей, которые были отобраны нашими сотрудниками среди тысяч других патентов.

Счет за наши услуги будет выслан Вам отдельно. Благодарим за высланный Вами авансом чек на двести долларов.

*Искренне Ваш,
Н. В. Хоскинс.*

P.S. Мне казалось, что ты погиб на войне. Клянусь, я лично видел твое имя в списке погибших после своего спасения, и до сих пор оплакивал тебя. Примерно через неделю я отправлю тебе подробное письмо. Сейчас на моих плечах покоится патентный мир, конечно, не в физическом смысле – только великий Джим Пендрейк был способен на это. Впрочем, я играю роль атланта мысли, и я нисколько не сомневаюсь, что на меня многие косо посматривали,

когда я рылся в интересующих тебя материалах. Поэтому тебя не должен удивить большой счет, который к тебе придет. Пока!

Нед.»

У Пендрейка стоял ком в горле, когда он читал и перечитывал письмо. Ему было больно от мысли, что он полностью обрубил все нити, связывающие его с прежними друзьями. Когда он дошел до фразы «великий Джим Пендрейк», он невольно бросил взгляд на пустой правый рукав свитера.

Пендрейк мрачно улыбнулся. И только через несколько минут он снова вспомнил о двигателе. И тогда подумал: «Я закажу автомобильные шасси, и самолет без мотора, и стержень, сделанный из разных металлов... но сначала, конечно, придется провести несколько испытаний».

Он остановился. Глаза его расширились при мысли об открывающихся возможностях. Жизнь снова распахнулась перед ним. Но вот что странно: ему все еще с трудом верилось, что он является единоличным владельцем этого двигателя.

Через два дня он отправился за заказанным зажимом. Расправляя брезент, чтобы завернуть в него устройство, Пендрейк услышал какой-то звук, потом за спиной раздался голос какого-то молодого человека:

- Что это такое?

Стало уже почти темно, и нанятый им грузовик почти растворился в темноте наступающих сумерек. Рядом с Пендрейком смутно вырисовывались очертания здания магазина инструментов - мрачные неокрашенные стены. Сквозь замасленные окна едва пробивался смутный свет. Служащие магазина, загрузившие зажим в его грузовик, скрылись внутри, их хриплые пожелания «спокойной ночи» до сих пор звенели у него в ушах. Пендрейк остался наедине с незнакомцем.

Точным и быстрым движением он прикрыл зажим куском брезента и повернулся к человеку, который заго-

ворил с ним. Молодой и высокий, с виду довольно крепкий человек стоял в тени. И хотя на изгиб его высоких скул падал свет ближайшего уличного фонаря, трудно было разглядеть точные очертания его лица.

Он столь пристально и напряженно всматривался в Пендрейка, что того бросило в дрожь. В его взгляде не было праздного любопытства, а горячая решимость, смешанная с поразительной целеустремленностью. С трудом Пендрейк постарался взять себя в руки.

- А вам какое дело? - резко бросил он.

Потом забрался в кабину. Включил двигатель. Несколько неуклюже он проманипулировал предназначенным для правой руки рычагом переключения скоростей, и грузовик тронулся с места.

В зеркале заднего вида он все еще мог видеть стоявшую в тени магазина высокую фигуру сильного молодого человека. Незнакомец медленно направился в ту же сторону, куда ехал Пендрейк. В следующую секунду Пендрейк свернул за угол и направился по боковой улочке. Он подумал: «Я доберусь до коттеджа в объезд, потом быстро верну грузовик хозяину, после чего...»

Что-то мокрое сползло по его щеке. Он отнял руку от рулевого колеса и ощупал лицо. Оно было покрыто потом. Пендрейк замер и подумал: «Неужели я сошел с ума? Конечно же, я не верю, что кто-то скрытно от всех ищет этот двигатель».

Его расшатанные нервы медленно успокаивались. В конце концов он убедил себя, что это просто было совпадение - что такой вот разыскивающий парень оказался рядом с магазином по продаже инструментов одного небольшого городка как раз в тот момент, когда там объявился Джим Пендрейк. Как же это похоже на старую мелодраму, в которой злодеи ходят по пятам за ничего не подозревающим главным героем. Какая чепуха! Тем не менее этот досадный эпизод подчеркнул важный момент его обладания двигателем. Где-то ведь был построен этот двигатель. И кто-то являлся его хозяином.

Он никогда не должен забывать об этом.

Темнота ночи окутала все пространство вокруг, когда Пендрейк наконец вошел в гараж-конюшню и включил установленное днем освещение. Двухсотваттная лампа светила, как солнце, однако маленькая комнатка почему-то казалась еще более странной, чем при свете фонарика.

Двигатель находился именно на том месте, где был оставлен первой ночью, напоминая надутую шину для небольшого широкого колеса, огромный сладкий сероголубой пончик. Если забыть про фланцы и размеры, то сходство с пончиком было поразительным. Стенки его выгибались наружу от центрального отверстия; само же отверстие было только чуть меньше, чем у пончика такого размера. Но на этом сходство с чем-либо, известным Пендрейку, заканчивалось. Ничего непостижимее этого отверстия он в жизни не видел.

Диаметр его составлял примерно шесть дюймов. Внутренние стенки были гладкими, просвечивающимися и на вид не металлическими; а в самом центре плавал обрубок трубы. В буквальном смысле труба висела в пространстве, удерживаемая в этом положении силой, которая, похоже, не имела видимого источника.

Пендрейк сделал медленный глубокий вдох, взял молот и осторожно опустил его на выступающий конец трубы. Молот задрожал в руке, но он упрямо превозмог пульсирующие иглы боли и продолжал давить. Труба завращалась, не поддаваясь. Молот задрожал сильнее от вибрации. Лицо Пендрейка перекосилось от боли, но рывком ему удалось высвободить инструмент.

Он терпеливо ожидал, когда его рука перестанет дрожать, потом резко ударил по выступающему краю трубы. Та ушла в глубь отверстия, выступив на девять дюймов с противоположной стороны двигателя. Он как бы начал играть в перекачивание шара. Точным движением Пендрейк ударил по трубе с противоположной стороны. Она с такой легкостью скользнула обратно, что целых одиннадцать дюймов выплыло наружу и только один дюйм

остался в отверстии. Труба вращалась, словно ось в паровой турбине, но совершенно бесшумно.

Сжав губы, Пендрейк присел на корточки. Итак, двигатель не был совершенным. Та легкость, с которой труба и до того кусок дерева были затянуты внутрь, а потом вытолкнуты наружу, указывала на то, что ему потребуется привод или еще что-нибудь вроде того. Что-нибудь устойчивое к высоким скоростям и большим нагрузкам. Пендрейк медленно поднялся на ноги. Он определился с дальнейшими действиями. Он подтащил к двигателю устройство, которое было построено в магазине по продаже инструментов. Понадобилось несколько минут, чтобы зажимное устройство оказалось на нужной высоте. Но он был терпелив.

В конце концов ему удалось привести в действие рычаг управления. Завороженно он наблюдал, как сошлись вместе две половинки колеса, сомкнулись на дюймовой трубе и начали вращаться. Его всего охватило ощущение радости. Подобного удовлетворения он не испытывал за эти три последние года. Пендрейк осторожно потянул зажимной механизм, пытаясь подтащить его по полу к себе. Тот не сдвинулся с места. Он нахмурил брови. У него возникло ощущение, что машина слишком тяжела для того, чтобы реагировать на легкое подталкивание. Тут требовалась вся мускульная сила, на которую он был способен. Успокоив себя этой мыслью, он снова попытался подтащить машину, уже с большими усилиями.

Впоследствии он вспомнил, как бросился к двери, пытаясь убраться от греха подальше. Перед его глазами стояли гвозди, выползшие из пола в тот момент, когда двигатель начал опрокидываться на него. В следующий миг двигатель *поднялся*, совсем немного, и замер совершенно непостижимым образом прямо над полом. Несколько секунд он медленно вращался там, словно пропеллер, а потом тяжело рухнул на зажимное устройство.

С оглушающим треском разломилась деревянная доска. Находившееся внизу бетонное основание - первоначальный пол гаража - начало со скрежетом разлетаться в сторону по мере того, как в него со скоростью в четырнадцать сотен оборотов в минуту стало вгрызаться зажимное устройство. Во все разламывающих объятиях смерти душераздирающе визжал раздираемый на куски металл. Объятый ужасом Пендрейк на несколько секунд оказался в чудовищном окружении этих ужасных звуков, пыли, мечущихся обломков бетона и металла.

А потом на сцену, подобно ночи, следующей после дня сражения, вползла тишина, напряженная, неестественная тишина. На дрожащем боку Денди появилось кровавое пятно - в это место вонзился какой-то обломок. Пендрейк стоял, пытаясь успокоить дрожащую лошадь и оценить масштабы разрушения. Он видел, что двигатель все еще лежит на боку, явно незатронутый своим собственным бешенством, - блестящая, серо-голубая штукovina, залитая светом непостижимым образом как уцелевшей электрической лампочки.

Потребовалось полчаса, чтобы собрать все кусочки того, что некогда было зажимным устройством. Потом он все детали отнес в дом. Итак, его первый настоящий эксперимент с этой машиной завершен. «Успешно», - решил он.

Джим Пендрейк сидел на кухне и смотрел. Медленно бежали минуты. А снаружи не было никакого движения. Наконец Пендрейк вздохнул. Было ясно, что никто не заметил катастрофы, случившейся в его гараже. А если кто и заметил, то отнюдь не страдал любопытством. Двигатель по-прежнему пребывал в безопасности.

Это небольшое напряжение заставило его еще более осознать свое одиночество. Внезапно само спокойствие этой тишины стало его раздражать. Он вдруг ясно понял, что грядущая победа над двигателем не доставит никакого удовольствия для человека, отрезанного от остального

мира в силу меланхоличности его характера. Он равнодушно подумал: «Мне следует повидаться с ней».

Нет... это не сработает. Элеонора получила эмоциональный момент в нужном направлении. Из затеи увидаться с ней не выйдет ничего хорошего. Но оставалась и другая возможность.

Пендрейк надел шляпу и вышел во мрак. В баре на углу он направился прямо к телефонной будке.

- Миссис Пендрейк дома? - спросил он, когда ему ответили.

- Да, сэр! - произнес незнакомый глубокий женский голос - очевидно, в этом громадном доме появился по крайней мере один новый человек. - Одну секунду, сэр.

Через несколько секунд в трубке раздалось глубокое контрольное Элеоноры.

- Говорит миссис Пендрейк.

- Элеонора, это Джим.

- Да? - Пендрейк слабо улыбнулся на едва заметное изменение голоса, приобретшего защитную тональность.

- Мне бы хотелось вернуться, Элеонора, - тихо сказал он.

Последовала тишина, а потом...

Щелк!

Снова оказавшись на улице в темноте ночи, Пендрейк посмотрел на усеянное звездами небо. Темное, темно-голубое. Вся Вселенная восточного полушария оказалась в тенетах ночи. Кресцентвилль разделял со всем восточным побережьем теневую сторону огромной великой матери-планеты. Он подумал: «Возможно, это была ошибка, но теперь она знает». Вероятно, мысли о нем постепенно стали покидать ее, пока вообще не исчезли, но теперь они снова будут будоражить ее мозг.

Он зашагал по аллее обратно к своему коттеджу. Оказавшись во дворе, он сдержал охватившее его побуждение взобраться на дерево, с которого можно было увидеть огромный белый дом. Пендрейк растянулся на холодной траве лужайки за домом, поглядел на гараж и в

замешательстве подумал: «Этот двигатель вращает все, что попадет в его силовое поле. Если что-либо оказывает ему сопротивление, то оно уничтожается с легкостью и беспредельной мощностью. Двигатель, в который можно *втолкнуть* ось, но из которого ее нельзя *вытолкнуть*. Что означает, что винт самолета нужно просто насадить на стержень, сплавленный из упорядоченных металлов, то есть располагающихся в соответствии с их атомным весом и плотностью».

Кто-то постучал в парадную дверь коттеджа. Пендрейк вскочил на ноги, мгновенно охваченный тревогой. Но это оказался паренек-рассыльный, принесший телеграмму:

«МОДЕЛЬ ПУМА С КАБИНОЙ ЗАВТРА БУДЕТ ДОСТАВЛЕНА В АЭРОПОРТ ДОРМАНТАУН ТЧК В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ УСТАНОВЛЕННЫ СПЕЦИАЛЬНЫЕ КРЕПЛЕНИЯ ДВИГАТЕЛЯ И ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ ТЧК КОНСТРУКЦИЯ СОБРАНА С ПРИМЕНЕНИЕМ МАГНИЕВЫХ СПЛАВОВ И АЭРОГЕЛЬНОГО ПЛАСТИКА ТЧК

АТЛАНТИЧЕСКАЯ КОРПОРАЦИЯ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ».

На следующий день Пендрейк в аэропорту встречал посылку. Он арендовал ангар в дальнем углу летного поля, в котором сопровождавшие большой трейлер рабочие сгрузили самолет. Когда рабочие ушли, он запер и закрыл на засовы все двери. На рассвете следующего дня Пендрейк привез двигатель и приступил к выполнению самой трудной задачи - установлению двигателя при помощи оборудования, которое он приобрел специально для подобной цели. На это для человека с одной рукой ушло много времени, но он был настойчив и добился всего задуманного. Ночь он переспал в ангаре, а утром проснулся, когда пола ангара коснулись первые лучи

солнца. Он привез с собой все необходимое для завтрака и, быстро вскипятив кофе, на скорую руку перекусил. Потом открыл двери и выкатил самолет наружу.

Сначала он сделал простой пробный полет, не поднимаясь выше пяти тысяч футов, скорость при этом ни разу не превышала 175 миль в час. Немного беспокоило отсутствие привычного рева двигателя, поэтому он с тревогой в сердце шел на посадку, спрашивая себя, не заметит ли еще кто-нибудь это. Он понимал, что даже если в этот раз этого не заметят, то рано или поздно это случится обязательно. Как и то, что с каждым днем, каждым часом (если он будет цепляться за эту призрачную надежду) его душевное беспокойство будет все более и более ухудшаться. Ведь кто-то владеет этим двигателем. И этот владелец захочет, чтобы он вернулся к нему. Он должен решить раз и навсегда, объявлять о своей находке или нет. Пока у него есть время на раздумья и принятие решения.

Пендрейк с хмурым видом наблюдал за приближением вдоль границы света и тени четверых мужчин. Двое тащили большой ящик с инструментами, еще один тянул небольшую тележку с какими-то материалами. Группа остановилась в пятидесяти футах от самолета Пендрейка. Потом один из них пошел вперед, сунув руку в карман. Он постучал в дверь кабины.

- Можно вас спросить?! - проорал он.

Пендрейк колебался, мысленно ругаясь. Его уверили, что никто другой не арендует в этой части летного поля ангаров, что эллинги поблизости пусты и нескоро будут использоваться. В раздражении он привел в действие рычаг, открывавший дверь.

- В чем... - начал было он, но поперхнулся - на него, сверкая сталью, был наведен револьвер, сжимаемый твердой рукой. Потом Пендрейк посмотрел на лицо незнакомца... и вздрогнул - лицо того было скрыто под маской.

- Выбирайся наружу.

Когда Пендрейк прыгнул на землю, незнакомец осторожно отступил на пару шагов, а остальные выдвинулись вперед - со своей тележкой и инструментами. Все это они погрузили в самолет и забрались в кабину. Человек с револьвером прежде, чем последовать за ними, достал из нагрудного кармана пальто пакет и бросил его к ногам Пендрейка.

- Это тебе за самолет. И запомни вот что: ты сделаешь себя посмешищем, если не отступишься от этого дела. Этот двигатель находится на экспериментальной стадии разработок. Нам нужно изучить все его возможности перед тем, как мы сделаем заявку на патент, и нам не нужны всякие второстепенные патенты, улучшения и тому подобные штучки, укладываемые в схему нашего изобретения. Это все.

Самолет начал разбег. И вот он уже поднялся в воздух и вскоре превратился в точку на небе на западе в далекой голубой туманной дымке. Наконец в голове Пендрейка мелькнула мысль: «Мне так и не пришлось самому принимать решение».

Чувство потери возрастало. Как и щемящее чувство безнадежности. Некоторое время он следил за местными самолетами, совершавшими посадку и взлет на северной взлетной полосе; но хотя и прошло довольно много времени, а у него все еще не сформировалось ни определенного плана действий, ни цели.

Он мог отправляться домой. В мыслях ему представилось, как он прокрадывается в свой коттедж в Кресцентвилле подобно побитой собаке, а впереди его ждет долгое безрадостное будущее. Или же - мелькнула темная мысль - он может отправиться в полицию. Тут Пендрейк вспомнил о пакете, брошенном к его ногам. Он поднял его с бетонного покрытия, разорвал и посчитал зеленые купюры. Закончив с этим делом, он криво усмехнулся. На сто долларов больше, чем он заплатил за «пуму».

Но сделка эта была совершена под принуждением, а следовательно, была незаконной. Приняв внезапно ре-

шение, Пендрейк завел двигатель арендованного им грузовика и направился в отделение полиции штата в Дормантауне. Все его сомнения тут же нахлынули на него, когда сержант сосредоточенно записывал его показания.

- Так вы утверждаете, что нашли двигатель? - Наконец полицейский добрался и до этого эпизода.

- Да.

- Вы сообщили о своей находке в отделение полиции штата в Кресцентвилле?

Пендрейк несколько секунд помедлил с ответом. Невозможно было объяснить, почему он инстинктивно решил скрыть свое обладание этим двигателем, теперь, когда самого двигателя, главного доказательства уникальности его находки, не было. Наконец он ответил:

- Мне сначала показалось, что это просто кусок металлолома. Когда же я обнаружил, что это не так, то я быстро выяснил, что никто о подобной пропаже не сообщал, и решил придерживаться политики: кто нашел, тот и обладает.

- Но теперь он находится у настоящих владельцев?

- Да, я должен был согласиться, - признался Пендрейк.

- Но применение ими пистолетов, вся эта секретность, то, как они силой вынудили меня продать этот самолет, убедили меня, что мне следует сообщить об этом.

Полицейский сделал отметку, потом сказал:

- Не могли бы вы сообщить мне заводской номер этого двигателя?

Пендрейк застонал. Он вышел на улицу, залитую ярким солнечным светом, с ощущением, что сделал холостой выстрел в темноту непроницаемой ночи.

Глава 3

Он прибыл в Вашингтон утренним рейсом из Дормантауна и сразу же отправился в офис «Хоскинс, Кендлон, Бейскер и Хоскинс, юристы-патентоведы». Через минуту после того, как он назвал свое имя, в приемную вприпрыжку вбежал изящного сложения щеголеватый молодой человек. Не обращая внимания на ошарашенный вид секретаря, он прокричал пронзительным голосом:

- Стальной Мужик из ВВС! Джим, я... - Он замолчал, его голубые глаза расширились. Он побледнел, когда с потрясенным видом уставился на пустой рукав Пендрейка. Молча он провел Пендрейка в свой личный кабинет.

- Человек, который в спешке отрывал дверные ручки, - пробормотал он, - который сокрушал все, что держал в руках, когда выходил из себя... - Он встряхнулся и с усилием сбросил охватившее его уныние: - Как Элеонора, Джим?

Пендрейк знал, что вначале будет трудно. Как можно короче он объяснил:

- Ты знаешь, что она была за человек. Раньше она цеплялась за работу в исследовательском отделе компании «Энциклопедия Хилларда» и вела жизнь «не от мира сего», из которой я выдернул ее, и... - Он замолчал, потом пожал плечами и продолжал: - А затем она вдруг узнала обо всех тех женщинах на стороне. Не знаю, кто рассказал ей. Она показала мне письмо и спросила меня, что в нем правда, а что нет.

Хоскинс тихо произнес:

- Мы пробыли вместе в Азии три года. У меня было там с дюжину женщин; и две из них были довольно симпатичными девочками. Я бы женился на одной из них, если бы не был к тому времени уже женат. Так что было в том письме и от кого оно было?

- Я не читал его, - ответил Пендрейк и со вздохом продолжал: - Не знаю, почему я сходил с ума от Элеоноры. Наверное, она напоминала мне мою мать или

еще что-нибудь такое. У нее была сила, которой недоставало другим женщинам, почему они сразу теряли для меня свою привлекательность. Но давай не будем трогать больше эту тему.

Без предисловий он пустился в детальные объяснения дела о двигателе, приведшего его сюда. Когда он закончил рассказывать, Хоскинс мерно расшагивал по кабинету.

- Тайная группа с новым, изумительным изобретением двигателя. Джим, мне кажется, за этим кроется что-то большее. Я связан с высшим офицерским составом ВВС и знаком с комиссаром Блейкли. Но нельзя терять зря времени. У тебя много денег?

Пендрейка охватили сомнения.

- Все зависит от того, что ты подразумеваешь под словом «много»?

- А то, что мы не можем терять время на волокиту. Ты в состоянии вложить пять тысяч долларов за аппарат для съемки электронных изображений? Ты знаешь, что я имею в виду, - его изобрели в самом конце войны. Возможно, ты еще получишь назад свои деньги. Самое главное - это то, что ты сможешь отправиться на тот склон холма, где ты нашел двигатель, и сфотографировать почву - так мы получим сохраненное электронами изображение двигателя, которое сможет убедить циника, который снова приобретает все большее влияние в этом городе. Этот тип не верит ничему, пока не увидит своими глазами, и дает от ворот поворот, если нельзя представить какие-то свидетельства.

Энергия и интерес, проявленные этим человеком, были заразительны. Пендрейк встряхнулся.

- Я улетаю немедленно. Где я могу взять эти камеры?

- В городе есть одна фирма, которая продает их правительству и другим разным исследовательским институтам для геологических и археологических целей. А теперь послушай, Джим. Мне совсем не хочется тебя задерживать таким способом, и я бы предпочел, чтобы ты пошел со мной ко мне домой и познакомился с моей женой, однако при использовании подобных камер существенную роль играет фактор времени. Эта почва

открыта дневному свету, и с каждым днем изображение теряет первоначальную четкость.

- Я еще увижусь с тобой, - сказал Пендрейк и отправился к двери.

Отпечатки получились превосходными, изображение двигателя на них не вызывало ни малейших сомнений. Пендрейк сидел в гостиной, с восхищением глядя на глянцевые снимки, когда из офиса телефонной компании прибыл посыльный.

- Вас вызывают из Нью-Йорка, - сообщил посыльный. - Абонент ждет, вы будете разговаривать?

«Хоскинс», - решил Пендрейк, хотя не мог представить, что же Нед может делать в Нью-Йорке. Однако услышав в телефонной трубке первые же слова незнакомого голоса, он вздрогнул.

- Мистер Пендрейк, у нас есть основания считать, что вы все еще привязаны к своей жене. Будет очень неприятно, если что-то произойдет с ней в результате вашего вмешательства в дела, куда вам лучше не лезть. Будьте осмотрительней.

Потом последовал щелчок. Этот резкий звук все еще звенел в голове Пендрейка и спустя несколько минут, когда он шел, ничего не видя перед собой, по улице. Только одна-единственная мысль четко повторялась в его уме: «Расследование закрыто».

Началась череда бесконечных дней. Не в первый раз у Пендрейка мелькнула мысль, что именно этот двигатель вывел его из долгого периода спячки. И то, что он сразу же бросился на поиски, поскольку каким-то шестым чувством понимал, что, кроме двигателя, у него ничего в жизни не осталось. Теперь было еще хуже. Он пытался вернуться к своему прежнему прозябанию. И не смог. Почти бездумные поездки на Денди, которые некогда длились от рассвета до наступления темноты, закончились на второй день в десять часов утра и больше не возобновлялись. Совсем не потому, что ему больше не хотелось ездить на лошади - просто жизнь оказалась чем-то большим, чем бездельным существованием. Трехлетняя спячка закончилась. На пятый день он получил телеграмму от Хоскинса:

«В ЧЕМ ДЕЛО ВПР Я ЖДУ ТВОЕГО ОТВЕТА ТЧК НЕД».

Стяжелым чувством Пендрейк разорвал телеграмму на мелкие кусочки. Он собирался ответить, но так и не смог найти нужные слова для ответа, когда спустя два дня получил письмо.

«...Не могу понять твоего молчания. Я заинтересовал комиссара Блейкли, и несколько ребят из технической службы уже звонили мне. Через неделю я буду выглядеть круглым идиотом. Ты купил камеру - я навел справки. Наверное, у тебя есть эти снимки, так ради всех святых дай мне знать...»

Пендрейк ответил так:

«Я выхожу из игры. Мне очень жаль, что я доставил тебе беспокойство, но я узнал кое-что, что заставляет полностью пересмотреть мои прежние взгляды на все то дело, и я не могу открыть тебе, в чем именно они заключаются».

Пусть его последние слова и были правдивыми, но высказываться подобным образом было неблагоразумно. Эти офицеры из действующих ВВС - когда-то и он был в их числе - не могли до сих пор примириться с тем фактом, что мир радикальным образом изменился после войны. Угроза Элеоноре заставила бы их просто действовать с большим нетерпением, а ее смерть или ранение зафиксировали бы в списке потерь - еще одна запись, так, небольшой фактик. Хотя, естественно, они примут меры предосторожности... Но ну их к черту!

На третий день после того, как он отправил письмо, к воротам коттеджа подкатило такси, и из него выбрались Хоскинс и какой-то бородатый гигант. Пендрейк впустил их, со спокойствием перенес представление великому Блейкли и холодно выслушал град вопросов своего друга. Через десять минут Хоскинс раскалился добела.

- Ничего не понимаю, - ревел он в ярости. - У тебя ведь есть эти снимки, верно?

Ответа не последовало.

- Какими они вышли?

Тишина в ответ.

- Что ты узнал такого, что изменило твою точку зрения? Ты что, узнал нечто, касающееся того, кто стоит за всей этой историей?

Пендрейк с болью подумал, что, наверное, ему нужно было наплести что-нибудь в своем письме, а не делать глупые компромиссные заявления. То, что он сообщил, лишь еще больше возбудило их любопытство и послужило причиной этого столь яростного допроса.

- Позволь мне поговорить с ним, Хоскинс. - Пендрейк почувствовал облегчение, когда заговорил комиссар Блейкли. Уж лучше иметь дело с незнакомцем. Хоскинс пожал плечами, устраиваясь на диване, и, заметно нервничая, закурил сигарету.

Великан начал холодным и решительным тоном:

- Я думаю, что мы имеем дело с психологическим неврозом. Пендрейк, вы помните, что примерно в 1956 году один парень заявил, что у него есть двигатель, который получает энергию из воздуха? Когда репортеры исследовали его машину, то они обнаружили тщательно запрятанный аккумулятор. А потом, через два года, - продолжал комиссар холодным решительным тоном, - одна женщина утверждала, что видела русскую подводную лодку в озере Онтарио. Ее история становилась все более и более неправдоподобной по мере роста масштабов исследований, проводимых военно-морскими силами, и в конце концов она призналась, что все это выдумала, чтобы привлечь к себе интерес друзей, а когда дело закрутилось, у нее уже не нашлось решимости признаться сразу в правде. Ну, а в вашем случае я считаю, что вы поступаете умнее их.

Это оскорбление вызвало кривую усмешку на лице Пендрейка. Он стоял, смотрел в пол и почти безучастно выслушивал обрушивающиеся на него словесные нападки. Он ощущал себя где-то далеко-далеко от этого рокошущего голоса и был ошеломлен, когда две огромные руки схватили его за лацканы пиджака, в лицо воинственно уткнулось красивое бородатое лицо, а оглушающий голос рявкнул:

- Это правда, не так ли?

Пендрейк думал, что он спокоен. Он не испытывал

гнева, когда одним нетерпеливым движением головы разорвал двойную хватку здоровяка, схватил его за воротник пальто и вынес сго, брыкающего и удивленно вопящего, в коридор и вытолкнул за дверь с сеткой на веранду. Еще мгновение - и Блейкли оказался на травянистом газоне. Там он вскочил на ноги и что-то проорал благим матом. Но Пендрейк уже отвернулся. Вдверях он столкнулся с Хоскинсом. Тот был в пальто и в шляпе. Он сказал ровным голосом:

- Вот о чем я должен напомнить тебе... - Он произнес речитативом слова присяги на верность Соединенным Штатам. И он так и не узнал о своей победе, потому что спустился по лестнице и больше ни разу не обернулся. Такси, которое дожидалось их, умчалось прежде, чем Пендрейк успел осознать, какую перемену вызвали в нем последние слова его друга.

Этой же ночью он написал письмо Элеоноре. На следующий день он в указанный час - 15.30 - отправился вслед за письмом. Когда дверь большого белого дома открыла толстушка-негритянка, у Пендрейка на мгновение создалось впечатление, что сейчас ему скажут, что Элеоноры нет дома. Но нет, его провели по знакомым коридорам в сорокафутовую гостиную. Венецианские шторы на окнах были закрыты, и Пендрейку понадобилось несколько секунд, чтобы разглядеть в сумраке очертания фигуры стройной молодой женщины, поднявшейся навстречу ему.

Из темноты он расслышал ее голос, резкий, такой знакомый, вопрошающий:

- Твое письмо многое оставило необъясненным. Однако я в любом случае собиралась встретиться с тобой, но никогда не думала, что так. Так что же мне угрожает?

Теперь он мог ясно разглядеть ее. И на мгновение он только и мог, что стоять на месте, пожирая ее глазами - ее стройное тело, каждую черточку ее лица, ее темные волосы, обрамлявшие его. Он вдруг понял, что она покраснела под его испытывающим взглядом. И он торопливо начал свои объяснения:

- Я собирался выйти из всего этого дела. Но как раз

в тот момент, когда, после того, как я выкинул из дома Блейкли и мне казалось, все на том и закончится, мой бывший армейский друг Хоскинс напомнил мне, что я присягал на верную службу своей стране.

- Ого!

- Для твоей же безопасности, - продолжал он, уже более решительно, - ты должна на какое-то время уехать из Кресцентвилля и затеряться в безграничном Нью-Йорке, пока все это дело не будет закончено.

- Ясно! - Взгляд ее темных глаз ничего не говорил. В ней ощущалось какое-то странное напряжение, она даже уселась в кресло. Наконец Элеонора спросила: - Голоса тех людей, мужчины с пистолетом и того, кто звонил, какими они были?

Пендрейк подумал, прежде чем ответить.

- У одного был голос молодого человека. У второго - пожилого человека.

- Нет, я не это имела в виду - а особенности речи, тон, степень образованности.

- А! - Пендрейк уставился на нее, а потом произнес, растягивая слова: - Я не думал об этом. Я бы сказал, что они были очень образованными.

- Англичане?

- Нет. Американцы.

- Вот это я и хотела узнать. Значит, никакой примеси иностранного?

- Ни малейшего акцента.

И теперь они оба, как вдруг понял Пендрейк, почувствовали себя спокойнее. Его восхитило то, с каким хладнокровием она встретила сообщение об угрожавшей ей опасности. В конце концов, ведь она не подготовлена была противостоять физической расправе. Прежде, чем он успел продолжить эту мысль, она спросила:

- Этот двигатель... какого он рода? У тебя есть хоть какое-либо предположение?

Уж точно - какое-либо предположение! У него, кто столько ночей провел, наблюдая в темноте за работой двигателя...

- Скорее всего, - ответил Пендрейк, тщательно подбирая слова, - это результат огромной по объему исследова-

тельской работы. Ничто столь совершенное не может возникнуть из ниоткуда, не имея мощной базы, подготовленной работой других людей. Но даже тогда нужен кто-то, кто должен был испытать озарение истинного гения. - Потом он добавил задумчиво: - Должно быть, это атомный двигатель. Он не может быть ничем иным. Ничто другое не сопоставимо с его возможностями.

Элеонора внимательно посмотрела на него, не совсем уверенная, что же ей теперь сказать. Наконец она спросила с более официальным тоном:

- Ты не против того, что я задаю эти вопросы?

Он знал, что это означает. Она внезапно почувствовала, что смягчается. Пендрейк подумал: «Черт бы их побрал, этих сверхчувствительных людей!»

Он поторопился заверить ее:

- Ты уже прояснила многие важные вопросы. Но вот к чему они приведут - это уже другое дело. Можешь ли ты сделать какие-либо предположения?

Последовала пауза, потом Элеонора, растягивая слова, ответила:

- Я понимаю, что у меня нет соответствующей подготовки. У меня нет научного образования, но я участвовала в исследованиях и у меня есть навыки этой работы. Я не знаю, глупым ли покажется тебе мой следующий вопрос, но все же: когда считается, что будет создан атомный двигатель?

Пендрейк нахмурился, потом ответил:

- Мне кажется, я понимаю, что ты имеешь в виду. До какого времени создание атомного двигателя было невозможным?

- Что-то вроде того, - согласилась Элеонора. Глаза ее ярко блестели.

Пендрейк задумался.

- Я много читал об этом в последнее время. Возможно, уже в пятьдесят четвертом, но более вероятен 1955-й год.

- С тех пор прошло довольно много времени - достаточно много.

Пендрейк кивнул. Он знал, что она собирается сказать, и это было здорово, но все же ему хотелось, чтобы она сама произнесла это.

И она сделала это через секунду:

- Есть ли какой-либо способ проверить, над чем с тех

пор работал каждый ученый, занимающийся исследованиями в этой области в нашей стране?

Он наклонил голову.

- Сначала я отправлюсь к моему старому профессору-физику. Он один из тех вечно молодых стариков, которые всегда идут в ногу со временем.

Ее голос, бесстрастный и ровный, прервал его.

- Ты что, собираешься лично заняться поисками?

Она невольно взглянула на его правый рукав, а потом покраснела. Пендрейк не сомневался, что она вспомнила в эту секунду. Он быстро произнес, со слабой улыбкой:

- Боюсь, что больше некому. Как только я что-нибудь узнаю, я отправлюсь к Блейли и принесу ему свои искренние извинения. Но до тех пор, с правой рукой или без нее, я сомневаюсь, что есть кто-либо более подходящий для этого, чем я. - Он помрачнел. - Конечно, все дело в том, что однорукий человек очень приметен.

Элеонора снова взяла себя в руки.

- Вот что бы я предложила: приобрести себе протез и лицевую маску. Те люди, скорее всего, были в лицевых масках обычного типа - ведь ты так быстро распознал маскировку. Тебе нужно достать более надежную, военного образца.

Она встала и закончила ровным голосом:

- Что же касается того, чтобы покинуть Кресцентвилль, то я уже написала письмо в фирму, где я прежде работала, и они наняли меня на прежнюю должность. Вот ради этого я и хотела встретиться с тобой. Сегодня же вечером я уеду, и с завтрашнего дня ты волен заняться своими расследованиями. Желаю удачи.

Они стояли друг против друга. Пендрейк глубоко был ошеломлен внезапным окончанием их встречи и ее словами. Они расстались, как два человека, которые испытывали огромное нервное напряжение.

«И это, - подумал Пендрейк, выйдя на освещенный солнцем двор, - правда».

Он провел в Кресцентвилле ночь. Нужно было нанять кого-либо, кто присматривал бы за коттеджем, и среди прочих дел предстояло отвезти Денди в конюшню боль-

шого белого дома. Примерно в полночь Пендрейк принимал ванную перед отходом ко сну.

Он лежал на спине в ванной и снял повязку с обрубка правой руки. В последние несколько дней он причинял ему некоторое неудобство и даже боль. Сняв повязку, он наклонился, чтобы окунуть четырехдюймовую культю в теплую воду.

И остановился.

Он не верил своим глазам.

Потом из его рта вырвался крик.

Дрожа, Пендрейк окунулся с головой под воду. Затем снова посмотрел. Никаких сомнений не было. Его рука выросла в длину на добрых два дюйма. И уже были заметны слабые очертания пальцев и кисти, крошечные, но безошибочно угадываемые - выглядевшие как искривления гладкой плоти.

Лишь около трех часов ночи он смог расслабиться до такой степени, что смог уснуть. К тому времени, как ему показалось, у него уже имелось единственное объяснение подобного чуда. За все эти последние суматошные дни он находился вблизи только одного предмета, который отличался от всего остального в этом мире, - двигателя. И теперь он действительно должен найти его. У него мелькнула странная мысль насчет владельца этой машины. Из-за всего происшедшего, из-за этой секретности и угроз, а теперь - и этого, ему стало казаться, что его права на владения этой вещью все время укрепляются. И, лежа в постели, он уже не сомневался в том, что этот чудесный двигатель принадлежит тому, в чьих руках он находится.

Глава 4

Было 8 октября, за полночь. Пендрейк шел по хорошо освещенной улице района Ривердейл Нью-Йорка, склонив голову под сильными порывами восточного ветра. Он смотрел на таблички с номерами домов: 418, 420, 432.

Дом под номером 432 был третьим домом от угла, и Пендрейк прошел мимо него к фонарному столбу. Повернувшись спиной к ветру, он еще раз при хорошем освещении изучил свой драгоценный список - окончательная сверка. Сначала он намеревался проверить каждого из семидесяти трех американцев из этого списка в алфавитном порядке. Но потом подумал, что ученые из фирм типа «Вестингауз» или «Рокфеллер», имевшие небольшие частные лаборатории, в которых физики и профессора проводили индивидуальные исследования, являются наименее вероятными кандидатами. Первые - в виду невозможности сохранения секретности, последние - потому что для создания двигателя нужны большие средства. После этого осталось только двадцать три частных предпринимательства.

Даже эта задача была исключительно сложной для одного человека. Постоянное напряжение от возможного попадания в ловушку оставило отпечаток усталости на его лице, не лучшим образом сказывалось на его физическом состоянии, особенно на растущей правой руке. А это была всего лишь одиннадцатая попытка. Другие оказались настолько же безрезультатными, насколько и рискованными.

Пендрейк спрятал список и вздохнул. Задерживаться дольше смысла не было. Сейчас первым в его списке в алфавитном порядке значился институт Лэмбтона, чей ведущий физик, известный ученый доктор Макклинток Грейсон, жил в третьем доме от угла.

В тот момент, когда он протянул руку к парадной двери погруженного в темноту здания, он испытал первое разочарование - вопреки его смутным надеждам дверь оказалась запертой, и это означало, что все двери, сквозь которые он проходил ранее в своей жизни, иногда даже не обращая внимания, что они заперты, являлись свидетельством того, что уэльсский замок можно сломать почти бесшумно. Однако, намеренно пытаясь открыть дверь, ему казалось, что на этот раз все может стать по-другому, но он, отбросив все колебания, схватился за ручку. Замок с едва слышным звоном ломающегося металла, подвергнувшегося сильнейшему давлению, хрустнул.

В чернильной темноте холла Пендрейк простоял не-

сколько секунд, напрягая слух. Но, кроме стука собственного сердца, он не услышал никаких других звуков. Он осторожно направился вперед, освещая путь перед собой фонариком и просматривая таблички на дверях. Вскоре Пендрейк понял, что необходимо подняться на второй этаж и там продолжить поиски нужного кабинета. Перепрыгивая через четыре ступеньки, он поднялся по лестнице.

Коридор второго этажа был весьма широким. Пять дверей были закрыты, а две открыты. Первая открытая дверь вела в спальню, вторая - в огромную уютную комнату, обставленную шкафами с книгами. Войдя в нее на цыпочках, Пендрейк вздохнул с облегчением. В одном углу стоял письменный стол, небольшой шкафчик для бумаг, повсюду располагалось несколько напольных светильников. Быстро осмотрев комнату, он прикрыл за собой дверь и включил тройной торшер рядом с креслом у стола.

Он снова несколько секунд простоял, напряженно прислушиваясь. Откуда-то доносился звук размеренного дыхания. Но других звуков не было. После дневной работы обитель доктора Грейсона мирно отдыхала, как это и должно было быть, подумал Пендрейк, усаживаясь за стол и начиная читать бумаги.

В два часа ночи он понял, что нашел человека, которого искал. Доказательством являлась написанная наспех записка, затерявшаяся среди массы прочих бумаг, сваленных в одну кучу в одном ящике. Записка была следующего содержания:

«Сама по себе механика функционирования двигателя зависит от количества оборотов в минуту. При очень низких оборотах, т.е. от пятидесяти до ста, вектор давления будет направлен практически вертикально плоскости оси. Если вес был подобран правильно, то машина на этой стадии станет плавать в воздухе, но продвижение вперед будет практически нулевым».

Здесь Пендрейк остановился в замешательстве. В этой записке речь могла идти только о его двигателе. Но что все это значит? Он продолжил чтение:

«По мере увеличения количества оборотов в минуту, вектор давления начнет быстро смещаться к горизонтальной плоскости, пока, при достижении примерно пятисот оборотов, тяга не будет направлена по оси самолета, а все боковые и противодействующие моменты погасятся. Именно на этой стадии двигатель можно толкать вдоль стержня, но не наоборот. Напряжение поля так велико, что...»

Прочитав упоминание о стержне, Пендрейк уже не сомневался. Он слишком хорошо помнил на собственном горьком опыте, что стержень нельзя вытащить из двигателя.

Итак, волшебником атомного века оказался доктор Грейсон.

Совершенно неожиданно Пендрейк почувствовал слабость. Он откинулся на спинку кресла, когда непонятно почему закружилась голова. Он подумал: «Нужно встать и убираться отсюда. Теперь, когда я знаю, мне тем более нельзя попадаться».

Чувство торжества охватило Пендрейка, когда парадная дверь захлопнулась за ним. Он шел по улице, мысли разлетались, и от безудержного восторга, во власти которого он оказался, его шатало, как накачанного наркомана. Он позавтракал в какой-то забегаловке в миле от дома Грейсона, и лишь тогда по-настоящему осознал всю значимость того, что узнал: «Итак, доктор Грейсон, известный ученый, и есть тот человек, которых стоит за всем этим делом! Ну и что дальше?»

Выспавшись, он позвонил Хоскинсу по межгороду.

«Невозможно, - подумал он, дожидаясь соединения, - справиться со всем таким сложным делом в одиночку».

Случись что-либо с ним - и его открытие уйдет вместе с ним в Вечность и вряд ли когда-нибудь будет обнаружено снова. В конце концов, он оказался здесь, потому что присягал на верность своей Родине, и эта клятва для него не являлась пустым звуком.

Его мечтания оборвались, когда телефонистка произнесла:

- Мистер Хоскинс отказывается говорить с вами, сэр.

Похоже, что с самого рождения у него одни и те же проблемы. Когда во второй половине дня он сидел в библиотеке отеля, мысли его все время возвращались к одиночеству его положения, осознанию того факта, что ему одному придется и принимать и решать все решения касательно двигателя, на свой страх и риск. Какой же он идиот! Ему нужно выбросить из головы всю эту жалкую затею и вернуться в Кресцентвилль. До наступления зимы предстоит много чего сделать в поместье. Но он понимал, что такая жизнь не для него. Чем он будет заниматься в этом пустынном городишке в течение долгих зимних дней и еще более длинных ночей?

Двигатель отодвинул все на второй план. Точкой отсчета всего его интереса к жизни, его возрожденного духа стал момент обнаружения им этой похожей на пончик штуковины. «Без двигателя, или, вернее, - намеренно поправил он себя, - без поисков двигателя, я - потерянная душа, бродящая бесцельно в вечности, которой является мое *существование* на Земле».

Внезапно очнувшись от невеселых мыслей, не зная даже, сколько же времени он провел в таких раздумьях, он вдруг обнаружил в руках книгу и вспомнил, для чего пришел в библиотеку. Книга была экземпляром «Энциклопедии Хилларда», издание 1968 года. Из нее он узнал, что доктор Макклinton Грейсон родился в 1911 году, что у него одна дочь и два сына и что он внес значительный вклад в теорию расщепления атомного ядра. О Сайрусе Лэмбтоне в энциклопедии говорилось следующее:

«... промышленник и филантроп, основал в 1952 году институт Лэмбтона. В послевоенное время мистер Лэмбтон стал активным сторонником движения «Обратно к земле», специально созданный для этого Центр располагается...»

В конце концов однажды в теплый октябрьский вечер Пендрейк купил автомобиль. Его дни превратились в однообразную рутину. Слежка за Грейсоном, выходящего из своего дома утром, следование за ним, пока он не исчезал из виду в здании Лэмбтона, наблюдение по вечерам. Это казалось бесконечной бессмысленной игрой.

На семнадцатый день обычный размеренный распорядок жизни был наконец нарушен. В час дня Грейсон внезапно вышел из аэрогелевого пластика строения, в котором после войны обосновался Центр Лэмбтона.

Само это время было необычным. Но сразу же стали ясны отличия этого дня от остальных. Ученый прошел мимо своего серого седана, припаркованного рядом со зданием, и прошел с полквартила к стоянке такси, откуда направился к состоящему из двух больших башен зданию на Пятидесятой улице. На фасаде сверкала надпись:

«ПРОЕКТ ПОСЕЛЕНИЯ САЙРУСА ЛЭМБТОНА».

Пендрейк смотрел, как Грейсон отпустил такси и исчез за вращающимися дверями одной из башен. Озадаченный, но в легком возбуждении, Пендрейк медленно прошел к окну, в котором был выставлен большой освещенный плакат. На нем было написано:

«ПРОЕКТ ПОСЕЛЕНИЯ САЙРУСА ЛЭМБТОНА» ищет имеющие серьезные намерения молодые пары, которые готовы обосноваться и упорным трудом зарабатывать себе на жизнь в плодородном регионе с прекрасным климатом. Предпочтение отдается бывшим фермерам, сыновьям фермеров и их женам - дочерям фермеров. Нам не нужны те, кто не сможет отвыкнуть от городской жизни или у кого есть родственники, требующие присмотра. Вам предоставляется реальная возможность принять участие в грандиозном частном проекте.

На сегодняшний день нам необходимы еще три пары для участия в последнем распределении наделов, которые отправятся на место в сопровождении доктора Макклинтона Грейсона. Прием ведется до 11 вечера.

СПЕШИТЕ!»

Плакат, похоже, не имел никакой связи с двигателем на склоне холма, однако наводил на мысль, которая никак не желала уходить и на самом деле была результатом побуждения, давившего на него в те ужасные дни, теперь далекие. Целый час он пытался подавить этот порыв, но понял, что это не в его силах, и, понуждаемый им, заставил свое несопротивляющееся тело направиться к ближайшей телефонной будке. Через минуту он набирал номер компании «Энциклопедия Хилларда».

Последовало несколько минут ожидания, пока Элеонору звали к телефону. Тысячи мыслей возникло в его голове и дважды он едва не вешал трубку, пока наконец не услышал:

- Джим, что случилось?

Тревога, прозвучавшая в ее голосе, казалась ему самым сладким звуком, который он когда-либо слышал. Пендрейк взял себя в руки и начал объяснять, чего он хочет:

- Раздобудь где-нибудь старое пальто, надень дешевое платье из бумажной ткани или еще что-нибудь такое, а я куплю что-нибудь потасканное. Я хочу узнать, что же скрывается за ширмой этого поселенческого проекта. Мы можем отправиться туда сегодня вечером перед наступлением темноты. Простое наведение справок - не думаю, что риск будет каким-то большим.

Его настолько захватило ожидание томительного момента, когда он снова увидит ее, что тревожная мысль о возможной опасности не поднималась на поверхность сознания до тех пор, пока ее фигура не появилась в поле его зрения на улице. Она прошла бы мимо него, если бы он не шагнул вперед и не крикнул:

- Элеонора!

Она тут же остановилась. Глядя на нее, ему только сейчас пришло в голову, что та девчушка, на которой он женился шесть лет назад, вдруг выросла. Она еще оставалась вполне стройной, чтобы удовлетворять любым стандартам женской красоты, но уже в ее фигуре появились и очертания зрелости. Она сказала:

- Я забыла о твоей маске и искусственной руке. Ты сейчас выглядишь почти как...

Пендрейк натянуто улыбнулся. Она не знала и половины всей правды. Сейчас его новая рука уже почти выросла до локтя, и кисть с пальцами были вполне различимы. Она плотно сидела в полости искусственной руки, сообщая его движениям направленность и силу.

Пребывая в приподнятом настроении, Пендрейк пошутил:

- Почти человек, да?

И в ту же секунду понял, что сморозил глупость. Кровь отхлынула от ее щек, потом медленно начала возвращаться. Она вымученно улыбнулась.

- Меня на самом деле совершенно не беспокоит, что у тебя всего одна рука. Наша проблема была не в этом, хотя ты предпочитал делать вид, что это именно так.

Он забыл, но теперь в его памяти всплыло, что, невыносимо страдая из-за того, что она уходит от него, он в гневе обвинил ее, что она бросает его из-за физического недостатка... это была лишь фраза, ничего не значащая на самом деле, однако, очевидно, она причинила ей боль.

Элеонора отвернулась от него и посмотрела на здание напротив. На лице ее появилась благодущная улыбка.

- Аэрогельные башни, - вслух подумала она, - высотой сто пятьдесят футов, одна - полностью матовая, без окон и дверей... интересно, что бы это значило... а вторая... Итак, нас зовут мистер и миссис Лестер Гранстон, мы из Виноры, штат Айдахо, и мы собирались сегодня вечером уехать из Нью-Йорка, когда увидели их плакат. Нам все нравится в их затее.

Она начала переходить улицу. И Пендрейк, отстав на шаг от нее, переступил вслед за ней через порог, внезапно поняв, что только из-за одного желания увидеть ее он и позвонил ей и втянул в эту историю.

- Элеонора, - произнес он с напряжением в голосе, - мы не пойдем сюда.

Но он должен был знать, что теперь было уже поздно идти на попятную. Она продолжала идти вперед, не обратив никакого внимания на его слова. Он неохотно последовал за ней к большому пластиковому столу в центре помещения, за которым сидела девушка. Он уселся и лишь тогда заметил светящуюся табличку у края стола:

«МИСС ГРЕЙСОН».

«Мисс Грейсон!» Пендрейк крутанулся на стуле, но потом, охваченный огромным беспокойством, замер. Дочь доктора Грейсона! Итак, и члены семьи ученого замешаны в этом деле. Возможно даже, что двое из тех мужчин, которые отняли у него самолет, были его сыновьями. И, возможно, у Лэмбтона тоже есть сыновья. Он не мог припомнить, что было написано в энциклопедии о детях Лэмбтона.

Напряженно думая, он вполуха прислушивался к разговору между Элеонорой и дочерью Грейсона. Но когда Элеонора встала, он вспомнил, что речь шла о психологическом тесте в задней комнате. Пендрейк наблюдал за тем, как Элеонора пошла к двери, которая вела во вторую башню, и его обрадовало, когда через три минуты мисс Грейсон произнесла:

- А теперь, пожалуйста, и вы, мистер Гранстон.

За дверью находился узкий коридор, в конце которого была еще одна дверь. Когда его пальцы коснулись ручки второй двери, на него упала сверху сеть, которая тут же стянулась.

Одновременно справа от него в стене открылась щель. Сквозь нее протянулась вперед рука доктора Грейсона со шприцем, игла вонзилась в левую руку Пендрейка чуть выше локтя, а потом доктор крикнул кому-то:

- Это последний, Петер. Мы можем отправляться, когда стемнеет.

- Одну секунду, доктор. Нужно проверить эту пару. С правой рукой у этого парня что-то не так. Взгляните на этот снимок.

Щель клацнула и закрылась.

Пендрейк отчаянно пытался освободиться. Но тут он почувствовал, что его охватывает сон, и сеть крепко держала его, как бы он ни извивался.

А через мгновение все погрузилось в темноту.

Глава 5

- За два года, что вы здесь работаете, - сказал Найперс, - дела фирмы идут в гору.

Пендрейк рассмеялся.

- Опять твои шуточки, Найперс? Что ты имеешь в виду, говоря о двух годах. По мне так, я здесь уже столько, что успел состариться.

Найперс кивнул узколобой и мудрой головой.

- Я знаю, каково это, сэр. Постепенно все остальное становится смутным и нереальным. Возникает чувство, что кто-то другой прожил ту, прошлую жизнь. - Он повернулся. - Ладно, я оставляю вам для подписания контракт с «Уинтропом».

Пендрейк наконец отвел взгляд в сторону от гладкой поверхности дубовой двери, за которой исчез старый

клерк. Он покачал головой, сначала удивленно, потом с досадой на себя. Однако, сядя за стол, он усмехнулся.

«Что-то старый мистер Найперс расчувствовался сегодня утром. *За два года, что вы здесь работаете...* Посчитаем, сколько лет я являюсь управляющим компании «Несбитт»? Посыльным стал в шестнадцать лет - это было в 1956 году, младшим клерком - в девятнадцать, потом старшим клерком и наконец управляющим. Когда в 1965 году началась война с Китаем и мне был предоставлен бессрочный отпуск. Вернулся я в 1968 году и с тех пор работал на этой должности не покладая рук. Время мчалось, словно подгоняемое устойчивым северным ветром.

Сейчас 1975 год. Гм-м! Шестнадцать лет работы в фирме, не считая войну - и из них семь в качестве управляющего. Откуда следует, что в этом году мне исполнится тридцать пять».

Пендрейк помрачнел, внезапно почувствовав раздражение. Что заставило Найперса сказать эти слова: *За два года, что вы здесь работаете...* Эти слова как бы что-то замкнули в его сознании, и он полуавтоматически нажал кнопку на своем столе.

Открылась дверь, и вошла белолицая сухопарая женщина лет тридцати пяти.

- Вы звонили, мистер Пендрейк?

Тот сразу не ответил, колеблясь, он начал чувствовать себя дураком, слегка удивляясь своей вспышке гнева.

- Мисс Пирсон, - сказал наконец он, - сколько лет вы работаете в компании «Несбитт»?

Женщина пристально посмотрела на него, и слишком поздно Пендрейк вспомнил, что в эти дни агрессивной женской эмансипации работодатели не задают служащим-женщинам вопросов, которые могут рассматриваться как не относящиеся к делу.

Через несколько секунд глаза мисс Пирсон утратили суровость, погас враждебный огонек, и Пендрейк задышал спокойнее.

- Пять лет, - резко бросила она.

- Кто нанял вас на работу? - заставил себя задать этот вопрос Пендрейк.

Мисс Пирсон пожала плечами, видимо, этот вопрос вызвал в ней какие-то ассоциации. Однако голос ее прозвучал как обычно ровно:

- Ну, разумеется, мистер Летстоун, он тогда был управляющим.

- Да, - согласился Пендрейк.

Он едва не заметил, что уже пять лет, как он главный управляющий, но вовремя сдержался, главным образом потому, что мысли, которые вызвали эти слова, были совершенно неопределенными. В его мозгу образовалась пустота, но он оставался относительно спокойным. Наконец появилась мысль, логическая и четкая. Он произнес спокойным тоном ее вслух:

- Пожалуйста, принесите мне личные дела персонала за 1973 год.

Она принесла книгу и положила ее на стол. Когда она ушла, Пендрейк открыл толстый том на разделе: «ЖАЛОВАНИЕ за декабрь месяц» и нашел запись: *Джеймс Пендрейк, главный управляющий, 3250 долларов.*

В ноябре - та же история. В нетерпении он пролистал книгу сразу на январь. И прочитал:

Ангус Летстоун, главный управляющий, 2200 долларов.

Два года! *За два года, что вы здесь работаете...*

Нечитанный контракт с «Уинтроп» лежал на дубовом столе. Пендрейк встал и прошел к огромному окну из витринного стекла, украшавшему угол его кабинета. Он подумал о том, что привык считать себя одним из тех счастливицков, которые своим упорным трудом добивались руководящих постов в компаниях и занимали соответствующее положение в низших ступенях иерархической лестницы класса с высокими доходами.

Пендрейк угрюмо покачал головой. Не было этих годов упорного труда. И поэтому оставался вопрос: каким

образом он получил отличную работу с высокой заработной платой в фирме с такой великолепно отлаженной организацией, где ему приходится иметь дело с богатыми клиентами? Жизнь текла без забот, милая и приятная, как глоток чистой холодной воды, одним словом - идиллия, просто-таки образец счастливого существования.

И вот на тебе...

Как человеку узнать, чем он занимался в предшествующие тридцать один год своей жизни? Но кое-что, самое простое, Пендрейк может проверить перед тем, как приступить к действиям. Приняв внезапно решение, он вернулся к своему столу, взял диктофон и начал:

- Министерство обороны, архивный отдел, Вашингтон, округ Колумбия. Убедительно прошу вас, пожалуйста, как можно скорее вышлите мне копию моего послужного списка во время войны с Китаем. Я проходил службу в...

Он затем подробно перечислил все подробности своей жизни, постепенно набираясь уверенности. Все главные факты отлично сохранились в его памяти. Настоящая армейская жизнь, сражения - они казались чем-то далеким, неясным. Но он точно помнил, что было путешествие в Канаду с Анреллой, которое они совершили прошлым летом. Сейчас это было, не более чем смутным воспоминанием, и лишь отдельные проблески подтверждали, что все это действительно происходило с ним.

Вся его жизнь оказалась процессом забывания своего прошлого.

Второе письмо он направил в службу регистрации актов гражданского состояния в родном штате.

- Я родился, - диктовал он, - в городе Кресцентвилль первого июня тысяча девятьсот сорокового года. Пожалуйста, переправьте мне как можно скорее мое свидетельство о рождении.

Он позвонил мисс Пирсон и передал ей записанные сообщения.

- Проверьте правильность этих адресов, - коротко проинструктировал он ее. - Я полагаю, там должны быть незначительные изменения. Выясните, какие именно, вложите формы запроса на оплату услуг и отправьте оба письма авиапочтой.

Он был доволен собой. Не стоит зря волноваться обо всем этом. В конце концов, он-то здесь, работает, крепко сидит на своем месте, и думать он не разучился. Нет причин для беспокойства, и уж тем более лишним было бы позволить другим заметить, что он попал в непростое положение. В свое время эти письма дойдут до адресата, и уж тогда можно будет подумать о дальнейших действиях...

Пендрейк взял контракт с «Уинтропом» и начал читать его.

Через двадцать минут он в шоке осознал, что большую часть этого времени он провел, пытаясь вспомнить, что же он делал с сентября 1973 года. Ведь именно в этом месяце американцы высадились на Луну, через три года после русских. Пендрейк вспомнил заголовки в газетах. Он не сомневался. Он *действительно* видел их. Он может рассматривать сентябрь, свой первый месяц работы в компании «Несбитт», если верить записям в разделе «Жалованье», как последующую часть своего предыдущего существования.

А как насчет августа? В августе начались международные дразги, которые почти что разрушили единство мощного союза женских организаций. И какие же тогда были заголовки в газетах? Пендрейк напряг свою память, но так ничего и не смог вспомнить. Он подумал: «А как насчет первого сентября? Если между августом и сентябрем проходит линия раздела, тогда, возможно, первый день сентября приобретет особое значение?» Как раз в то время, как смутно припомнилось ему, он болел.

У него в памяти совершенно не отложился тот первый день сентября. Предположим, он позавтракал. Предположим, он, получив один из долгих прощальных поцелуев Анреллы, отправился в офис. Его мысль замерла на

половине, словно птица, подстреленная на лету. «Анрелла! - мысленно воскликнул он. - Она должна быть там и 30 августа, и 29, и в июле, июне, мае, апреле, и так далее, так далее, так далее...»

Но ничто, ни один факт не всплывал в его памяти, который подтверждал бы то, что они женаты много лет, как, впрочем, и все ее поведение в сентябре.

Откуда следовало, что... *Анрелла знает!*

Эта догадка обладала эмоциональными ограничениями. Его мечущийся в любопытстве мозг в момент осознания этой мысли попался в сети более рассудительной логики и немного успокоился. «Итак, Анрелла знает. Ладно, она и должна знать». Он, очевидно, здесь уже много лет. И случившееся изменение произошло в мозгу у него, а не у нее.

Пендрейк посмотрел на настенные часы: без пятнадцати двенадцать. Уже пора ехать домой на обед. Обычно он обедал в городе, но он хотел срочно получить нужную ему информацию.

Когда он направился к лифту, в коридоре стояло несколько привлекательных женщин. Они столь внимательно разглядывали его, что, почувствовав этот взгляд, Пендрейк отвлекся от своих сумбурных мыслей, повернул голову и посмотрел на них.

Одна из женщин говорила что-то в небольшое блестящее на ее запястье устройство. Пендрейк с интересом подумал: «Чудо техники - вмонтированное в браслет радио».

Потом он оказался в лифте и на время спуска забыл об этом незначительном факте. Когда он вышел из лифта, то заметил, что в вестибюле и перед входом тоже стоят женщины. К обочине дороги припарковано с полдюжины автомобилей, и за рулем каждой из них сидит женщина-водитель. Через несколько минут улицы заполнятся торопящимися на обед толпами, но сейчас, кроме этих женщин, почти никого и не было.

- Мистер Пендрейк?

Тот повернулся. К нему обратилась одна из молодых женщин, что стояли прямо перед входом - стройная, по-спортивному подтянутая, но со странно напряженным выражением лица.

Пендрейк внимательно посмотрел на нее.

- Да? - спросил он.

- Вас зовут Джеймс Пендрейк?

Этот вопрос вывел его из полузабытья.

- Ну да, я... Что...

- Все в порядке, девочки, - произнесла молодая женщина.

Пораженный Пендрейк увидел сверкающие на солнце пистолеты. Он не успел и глазом моргнуть, как его схватили за руки и подтолкнули к ближайшему лимузину. Он мог бы попытаться оказать сопротивление, но не стал - он не ощущал настоящей опасности. Его мозг был просто парализован, не в силах оценить происходящее. И прежде, чем способность здраво мыслить снова вернулась к Пендрейку, он оказался в машине, которая тут же тронулась с места.

- Эй, послушайте! - начал было он, но его прервала та же женщина, что обратилась вначале к нему:

- Пожалуйста, мистер Пендрейк, не задавайте вопросов. - Она сидела справа от него. - Вам не будет причинено никакого вреда - если только вы будете себя вести как послушный мальчик.

Словно желая проиллюстрировать эту угрозу, две женщины, сидящие лицом к Пендрейку на маленьких откидных сиденьях в центре лимузина, многозначительно помахали сверкающими пистолетами.

Через минуту все оставалось по-прежнему... «Значит, это не сон».

- Куда вы меня везете? - спросил Пендрейк.

- Пожалуйста, не задавайте вопросов!

В этом приказе прозвучало нетерпение, с каким отвечают на глупый вопрос ребенку. Угрюмый и разгневанный, Пендрейк откинулся на спинку сиденья и враждеб-

ным взором окинул женщин, захвативших его. Типичные «новые» женщины - в миниюбках. Тем, что держали оружие, было уже далеко за сорок, хотя они сохранили стройную фигуру. Их глаза горели специфическим блеском, свойственным женщинам, прошедшим курс «Уравнителя», *делающего тебя равной мужчине*, он был основан на использовании наркотических средств. Такой же блеск сиял и в глазах их более молодой предводительницы и девушки, сидевшей слева от Пендрейка.

Все они выглядели уверенными в собственных силах.

В этот миг автомобиль свернул за угол на длинную наклонную эстакаду. У Пендрейка было время узнать въезд в гараж отеля-небоскреба «Маккэндлес», а в следующую секунду они оказались внутри и направились к видневшейся вдалеке двери.

Автомобиль остановился рядом с ней. Пендрейк молча подчинился, когда ему махнули пистолетом выходить из машины. По пустынному коридору его провели к грузовому лифту. Лифт остановился на третьем этаже. Окруженный тремя охранницами, Пендрейк прошел по сверкающему коридору к какой-то двери.

Переступив порог, он оказался в огромной комнате, великолепно и со вкусом обставленной. В дальнем конце, спиной к огромному окну, на зеленом кресле развалился седовласый мужчина приятной наружности. Справа от него за столом сидела молодая женщина. Пендрейк едва удостоил взгляда последнюю. С широко раскрытыми глазами он наблюдал за тем, как молодая предводительница его охраны приблизилась к седовласому мужчине и сказала:

- Как вы того и хотели, президент Дейлс, мы доставили к вам мистера Джеймса Пендрейка.

Именно эти слова, столь вежливо произнесенные, помогли ему поверить в то, что он не ошибся: невероятно, но он видел человека, чье лицо он привык видеть в газетах - перед ним сидел сам Джефферсон Дейлс, президент Соединенных Штатов.

Глава 6

Гнев схлынул, и Пендрейк внимательно посмотрел на великого человека. Он заметил, что сопровождавшие его женщины, покинули комнату. И этот факт еще более подчеркнул странность этой встречи, на которую он попал не по своей воле.

Президент тоже пристально рассматривал его. Пендрейк заметил, что, если не считать его серых глаз, сверкавших как перламутрового цвета жемчужины, президент Дейлс выглядел на свои пятьдесят девять лет. В подретушированных газетных фотографиях у него было более молодое лицо, менее морщинистое, но сейчас, вблизи, было ясно видно, что напряжение второй избирательной кампании не прошло бесследно для него и стоила ему некоторого количества жизненных сил.

Тем не менее, президент производил впечатление сильного, умеющего повелевать, красивого человека, уверенного в себе. Голос его, когда он говорил, звучал с резонирующей мощью, что было одним из определяющих факторов его успеха. Он спросил с едва заметной ироничной усмешкой:

- Что вы скажете о моих амазонках?

Его гомерический смех прокатился по комнате. Очевидно, он не ожидал ответа: внезапно его веселье кончилось, и он продолжил:

- Очень любопытное явление эти женщины. И, мне кажется, типично американское. Подвергнувшись воздействию наркотика, эти женщины уже не способны вернуться к прежнему состоянию. Я считаю, что то, что несколько тысяч американских девушек отважились пройти этот курс, является доказательством, что страсть к приключениям до сих пор в крови у нашего народа. К сожалению, в конце концов они оказались в тупике,

без надежды на будущее. Необработанные женщины невзлюбили их, а мужчины считают их «ненормальными». Их существование, возможно, способствовало усилению активности движения женских организаций во время проведения президентской кампании. Но как отдельные личности эти амазонки обнаружили, что лишь несколько работодателей могут нанять их, и ни один из мужчин не рискнет жениться на них.

В отчаянии их руководители обратились ко мне, и прежде, чем ситуация стала критической, я организовал ненавязчивую кампанию в прессе, после которой нанял их для целей, у которых есть совершенно легальное прикрытие. В общем, эти женщины знают, кто их благодетель и рассматривают себя как личных моих агентов.

Джефферсон Дейлс замолк на несколько секунд, потом продолжил вежливым тоном:

- Я надеюсь, мистер Пендрейк, это в некоторой степени объясняет тот странный способ, с помощью которого вы были доставлены сюда. Мисс Кей Вайтвуд, - он показал на молодую женщину, сидящую за столом, - их интеллектуальный лидер.

Пендрейк не позволил своему взгляду проследовать за указующей рукой. Он стоял, как вкопанный, в голове зияла пустота. Он выслушал историю амазонок с поразительным чувством нереальности происходящего: сама эта история не объясняла ничего! Главным было не то, как его доставили сюда, а почему.

Он видел, что красивые глаза весело улыбаются ему. Джефферсон Дейлс спокойно продолжал:

- Существует вероятность, что вы пожелаете сообщить властям или репортерам о том, что случилось с вами. Кей, покажите мистеру Пендрейку сообщение, заготовленное нами заранее для такого случая.

Молодая женщина поднялась и, обойдя стол, подошла к Пендрейку. Сейчас она казалась старше. У нее были голубые глаза и суровое привлекательное лицо. Она вручила Пендрейку лист бумаги, на котором было отпечатано:

«Большой Город, июль 1975. Неприятным происшествием была омрачена автомобильная поездка президента Джефферсона Дейлса по Среднему Городу. Благодаря умелым действиям охраны президента была предотвращена попытка врезаться на электромобиле, за рулем которого сидел один молодой человек, в президентский лимузин. Молодой человек был арестован и позже приведен в президентский номер отеля для дачи показаний. Его объяснения были признаны удовлетворительными. Ввиду этого по просьбе президента Дейлса против него не было выдвинуто никаких обвинений, и молодого человека отпустили».

Через секунду Пендрейк позволил себе короткий смешок. Эта сфабрикованная заметка подводила черту под сказанным. Начинать газетную дуэль с Джефферсоном Дейлсом было столь же разумно, как... ну, например, выехать верхом на лошаде на главную магистраль, стреляя из револьвера. Он представил мысленно кричащие заголовки:

**«НЕИЗВЕСТНЫЙ БЕЗНЕСМЕН
ОБВИНЯЕТ ДЖЕФФЕРСОНА ДЕЙЛСА.
ПОПЫТКА СМЕШАТЬ ПРЕЗИДЕНТА С ГРЯЗЬЮ».**

Пендрейк снова засмеялся, в этот раз с большей иронией. Почти все сомнения уже отпали. Какова бы ни были причина, по которой президент похитил его... Здесь его мысль замерла. *Какова бы ни была причина!* А какой она могла быть? В замешательстве он замотал головой. У него не осталось сил себя сдерживать. Его взгляд остановился на серых полувеселых глазах президента.

- На все это, - удивленно заметил Пендрейк, - вы затратили столько усилий, припаслись на всякий случай заготовленной заранее газетной уткой - ради чего?

Когда их взгляды встретились, ему показалось, что теперь разговор свернет в деловое русло.

Пожилой человек прокашлялся и спросил:

- Мистер Пендрейк, вы можете назвать самые основные изобретения после окончания второй мировой войны?

Он замолчал. Пендрейк ждал продолжения его слов, однако пауза затягивалась, президент с прежним терпением разглядывал его. Пендрейк был поражен. Очевидно, этот вопрос был задан искренне, он не был риторическим. Пожав плечами, он ответил:

- Ну, таких изобретений было немного. Я не сильно интересовался такими вещами, но я бы назвал ракету, достигшую Луны, изобретение вакуумных трубок и... - Он вдруг умолк. - Что все это значит? Что...

Его вопрос прервал твердый голос:

- Их было крайне мало, как вы правильно заметили. Это утверждение, мистер Пендрейк, наиболее трагичным образом отражает картину современного мира. Да, их действительно было немного. Вы вот упомянули ракеты. Но все дело в том, что мы не позволили миру узнать, что ракеты, за исключением некоторых доработок, были созданы еще во время второй мировой войны, и на преодоление уже менее значительных проблем ушло тридцать следующих лет.

Президент подался вперед, как бы придавая дополнительный вес своим словам, но потом со вздохом откинулся на спинку кресла.

- Мистер Пендрейк, кое-кто утверждает, что причина подобного невероятного умственного застоя человечества связана с тем миром, который достался нам после второй мировой войны. Мне кажется, частично они правы в своих обвинениях. Неблагоприятная моральная атмосфера утомляет мозг, неопишущим образом иссушает его - мозг как бы расходует свой потенциал на борьбу с интеллектуальной средой.

Он замолчал, нахмутив брови, словно подыскивая более понятное объяснение. Пендрейк успел подумать удивленно: «Почему *он* мне все это столь подробно рассказывает?»

Потом президент посмотрел на Пендрейка. Похоже, он даже не заметил, что несколько секунд молчал.

- Но причина не только в этом. Вы упомянули также вакуумные трубки. Вакуумные трубки! - повторил он странно беспомощным голосом. Затем вымученно улыбнулся. - Мистер Пендрейк, я ко всему прочему еще и магистр естественных наук, и поэтому мне известно, перед какой громадной проблемой стоит современная технология: один человек просто не в состоянии усвоить знания, накопленные человечеством даже одной отдельной наукой.

Однако вернемся к вакуумным трубкам. Мало кому известно, что в течение нескольких лет ряд известных лабораторий принимали слабые радиосигналы, которые, как полагают, направлены с Венеры. Шесть месяцев назад я решил узнать, почему никакого прогресса в вопросе усиления этих сигналов не было достигнуто. Я встретился с тремя самыми известными учеными в этой области электроники, чтобы они объяснили мне, в чем причина неудач.

Один из этих ученых занимается разработкой трубок, другой - схем, третий пытается создать результирующий прибор, опираясь на работу двух других. Все проблема в том, что на изучение, к примеру, трубок понадобится целая жизнь, и разработчик трубок имеет смутное представление о схемах, потому что на то, чтобы стать специалистом в области схем, тоже понадобится целая жизнь. Ученый, занимающийся разработкой схем, может пользоваться только теми трубками, которые уже существуют и которые он может достать: у него есть лишь теоретические представления о трубках, и он не в состоянии определить или даже представить себе, какими параметрами должна обладать трубка, чтобы он с ее помощью мог решать свои задачи. В сумме все трое обладают достаточными знаниями, чтобы создать новый и удивительно мощный радиоприбор, однако на практике они не могут

соединить свои знания, и неудачи следуют одна за другой. Они...

Наверное, он заметил, какое выражение появилось на лице Пендрейка. Президент замолчал и со слабой улыбкой спросил:

- Вы успеваете следить за моей мыслью, мистер Пендрейк?

Тот кивнул прежде, чем на лице собеседника появилась ироническая усмешка. Этот долгий монолог дал Пендрейку возможность собраться с мыслями. Он сказал:

- Вот как я это все себе представляю: второстепенного бизнесмена хватают на улице и доставляют к президенту Соединенных Штатов. Тот без предисловий начинает рассказывать ему лекцию по радио и электронным трубкам. Сэр, в этом нет никакого смысла. Что вам нужно от меня?

Президент ответил, растягивая слова:

- Прежде всего, мне хотелось взглянуть на вас. Вторых... - Джефферсон Дейлс сделал паузу, потом продолжил: - Какая у вас группа крови, мистер Пендрейк?

- А что такого... - До Пендрейка дошел смысл вопроса, и он внимательно посмотрел на собеседника. - Моя что?..

- Я хочу, чтобы вам сделали анализ крови, - сказал президент и повернулся к девушке. - Кей, пожалуйста, возьми у него кровь. Я не сомневаюсь, мистер Пендрейк не будет сильно возражать против этого.

Пендрейк не возражал. Его взяли за руку. Вызвав слабую боль, в подушечку большого пальца вонзилась игла. Он с любопытством наблюдал, как красная кровь потекла вверх по узкой трубочке.

- Вот и все, - сказал президент. - До свидания, мистер Пендрейк. Было очень приятно с вами познакомиться. Кей, пожалуйста, вызови Мейбел, пусть она проводит мистера Пендрейка в его офис.

По всей видимости, имя Мейбел носила предводительница амазонок - именно она вошла в комнату вслед

за женщинами с пистолетами. Через минуту Пендрейк шел по коридору к лифту.

После ухода Пендрейка великий человек продолжал сидеть в кресле с застывшей на лице улыбкой. Он бросил на женщину один короткий взгляд, но та уткнулась в свои бумаги. Джефферсон Дейлс медленно повернулся и уставился в экран, который располагался в углу рядом с окном. Потом он спокойно сказал:

- Все в порядке, мистер Найперс, можете входить.

Найперс, наверное, ждал этих слов. Еще не успел президент закончить фразу, как он появился и быстро прошел к стулу, на который указал глава Соединенных Штатов. Джефферсон Дейлс подождал, пока пальцы старика не лягут на украшенные орнаментом металлические ручки кресла, после чего тихо сказал:

- Мистер Найперс, вы клянетесь, что все, что вы сообщили нам, правда?

- Я отвечаю за каждое слово, - энергично ответил старик. - Я сообщил вам историю нашей группы, не называя имен или мест. Мы зашли в тупик, и, возможно, вскоре нам понадобится помощь правительства, но пока мы не просим ее, и я предупреждаю вас: любая попытка провести расследование нашей деятельности приведет к тому, что мы откажемся предоставить вам полученные нами знания. Я хочу, чтобы вы это четко уяснили себе.

Последовала пауза. Наконец Кей обрывисто бросила:

- Не угрожайте президенту Соединенных Штатов, мистер Найперс.

Тот лишь пожал плечами и продолжил:

- Чуть больше двух лет назад мистер Пендрейк случайно подвергся воздействию радиации необычного типа. Мы были не в состоянии предотвратить облучение. Он нашел потерянную нами вещь, после чего вместо того, чтобы спокойно пользоваться находкой, он выследил нас. Вот так мы и узнали, что он - как и кое-кто из нас —

приобрел тотипотентность. В период обостренного состояния, которое наступает при прогрессировании перерождения, человек с подобными изменившимися клетками теряет память, и поэтому мы, используя гипноз во время сна, создали в мозгу Пендрейка воспоминания, которые требовались для наших целей. Обладая тотипотентностью, он помолодел, и, если его кровь специальным образом перелить другому человеку с той же группой крови, то тот тоже помолодеет.

- Но не может ли быть так, что и реципиент потеряет память? - быстро задала вопрос Кей.

- Никоим образом! - ответил Найперс.

- Сколько еще, - после паузы спросил президент Дейлс, - мистер Пендрейк будет оставаться в этом состоянии тотипотентности?

- Он находится в нем непрерывно, - последовал ответ, - но это состояние имеет латентную форму, пока какое-либо напряжение в теле не вызовет его активацию. Мы обнаружили, что подобное напряжение может быть вызвано при впрыскивании определенных препаратов, хотя понадобится несколько месяцев, чтобы клетки тела стали абсолютно тотипотентными.

- И эти инъекции были сделаны мистеру Пендрейку? - спросил президент.

- Да - его врачом. Пендрейку было сказано, что ему ввели витамины. С помощью гипноза мы привили ему интерес к подобного рода вещам, но вообще-то он и так необычайно здоровый и активный человек. Вашим де-вущкам повезло, что он не стал сопротивляться.

- Их сила не уступает мужской! - воскликнула Кей.

- Но она никогда не сравняется с той, какой обладает Джим Пендрейк, - возразил Найперс. Казалось, он хотел добавить что-то еще по этому поводу, однако потом передумал и произнес: - Состояние абсолютной тотипотентности он достигнет примерно к концу лета или началу осени, и тогда вам передадут кровь для переливания. - Он обратился к Джефферсону Дейлсу: - У нас есть

список общественных деятелей с различными группами крови, и, когда в нем появились вы - эти данные никогда не было легким делом получить - мы с огромным удовлетворением обнаружили, что у нас есть один человек с нужной группой крови - то есть четвертой, если следовать классификации Дженски. Это дало нам основание обратиться к вам, предполагая ваше содействие нам и в то же время рассчитывая не оказаться полностью в вашей власти.

Кей колко спросила:

- А что же мешает нам схватить мистера Пендрейка и продержать его у себя до осени?

- Чтобы все прошло должным образом, - твердым голосом произнес Найперс, - нужна специальная технология переливания, которой обладаем мы и которой у вас нет. Я надеюсь, это объясняет все.

Джеффэрсон Дейлс не ответил. Ему хотелось прикрыть веки, чтобы яркий свет не бил в глаза. Но этот ослепительный свет был в его мозгу, и у него возникло убеждение, что, если он не будет осторожен, этот свет сожжет все клетки его мозга. Наконец ему удалось повернуться к Кей. С облегчением он увидел, что она отвела взгляд от детектора лжи, стоявшего на ее столе. Детектор был связан с украшенными орнаментом ручками кресла, на котором сидел Найперс. Когда он посмотрел на женщину, Кей слегка кивнула ему.

Яркий свет внезапно превратился в белое пламя, и президенту пришлось прилагать большие усилия, чтобы сидеть на месте и пригасить ту невыразимую радость, что бурлила сейчас в нем. Ему хотелось броситься к столу Кей и, сверяясь с показаниями детектора лжи, заставить Найперса повторить все, что он говорил. Но ему удалось справиться с этим желанием. Неожиданно он понял, что старик снова заговорил.

- У вас имеются какие-нибудь еще вопросы, на которые я мог бы ответить, прежде чем мы расстанемся? - спросил Найперс.

- Да, - ответила Кей. - Мистер Найперс, вы представляете собой далеко не лучший образчик тотипотентной молодости. Как вы это объясните?

Старик окинул ее сверкающими глазами - самой живой частью его тела.

- Мадам, я уже дважды проходил омоложение, и, признаюсь честно, я сам не знаю, в чем дело. Может быть, мне еще раз повторить омоложение? Мир наш столь печален, а люди в нем - столь глупы, что я никак не решусь продлить свою жизнь в этой примитивной эре. - Он слабо улыбнулся. - Мой врач говорит мне, что у меня отличное здоровье, так что я еще могу передумать.

Повернувшись, он прошел к двери, где остановился и обернулся к ним с вопросительным взглядом. Кей спростила:

- Касательно этой тотипотентной фазы Пендрейка... что он будет представлять собой, когда войдет в нее?

- Это его проблема, не ваша, - последовал холодный ответ. - Но, - Найперс сверкнул рядом белых зубов, - я бы не был здесь, если бы это было опасно.

С этими словами он вышел из комнаты.

После его ухода Кей взволнованно заговорила:

- Его заверения не стоят ничего. Все самое важное он нам не сообщил. Какую же игру они ведут? - Ее глаза сузились, когда она размышляла про себя. Несколько раз, казалось, что она хочет обратиться с чем-то к своему шефу, однако всякий раз она лишь крепче сжимала губы.

Джефферсон Дейлс следил за игрой эмоций на выразительном лице молодой женщины, на короткое время обратив все внимание к этой довольно любопытной женщине, переживавшей все с поразительной остротой. Наконец он, встряхнув головой, сильным ровным голосом произнес:

- Кей, это не имеет никакого значения. Неужели ты не понимаешь этого? Их игра, как ты это назвала, не значит

ничего. Никто - ни отдельная личность, ни группа людей — не способен противостоять армии, флоту и ВВС Соединенных Штатов. - Он глубоко вдохнул, потом медленно выдохнул: - Неужели, Кей, ты еще не поняла, что мы - повелители этого мира?

Глава 7

Пендрейк сидел в ресторане и обедал. Однако его мысли были заняты не едой, а двумя событиями, происшедшими с ним этим утром. И каждое из них имело большую важность. На несколько секунд внимание его сосредотачивалось на одном, но потом Пендрейк начинал думать о втором. Постепенно он начал терять интерес к эпизоду с президентом Джефферсоном Дейлсом - он ничего не значил, подобно несчастному случаю, который может приключиться с человеком при переходе улицы, - такое происшествие не имеет никакой связи с течением его жизни, и человек быстро забывает о нем, когда проходит шок и боль.

Но вот со второй проблемой - что же случилось с ним два года назад - дело обстояло совсем по-другому. Она непосредственно затрагивала его разум и тело, от нее нельзя было отбросить в сторону, сказав себе, что кое-кто, должно быть, сошел с ума. Пендрейк бросил взгляд на наручные часы. Они показывали без десяти час. Отодвинув от себя десерт, он поднялся и решил немедленно отправиться к Анрелле и порасспрашивать ее.

Направляясь домой, он почти ни о чем не думал. И именно после того, как он проехал мимо массивных железных ворот и увидел особняк, ему в голову пришла

новая мысль. Э, да ведь этот дом стоял здесь и тогда, два года назад.

Это был весьма дорогой особняк: за домом располагался плавательный бассейн и ухоженный сад. Насколько он помнил, он приобрел его за девяносто тысяч долларов. До сих пор ему и в голову не приходило задать себе вопрос, откуда у него имелось столько денег, чтобы купить такой великолепный дом. Он почему-то считал, что подобная сумма ему по средствам.

Здание, казалось, вырастало из земли. Архитектор, построивший его, наверное, был последователем Фрэнка Ллойда Райта - высокие дымоходы, выдающиеся крылья, сливающиеся с центральной частью, множество подвальных окошек.

Финансовыми вопросами в их семье занималась Анрелла. Такое положение позволяло Пендрейку тратить свое свободное время на чтение, гольф, рыбалку или охоту, летать на личном электрическом самолете. И, конечно, он мог заниматься своей работой. Но он не имел ни малейшего понятия о своем финансовом положении.

И снова, с еще большей остротой, ему показалось странным, что он никогда не беспокоился и не задумывался об этом неофициальном соглашении. Он припарковал автомобиль и прошел в дом, размышляя: «Я совершенно обычный преуспевающий бизнесмен, который столкнулся с чем-то, что выходит за обычные рамки. Я психически нормален. Я ничего не выиграю и не потеряю, если попытаюсь разобраться в происходящем. У меня впереди еще целая жизнь. Неважно, - убеждал он себя, - узнаю я что-нибудь или нет. Прошное не играет никакой роли. Я могу прожить всю оставшуюся жизнь и с не вполне удовлетворенным любопытством... Где же, черт возьми, Никсон?»

Держа шляпу в руке, он стоял в огромном холле, дожидаясь дворецкого, который должен был узнать о его прибытии по звуку хлопнувшей двери.

Но никто не появлялся. Огромный дом был погружен в тишину. Он нажал на кнопку звонка, но результат оказался нулевым. Пендрейк бросил шляпу на стул, стоявший в коридоре, потом заглянул в пустую гостиную, после чего направился в кухню.

- Сибил, - начал раздраженно он, - я хочу...

Он замолчал. Его голос эхом звучал по пустой кухне. Ни повара, ни двух хорошеньких кухарок не оказалось ни в кладовой, ни в чулане. Спустя несколько минут, когда Пендрейк поднимался по главной лестнице, до него донесся звук шепчущих голосов.

Звуки исходили из верхней гостиной. Он уже взялся за ручку, но остановился, когда тишину разорвал ясно прозвучавший голос Анреллы:

- В самом деле, не нужно спорить. В таком возрасте я уже забыла, что значит испытывать чувство собственника. Вам не нужно убеждать меня, что бедняга Джим - единственный человек, который годится для этой работы. Что еще вы сделали, о чем не сказали мне?

- Мы возвращаем его жену. - С удивлением Пендрейк обнаружил, что это был голос Петера Йерда, одного из клиентов-миллионеров компании «Несбитт».

- О!

- Она будет в Кресцентвилле через пару месяцев.

- И что вы скажете ей? - твердым голосом спросила Анрелла.

- Пока окончательного решения не принято, но если мы сведем их вместе, когда она вернется, и она, увидев его состояние, станет присматривать за ним, то она не будет представлять для нас никакой проблемы.

- Это верно, - задумчиво произнесла Анрелла. - Что еще вы сделали?

Ей ответил голос Найперса, и это поразило Пендрейка еще больше, чем все предыдущие. Потом он подумал: «Ну конечно!» Какое еще объяснение можно найти вырвавшимся у старика словам, кроме того, что он тоже является одним из заговорщиков?

Слегка потрясенный Пендрейк понял, что Найперс описывает их утренний разговор. Старик хихикнул.

- Я понял, что это подействовало на него. Позже он попросил приехать ему несколько папок. Поэтому он стал размышлять над этими вещами прямо там.

Потом бесстрастный голос старика продолжил:

- Я обнаружил в себе неожиданную склонность к интригам. Я исполнил все ваши инструкции, которые вы сообщили мне при нашей последней встречи. Вывести мистера Пендрейка из себя оказалось довольно легко, но куда труднее мне пришлось во время встречи с президентом Дейлсом - приходилось тщательно подбирать ответы, чтобы не попасться на детекторе лжи. Поскольку все самое главное, что я сообщил, было правдой, то я не боюсь последствий, хотя продолжаю считать, что эта женщина способна выследить нас. Но боюсь, что без этого риска нам не обойтись. - Со спокойной убежденностью он закончил: - По моему мнению, мы правильно поступили, проинформировав президента и устроив ему встречу с мистером Пендрейком лицом к лицу.

- На самом деле у нас не было выбора, - произнес новый голос, и Пендрейк снова вздрогнул: это был голос самого Несбитта, хозяина «Несбитт компани». - Нам угрожает полное уничтожение. Ряд совершенных убийств давал повод считать, что некто проник в суть проекта Лэмбтона. Если мы правы - и восточные немцы несут ответственность за совершенные по указке Советов акции, - то проблема не может больше считаться частным делом. Нам нужна помощь. Правительство должно быть в курсе дела. Отсюда и следовала необходимость нашего предварительного подхода к президенту Дейлсу.

Голос Никсона, дворецкого, был тверд:

- И все же, то, что мы делаем, должно быть завершено одним последним частным усилием.

Когда Пендрейк пытался осмыслить тот факт, что даже слуги играют не последние роли в этой группе заговор-

щиков, Сибил, кухарка, спокойным властным голосом произнесла:

- Анрелла, мы даже подумываем отправить Джима на Луну.

- Для чего? - Анрелла, казалось, искренне удивилась. Сибил ответила:

- Моя дорогая, мы в серьезной опасности, и пора проверить последнюю версию мистера Лэмбтона о происхождении двигателя.

- Хорошо, - произнесла Анрелла после паузы, - Джим, безусловно, наиболее подходящий кандидат, поскольку только он не сможет выдать наших секретов, если все пойдет не так, как задумано. - По ее голосу можно было понять, что она подчиняется неизбежному.

Впоследствии Пендрейк ругал себя последними словами, что ушел в этот момент. Но тогда он ничего не смог с собой поделать. Его охватил страх - страх, что его обнаружат там, прежде чем он успеет осмыслить все им услышанное. Он тихо спустился по лестнице, подхватил шляпу и направился к двери. Выйдя из дома, он впервые заметил, что неподалеку припарковано около десятка автомобилей. Он был слишком поглощен своими мыслями, чтобы заметить их, когда прибыл сюда.

Через несколько минут Пендрейк проехал на собственной машине через железные ворота и по старой фермерской дороге направился к автострате. У него было сильное предчувствие, что вторую половину дня он проведет, пытаясь разобраться в сумбуре в своей голове.

Глава 8

Дни бежали своим чередом, жизнь продолжалась. Каждое утро, исключая субботу и воскресенье, Пендрейк забирался в свою машину и уезжал на работу. А вечером он возвращался в огромный дом, расположенный за железной оградой, и съедал ужин, который ему подавали вышколенные слуги, потом следовал приятный период расслабления, когда он читал книги, после чего отправлялся спать в постель, где его уже ждала прекрасная и любящая его женщина.

События, так взволновавшие его, начали казаться ему несколько нереальными. Но он не мог забыть их и считал себя человеком, время для действий которого еще не наступило.

Утром семнадцатого дня прибыло письмо со свидетельством о рождении. Пендрейк прочитал его с удовлетворением и, признался он себе честно, облегчением.

Там черным по белому было написано: *Джеймс Сомерс Пендрейк. Родился 1 июня 1940 года, г. Кресцентвилль, округ Гус Лейк. Отец: Джон Лейдлоу Пендрейк. Мать: Грейс Розмари Сомерс...*

Он был рожден от настоящих родителей. Память не подвела его. Мир не полностью перевернулся с ног на голову. В его воспоминаниях зиял огромный провал, но все же не бездна. Раньше он думал о себе, как человеке, балансирующем на одной ноге на краю пропасти необъятной глубины. Теперь же бездна превратилась в узкую, хотя и глубокую яму. Да, эту яму еще предстоит засыпать, но даже если этого не случится, он сможет перепрыгнуть ее и идти дальше, не испытывая кошмарного ощущения падения в крошечной тьме с края скалы.

Пендрейк сидел в кресле, когда внезапная слабость охватила его. Он покачнулся, потом выпрямился, после

чего тяжело откинулся на спинку кресла. Мелькнула удивительная мысль: «Эй, да я только что едва не потерял сознание!»

Голова перестала кружиться. Осторожно Пендрейк поднялся и налил воду в стакан. Снова усевшись в кресло, он поднес стакан к губам и обнаружил, что его рука дрожит. Это испугало его. И он понял, что на самом деле позволил себе поддаться влиянию ситуации. Слава Богу, худшее из того, что касалось его лично, было уже позади, конечно, не все, если говорить откровенно. Но по крайней мере он положил этому начало. Как только он получит свой послужной список, то сможет твердо определиться вплоть до двадцатичетырехлетнего возраста. Если поразмыслить, это - вполне хорошая зацепка. И, поскольку его сознательная жизнь возобновилась в тридцать три года, то неопределенным остаются только девять лет.

Его уверенность иссякла. Девять лет! Немалый промежуток времени. По правде говоря, чертовски большой.

Его послужной список прибыл во второй половине девятнадцатого дня. Это была стандартная форма с впечатанными ответами.

Там были указаны его имя, возраст... подразделение ВВС...

Имя его ближайшего родственника: *Элеонора Пендрейк, жена.*

Серьезные ранения или контузии: *Ампутация правой руки ниже локтевого сустава. Необходимость операции было вызвана увечьем, полученным при катастрофе истребителя.*

Пендрейк уставился на бланк. «Но ведь у меня еще есть правая рука!» - подумал он со спокойствием совы.

От спокойствия не осталось и следа, когда он уставился в неменяющиеся отпечатанные на машинке буквы. Наконец он подумал: «Вот это ошибка! Какой-то идиот в архиве напечатал неправильную информацию». И даже после того, как одна часть его мозга выдвинула этот

аргумент, другая часть восприняла все как есть, поверила и считала, что никакой ошибки не было, что все в порядке с этим послужным списком. Ошибка допущена не где-то там, в правительственном учреждении. Она таится здесь, в нем самом. Больше не было смысла обманывать себя. Очевидно, он был не тот Джим Пендрейк, который существовал в записях на этом бланке.

Поэтому пришло время выступить против тех, кто знал, кто он был на самом деле. Какова бы ни была цель заставить его верить в то, что он Джим Пендрейк, теперь он выведет их на чистую воду.

В четыре часа он миновал открытые ворота в двадцать четыре фута высотой и поехал по дорожке, которая петляла среди деревьев. Он остановил машину у огромного гаража. Из него вышел шофер Анреллы, одновременно и главный механик поместья.

- Что-то рано вы сегодня вернулись, мистер Пендрейк, - заметил Грегор.

- Да! - резко произнес тот решительным голосом.

Когда он шел по саду к стеклянным дверям, мимо него по земле пронеслась какая-то тень. Он посмотрел вверх и увидел, что это самолет, опускающийся на его личную взлетно-посадочную полосу. За ним, почти сразу же, проследовали еще четыре самолета, и все они исчезли за деревьями.

Пендрейк нахмурился, недовольный этим вторжением, когда к окну подошла Анрелла.

- Что там происходит, дорогой? - спросила она.

Он ответил, и она с испугом повторила:

- Самолеты! - Потом добавила: - Джим... немедленно садись в свою машину и сразу же уезжай!

Пендрейк уставился на жену.

- Тебе тоже лучше поехать.

Она побежала. Было непривычно видеть ее бегущей. Забравшись внутрь автомобиля, она, запыхавшись, потопила его:

- Джим, если тебе дорога свобода, *поторопись!*

Когда его машина рванула в сторону ворот, которые вели к Альсине, Пендрейк увидел, как в ворота въехали два джипа, загораживая дорогу. Он затормозил и остановился, чтобы развернуться. Один из джипов, взревев мотором, подлетел к ним вплотную.

Сидящие в нем женщины с холодными глазами навели на Пендрейка самые зловещие на вид пистолеты в его жизни. Они жестом указали ему идти обратно к дому. Что он и сделал, не говоря ни слова, однако он уже узнал специальных женщин-агентов президента Дейлса, и это принесло ему некоторое облегчение.

Рядом с домом в саду была собраны все: Несбитт, Йерд, Шор, Каткотт, все слуги, включая Грегори, - в общей сложности около сорока человек, выстроенные в один ряд под прицелом пулеметов. Женщин было примерно сотня.

- Все верно, это он! - сообщила предводительница команды в джипах, схватившей его. - Вы были правы, предполагая, что они попытаются быстро переправить его отсюда.

Женщина, к которой она обратилась, была молодой и привлекательной, но с серьезным лицом. Она кивнула и хриплым голосом отдала приказание:

- Охранять Джима Пендрейка днем и ночью. Только его жене разрешено остаться с ним. Всех остальных переправить на самолете в тюрьму Каггат. Действуйте!

Через несколько минут Пендейк остался один с Анреллой.

- Дорогая, - спросил он напряженным голосом, - что все это значит?

Ему казалось, что теперь-то нет смысла больше скрывать от него информацию.

Анрелла стояла у окна в огромной гостиной и смотрела сквозь стекло в сад. Повернувшись, она прошла к нему и обвила его руками. Потом запрокинула голову назад и покачала ею. На ее лице заиграла легкая лукавая улыбка.

Ярость буквально взорвалась в мозгу Пендрейка. Он

едва ли отдавал себе отчет в своих действиях, когда высвободился из ее объятий, и подобная быстрота охватившего его гнева, показывала, насколько расшатались его нервы за все эти последние недели.

- Ты должна все мне рассказать! - обрушился в ярости он на нее. - Я ничего не понимаю, потому что ничего не знаю! Неужели ты, Анрелла, не видишь, что...

Он замолчал. На ее лице снова появилось то же лукавое выражение. Его гнев частично утих, но он по-прежнему оставался напряженным и, когда заговорил снова, чувствовал себя несколько оскорбленным:

- Полагаю, что тебе известно, что лишь Джефферсон Дейлс мог отправить этих женщин-убийц сюда. Если тебе известно еще и причина их появления, то открой ее мне, чтобы я мог попытаться найти выход из этого положения.

- Не нужно искать никаких выходов, - сказала она. - Мы можем находиться с таким же успехом в заключении здесь, как и в любом другом месте.

Пендрейк уставился на нее.

- Ты что, спятила? - спросил он. Внезапно он вышел из себя и крикнул: - Я подслушал, что вы говорили в тот вечер на своей встрече.

Выражение ее лица изменилось. Улыбка ее погасла.

- Какой встрече? - резко спросила она.

Когда он ответил ей, ее лицо стало озабоченным.

- Что ты услышал?

- Вы говорили что-то об изменениях, которые должны наступить. Что это значит? Изменения чего?

Выражение на ее лице снова изменилось. Озабоченность исчезла.

- Полагаю, что ты услышал не слишком много. Изменения в тебе. Больше я ничего тебе не скажу.

Он махнул ей рукой, словно падая в темноту.

- Ты же сказала мне это. Почему бы не рассказать мне больше?

Она снова стала веселой.

- Я ничего не рассказала тебе, - произнесла Анрелла.

Она подошла к мужу и снова обвила руки вокруг него и посмотрела прямо в его глаза внимательными, мудрыми, нежными и улыбающимися глазами. Потом продолжила: - Джим, изменения происходят быстрее, когда ты в состоянии стресса, как сейчас, не так ли? - Она замолчала. - Ведь ты жил весело это время, верно, Джим? Два года в свое удовольствие.

Он был слишком разгневан, чтобы признать правоту этих слов. Он резко бросил:

- Если верить тому, что я слышал, то ты вовсе не жена мне.

- Да, мы позаботились, чтобы у тебя была спутница жизни, - согласилась она. - Ты должен признать - тебе это ничего не стоило. Если говорить откровенно, то тебе заплатили за это очень даже неплохо.

Ему, воспитанному в определенных моральных устоях, эти слова показались крайне оскорбительными.

- Я вовсе не какой-то там альфонс! - резко бросил он, повернулся и вышел из комнаты.

Он считал, что между ними все кончено.

Ночью, когда они легли спать, Анрелла сказала:

- Возможно, мы пробудем здесь несколько месяцев. Неужели ты собираешься сердиться на меня все это время?

Пендрейк обернулся и посмотрел на нее, лежавшую на соседней кровати, такой же, как у него. Он резко переспросил:

- Несколько месяцев? - Он ощущал разочарование. Конечно, ведь должен наступить момент, когда заключение закончится - и она знала, по какой причине это произойдет. Он с трудом заставил себя успокоиться. - Ты ничего не хочешь мне сообщить? - спросил он.

- Нет.

- Но ты ведь хочешь играть хозяйку дома все это время?

- Как всегда.

Он покачал головой, но он не сумел заставить себя

выйти из себя, и поэтому этот жест не показывал полного отказа от нее.

- Я подумаю над этим, - сказал он, растягивая слова, - но, наверное, ты знаешь, что мужчина не способен просто сидеть сложа руки в подобного рода ситуации. По крайней мере это касается меня.

- Делай, что считаешь нужным, - последовал ответ, - но только не дуйся.

Он с грустью посмотрел на нее.

- Если я поддамся этой мысли, - продолжил Пендрейк, - то просто стану еще одним поедателем лотоса. Я с легкостью смогу проспать дни и недели, утонув в сексуальной идилии.

- Это не самое худшее из того, что есть на свете, - она тихо рассмеялась. - Не так ли?

- Так говорит лотос, - заметил он. - А как насчет моей настоящей жены?

Ее щеки слегка порозовели. Когда она заговорила, в ее голосе прозвучали едва различимые оборонительные нотки.

- Я не решалась вступить с тобой в эти отношения, пока мы не установили, что вы последние несколько лет не жили вместе. - Потом она добавила: - Мне кажется, твоя жена решила на возобновление брака, но пока что этого не случилось.

Пендрейк, который задал этот вопрос без особого энтузиазма (та - другая жизнь - казалась ему такой далекой) снова посмотрел на Анреллу. К ней вернулось ее беззаботное веселое настроение - она снова улыбалась.

Лето протекало, как в какой-то спячке. А он становился все беспокойнее, что, впрочем, не было для него удивительным. Но только с первыми признаками осени Пендрейк наконец-то принял решение, что пришла пора просыпаться.

Глава 9

Пендрейк ощупывал булыжник. Он так старался вести себя как можно естественнее, что его рука дрожала. Все сильнее в нем нарастала тревога, усиливался страх, что он может выдать себя. Он растянулся на бархатной травке в окружении семи женщин-охранников.

Булыжник имел два дюйма в диаметре - два дюйма лежавшего неподвижно камня. И однако в этой крошечной массе заключалось столько его надежд, что на какое-то время его охватил страх. Постепенно, однако, он успокоился и стал дожидаться появления двух мальчиков. С тех пор, как в школе с начала сентября начались занятия, каждое воскресенье он слышал их звонкие голоса в это время дня, доносившиеся из-за деревьев, скрывающих от его взгляда железную ограду, охватывающую поместье, которое стало его местом заключения.

Деревья и ограда отделяли его от мальчишек, как и от остального мира. Он и представить себе не мог, что для побега потребуется тщательная проработка плана и ему придется в бездействии ждать два долгих месяца. Все это время он уже перестал задавать себе вопрос, почему никто так и не появился здесь из офиса, чтобы навести справки о нем - несомненно, управление фирмой передано кому-то другому. Он полностью прекратил попытки серьезно поговорить с Анреллой - она сама этого избегала.

Да уж, ситуация была не из простых. Через несколько минут будут мимо проходить мальчишки со своими рыболовными удочками, направляясь к глубоким заводям дальше вверх по реке. И он мог надеяться только на свой... А, что это?

Он вдруг с напряжением осознал, что это какие-то звуки, едва различимые издали обертоны детского смеха.

Вот и пришло его время.

Пендрейк лежал неподвижно, прикидывая, какими шансами он располагает. Две женщины развалились на земле в дюжине футах справа от него. Еще три женщины лежали в восьми футах слева от него и несколько сзади.

Он не собирался недооценивать их способности. Пендрейк не сомневался, что назначенные охранять его агенты достаточно сильны, чтобы справиться с обычным мужчиной. Из оставшихся двух охранниц одна стояла прямо за ним на расстоянии около восьми футов. Последняя маячила примерно в шести футах впереди, между ним и высокими деревьями, скрывавшими ограду, за которой будут проходить мальчишки. Дымчато-серые глаза ее казались тупыми и сонными, словно мысли этой амазонки витали где-то в заоблачных далях. Пендрейк имел на этот счет другое мнение. Она была машиной Джефферсона Дейлса и представляла для него самую значительную опасность.

Мешанина звуков, сопровождающих мальчишек, приближалась.

Пендрейк почувствовал, как забился быстрее пульс в висках, когда с подчеркнутой уверенностью сунул руку в карман и медленно вытащил стеклянный кристалл. Он держал в пальцах эту небольшую вещь, давая лучам солнца заискриться огоньками под гранями кристалла. Когда Пендрейк подбросил его в воздух, тот сверкнул ярким светом. Он поймал его и оборвал ослепительное свечение, шестым чувством уже понимая, что за ним наблюдают охранницы, правда, ни о чем не подозревая. Трижды подбрасывал Пендрейк стеклянный шар на метр в воздух, после чего, словно внезапно ему надоело это баловство, он бросил его на землю на расстоянии руки от себя, и кристалл остался лежать там, сверкая на солнце - самый яркий предмет поблизости от него.

Он очень много думал об этом стеклянном кристалле. Было ясно, что никто из охранниц не может постоянно следить за ним. Из семи по крайней мере три, как он предполагал, уж точно наблюдают за ним. Когда он

начнет наконец действовать, даже этим трем придется взглянуть дважды: отраженные от кристалла блики попадут в глаза охранникам и исказят картину того, что же на самом деле он делает.

Так представлялось в теории... а мальчишки все ближе и ближе.

Их голоса то доносились, то пропадали - радостный лепет. Вот один из мальчиков хвастается чем-то и они оба соглашаются с этим, потом один говорит другому повелительным тоном, а теперь уже болтают оба одновременно. Не представлялось возможным определить, сколько их там было. Но они существовали - эти настоящие мальчишки, и их присутствие было необходимым условием успешного осуществления его плана бегства.

Пендрейк вытащил из левого кармана пиджака книгу, медленно открыл ее, но не на каком-то отмеченном ранее месте, а как бы ища нужную страницу. Он тянул время, предоставляя женщинам еще несколько секунд, чтобы они поверили в то, что он сейчас займется совершенно обычным делом - чтением книги. Он выждал еще немного. А потом положил книгу на траву так, что ее верхний край соприкоснулся с булыжником.

После этого он раскрыл книгу на закладке - ею была вырванная из записной книжки страница. Для охранниц это письмо должно было выглядеть точно так, как два десятка листов белой бумаги, использованные им для пометок, которые он делал в течение последних двух месяцев. Помимо всего прочего, этот лист был чист.

Несмотря на решимость покончить со своим невыносимым заключением, он не собирался обращаться к властям - что он может сообщить им? Пока он не узнает, что кроется за всем этим проклятым делом, проблему предстоит решать только ему одному. Когда он окажется на свободе, он уже сам сумеет по-своему управиться со всем. Он чувствовал, что способен на это.

Справа от него послышался шорох. Пендрейк не посмотрел туда, однако сердце его екнуло. Две женщины,

от которых он не ждал никаких проблем, шевельнулись, подавая признаки жизни. Вот так незадача!

Но теперь нельзя медлить. Его вспотевшие пальцы коснулись послания на белом листке бумаги, после чего он сдвинул его через край книги на булыжник. И вот уже лист при помощи нескольких дюжин крошечных резинок был прикреплен к небольшому камню.

С воплем, чтобы напугать женщин, он вскочил на ноги и что было сил запустил булыжник с его белым шуршащим грузом в воздух.

У него не было времени, чтобы восстановить равновесие и защититься. Два тела одновременно набросились на него с разных сторон и отбросили его на десять метров. Пендрейк замер неподвижно на земле, голова пошла кругом после удара, но боли при этом он не испытывал. Он услышал, как предводительница, крупная женщина, стоя перед ним, резко отдавала команды:

- Карла, Мариан, Джейн - возвращайтесь в дом, возьмите джипы и отрежьте этих детей от города. Рода, пошевеливайся! Давай к воротам, откроешь их и выпустишь джип. Нэнси, мы с тобой перелезем через ограду и начнем преследовать этих мальчишек или же поищем послание. А ты, Оливия, останешься здесь с мистером Пендрейком.

Пендрейк слышал звук шагов удаляющихся охранниц. Он ждал. Пусть уйдут. Пусть Нэнси и предводительница успеют перелезть через ограду. Ну а потом... настанет вторая стадия его плана побега.

В конце второй минуты он начал стонать. Привстал и увидел, что женщина внимательно наблюдает за ним. Оливия была красивой, с тонкими губами, хотя и несколько широкой в кости. Она подошла поближе.

- Требуется помощь, мистер Пендрейк?

Мистер Пендрейк! Эти женщины с их постоянной вежливостью просто сводили его с ума. Его незаконно держали в заточении, хотя и были исключительно вежливы. Но если он когда-либо и сможет сбежать, то только

сейчас. Подобный трюк, когда он избавился от всех охранниц, кроме одной, возможно, больше никогда не удастся повторить. Пендрейк с трудом встал на колено. Затем на другое, покачивая головой, словно она все еще кружится. Наконец он пробормотал:

- Подайте мне руку.

Он не особо рассчитывал, что женщина поможет ему, хотя все могло случиться при таком участливом отношении к нему охранницы.

Однако Оливия поймалась на его уловку. Она приблизилась и начала наклоняться над ним, когда Пендрейк нанес удар. В этот момент он не испытывал ни малейшей жалости. Эти женщины, с их пистолетами и безжалостностью, сами напрашивались на неприятности. Молниеносный удар в челюсть прервал бой уже в первом раунде.

Оливия рухнула на землю, как подкошенная. Без каких-либо колебаний, словно он атаковал мужчину, Пендрейк бросился к ней, перевернул на спину и быстро вытащил из своего кармана один из нескольких заранее приготовленных кляпов. Через минуту с этим делом было покончено, и он занялся другим.

Уже не так торопясь, но не затрачивая лишних усилий, Пендрейк задрал рубашку и начал разматывать прочную ленту, обмотанную вокруг поясницы. Когда женщина слегка пошевелилась, он уже связывал ей руки.

На все это ушло чуть более трех минут. Затем он встал — слегка дрожащий, но спокойный. Ни разу больше не обернувшись, он пошел прочь. Какое-то время он шел параллельно ограде, потом пробрался сквозь деревья и внимательно осмотрел местность за оградой. Она оставалась такой, какой он помнил ее — густой лес. Удовлетворенный этим, Пендрейк приблизился к ограде и начал перелезть через нее. Чуть больше двух месяцев назад он уже предпринимал такую попытку и понял, что через нее не слишком трудно перелезть — все равно что взобраться по канату.

Он достиг верха ограды и, торопясь, стал на ее край

над копьеобразными стержнями. Потом он осознал, что он слишком поторопился.

Он поскользнулся.

И тогда он сделал вторую ошибку, инстинктивно пытаясь спасти свою жизнь. Когда он падал, один из острых стержней вонзился ему в правую руку чуть пониже локтя и проткнул ее насквозь. Он так и повис на руке, насаженной на стержень, как кусок мяса на крюк мясника. Все его тело пронзила адская боль, и что-то теплое, соленое и вязкое брызнуло в рот и глаза, наполняя его ужасом, который мешал видеть и дышать.

Несколько секунд не было ничего, кроме этой боли и ужаса.

Он поднимал себя. Сквозь мучительную боль он сознавал только это: он поднимается при помощи левой руки, одновременно пытаясь высвободить правую руку, насаженную на темный неотполированный стержень.

Он поднимался! Ему это удалось! Удалось! Что-то бормоча, он пролетел двадцать футов и рухнул на землю.

Он сильно ударился. Мышцы тела превратились в жгуты боли, натянутые до предела, которые невозможно было расслабить. Ему показались, что его кости сломались в столкновении с огромной массой в шестьдесят шесть миллиардов миллионов тонн, которой являлась Земля. Пендрейк попытался подняться, упал, со второй попытки ему удалось подняться, как животному, с четверенек, и лишь одна мысль осталась в его разбитом теле: «Уходи! Убирайся отсюда! Они придут сюда, когда начнут искать. Уходи! Убирайся!»

Только эта мысль была в голове Пендрейка, пока он не добрался до ручья. Вода была теплой, но теплой для осени. Она принесла облегчение его горящим губам и прояснила взор - лихорадка в его глазах уступила место разуму. Он обмыл лицо, потом с трудом стащил плащ и промыл рану на руке. Вода покраснела. Кровь лилась из раны и пузырилась в ручье. Увидев рану, такую огромную

и ужасную, он покачнулся и едва успел откинуться на спину на поросший травой берег.

Сколько он пролежал там, он не имел ни малейшего представления. Но наконец он вспомнил: «Жгут или смерть!» Собрав в комок волю и остатки сил, он оторвал мокрый окровавленный рукав рубашки и обмотал им два раза повыше раны. Просунув под жгут обломок ветки, он закрутил жгут так сильно, что заболели мышцы. Кровотечение остановилось.

С трудом поднявшись, он пошел по течению ручья. Именно это он задумывал первоначально, и сейчас его тело вспомнило это. Легче было следовать по выбранному заранее пути, чем придумывать новый. Время шло. Но когда у него в голове возникла мысль, что эта дорога может и не вести к сберегательному банку, этого точно он не мог определить впоследствии. И когда по пути ему кто-то встретился, он спросил:

- Я поранил руку! Где живет ближайший врач?

Наверное, последовал ответ. Потому что после второго неопределенного провала во времени он шагал по улице, вдоль которой росли деревья с редкой осенней листвой. Он периодически вспоминал, что должен найти табличку с какой-то фамилией. Рука его уже ничего не чувствовала. Она просто висела, раскачиваясь во время ходьбы, но это были безжизненные взмахи неживого предмета.

Он слабел, и усталость тяжелым грузом навалилась на него. Время от времени он касался жгута, чтобы удостовериться, что тот не соскочил и кровь не хлещет из раны. Но вот наконец и ступеньки, которые он преодолел на коленях.

- О Господи! - воскликнул мужской голос. - Что это?

Потом новый провал в сознании, периодически откуда-то слышался голос; затем он оказался в автомобиле, и тот же голос то нарастал, то ослабевал в его ушах.

- Кто бы ты ни был, ты - законченный идиот! Продержать жгут не меньше часа! Разве тебе не известно,

что жгут необходимо ослаблять каждые пятнадцать минут, чтобы кровь могла поступать, иначе рука погибнет. Теперь ничего другого не остается, кроме ампутации!

Глава 10

Пендрейк проснулся внезапно. Повернув голову, он тупо уставился на обрубок руки. Все его плечо было приподнято своеобразной сетчатой перевязью, рука была обнажена и доступна взгляду. Ее грела инфракрасная лампа, культя не вызывала ни малейшего дискомфорта; боли он не ощущал.

Культя не кровоточила, и на ней имелся росток - скрюченный, розовый и мясистый комочек, казавшийся частью изуродованной руки, который по какой-то причине не отрезали. И в этот момент он понял, что росток этот имеет определенную форму.

Он смотрел и смотрел на него, не в силах оторвать взгляд, и в памяти возникла запись из армейских времен: *Ампутация правой руки ниже локтевого сустава. Необходимость операции было вызвана...*

Пытаясь разрешить эту загадку, он уснул.

Где-то вдалеке мужской голос говорил:

- Можете не сомневаться. Новая рука растет на месте отрезанной. Мы осуществили небольшое хирургическое вмешательство, но, как я уже сказал Пентри, поклявшись своей головой, что этот росток, являясь таким крепким в своей основе, способен вырасти и без медицинской помощи. Через несколько дней он полностью придет в себя. Шок, сами понимаете.

Голос пропал, потом раздался снова:

- Тотипотентные... тотипотентные клетки. Давно известно, что в каждой клетке человека содержится в латентном виде информация о всем теле - в далеком прошлом тело, очевидно, могло значительно проще восстанавливать поврежденные ткани.

Последовала пауза. У Пендрейка создалось впечатление, что кто-то с удовлетворением потирает руки. Второй мужской голос пробормотал что-то неразборчиво, затем первый голос громко продолжил:

- Нет ничего, что помогло бы нам опознать его. Доктор Филипсон, доставивший его сюда, никогда прежде его не видел. Конечно, многие жители Большого и Среднего Городов проживают в районе Алсины, но... Нет, мы не заявляли о нем. Сначала мы хотим проследить за ходом восстановления его руки. Да, я позвоню вам.

Второй голос что-то пробормотал, после чего послышался звук захлопнувшейся двери.

Пришел сон, принося успокаивающую пелену забытья.

Когда он проснулся в следующий раз, то не сразу мог вспомнить, кто он такой.

Осознание этого пришло, когда медсестра, заметив его пробуждение, позвала врача. Немного погодя появился и врач в сопровождении второй медсестры, в руке у него был блокнот. Врач с радостным выражением на лице присел рядом с пациентом и веселым тоном спросил:

- А теперь, сэр, скажите, как вас зовут?

Мужчина на постели в замешательстве уставился на него.

- Меня что?

Неразборчивое восклицание вырвалось из уст собеседника. Но уже спустя секунду голос его звучал ровно и спокойно:

- Как вас звали? Ну, понимаете... ваше имя?

Безымянное существо на кровати лежало совершенно неподвижно. Оно без особого труда уловило смысл предложения. Не понимая, каким образом, но оно осознало,

что с ним разговаривает доктор Джеймс Тревор - так его звали. Наконец оно покачало головой.

- Попытайся! - настаивал собеседник. - Попытайся вспомнить!

Струйка пота потекла по лицу Пендрейка. Он чувствовал, что во всем его стройном и сильном теле нарастает страшное напряжение, и тут в его руке возникла резкая боль. Сквозь пелену, застилавшую ему глаза, он увидел фигуру медсестры в крахмально-белом халате и вторую, сидевшую за столом и что-то писавшую в блокнот, а еще дальше, за окном, - мрак ночи.

Он выдавил боль из мозга и, собрав в единый кулак всю его мощь, попытался пробиться сквозь мешанину нечеткостей и неясностей, которая словно облаком опутывало его память. Возникали смутные картины, бесформенные мысли и тени воспоминаний о бесконечно давних днях. Это была не память, а воспоминание о памяти. Он оказался один на маленьком островке сиюминутных впечатлений, и ужасный океан всепоглощающей пустоты подступал к нему, приближаясь с каждой минутой, каждой секундой.

Вдохнув в себя воздух, он позволил спасть напряжение внутри себя. Потом беспомощно посмотрел на врача.

- Бесполезно, - просто молвил он. - Что-то вроде железной ограды и... Что это за город? Может быть, это поможет.

- Средний Город, - ответил врач. Его карие глаза внимательно следили за Пендрейком. Но тот лишь покачал головой.

- А как насчет Большого Города? - спросил врач. - Этот город находится примерно в сорока милях от Среднего. Доктор Филипсон доставил вас в этот Город из Алсинии, потому что ему известно о местном госпитале. - Он повторил медленно: - Большой Город!

На какое-то мгновение Пендрейку показалось это название неуловимо знакомым. Но затем он покачал

головой. И тут же прекратил эти приносящие усталость движения - ему в голову пришла новая мысль.

- Доктор, как может происходить такое, что я помню язык, разговариваю на нем, а все остальное кажется сокрытым в туманной дымке?

Врач уставился на него, помрачнев.

- Через несколько дней вы потеряете способность разговаривать, если только не станете непрерывно читать и говорить для того, чтобы сохранить эти рефлекторные навыки.

Пендрейк заметил, что врач полуобернулся к двум медсестрам.

- Я хочу, чтобы был подготовлен отпечатанный на машинке подробный отчет по этому пациенту с полным изложением его случая. Пусть здесь установят радио, и... - он вернулся к постели пациента с хмурой улыбкой, - вы будете слушать его все время - мыльные оперы, на самый худой конец. А надоест слушать - читайте, можете прямо вслух.

- Что будет, если я не буду этого делать? - Губы Пендрейка приобрели пепельный оттенок. - С какой стати мне это нужно?

Голос врача прозвучал зловеще.

- Потому что тогда ваш мозг станет почти таким же пустым и чистым, как мозг новорожденного. Могут быть, - он запнулся, - и другие реакции, но мы не знаем, какие именно. Мы полагаем, что обычно клетки в человеческом теле и мозгу находятся в постоянном процессе затрачивания своей энергии и ее восстановления. Ежедневно, ежедневно миллиарды клеток нашей памяти подвергаются этому восстановительному процессу; и, по всей видимости, та крошечная часть памяти, записанной электрическим путем, сохраняется в целости и сохранности. Со временем, несомненно, замена ткани ослабляет клеточную память. Но в вашем случае все иначе. У вас на данный момент есть тотипотентные клетки. Вместо восстановления клетки вашей руки заменяются новыми,

здоровыми; и эти новые клетки, очевидно, ничего не знают о памяти, которую хранили старые, - память, по всей видимости, не передается по наследству генетически. Даже если бы был механизм передачи этой памяти от старых клеток новым, то все равно бы мы не смогли добиться этого. Таким образом, у вас есть клетки, потенциально способные записывать воспоминания, как ваши старые, но все, что вы можете записывать в них перед тем, как они в свою очередь будут заменены, - это впечатления, воспринимаемые вашим мозгом в течение, ну, скажем, недели или, может быть, чуть большего времени. По всей видимости, процесс тотипотентности, однажды начавшись в вашей руке, распространился на все тело. Завершенность этого процесса несколько удивительна, потому что, как показали лабораторные опыты, проведенные с плоскими червями, установлена передаваемость условных рефлексов новому наряду. Мы предполагаем, что воспоминания не исчезают бесследно. Но память о словах и простых заученных движениях, по всей видимости, стирается, и становится невозможным их использование.

- Но что же я смогу делать в будущем? - в замешательстве спросил Пендрейк.

- Мы отправили ваши отпечатки пальцев в Вашингтон, - успокаивающе произнес врач. - Когда ваша личность будет установлена, мы сможем разработать постоянную переобучающую программу, основанную на том, что было с вами раньше. Тем временем делайте то, что я вам предложил.

Пендрейк посмотрел на собеседника, и по мере того, как он его изучал, у него возникало смешанное чувство возбуждения, интереса и какой-то даже симпатии к этому человеку. «Но он больше интересуется феноменами, а не людьми», - подумал Пендрейк.

Внутри него возникло также ощущение, что положение не настолько уж плохо, как казалось доктору, и что после того, как новая рука вырастит, он опять вернется к нормальному состоянию.

Глава 11

Н езнакомец представился:

- Меня зовут доктор Коро, мистер Смит. Я психолог, и мне бы хотелось, чтобы вы прошли небольшое тестирование. Все понятно?

Почти безымянный человек на койке уставился на посетителя сверкающими глазами. Он понял, что с ним обращаются как с ребенком, но это не беспокоило его. И он мог предсказать, он даже знал, что большинство тестов окажутся непригодными для него, хотя почему - это было неясно, как, впрочем, ему не приходило в голову спросить себя, откуда он знает это.

Но он ничего не говорил, просто наблюдал за тем, как психолог, восприняв его молчание как согласие, разложил какие-то бумаги на столе рядом с койкой и уселся на стул. Это был коренастый человек с решительной и дружелюбной манерой общения, и он терпеливо объяснил, что, переговорив с лечащим врачом, решил: для всех только на пользу будет узнать, что же творится в его мозгу. Возражения имеются?

Снова Пендрейк промолчал. Поток мыслей и чувств, исходивших от доктора Коро, не предусматривал на самом деле никакого иного ответа, кроме положительного. Пендрейк не оказывал того сопротивления, на которое надеялся психолог.

Доктор Коро положил один из своих листков на планшет и протянул его и карандаш Пендрейку.

- Это лабиринт, - сказал он. - А теперь я хочу, чтобы вы взяли карандаш, направили кончик карандаша в место, помеченное стрелкой, а затем я бы хотел, чтобы вы нашли в этом лабиринте проход и провели по нему линию.

Пендрейк взглянул на рисунок, увидел путь и прочер-

тил линию. Он вернул планшет психологу, который взглянул на него, вздрогнул, но отложил в сторону, ничего не сказав.

Потом он передал Пендрейку лист бумаги с начерченными на нем маленькими квадратиками, число которых было не меньше тысячи. Они были сгруппированы парами, и один из квадратиков располагался над вторым. Каждая группа была пронумерована, и общее число равнялось пятистам девяносто четырем. Доктор Коро сказал:

- Я стану говорить вам некое утверждение. Если оно покажется вам верным, то вы ставите крестик в верхнем квадрате, если ложным - то в нижнем. Первое утверждение: «Я хотел бы стать библиотекарем». Истинно оно или ложно?

- Ложно, - ответил Пендрейк.

- Номер два, - продолжал психолог, - «Я люблю журналы по механике». Верно или ложно?

Пендрейк молча поставил крестик в нижнем квадрате. Он посмотрел вверх и увидел, что доктор Коро наблюдает за ним. Психолог терпеливо заметил:

- Давайте убедимся, что мы понимаем суть этого теста. Пожалуйста, расскажите мне, почему вы не хотите быть библиотекарем.

- Здесь мне приносят кое-какие книги, - ответил Пендрейк, - и написанные в них слова искажут всю истину, которую я вижу в мире и в людях вокруг меня. Так с какой стати я должен хотеть иметь дело с книгами? Кроме того, это чисто женское занятие.

Психолог открыл рот, собираясь сделать какой-то комментарий, но потом, похоже, передумал. Через секунду раздумий он произнес:

- Но ведь вам не приносят сюда журналы по механике. А там описываются механические процессы, и вы все-таки тоже поместили утверждение о них как ложное. Почему?

- У меня есть несколько книг по механике на вон той

полке, - сказал Пендрейк, указывая на книги левой рукой. - Они слишком примитивны. В них рассказывается, как делать очевидные вещи.

- Понимаю, - произнес доктор Коро, но это прозвучало неубедительно. Несколько секунд он колебался, потом сказал: - Предположим, я попрошу вас кое-что собрать. Возьметесь?

- Собрать что? - с интересом спросил в свою очередь Пендрейк.

Доктор Коро вытащил из портфеля прямоугольную коробку. Подойдя к койке, он вывалил ее содержимое на одеяло - множество зеленых пластиковых деталей различных размеров и форм.

- Здесь двадцать семь кусочков. Существует только один способ собрать их в куб. Ну что, попытаетесь?

Пендрейк разложил кусочки на койке, чтобы лучше видеть их. Он сразу же начал складывать их вместе, и через тридцать секунд у него в руках оказался идеальный куб. Он передал его доктору Коро.

Психолог сказал с напряжением в голосе:

- Как вы сделали это?

Пендрейк молчал - он уже не помнил как и извиняющимся тоном попросил:

- Разберите куб, а потом я снова соберу его. В этот раз я буду следить за своими действиями.

Доктор Коро молча разбросал кусочки на койке. Спустя двадцать секунд Пендрейк передал ему куб и сказал:

- Это гораздо проще вопроса, почему электроны удерживаются вокруг атомов и не разлетаются, для меня никакой проблемы тут нет. Эти кусочки имеют специально такую форму, чтобы состыковаться друг с другом, поэтому нужно просто последовательно складывать те из них, которые подходят друг к другу. После этого все зависит только от ловкости ваших рук.

Психолог с трудом проглотил комок в горле, но в конце концов ему удалось выдавить из себя:

- Что вы имели в виду, говоря о связи атомов и электронов между собой?

- Здесь мы имеем решетчатую структуру, состоящую из миллиардов светящихся шариков, - начал объяснение Пендрейк, потом замолчал, внезапно помрачнев. - Это не самое лучшее объяснение: на самом деле вы не поймете, что же именно происходит. Лучше давайте рассмотрим, например, стол, за которым вы сидите. Когда я проникаю в область, где ножки стола упираются в пол, я вижу один любопытный феномен.

- Проникаете? - выдохнул доктор Коро.

В том же духе тест продолжался дальше. Через несколько часов, когда пришел доктор Тревор, его поприветствовал ставший совсем уж бледным молодой психолог:

- Боюсь, - произнес он, - что мои тесты не пригодны для данного случая. Согласно их результатам, у него коэффициент интеллекта в районе 500; при этом он либо совершенно нормален психически, либо законченный идиот. Ему доступно понимание пространственно-временных закономерностей на уровне единого психического пространства. Мне придется поразмышлять над этим несколько дней, после чего я еще раз приду сюда.

Врач заметил, что все тесты нужно провести, пока идет восстановительный рост руки, поскольку вся клеточная структура, похоже, находится в состоянии особого напряжения. Он высказал предположение, что когда рост закончится, «а это произойдет через несколько дней», то произойдет возвращение к нормальному состоянию.

- И тогда, - продолжал он, - мы, скорее всего, обнаружим, что имеем дело с еще одним обычным пациентом, которого придется обучать всему, что не передавалось ему из тотипотентного состояния.

Врач достал письмо из кармана и передал его своему коллеге, который, прочитав его, вернул ему.

- Итак, его зовут Пендрейк, - сказал доктор Коро.

Его собеседник кивнул.

- Я напишу его жене сразу же после того, как закончится рост его руки. В конце концов, для него же лучше всего, чтобы, после того как он снова станет в добром здравии, оказаться в руках человека, которому известно его прошлое.

С койки Пендрейк спросил:

- Как, вы сказали, меня зовут?

Оба врача повернулись и с удивлением уставились на него. Они вели себя так, словно рядом с ними был не живой человек, а какой-то неодушевленный предмет или, по крайней мере, существо, которое не способно думать. А теперь, подобно ребенку-вундеркинду, он требовал к себе внимания.

Доктор Тревор замялся, но потом ответил:

- Джеймс Пендрейк. Это имя вам знакомо?

Имя было незнакомым.

- Повторяйте его все время, - сказал врач, - пока не привыкнете.

- Это ваша жена, миссис Элеонора Пендрейк, - с удовлетворением в голосе сказал врач.

Его заранее предупредили о ее приходе, и поэтому Пендрейк с нескрываемым любопытством смотрел на стройную, привлекательную молодую женщину, стоявшую в дверях.

Он не мог припомнить, видел ли ее раньше, но она быстро подошла к койке, обняла его и поцеловала. Потом отступила на шаг назад.

- Это он, - сказала она голосом человека, который только что вышел из тюрьмы на свободу.

Потом с признательностью посмотрела на врача.

- Спасибо вам, что помогли нам найти друг друга, - поблагодарила она. - Когда можно будет забрать его отсюда?

- Сегодня же, - последовал ответ. - Поскольку у него будет надлежащий медицинский уход, то самое лучшее место, где он мог бы набраться сил... - врач запнулся, - и

восстановить свою память - его собственный дом. И не беспокойтесь - это останется между нами. Я переговорю с вашим личным врачом. Как вы, наверное, знаете, ассоциация медиков неодобрительно относится к предварительной публикации данных о пациентах. Мы будем наблюдать за процессом восстановления памяти, но статья по этому поводу будет опубликована не раньше чем через три, четыре или, возможно, пять лет.

Вскоре Пендрейк действительно вернулся в «нормальное» состояние. Кое-что из его способностей сохранилось. Но в целом того состояния самовосстановления уже не было. Там, где раньше ему хватало одного взгляда на людей или вещи, после чего он не испытывал никакой потребности обсуждать их, теперь его начали интересовать подробности. И книги с содержащейся в них информацией стали для него важны.

В доме поместья Пендрейка в Кресцентвилле его мозг вскоре прошел тщательную обработку в определенном направлении. Элеонора чисто по-женски не могла удержаться от того, чтобы не изменить факты, касающиеся их длительной размолвки. Поскольку для этого пришлось изменить и многие факты, касающиеся самого Пендрейка, то вскоре ее воображение родило фантастическую историю о пылкой любви, охватывающей их прошлое.

Она рассказала ему о его находке двигателя и посещении ими аэрогельных башен, после чего она некоторое время оказалась в фермерской колонии на Венере.

- Они сами называли себя идеалистами, - с негодованием произнесла она. - Они утверждали, что не хотят, чтобы безумие Земли было перенесено и на другие планеты. Но они удерживали меня там без мужа. Я была единственной одинокой женщиной.

- А где же был я? - удивленно спросил Пендрейк.

Они уже укладывались спать, когда возник этот разговор. Элеонора ничего не ответила, пока не надела ночную рубашку, после чего, подойдя к мужу, произнесла тревожным голосом:

- Возникла какая-то крайняя необходимость, и поскольку твоё тело подверглось облучению их космического привода, и к тому же у тебя была редкая группа крови, то ты им зачем-то срочно понадобился. Я так и не смогла до конца разобраться во всем этом, но так как именно благодаря этому случаю у тебя снова выросла рука, то я на самом деле не держу на них зла. Я не могу представить себе, каким образом тебе удалось сбежать от них, но тем не менее ты оказался в том госпитале.

Позже Пендрейк лежал, прислушиваясь к её ровному дыханию, и размышлял над тем, что только что узнал о себе. Совсем немного, и он ощущал себя совершенно незащищенным и уязвимым: этими людям, которые тайно пытались колонизировать другие планеты, несомненно известно его постоянное место жительства - здесь, в Кресцентвилле. Доказательство тому: они переправили Элеонору на Землю и возвратили её домой.

Они знали... но отнюдь не он!

Прежде чем он наконец перевернулся на бок и уснул, Пендрейк принял решение. Ситуацию нельзя было оставить в таком подвешенном состоянии.

Он должен был узнать правду.

Глава 12

Пройдя под аркой бара, Пендрейк оказался на Пятидесятой улице... И остановился как вкопанный.

Напротив него находились две аэрогелевые башни, именно там, где, как сказала Элеонора, они и должны были быть. У него даже возникло убеждение, что он это место знает, словно какое-то воспоминание шевельнулось в нём. Но он отбросил его как фантазию. Он решил,

что ему известно о себе лишь то, что ему было сообщено, и ничего больше.

Тем не менее через несколько секунд он понял, что что-то тут не так. Потом он увидел, чего именно не достает - огромной вывески «Поселенческий проект Сайруса Лэмбтона», которая, по словам Элеоноры, висела между башнями.

Нахмутив брови, Пендрейк перешел улицу и заглянул в окно. Но плакат поменьше, ранее украшавший интерьер приемной, где были даны немногочисленные, но подробные инструкции возможным эмигрантам, тоже исчез.

За оконным стеклом в глубине комнаты за столом сидела женщина спиной к окну, и Пендрейк, сам не зная почему, предположил, что это Мона Грейсон, дочь изобретателя двигателя.

Пендрейк толкнул дверь и вошел. Он появился здесь сегодня, чтобы поговорить с доктором Грейсоном, и, возможно, ему это удастся.

- Фам што-нибуть нушно?

Отчетливый немецкий акцент ударил как пощечина. Пендрейк остановился, потом медленно подошел к столу, где остановился и пристально посмотрел на женщину.

У нее было полное лицо, темные волосы и глаза, и через секунду сама огромность ее фигуры, простота ее гортанного исковерканного английского успокаивающе подействовали на его натянутые нервы.

Он заставил себя выкинуть из головы критические мысли. В конце концов, многим ученым и их семьям приходится бежать из родной страны. Он спросил:

- Доктор Грейсон принимает?

- Как мне фаш нашвать?

Пендрейка передернуло.

- Пендрейк, - выдавил он из себя. - Джим Пендрейк.

- Откуда фы?

Пендрейк сделал нетерпеливый жест в сторону закрытой двери, которая вела во вторую башню.

- Он там?

- Я сообщу фаше имя, если фы скажите мне сначала, откуда фы. Мистер Бердман объяснит фам все.

Пендрейк напрягся. Здесь было что-то не так; что именно, пока было неясно. И эта жалкая пародия на девушку-секретаря из информационной службы ничем тут не могла помочь. По какой-то причине Грейсон и остальные отказались использовать эти башни как центр межпланетной деятельности, и теперь в этом здании верховодила группа немцев. Он посмотрел на женщину, приняв внезапное решение.

- Не стоит никому звонить. Кажется, я ошибся. Я...

Он замолчал, закрыл глаза, потом снова открыл их. Револьвер с перламутровой ручкой по-прежнему смотрел на него поверх стола.

- Если фы сделаете хоть одно дфишение, - сказала она, - я пристрелю фаш иж этого бешшумного пистолета.

Откуда-то появился коренастый мужчина с песочными волосами и веснушками. Он быстро obeжал глазами Пендрейка, потом тихо произнес на великолепном беглом английском:

- Отличная работа, Лена. Я уже начал думать, что нам удалось собрать все нити, а тут вот появляется еще одна. Мы запихнем его в скафандр и отправим грузовиком на площадку «А». Самолет будет там через полчаса. Мы сможем допросить его позже. Наверное, у него есть жена и какие-то друзья.

Целый час длилась ужасная раздражающая поездка. Со скафандра, внутри которого находился Пендрейк, сняли цепи. Когда он встал, пошатываясь, на ноги, то увидел дом и другие здания, между которыми стоял небольшой самолет, внешне напоминавший реактивный истребитель.

Один из сопровождающих махнул ему пистолетом.

- Полезай туда.

В самолете находилось трое мужчин. Они были в точно таких же металлопластиковых скафандрах, что и

Пендрейк, но никто ничего не произносил, когда Пендрейка затолкнули внутрь.

Один из них указал на сиденье, потом мужчина в кресле пилота потянул за рычаг, и машина тронулась с места - вперед... и вверх. Полное отсутствие звука, сопровождающее такой невероятной мощи взлет, подтвердило предположения Пендрейка. Элеонора описывала это явление. Итак, здесь использовался двигатель Грейсона.

Небо поразительно быстро потемнело. Солнце потеряло свои круглые очертания и превратилось в нечто ослепительно горящее во Вселенной ночи.

Позади самолета Земля начала приобретать сферические очертания, а впереди вырастала мерцающая Луна.

Рядом с обычными лампочками на телефоне зажегся матовый огонек. Бердман поднял телефонную трубку, ощущая пустоту внутри, что всегда происходило, когда звонили *оттуда*.

- Бердман слушает, ваше превосходительство.

Ледяной голос на противоположном конце произнес:

- Вас обрадует то, что через всего лишь три дня у нас будут все необходимые данные по Пендрейку. Вам известна важность обнаружения и допроса любого человека, который имеет хоть малейшее представление о двигателе Грейсона, как и то, что действовать мы должны, не вызывая никаких подозрений. Поэтому вам придется проследить за тем, чтобы миссис Пендрейк была похищена и переправлена на Луну. Принудите ее написать какую-нибудь записку для слуг вроде того, что она присоединяется к своему мужу и ее не будет некоторое время.

- Вы не хотите, чтобы она была убита?

- В этом нет необходимости - она же будет на Луне. Как вам известно, женщин там не хватает. Сообщите ей, что целый месяц она может выбирать себе мужа из числа постоянно работающего там персонала.

Матовый огонек погас. Коренастый Бердман встряхнулся, словно пес, попавший под проливной дождь. Он

быстро прошел к шкафу, стоявшему в углу его кабинета. Когда он коснулся замка, тот открылся, и он увидел блестящие бутылки с выпивкой. Почти не глядя, он схватил одну, наполнил бокал янтарной жидкостью и одним глотком осушил его.

Его передернуло, когда спиртное огненным вихрем промчалось по его внутренностям, а затем он медленно вернулся к своему столу. «Забавно, - подумал он, - почему звук этого голоса так сильно всегда воздействует на меня?»

Но потом он принялся отдавать необходимые распоряжения.

Глава 13

Он лежал в темноте. Пендрейк помрачнел. Он вспомнил полет с тремя немцами - вот болваны, они даже не считали, что он может представлять для них какую-то опасность! - и вспомнил посадку на Луну, завершившуюся катастрофой.

Он не задумывал ее. Но все происходило с такой стремительностью, что у него просто не оказалось в конце концов времени, чтобы разобраться в устройствах управления немецкого космического корабля.

Да... саму катастрофу и то, что предшествовало ей, он помнил достаточно ясно. И только темнота вызывала у него недоумение.

Непроглядная темень; даже космос не выглядел таким - он казался бархатным занавесом с рассыпанными по нему крошечными бриллиантами; да еще было солнце, ослепительные лучи которого проникали через иллюми-

наторы самолета... да, то была темнота, но совсем не похожая на эту.

Пендрейк в замешательстве поморщился и попытался шевельнуть рукой.

Это удалось ему сделать с огромным трудом - ему казалось, словно он вытаскивает ее зыбучего песка...

В голове мелькнула догадка: измельченная в пыль пемза! Он лежал в «море» осевшей каменной пыли где-то на обратной стороне Луны, и все, что теперь ему нужно сделать, это...

Он вырвался из пылевой темницы и некоторое время постоял, прищурившись от призрачного света солнца. Сердце его екнуло. Он оказался в огромной пустыне. Слева от него в ста ярдах из песка торчало крыло самолета. Справа примерно в пятистах метрах тянулся длинный низкий кряж, отбрасывающий в косых солнечных лучах густые тени.

Все остальное было пустыней. Насколько он мог видеть, повсюду ровным слоем тянулась измельченная пемза. Взгляд Пендрейка возвратился к крылу, и в мозгу у него стрельнуло: «Двигатель!» Он хотел было побежать, но вместо обычных шагов передвигаться здесь можно было только при помощи длинных и высоких прыжков. Впрочем, он вскоре приноровился к новой гравитации и стал передвигаться столь непривычным образом. И у него появилась надежда, что двигатель и ось привода остались целыми и невредимыми, и самолет еще можно будет поднять в воздух: повреждения, причиненные корпусу этого летательного аппарата, не имели решающего значения - он мог бы летать даже без крыльев и с искореженным фюзеляжем.

Почти вертикальное положение крыла ввело его в заблуждение. Металлической пластинкой он усердно откапывал крыло в течение, наверное, получаса, пока не добрался до рваного края крыла.

За ним ничего не было - ни самолета, ни двигателя, ни хвоста - ничего, кроме измельченной пемзы.

Крыло смотрело в небо - немой обломок самолета, который, лишившись каким-то образом этой своей части, умчался в вечность. Если закон вероятностей что-нибудь значит, самолет со своим двигателем будут вечно летать в космосе.

Впрочем, одна надежда еще оставалась. Пендрейк торопливо направился к кряжку. Его склоны оказались более пологими, чем ему показалось вначале. Трудно было видеть что-либо под ногами - склоны кряжа были погружены в черную тень. За несколько минут, как он ни старался, ему удалось добраться только до середины двухсотфутового холма - его постоянно сносило назад вместе с неспрессованной пылью, стекавшей вниз небольшими ручейками. Похолодало. Сначала он не обращал на холод внимания, но вскоре внутри скафандра начал просачиваться пронизывающий, жгучий холод. Через несколько минут все его тело окоченело, а зубы начали стучать друг о друга. Он подумал: «Скафандр, этот чертов скафандр нужно было сконструировать так, чтобы тепло прямых нерассеянных лучей солнца накапливалось и равномерно распределялось внутри, тем самым препятствуя распространению холода».

Наконец он выбрался на гребень и, закрыв глаза, повернулся к ослепительно сверкающему солнцу, низко нависающему над горизонтом; медленно тепло начало возвращаться в его вены; он вспомнил о цели, ради которой забрался сюда, и огляделся по сторонам с нарастающим чувством отчаяния. Насколько он мог видеть, плоская поверхность пемзового моря была повсюду нетронутой, кроме семи кратеров, которые смутно вырисовывались вдалеке, похожие на уста ведьм, присосавшихся к небу. Самолет, очевидно, так и не рухнул где-то поблизости, потеряв одно свое крыло.

Пендрейк направился к кратерам и шел больше часа, зажав в пальцах металлическую «лопатку», когда он вдруг заметил, что солнце опустилось еще ниже к краю горизонта.

Надвигалась лунная ночь.

Фантастически пылающий диск солнца опускался все ниже и ниже по небосклону, который был гораздо темнее полуночного неба Земли, а одинокий человек по имени Пендрейк бегал от одного кратера к другому. Это были потухшие вулканы, небольшие - самый большой из них достигал всего лишь трехсот ярдов в диаметре. На дно кратеров падали косые луча заходящего солнца; и лишь благодаря отраженному от стен свету Пендрейк мог видеть, что и там, на дне, лежала все та же измельченная в пыль пемза.

Два... четыре, пять кратеров; и по-прежнему никаких следов самолета, поисками которого он занимался. Пендрейк в очередной раз взобрался на край шестого по счету кратера - со стороны солнца - и с тоской начал всматриваться в густую тень, заливавшую дно небольшого котлована. Пемза, рваные края лавы, завалы из камней, которые были темнее, чем падающие на них тени, - он уже успел привыкнуть к такой картине, так что его глаза без участия мозга сами перевели взгляд на другой участок.

В тупом безразличии его взгляд проскользнул футов сто по противоположному краю кратера, когда внезапно он понял, что нашел то, что искал, - вход в пещеру.

Пендрейк ощутил себя на краю вечности. Гребень кратера казался зажатым между усеянной блестками чернотой космоса и твердым выступом мертвого вулкана. Пендрейк побежал. Солнце казалось комком пламени в бархатном небе. Ему почудилось, что оно покачнулось вправо от него, как бы наклоняясь, чтобы нырнуть затем вниз. Его свет бросал тени, которые с каждой минутой удлинялись и сгущались. У каждого камешка, малейшей неровности появилось свое основание из темноты.

Пендрейк избегал теней - источников холода, замораживающего его ноги, стоило ему только очутиться в них. В его скафандре был фонарь - единственная вещь, которую люди, захватившие его, оставили у него. Он включил его. Слева от него прямо над землей еще виднелась

четвертушка солнечного диска - сверкающая арка света. Вздыхающиеся вверх кратеры уже погрузились в темноту - бездонную, сводящую с ума мглу. Пендрейка передернуло, и он спрыгнул вниз ко входу в пещеру. Луч света, бьющий из закрепленного на шлеме фонаря, осветил пол, покрытый пемзой.

Когда он стал копать, жуткий холод начал сковывать его члены. Раньше, когда лучи садившегося солнца согревали его, это не так чувствовалось, но теперь не спасала и лихорадочная поспешность его движений - холод съедал все силы, что еще оставались у него. Пластина постоянно выскальзывала из его онемевших рук.

В конце концов он, точно выбившийся из сил старик, улегся в небольшой траншее, которую вырыл в пыли. Собрав волю в кулак, Пендрейк с огромным трудом начал закапывать себя. Когда он высунул сквозь слой песка руку и потушил фонарь, сил никаких уже не оставалось. И он остался лежать неподвижно, словно ледяная глыба, а щеки его превратились, как ему казалось, в ледышки.

Он подумал, что лежит зарытый в собственной могиле.

Но его жизненная сила была цепкой и непреклонной. Ему стало теплее: холод покидал кости, в отдельных местах тела уже покалывало, в онемевшей руке появились болевые ощущения, а пальцы начали ощущать тепло. Оно разлилось по скафандру, принося облегчение и радость. И все-таки он не мог согреться так, как хотел бы, - слишком низкой была температура. И прошло немало времени, прежде чем ему в голову пришла поразительная мысль: захоронив себя здесь, он не достиг желаемого - ему нужно закопаться глубже, гораздо глубже в лунную пыль кратера.

И, лежа здесь, в одиночной пемзовой могиле, Пендрейк вдруг начал испытывать какое-то странное чувство: он знает нечто такое, что поможет ему спастись, что у него еще есть шанс выбраться из этой передрыги. Его рассудительный мозг цеплялся за это странное чувство и в конце концов создал в нем веру, что он в самом деле очень

близко подобрался к раскрытию тайны базы, созданной на Луне восточными немцами.

И немцы, скорее всего, тоже забрались внутрь планеты. Дальше в глубине станет теплее. Только за счет одного трения, трения полувязкого камня и металла, возникающего благодаря собственному вращению Луны, будет создаваться более высокая температура, которая станет удерживаться изолирующими слоями пемзы и лавы от холода на поверхности. Остается, конечно, проблема с обеспечением базы пищей и водой, но, имея совершенный космический привод, они без особых проблем могли бы перевезти сюда все, что им требовалось.

Пендрейк с трудом выбрался из собственной гробницы и на время выбросил все мысли из головы. Встав на ноги, он включил фонарь и направился в глубь пещеры.

Тропа извивалась, словно когда-то пещера была трубчатой воронкой действующего вулкана, деформировавшейся из-за постоянных смещений лунной коры. Вниз, вниз, туда, куда ведет уклон. Сколько раз он зарывался в пыль, пытаясь найти теплое место, Пендрейк не мог впоследствии вспомнить. Дважды он засыпал, но сколько длился его сон, он не имел ни малейшего понятия. Возможно, это была минутная дремота... а возможно, он каждый раз спал по несколько часов.

Казалось, время в пещере остановилось. Вокруг него царила ночь, которую лишь время от времени подобно тонкому огоньку пламени прорезал слабый луч фонаря с его шлема. Пендрейк не жалел себя, он забирался все дальше и глубже, часто в полной темноте, только на секунду включая фонарь, освещая путь впереди, чтобы заметить возможные встречные препятствия. От основного прохода начали отходить боковые ответвления. Иногда сразу было видно, что они никуда не ведут. Но бывало, что Пендрейку приходилось заставлять себя останавливаться и, не обращая внимания на ужасный холод, проникавший в каждую его клеточку, отмечать стрелкой направление, откуда он шел.

Он снова поспал, потом - еще раз. Пять дней, подумал он, зная, что, скорее всего, пытается себя обмануть. Телу, подвергающемуся такому смертельному холоду, требуется для восстановления больше сна, чем в обычных условиях. Каким бы могучим и невероятно сильным ни был его организм, но он должен был реагировать таким образом. Итак, он спал пять раз - значит, пять дней, угрюмо подсчитал он, потом добавил к каждому периоду сна по одному дню: шесть, семь, восемь, девять...

Постепенно становилось теплее. Но очень долгое время он не замечал этого. В конце концов он осознал, что интервалы между лихорадочно производимыми захоронениями удлинились. Хотя на десятый «день» его все так же щипал жгучий мороз, но, похоже, тот уже ослабил свою мертвую хватку, не так щипал, и пальцы рук и ног перестали неметь. Тепло дольше задерживалось внутри него. Впервые за все это время он мог идти, не зарываясь больше в пыль. Пендрейк понял, что он не полностью потерял рассудок, когда решил продолжить свое путешествие в этот мир вечной ночи.

Пришли и другие мысли. Он должен оставить надежду найти впереди безопасное убежище. Он должен повернуть назад, к поверхности, где мог бы начать отчаянные поиски одного из лагерей немцев. Так следовало поступить согласно логике, рассуждал он.

Но эта мысль не изменила его намерений, и он продолжал продвижение вперед.

Порою Пендрейк даже забывал, что заставляет его двигаться вперед, и наступали минуты, даже часы, когда он проклинал мощь своей жизненной силы, что направляла его в этих отчаянных поисках. Сама неопределенность его планов подталкивала волю, которая к тому же была в значительной степени ослаблена болезненными уколами голода и жажды, столь ужасными, что каждая минута и секунда казалась ему часом, проведенном в аду.

«Давай, поворачивай обратно», - советовал ему рассудок. Но ноги его продолжали нести его вперед, не

обращая внимания на эти призывы, вниз и вниз. Он споткнулся и упал. Потом снова поднялся. И свернул в изогнутый проход, который вывел его к освещенному коридору, почти невидимому. И, уже перешагивая через вход, когда до Пендрейка дошло, где же он оказался.

Он нырнул за большой каменный выступ. Прележал там несколько минут, вздрагивая, такой слабый, почувствовавший приступ внезапной дурноты от осознания происшедшего, и в голове была только одна мысль: «Я дошел до конца».

Он с трудом приходил в себя. Его нервная энергия, этот экстраординарный запас его огромной силы, была истощена. Но через некоторое время он почувствовал себя бодрее. Пендрейк осторожно выглянул из-за камня, за которым лежало его усталое тело в скафандре. Конечно, он сошел с ума: ему показалось, что он увидел, как вдалеке двигаются какие-то фигуры, но...

Простирающийся перед ним коридор шел под уклон. Он напряженно всматривался, но, похоже, там никого не было. Лишь через некоторое время Пендрейк понял, что коридор освещается вовсе не электрическими лампами и что он ошибся, когда первоначально подумал, что этот свет создан немцами.

Он был один в этой древней пещере внутри спутника Земли - совсем как червь, который ползет по высохшей артерии разложившейся плоти какого-то трупа.

Источники света, струившегося от стен, располагались без какой-либо системы. Пендрейк осторожно продвигался вперед, и сверкающие точки и полоски освещали ему путь. По правой стене тянулась длинная неровная линия, а на левой сверкали и мерцали грубо очерченные фигуры, в основном, бесформенные; насколько мог видеть Пендрейк, лишь одна из них напоминала полумесяц. Пендрейк внезапно подумал: «Своего рода светящаяся руда, которая может быть вредной...».

Вредной! Горький смех эхом отозвался внутри шлема, и на его иссушенных жаждой губах появилось несколько

новых трещинок. Смех внезапно оборвался, когда боль стала невыносимой. Человеку, стоявшему на пороге смерти, не стоит беспокоиться о новых опасностях. И Пендрейк продолжил путь, забыв на некоторое время об осторожности. Но затем постепенно его разум вновь осознал наличие света. Истина внезапно открылась ему, когда он свернул за угол и перед ним открылся еще один уходящий вдаль коридор.

Этот коридор был искусственным!

И старым! Невероятно старым. Таким древним, что стены, которые были глаже стекла и тверже любого материала, созданного человеком; они излучали каждой точкой своей поверхности свет, обвалились под воздействием разрушающего воздействия бесчисленных столетий. Осыпались - и вот остался в результате этот искривленный, освещенный полосками света туннель.

Спотыкаясь, Пендрейк побрел вперед, и в голове его мелькнула лукавая мысль, что теперь благодаря этому свету он сэкономит энергию фонаря. По какой-то неясной причине это казалось очень важным. Пендрейк захихикал. Как же невероятно смешно, что он, тот, кто вскоре должен будет умереть, вдруг оказался в этот чрезвычайный момент своей жизни в подземном мире, где некогда жили разумные существа.

Его хихиканье переросло в безумное, неконтролируемое веселье. Но в конце концов оно закончилось - когда не осталось больше сил - и Пендрейк устало прислонился к стене, уставаясь на крошечный ручеек, который пересекал пещеру, вытекая из большой трещины в камне и исчезая в воронке у противоположной стены. «Я сейчас перейду этот ручей, - сказал он себе с уверенностью, - а затем...»

Ручей! Шок от осознания просходящего был таким сильным, что вызвал головокружение, из-за которого он споткнулся и упал как подкошенный. Удар металла и пластика о камень грохотом отозвался в ушах; этот лязг вернул ему ощущение реальности.

Пендрейк насторожился, его сознание прояснилось, и он вышел из оцепенения.

Вода! Это явилось для него еще бóльшим сюрпризом. Осознание происшедшего заполнило весь его мозг, затем проникло во все мышцы, но все равно шок был невероятной силы. «Вода! *И она течет откуда-то!* Значит, там, дальше, уже долгое время нет холода! Стаскивай с себя шлем, все равно, есть здесь воздух или нет». Почему-то Пендрейку казалось, что он будет жить, если напьется сейчас воды.

Он неуверенно поднялся на ноги и увидел людей, шедших навстречу ему. Он мигнул и тут только подумал с тревогой и удивлением: «Они без скафандра и шлемов! Странно одетые, признаться. Забавно!»

Прежде чем он успел подумать еще о чем-либо, сзади послышался топот ног. Он повернулся и увидел дюжину людей, бегущих к нему. Неожиданно сверкнули ножи. Хриплый голос выкрикнул:

- Убейте чертова шпиона. Грязный шпион!

- Эй! - хрипло выдохнул Пендрейк.

Его голос утонул в кроважадных воплях. Его толкнули - и у него не было сил даже поднять руку. В ту же секунду сверху его ударили дубинкой, и в этот момент его удивление достигло высшей точки...

Нападавшие на него были не немцами!

Глава 14

Четыре года минуло с того времени, как одним августовским днем 1972 года Пендрейк обнаружил двигатель; и уже почти год минул со дня его побега от амазонок Джефферсона Дейлса, бóльшую часть которого он провел

с Элеонорой, отрачивая и восстанавливая свою руку. Снова наступило лето. И в августе 1976 года не было никаких зацепок относительно того, что случилось с исчезнувшим летчиком и его похищенной женой. В эти летние дни, когда все были озабочены своей судьбой, никого, похоже, не интересовало, где находятся мистер и миссис Джеймс Пендрейк.

Но все-таки одна зацепка была.

Кончился август 1976 года. Земля вздохнула десятью тысячами ветров. Первое сентября перешагнуло международную линию разделения дат. Когда оно достигло восточно-американского побережья, задул северо-восточный ветер, метеорологи вывели свои кривые и сделали краткое сообщение, что зима в этом году будет ранней.

Ко второй половине первого сентября скрытые данные были обнаружены. Комиссар ВВС Блейкли, оправившись от тяжелого гриппа, вернулся в свой офис. Разбирая набравшиеся за время отсутствия дела, он наткнулся на папку с делом миссис Пендрейк. Это имя сначала не вызвало у него никаких ассоциаций.

- Почему это лежит на моем столе? - спросил он у секретарши.

- Эта женщина пыталась связаться с вами во время вашей болезни, - последовал ответ. - Она была в совершенной истерике и несла что-то насчет атомного двигателя и организации, которая перевозит эмигрантов на Венеру. Все это походило на бред сумасшедшего, но, когда я попыталась связаться с ней вчера и позвонила ей домой, мне сообщили, что она уехала, не предупредив никого. Позже обнаружили записку, но прислуга считает, что на самом деле записка написана не рукой миссис Пендрейк. И поскольку до этого вы уже имели дело с Пендрейками, - то есть с мистером Пендрейком, - то я подумала, что лучше обратить на это дело ваше внимание.

Блейкли кивнул и откинулся на спинку кресла. «Пендрейк! - задумался он. Потом залился краской, вспомнив унижение, которое он испытал. - Это же тот однорукий,

который вышвырнул меня из дому, а потом прислал список с именами и адресами физиков-ядерщиков...»

Мысль его застыла в ужасном предчувствии. Кровь застучала в висках. «Это может разрушить мою психику! - подумал он. Через некоторое время, Блейкли, мертвенно-бледный, проглядел дело Пендрейка и перечитал письмо со списком: доктор Мак-Клинтон Грейсон, Сайрус Лэмбтон... Здесь было, о чем подумать: он читал о смерти этих людей в автокатастрофе... Это дело казалось все сложнее и сложнее с каждой минутой. Вспотев, он прочитал свой собственный ответ на письмо Пендрейка: «...дальнейшая переписка представляется бессмысленной...»

Долгую минуту он вглядывался в этот треклятый документ. Наконец сжал губы и потянулся к кнопке интеркома:

- Сначала вызовите мне Кри Липтона из Федерального бюро расследований, - сказал он, - а потом Неда Хоскинса, патентоведа.

Коренастый мужчина проник в отель через тайный вход. Он чувствовал, что за ним наблюдают, и вот, наконец, дверь открылась. Его провели по коридору. Через несколько минут он оказался в святой святой.

- Ваше превосходительство! - поклонился он.

Высокий худощавый мужчина, сидевший за большим металлическим столом в офисе на Пятой авеню, вперился в него глазами, столь яркими и непреклонными, что казались сверкающими отверстиями в его голове.

- Герр Бердман, - сказал он, - ФБР расследует исчезновение миссис Пендрейк. Им уже известно, что самолет взлетел сразу после приземления. Этого нельзя было делать.

Коренастый мужчина в испуге сглотнул.

- Возможно, у этих людей не было выбора. Иногда поспешное исчезновение бывает необходимым.

- Меня не интересуют причины. - Холодный голос

был неумолим. - От сурового наказания этих людей спасает только одно - до этого времени никто не связывал нас с этим делом, и поэтому, возможно, пришло время прибегнуть к крайним мерам предосторожности и сжечь некоторые строения согласно плану Д2. Мы должны быть уверены, что не останется ничего, что могло бы навести на наш след. Проследите за этим.

- Это будет сделано, ваше превосходительство, и немедленно.

- И еще одно. Относительно самого Пендрейка. Мы не должны считать, что он мертв. Его след от отломившего крыла самолета ведет в кратер. В ходе поверхностного расследования установлено, что он все еще был жив, но ему приходилось время от времени зарываться в пыль, и поэтому мы можем считать, что автоматическая подгорающая система его скафандра, скорее всего, повреждена во время крушения.

- Я полагаю, что, чтобы прояснить этот вопрос до конца, мы должны теперь подготовить военную кампанию против обитателей пещеры. Мы и так слишком долго терпели их вызывающее поведение...

Глава 15

Пендрейка разбудило какое-то мелодичное посвистывание. Оно раздавалось откуда-то слева, но от восхитительной слабости в каждом нерве и мышце и давно забытого удовольствия от лежания на чем-то мягком и удобном ему не хотелось поворачивать голову, чтобы взглянуть на человека, который издавал разбудившие его трели.

Спустя секунд до Пендрейк вдруг осознал, что он жив

и что это каким-то образом не согласуется с тем, что происходило перед этим.

Но он остался лежать неподвижно. Через некоторое время он поймал себя на том, что в удивлении уставился на освещенный свод пещеры, который возвышался над ним, вероятно, на расстоянии не меньше мили. Он закрыл глаза и покачал головой, словно стараясь прояснить свой разум от любых фантазий, потом снова открыл глаза. Чудовищных размеров крыша оставалась на прежнем месте. То, что было узкой змеей-коридором пещеры, каким-то образом разрослось и превратилось в подземную необъятность.

Это зрелище привело его в чувство. Он почувствовал прикосновение к щекам слабого ветерка, приносившего запах растений, аромат сада и цветущих деревьев. Пендрейк шевельнулся, все более возбуждаясь. Сделав это движение, он понял, что на нем больше нет скафандра.

Кроме того, изменилось и еще кое-что - насвистывание прекратилось, и слышались чьи-то шаги. Голос молодого человека произнес:

- О, вы проснулись.

Пендрейк увидел говорившего - стройного молодого человека с тонкими чертами лица и сверкающими глазами. Он был одет в странное старомодное потертое пальто, штаны, обтянутые ремнем, и башмаки.

- Вы находились без сознания четыре периода сна, - поведал парень. - Время от времени я вливал вам в рот воду и фруктовый сок. Кстати, Меня зовут Моррисон.

- Я заблудился, - произнес Пендрейк и моргнул: он ничего не смог выдавить из себя помимо хриплого шепота.

- Вам лучше пока не разговаривать, - посоветовал парень. - Вы еще слишком слабы. Но только вы станете чувствовать себя лучше, вас доставят к Большому Олуху на допрос... только поэтому-то вы еще и живы.

Смысл сказанного не сразу дошел до сознания Пендрейка. Он лежал неподвижно, в голове крутилась мысль:

«Холод и желание жить заставляли меня идти вперед. Благодаря этому я остался жив. А что касается этого типа, Большого Олуха... Большого *кого?*»

Пендрейк пробормотал что-то удивленно, сбившись на хриплый шепот. Молодой человек с усмешкой посмотрел на него.

- Все верно, так его зовут. Когда-то кто-то обозвал его так, ему это понравилось, но никто так и не осмелился объяснить ему смысл этого прозвища. Видите ли, он - неандерталец. Он здесь уже по меньшей мере миллион лет, почти столько же, сколько эта дьявольская бестия в яме.

На лице парня появился испуг.

- О! - произнес он встревоженно. - Ведь я не должен был говорить вам это! - Внезапно он запаниковал. - Ради Бога, - прошептал он хрипло, - не рассказывайте никому, что я проболтался, как давно мы находимся здесь. Для вас я сделал все, что было в моих силах. Я возвратил вас к жизни. Я кормил вас. Я должен был приглядывать за вами - я ваш страж, понимаете ли, и вы в тюрьме. Но я доставил вас сюда и... - Он умолк. - Пожалуйста, никому не говорите!

Его лицо побледнело от страха, и потом на нем произошла смена эмоций. Сначала появилось коварство, потом свирепость. Неожиданно он выхватил нож, который до этого был скрыт от Пендрейка - он находился в ножнах под пальто.

- Если вы мне не пообещаете, - в этих угрожающих словах слышалось безумие, - то мне придется инсценировать ваш побег, результатом которого явится ваша смерть.

Пендрейк едва смог выдать из себя:

- Конечно, я обещаю. - И в тот же миг по взгляду расширившихся глаз понял, что простого обещания будет недостаточно для этого охваченного ужасом существа, что наклонилось над ним. Пендрейк поторопился добавить (опасность придавала его шепоту громкость и убедит-

тельность): - Подумайте сами, раз уж я узнал что-то запретное, неужели я не понимаю, что в моих же собственных интересах держать эту информацию при себе. Это ведь достаточно разумно, не так ли?

Постепенно страх покинул молодого человека. Он неуверенно выпрямился, потом начал что-то тихо насвистывать.

- В любом случае они собираются бросить вас этой дьявольской бестии, - сказал он наконец. - Они не предоставляют никому шансов на спасение, кроме разве что женщин. Но никому не говорите о нашем разговоре.

- Согласен!

Пендрейк прошептал это слово и выдавил из себя улыбку, однако утрюмо подумал: «Спать нужно чутко. Не забывать о ноже даже во время сна...»

И, не закончив этой мысли, он провалился в небытие.

Проснувшись вторично, он принялся размышлять: «Человек, которого зовут Моррисон, - в центре Луны. Эти люди прибыли сюда с Земли, и они находятся здесь уже в течение длительного времени. Странный феномен. Я должен поскорее узнать побольше о нем».

Рядом с ним раздался какой-то звук. Знакомое лицо с тонкими чертами склонилось над ним.

- Ага! - воскликнул Моррисон. - Вы снова проснулись. Я ждал этого, прислушиваясь к тому, что вы болтали во сне, а наговорили вы много чего. И я должен сообщить все, что услышал.

Пендрейк принялся было кивать полусознательно, его разум просто воспринимал слова, не улавливая смысла, и когда весь подтекст дошел до его сознания, то он мысленно представил картину кого-то - где-то там, за стенами, - его зовут Большой Олух, он отдает приказы, с хитрецей выслушивает сообщения шпионов, дает указания временно отложить казнь... Неожиданно Пендрейка охватил гнев. Он встал.

- Послушайте, - начал он, - кто эта дьявольская... - Голос его звучал ясно и громко, но замолчал он не

потому, что внезапно осознал о том, что к нему вернулась былая сила. Его остановил поразительный вид, который открылся перед ним, когда он встал.

Внизу простирался город, утопающий в садах и палисадниках. Широкие улицы, на которых Пендрейк заметил мужчин и... странно одетых женщин.

Он тут же забыл о людях города. Его взгляд перенесся к горизонту. На противоположной стороне города зеленел луг, там пасся скот. А дальше свод пещеры соединялся с землей, но это место скрывал утес.

Всего несколько секунд его внимание было приковано к линии горизонта, где светящийся свод пещеры встречался с землей.

А потом его взгляд перенесся обратно к замечательному городу. Он начинался в ста футах от него. Сначала протянулась посадка высоких деревьев, ветви которых ломались от огромных серых фруктов. Эти деревья закрывали находившееся чуть дальше строение. Небольшое и красивое. Похоже, что его построили из материала, похожего на раковины. Оно светилось, казалось, что внутри дома находится источник света, лучи которого пробиваются сквозь прозрачные стены. Но формой это здание скорее напоминало осиное гнездо, чем морскую раковину, впрочем, определенное сходство с раковиной все же оставалось. Другие здания, дразняще просвечивающиеся сквозь деревья, были самыми разнообразными, однако основной архитектурный стиль выдерживался строго, так же, как и неизменным оставался светящийся строительный материал.

- Город был уже таким, - раздался голос Моррисона, - еще когда я прибыл сюда в 1853 году, и Большой Олух говорит, что он был таким и тогда, когда он сам...

Пендрейк повернулся. Замечание относительно этих дат произвело на него ошеломляющее воздействие, но основной смысл он уловил.

- А ведь вы сами говорили, что он здесь уже миллион лет.

Худое лицо беспокойно скривилось. Парень торопливо огляделся. Его рука метнулась к ножу. Потом он увидел взгляд Пендрейка и отдернул руку от рукоятки ножа. Его трясло.

- Не повторяйте больше этих слов, - в отчаянии прошептал он. - На меня, наверное, что-то нашло, когда эти слова вырвались с моих губ, вот и все. Просто вырвались!

Он действительно был испуган. По-настоящему, и это делало реальным и все остальное... этот миллион лет, Большого Олуха, вечный город внизу. Несколько секунд Пендрейк всматривался в лицо собеседника, на котором быстро одна эмоция сменяла другую. Потом сказал:

- Я не скажу никому ни слова, но мне очень хочется знать, что все это значит. Как вы оказались здесь, на Луне?

Моррисон шевельнулся. По лицу скатилась вниз капля пота; Пендрейку показалось просто невероятным, что человек может быть настолько напуган.

- Я не могу рассказать вам, - ответил Моррисон с паническими интонациями в голосе. - Они тогда и меня бросят к этой бестии. Большой Олух все время твердит, что нас и так стало слишком много здесь с тех пор, как были похищены немецкие девушки.

- Немецкие девушки! - воскликнул Пендрейк и тут же замолк, задумавшись. Это объясняло то, что он видел на улицах города женщин в форме. Надо же, эти обитатели пещеры разворошили осиное гнездо!

Моррисон продолжал резким тоном:

- Большой Олух и его закадычные друзья помешаны на женщинах. Сейчас у Большого Олуха пять жен, да еще две покончили раньше с собой, а он снова отправил во внешний мир охотничью экспедицию. Когда они вернутся... что ж, он просто дожидается подходящего случая прикончить всех добропорядочных мужчин.

Картина прояснялась; пропущенные детали были не так уж важны. Пендрейк сидел, помрачнев, спокойно

представляя в голове катаклизм, который превратит лунный рай в ад. «Эти идиоты - Моррисон и ему подобные, - подумал он, - просто ждут, как стадо испуганных овец, начала бойни, посвистывая, чтобы скоротать время, веселые мелодии. Пендрейк уже открыл было рот, но не успел ничего произнести - сзади раздался чей-то рев:

- В чем дело, Моррисон? Пленник уже набрался достаточно сил, чтобы встать, а ты еще не сообщил об этом? А ну-ка пошли, незнакомец. Я доставлю тебя к Большому Олуху.

Несколько секунд Пендрейк сидел неподвижно. Внутри него все оборвалось. Наконец появилась четкая мысль: «Я слишком устал, слишком слаб. Кризис наступил слишком рано!»

Тем не менее он был настороже, когда шел по улице деревни. И то, что он способен был идти, ободряло. Пендрейк не осмеливался пока на какие-либо действия с применением силы, но он должен продержаться еще несколько «дней» - выиграть время, чтобы понаблюдать, оценить ситуацию и организовать испуганных «добропорядочных» мужчин, которые, если верить словам Моррисона, были обречены на смерть во время бойни.

Он почти не смотрел на дома и замечал пестрый контингент неряшливо одетых мужчин и сердитых женщин в военной форме - все свое внимание он сосредоточил на попытках определить важнейшие стратегические бастионы города.

Пендрейк сразу же отметил военную организацию во всем, что касалось важнейших ресурсов города. Он увидел двух полуобнаженных мужчин с голубой кожей и широкими плоскими носами, охранявших ручей, который вытекал из стены и скрывался из виду в отверстии в земле. Под охраной находились и другие объекты, в частности, четыре больших здания, но нельзя было сразу же сказать, чем была вызваны такие меры предосторожности.

Пендрейк прошел несколько метров, потом остановился. Почти в самом центре города, наполовину скры-

тый за деревьями, стоял частокол, сооруженный из связанных между собой древесных стволов. Это совсем не вязалось с видом домов, похожих на раковины с их приятным глазу цветом. Но не возникало никаких сомнений, что именно там, в этой уродливой крепости, и находилась центральная власть лунного мира.

Мысль оборвалась, когда один из стражей, одетый в лохмотья мужчина со шпорами на высоких сапогах, - неудачная карикатура на ковбоя, бросил:

- Ведешь мужика к Большому Олуху, Трогер?

- Угу! - ответил бородач зычным голосом. - Хотя лучше обыщите его на всякий случай.

- А что с Моррисоном? Он тоже идет с вами? - спросил второй стражник - мужчина с темными глазами, одетый в сверкающие лохмотья того, что некогда, должно быть, было черным смокингом. Пендрейк вздрогнул, когда в его карманах начали рыться руки стражника, он понял, кого же тот ему так поразительно напоминает, - киновариант карточного шулера из вестерна.

Неожиданно Пендрейк пришел в сильное возбуждение. Поневоле, хотя он и решил не глядеть ни на что, что могло бы смутить его, он обращал внимание на этих людей. Раньше они маячили где-то на периферии его зрения, теперь же он четко видел их - поразительный контингент людей, собранных со всех времен освоения Дикого Запада, хотя кое-кто из них не совсем соответствовал этой картине.

Но Пендрейк не почувствовал и тени сомнения. Они все были выходцами с запада Америки. Словно с Луны закинули на Землю какую-то сеть, выловили ею людей из среднего периода освоения Дикого Запада, а затем доставили их сюда и, подобно этому вечному поселению, сделали невосприимчивыми к тлетворному воздействию времени. С того места, где стоял Пендрейк, у ворот частокола он видел примерно сотню людей. Семеро из них были индейцами в набедренных повязках, краснокожими, высокорослыми, с луками за спиной. Они вполне соответствовали сложившейся у него картине. Да и все

эти неряшливо одетые мужчины в рубашках с открытым воротом и в перепоясанных ремнями узких штанах. Не говоря уже о ковбоях.

А вот Моррисон не особенно соответствовал этой картине, хотя, вне всякого сомнения, похожие на него клерки жили в поселениях Дикого Запада. Здесь было еще несколько коротышек с грубыми чертами лица и смуглокожих красивых на вид мужчин, которые тоже выпадали из этой картины; и, кроме того, Пендрейк увидел полуобнаженного голубокожего мужчину с плоским носом. Кто бы ни собрал эту коллекцию, он получил в свое распоряжение самых крутых персонажей, которые когда-либо бродили по Дикому Западу.

Огромная рука схватила Пендрейка за воротник, выводя его физическое состояние и ум из положения стороннего наблюдателя.

- Пшел вперед! - услышал он голос Трогера.

Пендрейк отреагировал автоматически. В противном случае - если бы он не погрузился слишком глубоко в свои мрачные раздумья, - он успел бы вовремя сдержаться. Но оскорбительная грубость оказалась слишком неожиданной, и он непроизвольно резко прореагировал: одна рука взметнулась вверх, пальцы ухватились за запястье обидчика, и в следующий миг по его натянутым нервам энергия влилась в его мышцы.

Потом раздался рев боли и глухой стук - Трогер описал в воздухе дугу и рухнул метрах в шести от Пендрейка. Троггер тут же скочил и заревел в ярости:

- Я вышибу тебе мозги! Никто не может...

Он замолчал - его взгляд застыл на ком-то, находившемся за спиной Пендрейка, и все его тело оцепенело. У Пендрейка кружилась голова от израсходованных в этой короткой схватке сил, он был зол на самого себя из-за собственной глупости (зачем было показывать свою силу) и, пошатываясь, повернулся.

В воротах стояло существо, одного взгляда было достаточно, чтобы понять: это и был Большой Олух, огромный неандерталец.

Он имел человекообразную форму тела, голову с глазами, носом и ртом. Но на этом физическое сходство с человеком и заканчивалось. Ростом он был в пять футов и четыре дюйма, не менее трех футов имела в обхвате грудная клетка. Кисти свисали ниже колен. Лицо у него было... звериное: из огромных толстых губ выпирали длинные клыки.

Он стоял там, словно какое-то существо из первобытных джунглей, обнаженный и волосатый, если не считать полоски черного меха вокруг пояса. Какой-то неуклюжий на вид. Пендрейку понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что похожие на свинячьи глаза неандертальца внимательно изучают его. Едва только мелькнула эта мысль, как существо открыло свой чудовищный рот и произнесло на гортанном, но вполне понятном английском:

- Введите парня внутрь! Я буду говорить с ним, восседая на троне. Запустите еще около пятидесяти человек.

Внутри частокола находился большой, светящийся, похожий на раковину дом. Слышалось журчание ручейка, дающего воду фруктовым деревьям и садам. Пендрейк увидел деревянный помост, на котором стоял огромный деревянный стул.

Этот стул и был тронем, и помрачневший Пендрейк понял, что тот, кто пытался дать Большому Олуху представление о королевской власти, сам не до конца представлял пышность, долженствующую соответствовать подобному сану.

Однако Большой Олух уверенно устроился на троне и спросил:

- Как ваше имя?

Сейчас не время для проявления неподчинения. Пендрейк спокойно назвал.

Большой Олух повернулся на стуле и ткнул толстым волосатым пальцем высокого сероглазого мужчину в выцветшем черном смокинге.

- Что это за имя еще такое - Макинтош?

Тот пожал плечами.

- Английское имя.

- О! - Свинячьи глазки вернулись к Пендрейку и задумчиво уставились на него. Потом человекозверь произнес: - Вот что, незнакомец, лучше колись побыстрее.

Гнусавость речи, свойственная Западу, почти помешала Пендрейку понять, что он присутствует на собственном суде. Ему пришлось заставить свой разум преодолеть это психологическое препятствие. Наконец до него дошло, что от его слов зависит его жизнь, и он пустился в объяснения. Закончив их, Пендрейк перешел в наступление, повернулся на каблуках и оказался лицом к лицу со своим тюремщиком.

- И Моррисон, - звонким голосом произнес он, - присутствующий здесь, подтвердит каждое мое слово. Он скажет, что я говорил все это в бреду. Я прав, Моррисон?

Пендрейк пристально смотрел на лицо молодого человека и с мимолетным холодным злорадством отметил написанное на нем выражение ужаса. Глаза Моррисона расширились, после чего Моррисон выдохнул:

- Да, все правильно, Большой Олух. Вы ведь помните, что сказали, чтобы я слушал все, что он будет говорить. Он...

- Засох-х-хни! - взревел Большой Олух, и Моррисон тут же заткнулся, словно воздушный шарик с пищалкой, из которого выпустили воздух.

Пендрейк не испытывал никаких угрызений совести, что надавил на этого маленького трусишку. Он видел, что чудовище внимательно разглядывает его, и в выражении его было что-то... Пендрейк забыл о Моррисоне, когда Большой Олух заговорил удивительно мягким голосом:

- Побейте его слегка, ребята: мне хочется посмотреть, как парень переносит наказание.

Через минуту он остановил их:

- Ладно, хватит!

Пендрейк едва сумел подняться на ноги, и теперь ему не нужно было притворяться и играть: он, возбужденный этим... королевским судом... совсем уж было позабыл о

собственной слабости. Он стоял на нетвердых ногах и услышал, как человекозверь произнес:

- Ну, ребята, что мы будем делать с ним?

- Убить его! - раздался хриплый крик из нескольких глоток. - Швырнуть его дьявольской бестии. У нас уже давно не было никаких зрелищ.

- Это не причина для убийства кого бы то ни было, - отрезал худощавый мужчина в конце толпы. - Дай волю этим парням, и они будут устраивать подобные зрелища каждую неделю, так что вскоре никого из нас не останется в живых.

- А, Крис Девлин, - рявкнул какой-то мужчина, - ты и так очень скоро отправишься туда.

- Повыступай, повыступай, - огрызнулся в ответ Девлин. - Мы о тебе не забудем.

- Хватит! - раздался окрик Большого Олуха. - Незнакомец останется жить. Можешь некоторое время жить с Моррисоном. И послушай, Пендрейк, я хочу поговорить с тобой после того, как ты выпишься. Слышали, парни? Впустите его, когда он придет сюда. А теперь - пошли вон, все!

Пендрейк оказался за частоколом чуть ли не раньше, чем осознал, что ему подарили жизнь.

Глава 16

Пендрейк поел и поспал, потом снова поел и поспал. Когда он проснулся в третий раз, то понял, что больше нельзя откладывать посещение Большого Олуха.

Но еще несколько минут он полежал не вставая. Вовсе не потому, что его спальня обладала какими-то особыми удобствами. Струившийся со стен свет был слишком

ярким для человеческих глаз, не давая той темноты, которая необходима для того, чтобы спокойно уснуть. Постель, хотя и была мягкой, имела вогнутую форму. Такими же были и два длинных стула, лишенных спинок. Дверь, что вела в соседнюю комнату, имела в высоту два фута и напоминала вход в иглу - ледяную хижину эскимосов.

Раздался скрип. В дверь просунулась голова, за которой протиснулся худощавый длинноногий мужчина. Когда он выпрямился, Пендрейк узнал Криса Девлина, выступившего на суде против его смерти.

- За мной следят, - начал Девлин. - Поэтому мой приход сюда ставит и тебя под подозрение.

- Чепуха, - отмахнулся Пендрейк.

- Ну-ну! - Девлин внимательно посмотрел на него, но тот спокойно встретил его взгляд. Потом Девлин продолжил: - Я вижу, ты уже начал задумываться над тем, что происходит вокруг!

- И много чего надумал, - подтвердил Пендрейк.

Девлин устроился на одном из вогнутых стульев.

- Призна-а-аюсь, - протянул он, - ты пришелся мне по душе. Мне бы хотелось задать тебе вопрос: тот прием, который ты применил на Трогере... ты где-то тренировался?

- Я могу проделать это и с Большим Олухом, - спокойным тоном заявил Пендрейк.

Он увидел, что на Девлина его слова произвели впечатления, и криво улыбнулся про себя: он неплохо мог применять психологические трюки, к примеру, напускать на себя уверенный вид.

- Слишком плохо, - начал Девлин, - что человек с такими талантами и силой духа несколько глуповат. Ни один человек не способен справиться с Большим Олухом. Кроме того, он избегает прямых нападений.

Пендрейк быстро произнес:

- Сейчас самое важное для меня узнать: на скольких людей ты можешь положиться?

- Около сотни. Еще двести до сих пор не определились и могут перейти в наш лагерь - они просто выжидают, куда склонится чаша весов. Так что остается двести человек, настроенных против нас, и они могут заставить еще сотню сражаться на их стороне.

- Хватит и этой сотни, - заметил Пендрейк. - Миром управляют небольшие группы людей. Пятьсот решительных людей и двести тысяч идиотов свергли царский режим в России, где жило сто пятьдесят миллионов человек. Гитлер взял власть в свои руки в Германии со сравнительно небольшой армией последователей. Не хочешь выслушать один небольшой совет, Девлин?

- Да?

- Захватите водный источник. Захватите места, которые они охраняют и любой ценой попытайтесь удержать их. Захватите скот! - Пендрейк замолк на несколько секунд, потом продолжил: - Сколько у тебя жен, Девлин?

Тот вздрогнул и покраснел. Наконец он резко бросил:

- Не впутывайте в это дело женщин, Пендрейк. Наши мужчины довольно долго обходились без женщин - так мы можем потерять всех последователей.

- Так сколько же у тебя жен? - снова спросил Пендрейк.

Тот пристально посмотрел на собеседника. Он побледнел, но голос стал еще более резким:

- Большой Олух умен, - признал он. - Когда мы захватили этих немецких женщин, он дал каждому из самых ярых своих противников по две жены.

- Скажи своим людям, - начал Пендрейк, - чтобы каждый выбрал себе одну, ту, что больше нравится, а от второй пусть откажется. Понятно?

Девлин вскочил на ноги.

- Пендрейк, - взревел он, - предупреждаю тебя: не суй свой нос в это дело. Это взрывоопасно.

- Ты идиот, - набросился на него Пендрейк. - Неужели ты не видишь, что с самого начала нужно действовать правильно? Человеческий разум склонен придерживать-

ся определенных привычек. Если эти привычки неправильны - а то, что с этими женщинами обращаются, как с имуществом, заведомо неверно - повторяю: если привычки неправильны, то нельзя просто перестроить сознание. Вам придется разрушить *старый* уклад жизни и попытаться жить по-новому... - Он замолчал на несколько секунд. - Кроме того, у твоих людей нет выбора. Вам всем предназначено погибнуть, вот и задумано, чтобы жены ваши удерживали вас от бунта, пока не представится удобный случай покончить с вами. Ты знаешь это, разве не так?

Девлин неохотно кивнул.

- Думаю, что ты прав.

- Можешь в этом не сомневаться, - холодно заметил Пендрейк. - И я могу также прояснить мою позицию: либо игра ведется по моим правилам, либо же я выхожу из игры... - Он быстро встал и хмуро закончил: - И мне жаль тех, кто станет щекотать Большого Олуха, не имея таких мускулов, как у меня. Ну, что скажешь?

Девлин с хмурым видом стоял у двери. Наконец он поднял глаза, и на его лице появилась слабая улыбка.

- Ты победил, Пендрейк. Я ничего не обещаю, но сделаю все от себя зависящее. В сущности мои ребята - парни неплохие... и по крайней мере они теперь будут знать, что их будет вести за собой настоящий мужчина. Но лучше тебе все-таки отправиться к Большому Олуху. Если он что-нибудь задумает выкинуть - закричи погромче.

- Не знаешь, чего ему нужно от меня? - спросил Пендрейк.

- Ни малейшего представления, - услышал ответ Пендрейк.

Когда он был на полпути к частоколу, ему пришло в голову, что он до сих пор так и не узнал, каким образом эти люди Дикого Запада оказались на Луне, и что он забыл спросить у Девлина, хватило ли у обитателей пещеры ума разработать план обороны на тот случай, если немцы решат нанести ответный визит.

Он так быстро переключился на новую непосредственную опасность, что забыл о другой, более серьезной и более отдаленной.

Его молча пропустили через ворота частокола. Через несколько минут Большой Олух выкарабкался из дверей своего дома и выпрямился.

- Не очень-то ты торопишься, - проворчал он.

- Я еще не совсем здоров, - объяснил Пендрейк, - правда, здесь, на Луне, благодаря меньшей силе тяжести я уже в состоянии ходить, хотя на Земле я вообще не смог бы подняться с постели. Да и избиение твоими людьми отнюдь не способствовало моему выздоровлению.

В ответ чудовище что-то проворчало, и Пендрейк осторожно присмотрелся к нему. Они были одни внутри частокола, и ему показалось, словно они отрезаны от всего остального мира.

Внезапно Пендрейк понял, что маленькие глазные щелки существа внимательно изучают его. Большой Олух первым нарушил молчание.

- Я здесь, Пендрейк, давно, очень давно. Когда я впервые прибыл сюда, я был совсем глупым - как эти ребята, но мой разум со временем развился, и теперь я обладаю достаточным здравым смыслом, чтобы беспокоиться насчет вещей, о которых они никогда не будут думать, вроде тех немцев, к примеру.

Большой Олух замолчал и посмотрел на Пендрейка. Тот, помедлив, наконец произнес:

- Вам следует беспокоиться о них, причины для того достаточно весомы.

Большой Олух махнул рукой, похожей на обезьянью лапу, и пожал огромными плечами.

- Я упомянул их просто так, для примера. У меня есть планы, касающиеся этих парней. Я имел в виду другое: когда ты смотришь на меня, думай о личности, чей интеллект не уступает твоему собственному, и не обращающий внимания на тело. Хорошо, а?

Пендрейк мигнул. Это предложение оказалось для

него таким неожиданным и удивительным, что он поневоле был тронут; в сознании его возникла картина чуткого ума, заключенного в звериноподобном теле. Но потом он вспомнил о пяти женах и еще двух других женщинах, которые покончили с собой. Он спросил, растягивая слова:

- А что еще беспокоит тебя, Большой Олух?

Ему показалось, что, когда он произнес эти тривиальные слова, легкая тень разочарования промелькнула на волосатом лице. Потом Большой Олух произнес:

- Я шел по тропе на Земле и внезапно оказался здесь.

- Да ну! - выдохнул Пендрейк.

В неверии его разум снова вернулся к словам человекообезьяны, и он снова испытал шок. Прошло некоторое время, прежде чем он осознал, что это был ответ на его вопрос, каким образом люди попадали на Луну.

Большой Олух продолжал:

- То же самое было и с остальными, и, судя по их рассказам, они все спускались по одной и той же тропе. Это пугает меня, Пендрейк.

Тот нахмурился.

- Что ты имеешь в виду?

- Там, внизу, на Земле, есть некая машина, для тебя невидимая, - и вдруг тебя переносит сюда, на Луну. Пендрейк, мы должны каким-то образом отключить эту машину. Мы не можем дожидаться здесь, когда кто-то или что-то пройдет по этой тропе и попадет сюда благодаря машине.

- Понимаю тебя, - задумчиво произнес Пендрейк.

Голос его звучал спокойно, что несколько поразило самого его. Хотя все нервы его были напряжены, и его бросало то в жар, то в холод. Машина... Машина, которая перемещала предметы неповрежденными, установленная на одной тропе в западной части Соединенных Штатов, машина, из-за которой целая армия может проникнуть внутрь — твердыней коммунистов на Луне — и захватить и их, и двигатель, и все...

Внезапно Пендрейк увидел, что неандерталец пристально смотрит на него. Тот прислонился к краю дере-

вянной платформы, на которой был установлен тронный стул. Потом он наклонился вперед - мускулы на его груди натянулись, как якорные канаты.

- Незнакомец, - произнес, нет, почти прошипел он, - пойми правильно: это место - огороженная территория. Здесь никогда не было много людей. Мир сойдет с ума, если узнает, что существует город на Луне, где возможно жить вечно. Теперь ты понимаешь, почему мы должны отключить эту машину и отрезать себя от внешнего мира? У нас тут есть нечто такое, ради обладания чем люди пойдут на совершение убийства. Погоди! - голос неандертальца едва не оглушил Пендрейка. - Я должен показать тебе, что случилось с теми, у кого появляются мысли другого рода. Идем.

И Пендрейк двинулся за Большим Олухом. Тот побежал по улице, направляясь за город, и Пендрейк, торопящийся вприпрыжку вслед за ним, увидел через несколько секунд, что их целью является какая-то скала.

Большой Олух достиг ее первым. Он показал вниз.

- Посмотри, - хрипло прокричал он.

Пендрейк осторожно приблизился к краю бездны и посмотрел вниз. Гладкая отвесная стена опускалась вниз на расстояние в несколько сот футов. У подножия скалы росли кустарник, трава и...

У Пендрейка перехватило дыхание. Закружилась голова. Он покачнулся, потом с трудом смог взять себя в руки. И, содрогаясь, снова посмотрел вниз.

В котловане сидела на задних лапах желто-зелено-голубо-красная бестия. Размером с лошадь. Выпирающие из челюстей отвратительные длинные клыки подтвердили мгновенное определение Пендрейка.

Дьявольской бестией оказался саблезубый тигр.

Постепенно дыхание Пендрейка успокоилось, колотящееся в груди сердце забило ровно и ритмично. Потом пришло огромное удивление: сколько же эпох назад должна была быть установлена эта машина на тропе на Земле, если переправила сюда вымершее доисториче-

ское чудище. И как же давно умерли те, кто построил эту машину и поселение!

Появилась еще одна мысль, невероятно странная и тревожная, больше похожая на страх, содрогание плоти, чем на идею-концепцию. Унаследованная от далеких первобытных предков память издала крик ужаса и неверия, словно каждая его клеточка вопила: «О Господи, а мне казалось, что этот кошмар давным-давно позабыт!..» - Его клетки вспомнили древнего врага и сжались в инстинктивной панике.

Пендрейк облизнул пересохшие губы и сделал в этот раз осознанный вывод: «Конечно, с опасностью со стороны диких животных не покончено. Человек все еще ведет сражение за победу не только над животным миром и хаотическим противодействием природы, но и глубоко укоренившимися в собственном сознании звериными побуждениями».

Мысли прекратились. Сузив глаза, Пендрейк уставился на Большого Олуха. Человекообразная присела на корточки у края бездны в дюжине футов от него и внимательно наблюдала за ним. Пендрейк тихо заметил:

- Его кормят. Его, наверное, специально оставили в живых.

Твердый взгляд серо-голубых глаз встретился со взглядом Пендрейка.

- Сначала, - начал Большой Олух, - я сохранял ему жизнь, чтобы у меня была хоть какая-то компания. Я сидел здесь, на утесе, и орал на него. Потом, когда здесь появились голубые люди вместе со стадом бизонов, у меня возникла мысль, что эта тварь, может, мне еще и сгодится. Теперь она привыкла ко мне. - Неандерталец с жесткостью закончил: - Ее желудок переварил уже множество людей, и не думаю, что это окончательное число. Не окажись в этом списке, Пендрейк.

Тот твердым голосом, растягивая слова, произнес:

- Начинаю понимать, что к чему. Ты уделяешь мне столько внимания - и ты говорил что-то насчет отключе-

ния машины... а ведь я единственный человек, оказавшийся здесь, кто разбирается в технике. Я правильно понял тебя, Большой Олух?

Тот поднялся, вслед за ним и Пендрейк. Они отошли от края скалы, глядя друг на друга. Первым заговорил Большой Олух:

- Нет, ты не первый, но среди местной публики сейчас ты действительно единственный. - Потом он продолжил: - Пендрейк, я предлагаю тебе половину своей власти. Мы с тобой будем здесь главарями, первыми будем выбирать женщин и лучшие вещи. Тебе ведь известно, что мы не можем покинуть это место. Это просто невозможно. Мы будем жить здесь вечно и, возможно, если все же тебе удастся запустить остальные машины, что находятся здесь, то мы сможем отправиться туда, куда захотим, и получить все, что захотим.

- Большой Олух, слышал ли ты когда-нибудь о выборах? - спросил Пендрейк.

- Э-э!.. - пороссячы глазки подозрительно уставились на него.

- Что это такое?

Пендрейк объяснил, и волосатое существо удивленно посмотрело на него.

- Ты имеешь в виду, - взорвался неандерталец, - что, если этим тупоголовым не понравится то, как я управляю здесь делами, то они могут вышвырнуть меня?

- Вот именно, - согласился Пендрейк. - И только на таких условиях я играю.

- К чертям собачьим твою игру! - последовал рычащий ответ. На обратном пути в город Большой Олух начал уже более грубо: - Мне сообщили, что ты разговаривал с Девлином, Пендрейк. Ты... - Он замолчал. Гнев внезапно исчез, словно его вырезали скальпелем хирурга. Пендрейк с удивлением взирал, как раздражение на обезьянеподобном лице неандертальца раздражение сменяется ухмылкой. - Ты только послушай меня, дубина, - начал Большой Олух, - парня, который прожил уже миллион

лет и собирается прожить еще один миллион, если правильно разыграет свои карты.

Пендрейк молчал, сознавая, что собеседник внимательно наблюдает за ним. Пендрейк не ожидал такого поворота событий и задумался. Всем своим видом Большой Олух показывал, что он - невероятно крутой «парень».

- У меня на руках все тузы, Пендрейк, - в размышления Пендрейка проник тихий голос Большого Олуха, - а в рукаве припрятаны короли одной масти. Меня невозможно убить, если только мне на голову не свалится камень с крыши... - Он вскинул голову и посмотрел ввысь, потом взглянул на Пендрейка, и его улыбка стала еще более широкой. - Подобное уже случилось однажды с одним парнишей.

Они остановились в небольшой аллее в тени деревьев. Город находился чуть дальше за холмом. На какое-то короткое время воцарилась тишина, которую не нарушали ни звуки смеха, ни шепот голосов. Они оказались одни в каком-то странном мире - человек и недочеловек, и лица их были обращены друг к другу.

Пендрейк нарушил тягостную тишину.

- Я не рассчитываю на то, что это случится с тобой.

Большой Олух расхохотался.

- Сейчас ты ведешь себя по-умному. Я так и думал, что до тебя быстро дойдет. Послушай, Пендрейк, ты не можешь противостоять мне, потому подумай над моими словами. Тем временем я хочу, чтобы ты пообещал мне, что не станешь якшаться с кем бы то ни было. Это справедливо?

- Абсолютно, - ответил Пендрейк. Он не чувствовал никаких угрызений совести, давая это поспешное обещание. Было ясно, что своим противостоянием он будет балансировать на краю пропасти, а он еще не был готов к этому. Любой здравомыслящий человек на Земле из безжалостной земной истории мог понять лишь одно: бесчестного противника нельзя одолеть по честным правилам.

Большой Олух продолжал:

- Уверен, мы на пару сможем управиться с кое-какими делами, например, с немцами. Возможно, я даже разрешу тебе осмотреть машину после следующего периода сна. Скажи-и...

- Да?

- Ты ведь говорил, что захватившие тебя парни держат твою жену в качестве заложницы. Как ты смотришь на предложение провести пару недель, возглавляя экспедицию, главной целью которой будет освобождение ее?

Луч надежды вспыхнул в душе Пендрейка. Но тут он поймал на себе изучающий взгляд маленьких пронзительных глазок, и волнение его тут же улеглось. Да, Элеонору нужно выволить, но он и думать не хотел, что приведет ее сюда, не укрепив предварительно своих позиций в союзе с Девлином и его людьми. Так же, как не мог представить себя во главе экспедиции, главной целью которой будет похищение женщин.

Глава 17

- **П**одъем!

С этим криком в его спальню зашел Моррисон.

- Время, да? - Пендрейк уставился на стройного молодого человека. - Неужели вы здесь как-то различаете время? Почему я просто не могу оставаться здесь, пока сам не проголодаюсь?

К его удивлению Моррисон покачал головой.

- Ты болел, но это уже в прошлом. И теперь ты должен приспособливаться к заведенному порядку. Так говорит Большой Олух.

Пендрейк посмотрел на худое лицо собеседника. У него в голове мелькнула мысль, что ведь Моррисон уже шпионил за ним. Ему и раньше казалось, что этот паренек был на побегушках у Большого Олуха, но до какой степени он ему предан, Пендрейк пока еще не уразумел до конца. Похоже, прямо сейчас он может выполнять свой план понимания условий жизни этого странного места. Нельзя сказать, чтобы Моррисона следовало опасаться - просто он всегда будет поддерживать правящий режим.

- Большой Олух, - отвечал Моррисон на его вопрос, - все здесь организовал. Двенадцать часов на сон, четыре часа на еду и так далее - но ты, естественно, не должен все время спать или есть. Можешь заниматься чем угодно, если только отработаешь восемь часов в день.

- «Отработаешь»?

Моррисон объяснил.

- Кто-то должен нести охрану, дважды в день нужно доить коров. Нужно еще ухаживать за садами, раз в неделю устраиваем охоту на оленей. Вот и вся работа. - Он показал небрежным взмахом руки. - Сады вон за теми деревьями, в противоположной стороне от ямы с бестией. - В конце он добавил: - Большой Олух хочет знать, что ты можешь делать.

Пендрейк криво усмехнулся. Итак, человекообезьяна дает ему понять, какая жизнь ждет его, если он не согласится на его предложение и не станет вторым боссом. Конечно, на самом деле это никакая не работа, но он четко представил себе картину упорядоченной иерархии, которая стояла за ней. Пендрейк помрачнел и сказал наконец:

- Передай Большому Олуху, что я могу доить коров, работать в саду, нести охрану и еще пару других вещей.

Но в этот день ему не было дано указаний выполнять какую-либо работу. Да и на следующий день тоже. Так что он просто шатался по городу. Некоторые сторонились его; другие становились такими беспокойными, что

невозможно было с ними о чем-либо говорить; третьи же, включая явных сторонников Большого Олуха, спрашивали его о Земле. Кое-кто уже считал, что он стал одним из них.

Во время этих разговоров Пендрейк узнал истории шахтеров, карточных игроков, ковбоев. Картина все более прояснялась. В основном здесь были люди, выхваченные в период времени с 1825 по 1875 год. Похоже, как понял Пендрейк, тропа, на которую была направлена установка нуль-транспортировки, располагалась не более чем в двадцати милях от старого поселения пионеров Запада, называемого Каньон Таун.

Утром третьего дня Девлин заполз в спальню Пендрейка как раз, когда тот вставал.

- Я заметил, что Моррисон отправился в сторону частокола, - заметил Девлин, - и поэтому пролез к тебе. Мы уже готовы, Пендрейк.

Тот поднял туловище и уселся на постели, хмуро подумав, что же эти люди, не имеющие совершенно никакого опыта участия в военных действиях, считают себя готовыми к ним. Девлин продолжил говорить, а Пендрейк слушал его, пытаясь представить себе всю картину.

- Основная часть плана - захватить частокол и заставить его защитников сдаться. Людям не нужно кровопролитие. Детали таковы...

Пендрейк выслушал этот по-детскому наивный план, видя все его слабины. Все его советы были проигнорированы. Вместо отчаянного, основанного на внезапности нападения ему предлагали неясный план осады врага.

- Послушай, Девлин, - не выдержал он наконец, - посмотри на меня. Я два дня ничего не делал. Ты мог бы подумать, что мне нет дела ни до чего в мире. И все же моя жена в руках проклятой, самой опасной банды ганстеров, которая когда-либо появлялась на Земле. Моей стране угрожает опасность, о которой никому не известно. Более того, три дня назад Большой Олух предложил мне

возглавить очередную атаку на немцев под тем предлогом, что она может находиться в качестве заложницы у них здесь, на Луне. Почему же я не тороплюсь принять это предложение, хотя и схожу с ума от беспокойства? Потому что проиграть в десять раз проще, чем победить, и последствия при этом трагические. Потому что никто в мире не может победить, если выбрана неправильная стратегия. Что же касается кровопролития - похоже, ты так до конца и не осознал, что противник у тебя - человек, который не будет колебаться и секунды, чтобы отдать приказ устроить резню, если его положению лидера что-то будет угрожать.

- Похоже, ты еще не осознал, насколько умело здесь все организовано. Внешний вид обманчив. Если ты не будешь действовать молниеносно, то еще не принявшие чью-либо сторону пойдут против тебя, и драться они будут с удвоенным упорством, чтобы доказать Большому Олуху, что они все время были за него.

- А сейчас давай организовать сражение, а не игру. Скажи, что находится в охраняемых зданиях?

- В одном - огневое оружие; в другом - копья и луки со стрелами, в третьем - инструмент... все, что когда-либо попадало сюда с Земли, Большой Олух присваивал себе.

- Где хранятся боеприпасы для оружия?

- Только Большой Олух знает это... Хотя, кажется, я начинаю понимать, что ты имеешь в виду. Если он сможет их применить... Нам необходимо захватить их.

- Если, - заметил Пендрейк, - первая стрела, пущенная каждым из нас, выведет из строя одного из лагеря противника, то наша небольшая война закончится через десять минут, но...

Со стороны двери послышался царапающий звук - это в спальню полз Моррисон. Он дышал тяжело, словно задыхался после бега.

- Большой Олух, - выдохнул он, - хочет показать тебе машину транспортировки. Сказать ему, что ты идешь?

Вопрос был излишним - Пендрейк отправился сразу же.

Транспортирующая машина находилась за высоким бревенчатым частоколом, выстроенным у самого края скалы. Она была сделана из темного тусклого металла и покоилась на основании из твердого металла. Остановившись на деревянной платформе, которая протянулась вокруг верхнего края частокола, Пендрейк хмуро посмотрел вниз на это уродливое строение. Несмотря на всю свою волю, он был возбужден: если ему удастся заставить эту машину работать, изменить ее фокусировку *куда-либо в другое место*, скажем, например, в немецкую тюрьму, где томится Элеонора, или в генеральный штаб армии Соединенных Штатов Америки... если ему хотя бы удастся понять, как заставить ее работать в обратном направлении!

Он заставил себя выкинуть из головы эти надежды. Тридцать футов в длину, прикинул он, двенадцать футов в высоту и восемнадцать в ширину. Достаточно большая машина, здесь может пройти все, кроме локомотива. Пендрейк прошел по платформе и остановился наконец в том месте, где она вплотную подступала к самому краю пропасти. Открывшаяся перед ним глубина привела его в шок. Его телу всегда было трудно справляться с головокружением, да и не нужно было подвергать себя риску лишь для того, чтобы взглянуть вниз на основание машины.

Пендрейк отошел назад и повернулся лицом к Большому Олуху, который сидел на корточках и следил за ним бесстрастно.

- Как попасть за частокол? - спросил Пендрейк.

- С противоположной стороны находится дверь.

Она и была там. Заперая на висячий замок. Большой Олух сунул руку в полосу меха, которая протянулась вокруг его живота, и достал ключ. Когда неандерталец стал открывать тяжелую дверь, Пендрейк протянул руку.

- Как насчет того, чтобы дать замок мне? Не думаю, что я смогу взобраться по этим стенам, если меня забудут внутри.

Он сказал это специально. Он много думал, как же ему вести себя наедине с Большим Олухом, и сейчас ему показалось, что открытое недоверие был верным психологическим приемом.

Большой Олух поморщился.

- Это место не для тебя. Я специально построил его таким укрепленным и неприступным, чтобы никто или ничто, оказавшееся здесь с Земли, не могло захватить меня внезапно.

- Тем не менее, - не отставал Пендрейк, - я не смогу как следует сосредоточиться, пока я чувствую, что...

Большой Олух хмыкнул.

- Послушай, - сказал он, - возможно, тебе хочется запереть меня здесь.

Пендрейк показал рукой.

- Видишь вон те холмы, в ста ярдах отсюда?

- Ну?

- Брось туда замок.

Большой Олух сердито посмотрел на него, потом выругался:

- Черта с два! Что, если там кто-то прячется и схватит замок, а потом запрет нас внутри? И тогда они поразят меня стрелой, и выпустят тебя наружу.

Несмотря на свою напряженность, Пендрейк улыбнулся.

- Один-ноль в твою пользу, - признал он с хмурым видом. Он не испытывал настоящий страх перед Большим Олухом в данный момент. Еще не пришло время хитрить. Возможно, сейчас, когда он высказал свой протест, ему пойдет на пользу дать человекозверю почувствовать себя победителем. Но не так быстро. - Приходилось оставлять кого-нибудь внутри? - спросил он.

Приземистый человек не спешил отвечать.

- Да, - произнес он наконец. - Двух забавных парнишей, одетых в металл. У них была дьявольская пушка, вся утыканная тонкими проводками и светившаяся голубым светом. У меня шрам на плече остался после ожога, после

того, как они зацепили меня этим лучом. Я страшно перепугался, что они сожгут частокол, но, похоже, луч не действовал на дерево. - Он хрипло вздохнул, выражая сожаление. - Мне бы очень хотелось занять эту пушку. Но они забрали ее с собой, когда спрыгнули со скалы. Все это произошло очень-очень давно, возможно, полмиллиона лет назад.

Человеческие существа с тепловым оружием и в металлических костюмах пятьсот миллионов лет назад... и несколько недель наедине с машиной... Пендрейк попытался представить их, оказавшихся в этой кошмарной тюрьме, под присмотром человекообезьяны. Она столь зримо предстала перед его глазами, что на какое-то мгновение он почти мог видеть этих людей, пошатывающихся от нехватки пищи и воды, обезумевших, прыгающих вниз навстречу милосердной смерти.

От них его отделяла бездна времени... и в сознании Пендрейка вспыхнула новая мысль, все более его захватывала, так что он наконец сказал устало:

- Ты, Большой Олух, наверное, лопух. Если те, кто построили эти пушки и знали принципы их работы, не смогли заставить эту машину работать в обратном направлении, то как ты можешь ждать этого от меня? Ведь они находились в столь отчаянном положении, что, наверное, перепробовали все возможное.

- Гм-м! - произнес Большой Олух, потом выругался, осознав свое поражение.

Пендрейк заметил:

- В любом случае я взгляну на эту машину.

Машина тяжело лежала на камнях; в гладких металлических стенках только там, где находилась рабочая часть, имелось большое углубление. Пендрейк зашел туда, не питая особых надежд. В активной стенке словно тонкой иглой были проделаны миллионы крошечных отверстий. На ощупь она показалась слегка теплой. Никаких рычажков, кнопок или циферблатов не имелось.

Пендрейк с любопытством стал оглядываться и тут вдруг осознал, что он уже понимает, как работает маши-

на. Это знание пришло к нему мгновенно и настолько естественно, словно всегда было ему известно.

Пространство, время и материя создаются хаотическим движением, которое, чисто случайно, привело к возникновению нашей Вселенной в ее нынешнем виде. Наука пытается лишь частично принести порядок в некоторые из этих случайных движений.

Эта машина регулирует *все* случайные движения на том месте, где она находилась, и в том месте, с которым была связана. Сама ее форма, включая пещероподобное углубление, была условием идеального порядка, противостоящего беспорядку. Благодаря тому, что она устраняла искажения случайных конгломераций, ее можно было использовать не только для транспортировки, но и для любых других целей, связанных с энергией.

Нельзя сказать, что это на самом деле был передатчик материи между Землей и Луной. В упорядоченном пространстве эта небольшая особая область внутри Луны соседствовала с маленьким пространством на Земле, откуда люди и животные внезапно перемещались в страну вечной жизни.

Поскольку в идеальной среде энергетические потоки следуют точным ритмам и меняют свое направление на противоположное через строго определенные интервалы, эти два пространства не всегда были связаны. Когда внезапно совершенно определенно осознал Пендрейк, это ритм состоял в следующем: примерно десять минут поток был направлен от Земли к Луне, потом следовал период настройки протяженностью около восьми часов (сам по себе удивительный феномен), за ним шел десятиминутный обратный поток к Земле и снова восемь часов настройки, после чего цикл повторялся по-новому.

Только во время потока люди могли попадать из одной области в другую, причем им казалось, что перемещение осуществляется мгновенно. Так что в зависимости от направления потока они могли либо отправляться на Землю, либо прибывать с Земли на Луну.

Пендрейк прикинул, что несколько часов настройки уже прошло и что пройдет еще несколько часов до того, как очередной поток, вернувшийся с Луны на Землю, будет способен автоматически захватить с собой кого-то, кто окажется в этой пещере, и перенести его на Землю.

Но это была всего лишь одна из второстепенных функций машины. Для выполнения большинства других требовался специальный катализатор.

Пендрейк повернулся и вышел из металлической пещеры, и он уже не испытывал сомнений, рассказывать ему Большому Олуху или нет то, что узнал о функционировании этой машины. Он только в том случае что-нибудь значил для этого человека, если мог быть ему полезным. Пендрейк спокойно сказал:

- Я узнал, как работает эта машина. Я могу отправить-ся на Землю или послать кого-нибудь, если у меня будет время для подготовки... вероятно, для этого понадобится целый день.

Неандерталец подозрительно посмотрел на него.

- Но ведь ты сам говорил, что как ты сможешь понять то, в чем признали себя побежденными парни с тепловой пушкой.

Пендрейк пожал плечами.

- Возможно, они были обыкновенными людьми, могли лишь использовать машины, созданные своей цивилизацией, не понимая принципов их работы.

Монстра было не так легко убедить.

- Я и другие парни попадали сюда без всякой подготовки. Почему тебе требуется время? - спросил он.

Это был хороший вопрос, но если Большой Олух узнает ответ, то ему уже не нужен будет Пендрейк.

- Вот потому-то вас здесь так мало, - ответил Пендрейк. Если хочешь, я настрою эту машину так, что она будет переносить сюда любого человека, который попадает на ту тропу.

Это была ложь, но поскольку Большой Олух желал этого меньше всего, то почему бы без всякой опаски не сделать такого предложения.

Большой Олух выказал озабоченность.

- С этого момента тебе запрещено подходить близко к этому месту.

Пендрейк несколько секунд помолчал, потом переменил тему.

- Кто-нибудь когда-нибудь убегал отсюда? - спросил он.

Последовала долгая пауза.

- Один парниша, - признался наконец Большой Олух, помрачнев. - Около ста лет назад. Его звали Лэмбтон. Он был, по его словам, инженером, осуществлял разметку для прокладки железной дороги на Западе. Говорил он так гладко, что я позволил ему посмотреть на эти машины. Он взлетел на одной из них к потолку пещеры. Я закрыл тот туннель, можешь быть уверен, но я долгое время еще беспокоился. В конце концов я решил, что он не мог добраться на ней до Земли, и эта мысль принесла мне облегчение.

Пендрейк вполуха выслушал последний комментарий: услышав имя Лэмбтона все разрозненные фрагменты картины вдруг встали на свое место, и вся цепочка событий стала обретать смысл. Крошечный артефакт - двигатель - древней лунной цивилизации оказался на Земле. По всей видимости, Лэмбтон-старший ничего не делал с ним. Но по прошествии некоторого времени сын или внук человека, которого знал Большой Олух, очевидно, заинтересовал группу идеалистов - ученых, бизнесменов и других профессионалов, представив им этот двигатель как средство мирного освоения планет. Где же все эти годы с момента бегства Лэмбтона с Луны пробыл двигатель, еще предстояло выяснить. Но одну мерзкую вещь он ясно представлял себе. Много людей, связанных с этим делом, были либо убиты, либо томились в тюрьме, а уцелевшие не нашли ничего лучшего, кроме как взяться за установление мира на планете, раздираемой человеческой враждой. Так как большинство идеалистов сами по себе являлись людьми, очень легко приходящими в ярость, то вся их затея имела поистине жалкий вид.

Пендрейк, мысленно оглядываясь назад, рассудил, что цивилизация будет развиваться медленным темпом и что даже высокообразованные и доброжелательно настроенные люди не смогут ускорить этот темп, разве что на самую малость.

Пендрейк дипломатично заметил:

- Вы сказали, что есть и другие машины... - Он специально оставил этот вопрос висящим в воздухе.

И услышал резкий ответ:

- Пока мы не договоримся, ты не увидишь ни одной машины. И чтобы ты не думал, что у тебя много времени, чтобы попытаться снюхаться с Девлином с целью сбросить меня с моего насеста, скажу, что уже завтра отправляется в путь новая экспедиция за женщинами. Я даже не буду ждать возвращения предыдущей.

Пендрейк ничего не ответил. Теперь, когда он столько узнал, он просто не мог не действовать. А до следующего потока энергии с Луны на Землю оставалось еще несколько часов.

И у него не было ни одного катализатора, чтобы использовать другие важные функции машины.

Большой Олух продолжал:

- Я не собирался посылать ее до возвращения предыдущей, но что-то говорит мне, что пришло время заваливать пещеры между нами и немцами. Отправишься ты или нет - решать тебе, выбирай то, что больше согласуется с твоей игрой, но не советую тебе затягивать с выбором. А теперь пошли назад в город.

На обратном пути они молчали. Мозг Пендрейка напряженно работал. Итак, Большой Олух форсирует события, не оставляя ему ни единого шанса. Краем глаза он внимательно следил за неуклюже переваливающимся созданием, пытаясь прочесть по выражению его грубоватого сурового лица, какие же замыслы вынашивает пещерный человек. Но лишь бесстрастность была написана на его лице. Да в каждом его движении или сокращении мускулов ощущалась невероятная физическая сила.

Наконец Пендрейк сказал:

- А как вы поднимаетесь на поверхность? Ведь там нет ни воздуха, ни тепла? - И прежде, чем Большой Олух успел ответить, он добавил: - Какого рода жилище соорудили для себя немцы?

Прошла целая минута. Пендрейк уже думал, что человекообезьяна не ответит. Но неожиданно тот проворчал:

- Там есть освещенные проходы, в которых тепло и имеется воздух. Многие из них выходят прямо на поверхность, некоторые имеют двери, которые хитро замаскированы под камни. Поэтому-то нам до сих пор и удавалось дурачить немцев. Мы просто скрывались за новой дверью и...

Внезапный крик оборвал его слова. На расположенный неподалеку холм выскочил какой-то человек и побежал к ним. Пендрейк узнал в нем приспешника Большого Олуха. Он подбежал к ним, тяжело дыша.

- Они вернулись с женщинами. Все мужчины просто помешались.

- Пусть лучше поостерегутся! - прорычал Большой Олух. Они знают, что с ними будет, если они коснутся любой из женщин до того, как ее не увижу.

Глава 18

На открытом пространстве перед частоколом, окружавшем жилище человекообезьяны, сбились в кучку около тридцати женщин. Вокруг них собралась разношерстная толпа мужчин, дико завопивших, когда появились Большой Олух с Пендрейком. Похотливые голоса визгливо выкрикивали свои требования.

- У меня только одна жена, я имею право получить еще одну!

- Нет, теперь настала моя очередь.

- Большой Олух, ты должен...

- Я заслужил...

- *Заткнитесь!*

Мгновенно установившаяся тишина казалась оглушающей. Ее нарушил наконец один мужчины с бычьей шеей. Он подошел к Большому Олуху и сказал:

- Полагаю, босс, что это последний набег, который мы совершили за женщинами. Эти чертовы немцы уже ждали нас, и они, кажется, исследовали все ходы, которые ведут к их пещерам. Они преследовали нас, словно ватага сумасшедших, нам удалось уйти, только обрушив узкий проход у...

- Я знаю его. Сколько парней погибло?

- Двадцать семь.

Долгое время Большой Олух молчал, насупив брови. Наконец он произнес:

- Ладно, приступим к выбору. Одну возьму я, и...

- *Джим!*

Пендрейк мрачно прислушивался к этому разговору, но тут повернулся на пятках и уставился со взглядом сумасшедшего на стройную молодую женщину, с криком бросившуюся к нему. Она упала в его объятия и прижалась к его телу, почти лишившись чувств.

Поверх ее безвольно упавшей темноволосой головы Пендрейк посмотрел прямо в улыбающиеся глаза Большого Олуха.

- Ты ее знаешь? - оскалился монстр.

- Это моя жена! - ответил Пендрейк, и внутри у него вдруг екнуло сердце. Он вдруг поймал себя на том, что оглядывается в поисках Девлина, но не смог разглядеть его в толпе. С трудом проглотив комок в горле, он снова посмотрел на неандертальца.

Улыбка того стала такой широкой, что стали видны все его клыки. Все так же улыбаясь, он лукаво произнес:

- Теперь ход за мной, Пендрейк, ты возьмешь ее. Ощути снова ее присутствие рядом с собой, а потом, где-то через неделю, мы продолжим наш разговор.

Он получил отсрочку. Два дня Пендрейк чувствовал облегчение, смешанное с гневом и отчаянием. Облегчение - оттого, что ему дали немного времени. Гнев - оттого, что он на самом деле ничего не может сделать, чтобы предотвратить унижение остальных женщин. Он приказал одному из помощников Девлина пусть слух, что всех, кто возьмет одну из новых женщин, ожидают большие неприятности. Но это только увеличило его отчаяние: чтобы придать больший эффект этому слуху, пришлось включить в список мстителей и себя самого. Он с тревогой думал о том, что этот слух достигнет ушей Большого Олуха, и что эта темная личность сразу же поймет, что именно Пендрейк угрожает его авторитету.

Пендрейк на ночь закрывал все двери. Он долго разговаривал перед тем, как заснуть, с Элеонорой. Сначала она очень нервничала.

- Можешь быть уверен, - говорила она решительно, - что я покончила бы с собой, если бы эта мразь или кто-нибудь другой попытался бы хоть раз прикоснуться ко мне. Я принадлежу только тебе.

Женщина говорила это своему мужчине, и Пендрейк слушал ее встревоженно: он еще не принял решения.

На третий день к нему пришел Девлин. Худощавый мужчина стоял в дверях и смотрел на Пендрейка со злорадной улыбкой на лице.

- Ну что, - сказал он, - теперь ты на собственном опыте убедился, что значит выступать против Большого Олуха. Не пора ли покончить с враждой и поднять тост за благоденствие Его Величества?

Пендрейк покачал головой.

- Я кое-что придумал, - начал он, растягивая слова. - Существует возможность разделить наше место обитания на области. Одну будем контролировать мы, а другую оставим Большому Олуху и его прихвостням.

Он кивнул в сторону двери, и они вылезли наружу. Пендрейк шел впереди, они направлялись к ближайшему холму. Оттуда он показал на прекрасную долину, простиравшуюся вниз, город, луга.

- Есть несколько источников воды. Если мы сможем захватить те, что находятся вот там, - он показал рукой, - то мы всегда сможем при необходимости отступить к пещерам, уйти по направлению к поверхности или в качестве крайней меры войти в контакт с немцами...

Последнюю фразу он оставил незаконченной. Конечно же, немцы не обещали им пристанища, но пещерные жители так до конца и не понимали, насколько безжалостными те могут быть.

- Клянусь небесами, наверное, твоя мысль и неплохая... - Девлин вдруг умолк. - Хотя теперь ты говоришь по-другому. Ведь теперь это уже не будет борьбой до самого конца.

- Но мы получим половину, - подтвердил Пендрейк. Девлин кивнул задумчиво.

- Половину скота, половину оружия...

- Мы установим демократию на своей территории, - заметил Пендрейк, - и мы будем защищать ее, однако не станем пересекать границу. Вскоре они поймут смысл нашей затеи.

Худой человек ничего не ответил.

- Каким образом ты собираешь все это сделать? - неожиданно спросил он.

- Сообщи об этом своим самым доверенным людям, - произнес Пендрейк. - Мы начнем действовать еще до конца этой недели. У нас нет выбора.

Девлин протянул руку. Они обменялись рукопожатием и разошлись. Высокий мужчина направился вниз по склону холма, а Пендрейк стал спускаться по другому. Когда Пендрейк вернулся к своему жилищу, то увидел, что за время его короткого отсутствия к нему пришел посетитель.

Прямо перед низким входом на корточках сидел Большой Олук.

Монстр весело улыбнулся ему.

- Подумал, что сто́ит засвидетельствовать тебе мое почтение, - произнес неандерталец, - и, быть может, поговорить с тобой еще раз.

Пендрейк с настороженным вниманием оглядывал собеседника. Ему вдруг пришло в голову, что никогда раньше ему не противостоял такой опасный и умный противник. Он не сомневался, что сейчас ему будет сделано последнее предупреждение.

- Пендрейк, - начал Большой Олух, - я узнал про женщин.

Пендрейк сжался, как пружина.

Существо внимательно и спокойно смотрело на него.

- У меня сложилось впечатление, что тебя беспокоят остальные женщины.

Это было мягко сказано. Пендрейк весь внутри пожегся, когда подумал об этом. Потом он сказал:

- Там, откуда я явился, женщина сама выбирает мужчину в спутники жизни.

Большой Олух поджал губы и поднял руку, словно отменяя этот аргумент.

- Кончай трепаться, сам знаешь, я никогда бы не получил даже одну, если бы выбирали они. Эти женщины предпочли бы мне даже ничтожество Миллера. Разве не так?

Пендрейк был вынужден согласиться с этим. Но тут ему в голову пришло, что он не может объективно обсуждать этот вопрос. Слишком много чувств вызывали в нем мысли об отношениях между мужчинами и женщинами. Он с удивлением осознал, насколько же сильно эти чувства, но ему нельзя показывать это Большому Олуху.

- Пендрейк... ты знаешь, трое из этих дамочек уже подрались из-за меня между собой. Что скажешь? - Большой Олух покачал своей уродливой головой как бы недоумевая, но по всей видимости с удовольствием. - Женщины сделаны не так, как мужчины, Пендрейк. Если бы ты спросил меня, когда я сделал свой первый выбор, то я поклялся бы на куче Святых Амсаний, что ни одна из

них не ляжет со мной в постель. Но я хорошо сыграл свою роль. Без поцелуев. Ты понимаешь, мне хотелось полизаться с ними, можешь мне поверить, но я прикинул, что если полезу своей мордичей к ее лицу... И, знаешь ли, а две мои более ранние женщины покончили с собой. Это потрясло меня. Конечно, я не хочу, чтобы это повторилось снова, поэтому больше никаких поцелуев.

- А что с оставшимися тремя? - спросил Пендрейк.

Большой Олух помрачнел. Он не меньше минуты просидел на корточках, вся его веселость улетучилась. Блеск исчез из его глаз, и было заметно, что он расслабился.

- Подобные вещи происходят время от времени, Пендрейк, - начал он осторожные объяснения. - Расскажу тебе, что я выяснил о женщинах. Как я понимаю, женщине нужен какой-нибудь мужчина. Если она не может найти себе хорошего мужика, она выбирает себе плохого. Если не может получить красавца, то берет уродца. Такова ее природа, и тут уж ничего не поделаешь. По многим вопросам она может принимать решения не хуже, чем мужчина, но только не тогда, когда... Вернемся к этим трем женщинам. Хочешь знать, как я с ними обращаюсь? Сначала я заставил их выучить английский. Взял парнишу, который тараторит по-немецки, и использовал его в качестве переводчика. Я сказал им через него, что люди здесь живут вечно. Это заставило их задуматься. Еще я им сказал, что здесь я главный. А женщинам нравится жить с боссом. Потом, после того как они выучили несколько слов, я дал им ясно понять, что я могу нежно обращаться с ними, если только они не перечат мне. Говорю тебе, Пендрейк, вот так все и происходит. Ну, что скажешь?

Налицо была попытка установить дружеские отношения. Это полуживотное действительно хотело дружбы со своим потенциально самым опасным противником. Пендрейк покачал головой.

- Большой Олух, - сказал он наконец, - освободи всех шестерых своих женщин. Прикажи своим прихвостням, чтобы они освободили и своих. Если три из твоих жен в самом деле дрались из-за тебя, то пусть одна из них останется у тебя в качестве постоянной супруги. Если все женщины получают свободу, то я предсказываю, что мужчины начнут тут же ухаживать за ними, и они с удивлением обнаружат, что женщины после первоначального потрясения, которое они перенесли после того, как оказались здесь, будут смотреть на них как на потенциальных мужей. И пройдет совсем немного времени, когда начнутся справляться свадьбы.

Неандерталец встал.

- Это все, что ты скажешь мне? - раздражительно спросил он.

- Ты-то в глубине души понимаешь, что я прав, - спокойно ответил Пендрейк.

- Своей болтовней ты нарываешься на неприятности, - последовал резкий ответ. - Я не собираюсь иметь только одну женщину, и пока что я заправляю этим городом.

Пендрейк ничего не ответил, просто остался стоять на месте. Большой Олух хмуро посмотрел на него, а потом, зарывчав, повернулся и побрел прочь.

Пендрейк опустил плечо и полез в дом. По другую сторону двери он обнаружил Элеонору, в беспокойстве дожидаящуюся его.

- Что, по-твоему, он станет делать? - спросила она.

Пендрейк покачал головой.

- Не знаю, - признался он.

У него засосало под ложечкой, и это говорило ему, что жребий брошен.

Глава 19

На следующий день Девлин сообщил, что он поговорил со своими четырьмя помощниками и что они тоже думают о необходимости форсировать события. По словам Девлина, компромиссный план им понравился. Они приветствовали идею о двух отдельных общинах. Услышав это, Пендрейк подумал, что эти мужчины испытывают радость совсем не по тому поводу - из-за слабости их позиции, а не силы. Но самое главное - то, что они приняли эту идею. Пендрейк понял, что тоже рад, что, возможно, удастся избежать тотальной войны.

Разработанный им и Девлином план был простым. Они захватят половину водных источников, а пастухи из числа людей Девлина отгонят половину скота в направлении пещер. Они захватят также и два из четырех частоколов, в одном из которых хранятся луки со стрелами, а в другом - оружие. При этом во владении Большого Олуха останутся боеприпасы и, наверное, несколько ружей и револьверов. Пендрейк понимал, что такому небольшому количеству оружия можно противопоставить дождь из стрел, особенно в тесноте города.

На самых стратегически важных местах нужно будет поставить охрану. Небольшие мобильные группы будут постоянно находиться в состоянии боевой готовности, готовые по первому же сигналу примчаться на помощь в любое подвергшееся нападению место.

Девлин согласился, что этот план гораздо лучше прежнего, но он изрядно вспотел при этом.

- Это будет самая крутая из заварушек, в которой я когда-либо принимал участие, - признался он. - Но мне потребуется день или два, чтобы подготовить своих людей, сделать назначения, и тогда я дам тебе знать.

С этими словами он ушел.

На следующий день никаких событий не произошло.

Утром второго дня в дверь постучался Моррисон. Он объявил:

- Большой Олух приказал, чтобы половина людей от каждой группы собралась перед его частоколом. Он сказал, чтобы я передал тебе, что он хочет, чтобы ты пришел тоже, и что он знает о какой-то затее, и что он хочет решить все мирно до того, как начнется литься кровь. Женщины тоже придут. Собрание назначено через час.

Пендрейк, с Элеонорой под руку, направился к месту «собрания». Он был встревожен и, приблизившись к жилищу неандертальца, с облегчением увидел, что там присутствуют люди Девлина со своими женщинами. Он отвел в сторону одного из помощников Девлина и сказал:

- Передай Девлину, чтобы он привел в готовность все силы и ждал сигнала.

Помощник ответил:

- Девлин уже занялся этим, так что я предполагаю, что все в порядке.

Пендрейк почувствовал себя увереннее. Похоже, что они сделали все от них зависящее для успеха дела. Впервые у него в голове мелькнула мысль, что, быть может, обойдется без кровопролития.

Толпа перед частоколом росла, пока не собралось больше двухсот мужчин и почти триста женщин. Большинство немецких девушек были довольно симпатичными на вид. Несомненно, эта банда поселенцев с Дикого Запада собрала здесь редкую коллекцию хорошеньких женщин, и когда на кон поставлены такие призы, то все будут из кожи лезть. План Большого Олуха должен быть действительно хорошим, чтобы дать каждому мужчине почувствовать себя в безопасности.

Возле входа в частокол толпа зашевелилась. Открылись огромные ворота, и через секунду в них появился неандерталец. Получеловек взобрался на небольшую платформу и огляделся. Его взгляд замер на Пендрейке. Потом он указал на него пальцем.

- Эй, Пендрейк! - проревел он.

Наверное, это был сигнал: в ту же секунду раздался предупреждающий крик Элеоноры:

- Джим, берегись!

В следующее мгновение что-то твердое ударило его по голове, и он почувствовал, что падает.

Потом наступила темнота.

Когда Пендрейк пришел в себя, Девлин встревоженно склонился над ним. Большинства людей уже не было. Высокий мужчина печально произнес:

- Мы вели себя как идиоты. Он схватил твою жену и затащил ее туда, за частокол. Наверное он считает, что ты возглавляешь какой-то заговор против него и что если ему удастся остановить тебя, то он сможет остановить и всех нас. - Потом он добавил, стыдясь собственных слов: - Быть может, он прав.

Пендрейк простонал, поднимаясь с земли.

В нем вспыхнул гнев. Он резко бросил:

- Сколько времени понадобится, чтобы начать атаку?

Девлин достал свисток.

- Я дважды дуну в него, - сказал он, - и через пять минут начнется штурм.

- Ясно. - Пендрейк уже полностью пришел в себя и о чем-то задумался. Потом сказал:

- Дуй в свой свисток, как только я окажусь за частоколом.

Девлин проглотил комок в горле, побледнел.

- Я так и думал, - пробормотал он. Потом вытащил из кармана нож. - Вот, возьми.

Пендрейк взял его и сунул в свой карман.

Девлина интересовал еще один вопрос:

- Как ты проникнешь внутрь?

- Не беспокойся об этом. - Пендрейк пожал плечами.

Потом он обратился к стражникам у двери: - Передай Большому Олуху, что я готов вести переговоры.

С ухмылкой на лице Большой Олух вылез из своего дома.

- Я так и думал, что ты поведешь себя разумно, - сказал он, а потом что-то хрюкнул, когда нож вонзился в его огромную грудь на семь дюймов.

Он вырвал окровавленный клинок из тела и, гримасничая, бросил его на землю.

- За это тебя бросят в яму, - сказал он. - Я сейчас свяжу тебя и...

Он направился вперед, и по спине Пендрейка побежали мурашки. Чудовище низко опустило голову, широко разведя в стороны руки, демонстрируя всю свою ненормальную мощь и силу. Наблюдая за медленным приближением страшилища, Пендрейк был внезапно ошеломлен мыслью, что за последнюю сотню тысяч лет еще не родился человек, способный взять верх над этим волосатым исполинским чудовищем.

Пендрейк осторожно начал отступать. Его первоначальный ужас перед мускулами этого колосса, медленно надвигавшегося на него, прошел. Нервы были натянуты до предела в ожидании начала атаки, никогда раньше не испытывал он ничего подобного. Он не стыдился своего отступления. Несмотря на то, что ему отчаянно хотелось поторопиться, он дожидался нападения Девлина и его людей - может, это отвлечет внимание человекозверя.

И когда это произошло наконец, об этом возвестил внезапный рев мужских голосов, Пендрейк бросился вперед, прямо на волосатого мужчину. Тот выбросил вперед медвежью лапу, чтобы схватить его. Пендрейк отбил ее в сторону, и это на какой-то миг дало ему преимущество. Он чуть не сломал пальцы, когда врезал по массивной челюсти. Все было бы хорошо, если бы удар привел к требуемому результату. Но этого не случилось. Пендрейк рассчитывал, что монстр отшатнется, а он воспользуется этим секундным замешательством и бросится бежать, однако вместо этого неандерталец прыгнул вперед и его толстые, как кабель, ручки схватили Пендрейка за плечи.

Монстр замычал, торжествуя. Когда существо усилило свою ужасную хватку, Пендрейк рывком освободил руки

и ткнул двумя пальцами Большому Олуху прямо в его пороссячи глазки, резко надавил... и вырвался из смертельных объятий.

Теперь уже была его очередь кричать в безумном ликовании воина, забывшего обо всем в пылу сражения:

- Ты проиграл, Большой Олух! С тобой покончено! Ты...

С хриплым воплем волосатый мужчина прыгнул к нему. Рассмеявшись, Пендрейк отпрыгнул назад. Слишком поздно он заметил прямо за своей спиной платформу с тронem. Его отступление, облегчаемое слабой силой тяжести на Луне, оказалось слишком быстрым, чтобы он успел остановиться. С грохотом он упал на спину.

Все произошло мгновенно. Стоя на ногах, он еще мог на что-то надеяться, но когда на спину его уселся Большой Олух и принялся молотить по нему своими кулачищами, он ничего не мог поделать. Спустя минуту Пендрейк почти потерял сознание. Он только смутно помнил, что его крепко связали.

Постепенно туман в его голове стал рассеиваться, и он уже начал осознавать всю безнадежность своего положения. Наконец он тяжело произнес:

- Ты идиот! Ты что, не слышишь звуков сражения вокруг? Неужели ты не понимаешь, что проиграл, независимо от исхода нашей схватки? Мне и тебе, Большой Олух, лучше договориться, пока еще есть шанс.

Одного взгляда в глаза существа хватило, чтобы с тоской осознать, что он бросил крошечный камешек надежды в бездонный колодец. Сейчас из неандертальца вылезла вся его звериная сущность. Огромные губы оттопырились, наружу выперли клыки; Большой Олух в ярости рычал гортанным хриплым голосом:

- Я просто запру ворота с этой стороны! Это заставит моих людей сражаться еще более упорно - они не смогут отойти сюда. К тому же нам никто не сможет помешать немножко позабавиться здесь.

Ковыляя, он исчез из поля зрения Пендрейка. Послы-

шался звук устанавливаемого на место брука. Потом волосатое существо снова появилось в поле зрения, теперь уже ухмыляющееся. Но когда неандерталец заговорил, он был похож на плотоядное животное, исходящее злобой:

- Я собираюсь жить здесь еще миллион лет, Пендрейк, и все это время со мной рядом будет твоя жена!

Тот проскрежетал:

- Ты совсем спятил, идиот; даже если ты сейчас победишь, то вскоре ты погибнешь, когда сюда придут немцы. И не думай, что этого не случится. Вы просто шайка бандитов для них, помеха, которую нельзя терпеть слишком долго.

Похоже, смысл этих слов не дошел до сознания неандертальца. Тот к удивлению Пендрейка изо всех сил потащил вверх платформу с троном. Озадаченный Пендрейк наблюдал за его непонятными действиями.

Неожиданно все сооружение приподнялось над землей и с треском перевернулось, когда Большой Олух толкнул его. Там, где раньше находилась платформа, сейчас зияло отверстие входа в пещеру.

- Эти идиоты, - произнес с презрением Большой Олух, - думают, что эта платформа и частокол нужны мне для того, чтобы я играл роль короля. Голубым людям известна истина, но они не знают никакого языка, кроме собственного, поэтому они не смогут рассказать об этом, даже если бы захотели, тем более, что такого желания у них нет.

Он склонился над Пендрейком, потом взвалил его себе на плечи и прыгнул в освещенный проем.

Летели они двадцать футов. На дне Большой Олух без особого почтения бросил своего пленника на пол пещеры и поднялся снова на поверхность.

- Не тревожься, - издевательски крикнул он. - Я просто верну платформу на место.

Через минуту он с глухим стуком прыгнул обратно и вновь поднял Пендрейка.

- Эта пещера, - ухмыляясь, произнес он, - ведет прямо в яму. Я собираюсь подбросить тебя своему старому приятелю, дьявольской бестии, и поразвлекься немного. Да, это будет настоящая забава, парниша!

Глава 20

Пещера, все время идущая под уклон, вскоре начала расширяться и неожиданно привела в огромную комнату, наполненную металлическими предметами.

Машины! Они сверкали в отраженном свете, испускаемом стенами пещеры и потолком, - молчаливые, тайные свидетели триумфа народа, который добился - но не бессмертия, ибо никого из этого народа не осталось, - а величия, равному которому, вероятно, не было после них в Солнечной системе.

В том месте, где из комнаты выходило два коридора, Большой Олух остановился. Довольно долго он так стоял, а затем опустил Пендрейка на твердый пол. Молча опустившись на корточки, он толстыми неуклюжими пальцами развязал веревки, которыми были связаны лодыжки Пендрейка.

- Вставай! - отрывисто приказал он.

Особых проблем с выполнением этой команды не возникло, учитывая лунную гравитацию, хотя руки Пендрейка и были туго, до боли, связаны за спиной.

- Давай двигай в правый туннель! - отдал приказ Большой Олух.

Пендрейк беспрекословно подчинился, за ним следом направился и неандерталец. Вскоре Большой Олух сказал:

- Там, внизу, есть нечто, что я хочу показать тебе. Оно всегда вызывает у меня странное чувство, и я буду просто

идиотом, если прикончу тебя, не выяснив предварительного, как эта штука воздействует на умников вроде тебя.

Путь им освещали светящиеся стены. Они вышли в огромное помещение. В центре этой комнаты возвышался полупрозрачный цилиндр, имевший в диаметре около двадцати футов. Большой Олух указал на него, и Пендрейк направился туда, следом за ним медленно двинулся и неандерталец.

- Посмотри вниз! - приказал человекозверь почти нежным голосом.

Пендрейк уже и сам увидел.

В глубине полупрозрачного материала билось ослепительное голубоватое пламя, сверкавшее так нестерпимо ярко, что Пендрейк был вынужден сразу же отвести взгляд в сторону. Но потом он еще несколько раз бросал на это пламя быстрые взгляды.

- Оно светится здесь, - заметил Большой Олух, - еще с тех пор, как я оказался в пещере. Что ты можешь сказать об этом, парень?

Пендрейк почти неслышно, с болью в голосе обратился к цилиндру:

- Прошу тебя, спаси меня. Мне нужна помощь!

Где-то далеко, в глубине прозрачного цилиндра, чей-то голос ответил прямо в его сознание:

- Друг, твоя способность ощущать наше присутствие не даст тебе ничего: воистину пройдет еще немало времени, прежде чем люди смогут использовать то, что мы имеем и знаем.

- Сжальтесь, - с неуверенностью в голосе молил Пендрейк. - Меня ведь бросят на съедение дикому животному.

- Ну хорошо. Выбор за тобой. Присоединяйся к нам здесь навсегда.

- Вы имеете в виду...

- Навсегда соединенный с нашим единством, навсегда освободившийся от всех страстей и боли.

Пендрейк поежился. Он мгновенно почувствовал сильное отвращение. Ему ни на секунду не показалось, что

ему предлагают свободу. В это мгновение он забыл об ужасной опасности, которую представлял для него саблезубый тигр: альтернативой ей был суший ад.

- Но моя жена, Земля, все эти люди... - неуверенно возразил Пендрейк. - Существует ведь ужасная опасность...

Голос в его сознании произнес:

- Прими решение до того, как покинешь эту комнату. Мы можем помочь тебе здесь. Но снаружи мы уже бессильны...

- Вы - лунный народ? - спросил он, переменив тему.

- Да, мы - лунный народ.

Весь дрожа, Пендрейк отвернулся от цилиндра и посмотрел на неандертальца.

- Большой Олух, - сказал он напряженным голосом, - если моя жена будет здесь, то я сделаю все, что ты захочешь. Ведь ты, конечно, не будешь убивать человека, который будет выполнять все твои команды.

- Ты слишком умен. Я не верю тебе! - прорычало существо. - У меня нет убежденности, что ты ведешь честную игру.

- Я должен играть честно, - убеждал Пендрейк. - У меня нет выбора.

- Пендрейк, ты слишком классный парень, чтобы я согласился терпеть тебя рядом, - возразил неандерталец. - Никто раньше даже не осмеливался выступить против меня.

Пендрейк сказал решительно:

- Как только моя жена окажется здесь, я - в полном твоём распоряжении.

- Но ведь это не помешало тебе наброситься на меня, - заметил Большой Олух.

- У меня было что-то вроде помешательства после того удара по голове, - сказал Пендрейк, - и я не думал, что делаю.

Похоже, Большой Олух задумался над этим с открытым ртом и наполовину закрытыми глазами. Внезапно его зубы с лязгом сомкнулись.

- К черту все! - прорычал он. - С тех пор, как ты появился здесь, у меня одни неприятности, и поэтому я собираюсь избавиться от всех, кто причиняет мне эти неприятности, и начну-ка я с тебя. У меня много времени, Пендрейк, чтобы покончить с остальными проблемами. А теперь пошли.

Пендрейк медленно повиновался. Он больше ничего не говорил жизненной субстанции, чье присутствие он заметил в пламени. Он больше не думал о предложении, сделанном ему. Их существование лежало за пределами реальности. Они направились вверх по коридору, и вскоре вдоль стен Пендрейк увидел другие машины.

- Я повел тебя этой дорогой, - язвительно заметил Большой Олух, — чтобы показать тебе, что ты мог бы иметь. У тебя могла бы быть твоя жена. Теперь же мне придется дожидаться, пока здесь не окажется еще какой-нибудь парень, который разбирался бы в машинах, но не был бы столь суетлив. Быть может, я даже отдам ему твою жену, - добавил он в конце и разразился хохотом.

Пендрейк ничего не ответил. Но его разум напоминал качели, которые с каждым махом раскачивались все выше и быстрее. И с каждой минутой давление на этот расширявшийся мозг становилось все сильнее и сильнее. Мелькали мысли о двигателе, Земле, которая и не подозревает о планах восточных немцев; Элеоноре...

Мысль оборвалась, словно ее вырезали из мозга ножом. Кровь отхлынула от щек. Мускулы на солнечном сплетении так напряглись, что ему стало больно, словно его схватил приступ аппендицита: он и Большой Олух подошли к частоколу, за которым находилась земная транспортировочная машина.

Пендрейк следил уставшими глазами за тем, как чело-векозверь снимает висячий замок и распахивает ворота.

- Заходи внутрь! - рявкнул Большой Олух.

Пендрейк, который тщетно пытался ослабить во время перехода свои путы, быстро шагнул вперед. «Еще один шанс», - подумал он, но рассчитывать он мог только на быстроту действий и полное пренебрежение к боли.

Вступив в проем ворот, он на секунду остановился, наклонился вперед, поднял сзади руки и зацепил их за выступ частокола. И, изо всех сил толкнувшись ногами, рванулся вперед.

Полуистлевшая от древности веревка разорвалась, словно толстая пожухлая трава.

А он оказался на свободе.

Пендрейк повернулся и бросился к воротам.

Они с щелчком захлопнулись прямо перед ним, потом раздалось металлическое клацанье навешиваемого замка.

Из-за ворот донесся голос Большого Олуха:

- Ты очень умный парниша, Пендрейк. Слишком умный, чтобы я дал тебе какой-либо шанс. Я не стану дожидаться, когда ты запустишь эту машину. Менее чем через тридцать минут я вернусь сюда с ружьем, чтобы пристрелить тебя.

Послышались удаляющиеся шаги, и вскоре они стихли вдалеке.

«Нельзя сказать, - подумал Пендрейк, - что сегодня действительно удачный денек. Как для Большого Олуха, так и для меня».

Он уже чувствовал, что поток устремится на Землю самое позднее через пятнадцать минут. Хотя ему не очень-то хотелось покидать Луну, но, по всей видимости, у него не было выбора. С нетерпением Пендрейк ожидал, когда пройдут эти пятнадцать минут.

Пришла мучительная мысль: «О Господи, ведь Элеонора в его руках!»

Но иного выбора у него все равно не было.

Без всякой надежды он подумал: «Они решат, что Большой Олух бросил меня на съедение дьявольской бестии, и прекратят сопротивление».

Он представил себе горе и унижение Элеоноры и подумал: «Я должен покинуть Луну, достать оборудование и оружие и вернуться - и все это за восемь часов».

Это хоть на какое-то время избавит его от издевательств - физических и моральных, которым мог подвергнуть его Большой Олух.

Может быть, Большой Олух даже воздержится от причинения Элеоноре какого-нибудь вреда, боясь возвращения Пендрейка. Только на это Пендрейк и смел надеяться.

Выбора-то не было.

Когда поток начался, Пендрейк осторожно приблизился к невидимой разделяющей черте, проходящей внутри пещерообразного углубления, остановился, расставил ноги пошире для большей устойчивости и наклонился вперед. Голова и плечи оказались за этой чертой. Он хотел хорошенько рассмотреть, что же находилось по другую сторону.

Темнота. Впрочем, нет, что-то вроде туманной пустоты.

Пендрейк в замешательстве выпрямился. Может, на Земле сейчас ночь? Несомненно, такое возможно. И все же ночи редко бывают *такими* темными. Неудовлетворенный, он еще раз наклонился вперед.

С таким же успехом он мог засунуть голову в мешок. Ничего не было видно.

Но когда он выпрямился во второй раз, его голова слегка закружилась.

Еще более встревоженный, он вдруг осознал, что секунды-то бегут и что на все про все ему отпущено всего десять минут - ужасно короткий отрезок времени.

Он быстро прошел к стенке углубления, оперся о нее и медленно перенес правую ногу через черту. Его нога не нащупала ничего, только пустоту.

Пендрейк перенес ногу обратно, потом передвинулся на несколько дюймов и попробовал снова. Было странно видеть, как его нога исчезает, но еще больше его беспокоило то, что снова он не нащупал ничего, кроме пустоты.

Пендрейк прикинул, что минут пять у него ушло на то, чтобы вот так, дюйм за дюймом, передвигаться вдоль невидимой разделительной черты от одной стенки машины до другой, пытаясь что-то нащупать за ней... но ни разу его нога не коснулась ничего твердого на той стороне.

Выбора не было.

В растерянности Пендрейк подумал: «Возможно, мне придется рискнуть и просто прыгнуть туда?»

Минуту он точно простоял, не определившись с действиями. Наконец он решил всем колебаниям положить конец.

В любую секунду может вернуться Большой Олух.

Он подумал с надеждой: «Ведь там есть тропа. Все говорили о ней. Она тянется среди холмов, но там сравнительно ровная местность. Поэтому, не прыгнуть ли мне, расслабившись, чтобы мое тело не сильно ушиблось при ударе о землю...»

Во время прыжка в мозгу Пендрейка пронесся калейдоскоп впечатлений. Сначала перед ним возникла отвесная стена грязи. Он ударился в нее лицом и тут же начал скользить вниз по крутому склону. Одновременно он услышал рев мощного мотора. Обернувшись, он с ужасом увидел, что скользит прямо к огромному дорожному катку. Пендрейк заорал водителю, но тот глядел в другую сторону, направляя свою чудовищную машину по точно выверенному пути.

У Пендрейка хватило времени только еще на один вопль. В следующую секунду он оказался перед машиной. Собравшись, он из последних сил попытался выкарабкаться из-под катка. И это ему почти удалось. Почти...

Глава 21

Несколько раз в течение дня Джефферсон Дейлс просматривал доклад ученых. Эти кратковременные чтения привели его в недоумение. Позже, когда вся трудная ежедневная работа президентского дня была выполнена,

он взял доклад с собой и посреди ночи перечитал этот удивительный документ в постели. В документе содержалось следующее:

«Что касается трех двигателей, обнаруженных вашими агентами при захвате поместья «Пендрейк», то не представляется возможным адекватно описать эти совершенные машины. Они, похоже, представляют собой заключительную стадию применения какого-то нового принципа. Движущаяся сила, по-видимому, возникает вследствие формы и конструкции пончиковообразной металлической трубы. Когда эту трубу разобрали, оказалось, что она представляет собой механизм, изготовленный с применением передовой металлургической технологии и не поддается никаким анализам, которым мы его подвергали. Было высказано предположение, что эта труба получает энергию от удаленной передающей энергетической станции, но так ли обстоит на самом деле - установить точно не удалось. Это наверняка не атомный двигатель - нет никаких следов радиоактивности.

Когда похожий разочаровывающий результат был получен и после разборки второго двигателя, мы решили не разбирать третий - и последний - двигатель, пока не будут изучены части двух других, уже разобранных двигателей, причем, вероятно, другими исследователями.

Возможно, что секрет функционирования этих машин заключается в особом составе сплава, из которого они сделаны. Необходимо изучить даже состав припоя и проанализировать возможное влияние...

При обращении с объектами исследований требуется повышенная осторожность в связи с тем, что используемый в них тип энергии обладает побочными явлениями, доклад о них находится в стадии подготовки...»

Джефферсон Дейлс лежал в темноте с закрытыми глазами. Для него все это выглядело как старая-престарая история, слишком сложная для умов простых смертных.

Перевернувшись наконец, чтобы уснуть, он подумал: «Три года - не больше. Три года, чтобы найти Пендрейка. Потом будет слишком поздно».

Он должен выиграть самые фантастические выборы в истории Америки.

Женщины неистовствовали. У них появился кандидат в президенты, и, казалось, словно с его появлением миллионы до этого рассудительных женщин внезапно помешались.

Кандидат - вернее, кандидатка - сильная, с ясным мужским умом, но при этом и женственная, балансировала на самом краю пропасти и делала все от себя зависящее, чтобы не рухнуть в нее. Она, похоже, понимала всю сложность игры, в которую ввязалась, и, хотя агенты Дейлса держали под неусыпным наблюдением каждый ее шаг, заявление или публичное выступление, проходили месяцы, а она по-прежнему не допускала ни единой промашки и удерживалась в центре внимания общественности.

Дейлс наблюдал за ней с расстояния сперва с недоверием, потом с восхищением, сменившимися тревогой.

- Она скоро устанет, - говорил он. - Когда-нибудь она вымотается настолько, что едва сможет стоять на ногах, и тогда настанет момент подставить ей ножку.

Что бы ни говорили о рациональности кандидатки, это ни в ксей мере не годилось для ее сторонниц. Скоро наступит конец тысячелетия. Женщины могут покончить с войнами, принести мир в раздираемое распрями общество людей. Они внесут коррективы в несправедливый уклад общества, возьмут контроль над прожорливыми акулами бизнеса и раз и навсегда покончат с неверностью американских мужчин.

Большинство этих идей, конечно, так и не стало достоянием широкой общественности.

За месяц до выборов, когда избиратели отправятся к урнам, президента никак не покидала стойкая убежденность, что он, похоже, идет прямехонько к проигрышу.

Отовсюду: от всех своих людей, от местных партийных боссов, из опросов общественного мнения и отдельных людей - он слышал только одно: кандидатка-женщина впереди.

- Нам нужна одна удачная зацепка, один промах, - сказал он Кэй одним душным днем в перерыве между речами. - Я чувствую, что мои речи не пробиваются сквозь эмоциональный заслон симпатизирующих Вейк.

Он всегда называл свою противницу Вейк - не мисс Вейк, не Джанет Вейк - просто Вейк. Упоминание только ее фамилии подчеркивало равенство в их борьбе, когда впервые в истории мужчина оказался в невыгодном положении только из-за того, что он мужчина.

Кэй ответила холодно:

- На тот случай, если такой промашки не будет допущено, мне хочется сказать тебе, что все необходимые меры уже выполнены: по сигналу начнутся массовые беспорядки, тогда ты сможешь объявить чрезвычайное положение и отменить выборы.

- Хорошо, - согласился президент Дейлс, но на лбу и щеках его засверкали бусинки пота. Он достал носовой платок. - Я решил идти до конца, Кэй, - продолжал он, - поэтому не стоит беспокоиться из-за ослабления моих позиций. Этот женский вопрос - нечто иное, как еще одно безумие, появившееся в нашем мире, который и без того уже запутан в множестве других проблем.

Кампания приближалась к концу. Проводились бесконечные парады, митинги, где присутствовали огромные толпы людей. Женщины выкрикивали лозунги: «Мир! Счастливые семьи! Здоровая нация!»

Как все это лучше устроить? Прошли слухи, что будут разыскиваться мужчины, покинувшие свои семьи. Оставленные жены и матери, охваченные чувством мести, постоянно ставили в неловкое положение великую женщину, свою кандидатку, требуя, чтобы мужчины-дезертиры были возвращены обратно домой и подвергнуты публичному наказанию. Никого не интересовало, какой

от них будет толк их женам, когда сердца их будут переполнены гневом, а спины исполосованы бичами. И еще некоторые женщины открыто заявляли, что среди вещей, которые не будут позволены их мужьям, будет то, что они не смогут удовлетворять свою похоть.

За две недели до выборов, на митинге, где послушать мисс Вейк собрались тысячи людей, какая-то женщина пробралась к микрофону и прокричала вопрос: «Будет ли кандидатка поддерживать предложение телесного наказания мужчин, которые покинули свои семьи или нет?»

- Девочки, девочки, - устало произнесла мисс Вейк, - не опережайте события!

Это оказалось *неудачное* замечание.

Пресса президента Дейлса ухватилась за это высказывание.

На следующий день и потом Вейк пыталась объяснить, что она просто пыталась сдерживать экстремисток.

Но медовый месяц закончился. Миллионы мужчин, безотчетно доверявших ей, дали задний ход. Внезапно все ее слова перестали быть воплощением здравого смысла, а сама она выглядела в их глазах женщиной, хитроумно ведущей свою игру.

Появились сообщения, что женщины тоже начали сомневаться в женщине-президенте. Легко вызываемая древняя ненависть женщин к другим женщинам, приглушенная интенсивной эмоциональной атмосферой кампании, внезапно снова заявила о себе.

Выборная кампания вошла в другое русло.

С чувством облегчения президент Дейлс перестал думать о своем плане отмены выборов.

В своей речи за неделю до выборов он заявил:

- Я убедительно обращаюсь к избирателям, мужчинам и женщинам, проголосовать по вопросам и отдать свои голоса в поддержку моей администрации.

Теперь он был настолько уверен в своей победе, что мог позволить себе подобные стереотипные заявления, делая вид, что никогда раньше их никто не произносил.

Он рано отправился спать, и где-то в районе полудня Кэй разбудила его, принеся очередную сводку новостей из Лос-Анджелеса: там состоялась большая демонстрация женщин, которые несли плакаты с лозунгами следующего содержания:

**ВСЕ НА БОРЬБУ ЗА ПРАВА ЖЕНЩИН!
ФИЗИЧЕСКИЙ ТРУД - ДЛЯ МУЖЧИН!
БРАЗДЫ ПРАВЛЕНИЯ - ЖЕНЩИНАМ!
ЗА МИР БЕЗ ВОЙН И БЕСПОРЯДКА,
УПРАВЛЯЕМЫЙ ЖЕНЩИНАМИ!**

Потом в сводке сообщалось, что раздался крик какого-то мужчины: «Довольно! Покончим с этим! Они хотят, чтобы мы уважали их, а сами жаждут сделать нас своими рабами. За мной!»

Мужчины с угрюмыми решительными лицами набросились на женщин, и началась свалка. Когда с помощью бронированных машин наконец удалось очистить улицу, двадцать четыре женщины остались лежать мертвыми, еще двадцать семь были серьезно ранены, а больше четырехсот обратились в медицинские учреждения с травмами различного характера.

Это был кризис, способный обеспечить победу или поражение на выборах. В 12.30 президент Дейлс выступил по телевидению с обещанием провести тщательное расследование и сурово наказать виновных.

Было арестовано тридцать два человека. На следующий день им предъявили обвинение. У всех были адвокаты; все отрицали свою виновность. Судья коротко допросил каждого из них, после чего вынес беспрецедентный приговор: пятнадцать человек из числа обвиняемых действительно не виновны.

После этого он вынес остальным семнадцати мужчинам смертный приговор.

В зале суда возникло сильное волнение, и только с помощью сотни сотрудников специальной службы уда-

лось очистить зал от посетителей и отделить вставших в истерику осужденных от их потрясенных родственников и адвокатов.

Позже судья спокойно объяснил свои действия:

- Вполне нормально для судьи принять решение, виновен человек или не виновен. Не следует думать, что демократия слишком слаба и не способна прекратить беспорядки.

После чего судья тут же ушел в отпуск, который - как было объяснено - он собирался провести вместе с семьей в длительном зарубежном туристическом путешествии.

Когда Вейк попросили прокомментировать решение суда, она несколько неуверенно ответила:

- Нет никаких сомнений, что справедливость восторжествовала. Я попросила комиссию подготовить мне доклад о прохождении данной судебной процедуры.

Дейлс же дал такой комментарий:

- Этот вопрос находится в ведении судебной системы, которая, как вам известно, в Соединенных Штатах является государственной организацией, отделенной от администрации.

Было объявлено, что осужденные подадут апелляцию. В этот момент неопределенности и состоялись выборы.

Джефферсон Дейлс был избран на второй срок с перевесом в два миллиона голосов.

Он испытал огромное облегчение, но впоследствии заметил Кэй:

- Вот и все. В конце этого срока у меня не будет уже законных прав оставаться на посту президента. Продолжение зависит от...

- Пендрейка, - закончила Кэй за него.

- Да, Пендрейка, - мрачно согласился он. Потом потряс головой в немом удивлении. - Что же, черт побери, случилось с этим человеком? Я дал указание ФБР, армейской разведке и полиции повсюду разыскивать его. Но нет никаких следов.

Кэй сухо заметила:

- У тебя еще есть несколько лет.

- Да, три года, - кивнул он. - За три года мне нужно будет что-то придумать. После этого, вероятно, будет уже слишком поздно.

Глава 22

Церемония торжественного введения в должность президента.

«Слишком поздно, слишком поздно... - В течение всего этого великого дня эти два слова молотом стучали в его сознании, смазывая его улыбки, омрачая его приподнятое настроение и мысли. - Найти Пендрейка!» Найти человека, чья кровь в состоянии в течение одной недели выгнать старость из его тела и таким образом сделать вечными его власть и ту грандиозную цивилизацию, создать которую он собирался.

Эта мысль была подобна болезни, наваждению, которое продолжало преследовать его даже месяцы спустя, когда к нему привели фермера. Этот мужчина был крупным и неопрятным. Пока Дейлс сидел и слушал его рассказ, в сознании то появлялся, то исчезал один вопрос. И пока фермер гнусавым голосом продолжал рассказывать, Дейлс пытался сформулировать его.

- Я уже говорил, что он был у меня десять дней, и старина док Гиллеспи дважды заходил взглянуть на него, но, похоже, врач ему уже не требовался, только еда. Скажу вам, вел он себя чудно. Не мог сказать мне свое имя или еще что-нибудь о себе. Как бы то ни было, как только зажила его нога, я отвез его в Карнесс и показал комиссии по трудоустройству. Я сказал им, что его зовут Билл Смит. Он не возражал, и поэтому они так и записали - Билл

Смит. Его послали на какие-то работы, не могу вспомнить, какие именно. Вы хотите знать еще что-нибудь?

Джефферсон Дейлс окинул фермера бесстрастным взглядом - маской, за которой скрывалось его внутреннее возбуждение. Пендрейк был жив, его обнаружили, об этом сообщила Кэй, когда работники отделения полиции Карнесса *слишком поздно* прислали отпечатки пальцев Билла Смита в Вашингтон.

- Это все, что нам удалось обнаружить, - сказала Кэй. - Но по крайней мере мы знаем теперь, откуда начинать поиски.

- Да, - согласился Джефферсон Дейлс и глубоко вздохнул. - Да.

Тотипотентный человек был жив.

Оставался один вопрос: подтверждение информации. Рука Пендрейка! Рука, которая выросла заново.

Голос фермера продолжал:

- Есть еще кое-что, господин президент...

Джефферсон Дейлс ждал, подготавливая свой вопрос. Ему было трудно сформулировать его... в самом-то деле, как следует задавать вопрос, выросла ли у какого-то человека рука заново? Он не мог, хотя сама идея была восхитительной и поразительной.

- Дело состоит вот в чем, - начал фермер. - Когда я подобрал его, то могу поклясться, что одна его нога была короче другой. Но когда он покидал мой дом, они обе были одинаковой длины. И знаете, то ли я сошел с ума, то ли...

- Это какая-то бессмыслица, верно? - сказал Джефферсон Дейлс. Потом поторопился добавить: - А во всем остальном он был нормальным человеком, не так ли?

Фермер кивнул.

- Самый сильный мужик из тех, кого я когда-либо видел. Поверите ли вы мне, когда он поднял фургон двумя руками...

Дальше президент Дейлс его не слушал. Его разум ухватился за эти два слова: «двумя руками».

Он встал и пожал руку восхищенного старика.

- Послушайте, мой друг, - начал президент Дейлс. - С этого момента ваше имя занесено в особый список, и если вам понадобится какая-нибудь помощь от Белого Дома, то вы можете в любой момент написать о своей просьбе моей секретарше, и по возможности она будет удовлетворена. Но я надеюсь, что вы не станете рассказывать о нашей встрече, считайте это вашим долгом перед нашей страной.

- Можете положиться на меня, - с пафосом истинного патриота спокойно ответил старик. - И можете забыть обо мне - я никогда не буду просить о каких-то особых услугах.

- Мое предложение остается в силе, - сердечно уверил его Дейлс, - и - примите мои самые лучшие пожелания.

Позже Кэй произнесла:

- Похоже, он действительно сказал то, что думал, - люди такого типа сейчас очень редки. Демократия рушится.

- Ты выглядишь так, словно у тебя есть доказательство, - заметил президент. - Что-то случилось?

Она молча передала ему сообщение. Он прочитал его вслух:

- «Верховный суд утвердил смертный приговор для виновных в беспорядках во время женской демонстрации». - Он тихо присвистнул, потом произнес: - Что ж, они отчаянно сражались, но все же через год наступил конец и этой борьбе. - Президент задумчиво посмотрел на Кэй. - Чем суд обосновал свое решение?

- Они не сообщили причины.

Он ничего не ответил. Он тоже рассматривал примечательности того, что решение суда низшей инстанции не было изменено.

Кэй прервала его мысли:

- И не вздумай вмешиваться в это, - сказала она жестким тоном.

Великий человек промолчал.

Казнь должна была состояться в декабре 1977 года. За три дня до назначенной даты все семнадцать человек, приговоренных к смерти за убийства во время митинга перед выборами, совершили массовый побег из камеры смертников.

В дюжине городов прошли бунты, во время массовых демонстраций женщины требовали наказать охранников тюрьмы, виновных в том, что совершился побег, и немедленно схватить и казнить сбежавших мужчин.

- А я считал, что эти женщины хотят мира, - заметил Джефферсон Дейлс. Но только одна Кэй слышала эти слова. Публично же он пообещал, что будут предприняты все необходимые меры.

Прошло два дня после этой речи, когда в аппарат президента прибыло письмо следующего содержания:

«Камера 676, тюрьма Каггат

27 января 1978 года

Дорогой господин Президент.

Мне удалось выяснить, что мой муж был в числе семнадцати осужденных, и мне известно, где они находятся. Если вы хотите спасти ему жизнь, то вам нужно поторопиться. Прошу Вас, не медлите ни минуты.

Анрелла Пендрейк».

Кэй, сверкая глазами, подождала, пока он дочитает послание, потом передала ему донесение из ФБР, в котором сообщалось:

«Во время ареста этих людей все происходило в большой спешке. Ни у одного из них не были взяты отпечатки пальцев вплоть до вынесения приговора в суде. После этого все сделанные первоначально фотографии и отпечатки были утеряны. Обнаружилось это во время перевода этих людей в тюрьму усиленного режима. Хотелось бы обратить ваше внимание на тот факт, что по пути в тюрьму автобус съехал в кювет. Несколько пленников объявили, что один из

них в этот момент исчез и его заменил другой. Власти тюрьмы не склонны были поверить в эти невероятные рассказы, тем более, что никто из семнадцати приговоренных не заявил, что стал жертвой какого-то заговора. Для предотвращения подобных разговоров преступники были разделены...»

В этом месте Кэй прервала его:

- Наверное, Пендрейк и был этим подмененным. Он никак не мог участвовать в беспорядках. Нам придется принять это совпадение без доказательств...

- Но каким образом они нашли его, когда нам самим это не удалось? - перебил ее президент Дейлс.

Кэй несколько секунд раздумывала, а потом наконец ответила:

- Нам лучше поскорее встретиться и поговорить с той женщиной.

Камера не была такой уютной, какой, по его указаниям, ее должны были сделать с самого начала. Джефферсон Дейлс пометил в памяти: не забыть бы сурово наказать виновных в этом, затем вернул свое внимание к бледному созданию по имени Анрелла Пендрейк.

Это была их первая встреча лицом к лицу. И, несмотря на ее неважный вид, эта женщина произвела на него впечатление. В ее глазах было нечто особенное - достоинство и сила, мудрость - и это обеспокоило его. После этого первого впечатления бесстрастность ее голоса удивила его. Похоже, она была измотана даже больше, чем можно было признать по ее внешнему облику.

Анрелла Пендрейк произнесла:

- Нет, выслушайте, что я хочу сказать вам. Джим прячется в Великой Калифорнийской пустыне на ранчо, расположенном приблизительно в сорока милях к северу от поселка Маунтинсайд... - Она замолчала. - Пожалуй-ста, не спрашивайте меня, почему он сделал это. Важно, чтобы он был жив, когда вы доберетесь до его убежища. -

Она попыталась изобразить на своем лице улыбку, но тщетно. - Наша группа сначала верила, что с его помощью мы сумеем оказывать влияние на события в мире. Боюсь, мы переоценили наши возможности.

- Миссис Пендрейк, вы должны объяснить нам, каким образом вам удалось найти своего мужа в то время, как мы, несмотря на все усилия разведывательных служб США, так и не смогли сделать это.

Впервые улыбка на лице женщины стала походить на настоящую.

- Когда Джим попал к нам впервые, - начала она, - мы вживили ему в мускул на плече крохотный транзистор, передаваемый сигнал которого мы могли засечь. Вас удовлетворяет такой ответ?

Президент Дейлс ответил:

- Конечно, удовлетворяет. И вы способны определить его местонахождение в любой момент?

- Да, - ответила Анрелла.

После этих слов Дейлс и Кэй покинули камеру.

Находясь на борту самолета, державшего курс на север, Кэй произнесла:

- Не вижу причины, по которой миссис Пендрейк или кто-нибудь еще должен быть освобожден. То, что она так глупо раскрыла перед нами все карты, сообщив, что Пендрейк был опознан как один из убийц женщин во время беспорядков перед выборами, вовсе не означает, что мы ей обязаны чем-нибудь.

Тут ее прервали:

- Получена радиограмма, господин президент, из тюрьмы Каггат.

Джефферсон Дейлс, сжав губы, прочитал длинное сообщение, потом, ни слова не говоря, передал его Кэй.

- Сбежали! - закричала Кэй. - Вся банда! - Она застыла. - Но зачем эта бледнолицая маленькая актриса, напускавшая на себя подавленный вид, будто ее волнует только судьба мужа, зачем она рассказала нам это? Почему?

Кэй замолчала, перечитала сообщение и наконец прошептала:

- Ты заметил размах операции? В ней участвовали девяносто самолетов, оборудованных тем самым двигателем! Что же это у них за организация?! И это означает, что побег мог состояться в любой момент. Но они ждали до сегодняшнего дня. Сэр, это все очень серьезно.

Самое интересное, что Джефферсон Дейлс был абсолютно спокоен, тогда как у его секретарши проглядывали нотки истерии. У него было приподнятое настроение, в нем ширилась и крепла воля победить. Действительно, ситуация была сложной; а если уж быть до конца откровенным, то просто критической. Тем не менее его голос оставался лишенным каких-либо эмоций, когда он начал:

- Кэй, мы направим туда пять дивизий, из них две моторизованных, и столько самолетов, сколько понадобится - не девяносто, а девятьсот. Мы оцепим пустыню. Мы установим контроль над всем движением на автодорогах или в воздухе, за всеми покидающими этот район. Ночью будем использовать радары, прожекторы, ночные истребители - всю безграничную мощь Вооруженных Сил Соединенных Штатов. Мы схватим Пендрейка!

Дейлс вдруг осознал, что сейчас он сражается за свою жизнь.

Глава 23

Весь январь дули завывающие зимние ветры. Пятнадцатого числа метель похоронила под белым саваном почти весь штат Нью-Йорк и Пенсильванию. Утром 16 января люди проснулись в мире, который опять стал белым, чистым, без распрей и раздоров.

В этот же день далеко на юге Хоскинс и Кри Липтон, проанализировав причины, которые привели их в Южную Америку, вылетели из Бразилии в Германию рейсом, совершающим остановки в Дакаре, Алжире и Виши.

Целью их поездки был американский штаб на Унтерден-Линден в Берлине. Через огромную, покрытую толстым ковром Красную комнату на втором этаже американский генерал провел их в охраняемый кабинет.

- Это, - он показал рукой, - то, что мы называем картой смерти. Здесь нанесен маршрут, проделанный вами за последние несколько недель, и карта эта представляет собой довольно любопытный документ.

Карта длиной в тридцать футов была утыкана разноцветными значками. «Едва ли это можно назвать документом», - с кривой усмешкой подумал Хоскинс. Но он ничего не произнес, просто смотрел и слушал, нетерпеливо ожидая выводов.

- Месяц назад, - начал генерал, - мы отправили грузовики во все районы Европы, находившиеся ранее под оккупацией. На каждом грузовике был установлен плакат с запросом о двигателе. Текст был написан в соответствии с полученными от вас инструкциями.

Он достал пачку сигарет и предложил их собеседникам; Хоскинс, отказываясь, слегка покачал головой и стал нетерпеливо ждать, когда его партнер прикурит. Потом генерал продолжил:

- А теперь, прежде чем я расскажу вам, чего мы добились, мне хотелось бы вкратце обрисовать ситуацию, что сложилась в данный момент в Германии. Как вам известно, метод Гитлера состоял в том, что он на все руководящие посты назначил членов нацистской партии. В Западной Германии мы давно уже избавились от этих фюрерчиков, заменив их на оставшихся в живых довоенных демократов. В Восточной же Германии Советы попытались использовать многих бывших фашистов, правильно полагая, что коммунисты и нацисты в глубине души мало чем отличаются друг от друга. Но вот чего они-

не приняли во внимание, так это того, что немец, более образованный, никогда в душе не будет считать обычного славянина равным себе - по крайней мере, это касается нынешнего поколения - как бы ни вдавливали в их мозги ленинскую доктрину по национальному вопросу.

- И только когда мы сообщили Советам то, что обнаружили вы, они осознали: прямо под их носом в Восточной Германии сформировалась тайная террористическая организация, состоящая из одних немцев. После этого они дали нам возможность действовать, и вот что нам удалось выяснить: прямо сейчас немцы совершают по тысяче убийств в неделю в самой Восточной Германии и приблизительно еще восемьсот - по всей Европе.

- Каким образом это связано с информацией о двигателе и о семи пропавших ученых с семьями, тела которых мы не смогли обнаружить в США? - спросил Липтон.

- Мы взяли статистику убийств для каждого района Европы, - последовал ответ, - и после распространения запроса информации по двигателю мы день за днем следили за повышением числа убийств, исходя из предположения, что нацисты предпримут особые меры предосторожности в тех районах, где существует возможность утечки информации.

Он повернулся к обоим собеседникам с хмурой улыбкой на лице.

- И теперь со смешанными чувствами я должен сообщить вам, что число убийств на двух весьма далеко отстоящих друг от друга территориях выросло сверх всякой нормы. Это Гогенштайн в Саксонии и Латски, городок в Болгарии.

- Болгария! - озадаченно воскликнул Липтон.

Хоскинс быстро произнес:

- В конце концов, с особенной тщательностью мы всегда следили за Германией. Наверное, они поняли, что безопаснее установить межпланетные базы в районах, где проживают симпатизирующие их целям люди; ведь нет сомнений в том, что болгары больше всех пострадали от коммунистов.

Проницательные карие глаза генерала внимательно посмотрели на него.

- Совершенно верно. Мы очень осторожно обследовали оба этих района. На третий день поисков мы обнаружили прекрасно оборудованную и оснащенную шахту в Гогенштайне. Очевидно, она была поспешно покинута.

- В ходе проведенного опроса горожан, - продолжал генерал, - удалось выяснить, что ночью вблизи заброшенной шахты видели летательный аппарат, похожий на дирижабль.

- Господи милостивый!

Едва ли Хоскинс заметил, что издал это восклицание. Но спустя мгновение он вдруг понял, что прислушивался до этого к словам генерала с нарастающим нетерпением, ему хотелось перейти от слов к делу. Теперь же...

Ничего не нужно было делать. Поиски были закончены - или почти закончены. Все предварительные работы были успешно доведены до конца.

- Сэр, - заметил он с теплотой в голосе, - знаете, а вы выдающийся человек.

- Позвольте мне закончить. - Генерал широко улыбнулся. - Я еще не дошел до конца.

И он продолжал педантично:

- Мы отобрали три письма из тысяч, которые несомненно подлинны, и имеют отношение к нашему делу. Третье, и самое важное из них, было послано фрау Крайгмайер, женой человека, босса болгарской националистической партии в Латски в течение трех лет. Оно пришло к нам прошлой ночью, когда я был уже осведомлен о вашем прибытии. Господа, - продолжал он спокойным, но твердым голосом, - к концу недели у нас будет вся информация, которую мы еще можем получить на этом континенте.

Его тщательно сформулированное обещание произвело на Хоскинса шокирующее воздействие.

- Разумеется, - закончил он, - нацисты изо всех сил

постараются помешать нам получить эту информацию. Тем не менее...

К полудню 4 декабря у них были тела людей, принимавших участие в поселенческом проекте Лэмбтона. Семь пожилых мужчин, девять женщин, две девушки и двенадцать молодых парней лежали друг подле друга на холодной земле. В гробовой тишине тела поместили в катафалки и отправили в порт, откуда их морским путем доставят в Америку для погребения.

Когда катафалки скрылись из виду, Хоскинс стоял вместе с остальными среди зарослей кустов, куда их привел тучный муж фрау Крайгмайер. Дул холодный северный ветер, и люди в бронированных машинах, сопровождавшие их, хлопали в ладоши, пытаясь согреться.

Несмотря на холод, Хоскинс обратил внимание, что герр Крайгмайер сильно вспотел. «Если кто-нибудь когда-либо заслуживал петли...» - подумал он.

Но они обещали - в плакатах - деньги, безопасный переезд и максимально возможную полицейскую защиту.

Подошел генерал.

- Землекопы закончат без нас, - начал он. - Идемте. Я жду не дожусь, когда окажусь в теплом номере отеля. Там вы сможете пораскинуть мозгами над успехами, - он бросил быстрый взгляд на Хоскинса, - и неудачами.

Материала для исследований у них было не слишком много. Хоскинс молча взирал на потрескивающий в камине огонь, перечитывая перевод единственного документа, который им удалось восстановить:

«Движение любого объекта связано с реверсом, погашением и уравниванием. Тело в процессе движения между двумя точками пространства использует энергию, которую можно назвать движением в обратную сторону.

Наука о движении в обратную сторону рассматривает в широком смысле отношения между микрокосмосом и макрокосмосом, между бесконечно малым и бесконечно большим.

После установления равновесия между двумя силами макрокосмоса в случае уменьшения одной из них вторая ровно настолько же увеличивается.

Двигатели шумно пыхтят; органические существа трудятся над выполнением своих обязанностей. Жизнь кажется невероятно тяжелой.

Тем не менее, когда в микрокосмосе создается движение в обратную сторону по отношению к движению в макрокосмосе, то в итоге получается энергетическое взаимодействие. В этом случае также достигается уравнивание сил; закон равенства действия и противодействия выполняется так же неукоснительно, как и прежде...»

- Я бы не стал, - устало заметил Хоскинс, - посылать в какое-либо патентное бюро эти записи. Боюсь, что мы зашли в тупик с этим делом о двигателе, а это значит, что надежда на скорейшее спасение Пендрейка и его жены тает на глазах. Остаток этой чепухи, - он помахал отпечатанными на машинке листками, - состоит из инженерных указаний по установке двигателя. Основная часть документа отсутствует. Похоже, в том пустом мешке, что мы держим, зияет огромная дыра.

Он поднял глаза.

- Есть какие-нибудь новости из Гогенштайна, второго центра убийств?

- Ничего, - ответил Кри Липтон. - Ясно только то, что это один из их портов для космических кораблей. Его поспешно эвакуировали перед самым нашим появлением. Они переправили свое основное оборудование, все секреты на Марс или Венеру...

Хоскинс прервал его:

- На Луну! Наверняка именно туда! Марс или Венера слишком далеки от Земли, хотя они ближе всего к ней из всех планет. Кроме того, они не решились бы показать своей молодежи, какой планетой может стать Венера (если верить тому рекламному обещанию, каким завлекали людей в участие в Лэмбтоновском поселенческом

проекте). Но у немецких руководителей на уме лишь кровь и сталь - они помешаны на идее спасти Восточную Германию и добиться воссоединения своей страны. И пока это не выполнено, они заставляют низы упорно трудиться в трудных, суровых условиях и верить в лучшую жизнь в будущем. У них недостаточно было времени, чтобы установить повсюду действительно благоустроенные базы. Поэтому я считаю, что нам лучше вернуться в Америку. Там найдется работа.

Прошло три дня.

Президент Дейлс, направляясь на вертолете в Маунтинсайд, штат Калифорния, слушал Кри Липтона о возрождении немецкого духа в Восточной Германии. Липтон закончил доклад настоятельным требованием отправления экспедиции на Луну, для чего необходимо было выделить средства из федерального бюджета. Президент кивнул, полностью согласный с этими мерами.

- Да-да, - произнес он, - сделайте также и это. У нас готово к запуску несколько искусственных спутников. Мы можем ступить на Луну, даже хотя это выльется нам в астрономическую сумму. Но я смогу оправдать это тем, что средства военного ведомства будут стпущены для последнего удара по остаткам гитлеровской банды. Расконсервируйте столько ракет, сколько посчитаете нужным. Кажется, до заключения соглашения с Советами, явившегося действительно величайшим событием в истории, имевшего своей целью не довести наши страны до банкротства, мы успели произвести с десятков тысяч ракет-носителей. А они обошлись нам в кругленькую сумму. - Потом мрачно продолжил: - Те, кто сделал это открытие, не верили, что такие быки, как мы, сможем правильно его применить. И тогда, после открытия этого и вами и ими, они поддались безумию скрываемого до этого национализма. Мы живем в безумном мире, мистер Липтон.

Кэй, которая до этого слушала молча, спросила:

- Мистер Липтон, вы только что сказали, что одна из целей вашего помощника мистера Хоскинса состоит в спасении Джима Пендрейка и его жены от нацистов на Луне?

- Да. - Крупный мужчина, похоже, удивился этому вопросу.

Возникла пауза. Президент и его секретарша обменялись быстрыми взглядами.

- Поподробнее расскажите нам об этом, - наконец попросил президент Дейлс.

Липтон так и сделал.

- В ходе расследования исчезновения миссис Пендрейк, - сказал он в конце, - выяснилось, что в поместье совершил посадку какой-то самолет и что она улетела на нем. Все: записка, оставленная ею, ее поведение при отъезде, то, как самолет взлетал в воздух, указывало на то, что ее похитили и что похитителями были люди, владеющие именно этим особым типом летательных аппаратов.

Глава исполнительной власти страны повернулся к Кэй.

- Ты можешь дать мне объяснение тому, что информация об исчезновении миссис Пендрейк так никогда и не дошла до меня?

Женщина пожала плечами.

- Миллионы различных данных приходят в Пентагон. И только крошечная часть из них передается в Белый Дом.

Президент Дейлс поджал губы.

- Ладно, будем считать, что миссис Пендрейк была увезена на Луну. Но почему вы думаете, что мистер Пендрейк тоже совершил это путешествие?

Липтон рассказал о послании миссис Пендрейк, из которого следовало, что ее муж отправился в башни Лэмбтона.

- И поскольку, - сказал он в конце, - как мы выяснили, она была схвачена восточно-германской тайной орга-

низацией заговорщиков, мы можем предполагать, что и Пендрейк был схвачен либо убит. В первом случае его также могли увезти с планеты. Мистер Хоскинс лично заинтересован в благополучии Пендрейков. Он служил с Пендрейком в одной и той же эскадрилье в Китае.

Президент Дейлс, который также был лично заинтересован в благополучии Джеймса Пендрейка, кивнул.

Документы, в которых содержался приказ вооруженным силам тайно подготовиться к вторжению на Луну, был подписан переодевшимся президентом в крошечном кабинете гостиницы в городке Маунтинсайд.

После ухода Липтона Кэй произнесла:

- На многие вопросы так и не были даны ответы. Если Пендрейк доставлен на Луну, то каким образом он сбежал от немцев? И как он возвратился обратно на Землю?

Глава 24

Пендрейк проснулся. Думать было не о чем. Там, где только что была темнота, теперь сиял свет. Он лежал совершенно неподвижно. Он не сознавал того, что у него есть имя или что в этой ситуации есть что-либо необычное. Он *был* здесь - сущность, которой он являлся, - и лежал. Даже само это положение казалось нормальным - живое существо в процессе бытия. Он лежал и отдавал себе полный отчет о происходящем.

Долгое время ничего не происходило. У него не было другой цели, только оставаться там, где он находился. Он не помнил ни о чем; у него не было ни малейшего представления о движении. Он лежал, уставившись в потолок, выкрашенный в голубой цвет. Не самый яркий объект в его вселенной, и поэтому через некоторое время

его взгляд переместился к окну, сквозь которое лился ослепительный свет.

Подобно ребенку, зачарованному блестящей игрушкой, он поднял руку и протянул ее в сторону окна. Рука встретила пустоту. Внезапно это потеряло значение, потому что его интересовала вытянутая вперед рука. Он вдруг осознал, что она - часть его тела. В тот момент, когда он оставил свою инстинктивную попытку дотянуться до окна, мышцы, поддерживающие руку в воздухе, начали расслабляться. Рука рухнула на кровать. И, поскольку его взгляд проследовал за этим неуклюжим падением, он смог теперь наконец-то осознать, что лежит в постели. И, полупривстав, он стал осматривать кровать, когда его внимание привлекли звуки шагов.

Звуки приближались, но он нисколько не удивлялся этому. Они просто отдавались в его ушах, такие же нормальные, как и вокруг него. Разница была в том, что он внезапно мысленно как бы разделился на две части. Одна оставалась в постели. Другая глядела на мир глазами человека, который шел по соседней комнате к двери в спальню.

Он знал, что это другое существо - какой-то мужчина - и что эта дверь в спальню и акт ходьбы были для второй части его разума обычными реалиями жизни. Тот, второй, разум тоже знал об этих вещах; и настолько быстрым и впитывающим оказался его собственный мозг, что, когда открылась дверь, он свесил ноги с кровати и сказал:

- Пожалуйста, принеси мне одежду, Петерс.

Сознание Петереса восприняло это требование с полной покорностью. Он вышел, и перед глазами Пендрейка возникла доставляющая удовлетворение мысленная картина человека, роющегося в платяном шкафу. Петерс вернулся, но остановился в дверях, несколько раз мигнув, когда ему в голову пришла новая мысль. Глаза коротышки в рубашке сверкнули поверх груды одежды.

- О Господи, - воскликнул он глуповато, - Билл, тебе же нельзя вставать. Ты ведь еще полчаса назад был без

сознания, когда мы поймали здесь эту даму. - Он заботливо добавил: - Я позову дока и принесу тебе горячего супчика. После того как ты вытащил нас из камеры смертников, мы не хотим подвергать твою жизнь какому-либо риску. Пожалуйста, отправляйся-ка ты обратно в кровать.

Пендрейк, наблюдая, как Петерс раскладывает одежду на стуле, колебался. Этот аргумент казался разумным, и все же почему-то он испытывал неуверенность. Прошло несколько секунд, но он по-прежнему не мог определить, что же смущает его. Наконец его нерешительность прошла. Он сунул ноги обратно под одеяло и сказал:

- Быть может, вы в чем-то правы. Но то, что эта женщина была схвачена прямо в этой комнате, заставляет меня задуматься, действительно ли надежно наше укрытие.

Он замолчал, нахмутив брови. Внезапно Пендрейка осенило: его ничто не тревожило до появления Петерса, да и его умственное состояние в самом начале было... каким же оно было? Эта мысль заставила его обратиться к воспоминаниям, к тому моменту, когда он пришел в себя. До чего же все-таки сложно представить себя таким, каким же он был в то первый миг, когда его мозг был чистым как белый лист бумаги. А потом мгновенное погружение в разум Петерса со всеми его страхами и эмоциональной незрелостью. Но самым удивительным было то, что он взял из разума Петерса только продукт его работы и знания. Больше ничего. Ничего, что касалось бы его самого.

Он посмотрел на этого человека. Во время глубокого, хотя и быстрого исследования он впитал в себя всю память Петерса и мысленно прошелся по жизненному пути пухлого мальчика, мечтающего стать механиком. Не было решительно никаких причин, почему Петерсу нужно было присоединиться к женоненавистникам во время митинга. Сама же картина избиения представлялась ему смутно, а последовавший вслед за этим суд - каким-то

кошмаром искривленных форм, наполненных таким ужасом, что ни одно изображение нельзя было четко понять. Ужас перерос в возбуждение, когда во время бегства его охватила надежда на спасение. И поэтому воспоминание с яркими подробностями того, каким образом за три дня до назначенной даты казни был осуществлен побег приговоренных, осталось в его памяти.

«Неужели все это сделал я?» - недоверчиво спросил себя Пендрейк.

Прошла минута, но этот кусочек памяти Петерса о прошедших событиях оставался постоянным. Он разобрал на части приемник, установленный в их камере, и, приспособив детали от приемников из других камер, собрал устройство, которое испускало бледный белый луч, пожирающий бетон и сталь, словно огонь бумагу. Охранник пронзительно закричал, когда автомат буквально рассыпался в его руках, следом исчезла и одежда. Это была чисто истерическая реакция, потому что бледный луч не причинил ему никакого вреда.

Сам принцип действия оружия и реализованный с его помощью способ побега помешали прибывшему на помощь подкреплению предотвратить бегство. Полиции и в голову не могло прийти, что толстые тюремные стены можно так легко преодолеть. В назначенном месте беглецов ждали автомобили и их доставили к самолетам. Пилоты уже держали руки на штурвалах, и, пробежав-ши по травяному полю, самолеты взлетели.

Все это содержалось в памяти Петерса, вместе с тем фактом, что человек, известный, как Билл Смит, получил пулевое ранение при побеге. Он оказался единственным пострадавшим, но ему тут же оказали необходимую медицинскую помощь. Несколько дней он пролежал без сознания.

Пока Петерс ходил за супом, Пендрейк размышлял над всем этим. И в конце концов пришел к выводу, что отличается от остальных. Проще простого было признать, что о возможности читать мысли, вернее, погло-

щать информацию, содержащуюся в другом разуме, Петерс и знать не знал. Когда вошел доктор Макларг, он медленно хлебал свой супчик. При непосредственном контакте, а не в виде образа в памяти Петерса, воспринятым посредством мыслепередачи, доктор показался Пендрейку полноватым мужчиной около тридцати пяти лет с пронизательными карими глазами. История, которая привела его сюда, была несколько сложнее, чем у Петерса, но относящиеся к делу факты не составляли чего-то сверхъестественного. Из-за небрежного отношения к своей работе офицер санслужбы Макларг был вынужден подать в отставку, а на его место взяли женщину-врача. В рождественские празднества, будучи пьяным и не имея денег, он с пылом присоединился к сброду, набросившемуся на митингующих женщин.

Дальнейшее исследование показало, что Макларг находится в крайнем замешательстве.

- Я не могу постичь этого, - признался он наконец. - Три дня назад я при помощи вот этих рук удалил из твоей груди автоматную пулю, и уже через двадцать четыре часа от раны не осталось и следа! Подобное невозможно, но, клянусь, ты выглядишь совершенно здоровым.

К этому, похоже, нечего было добавить. Разум Макларга так плавно приоткрылся и соскользнул в сознание Пендрейка, его знания так легко и естественно переплелись с информацией, полученной от Петерса, что сейчас уже трудно было представить, что он не обладал ими раньше.

Тут он вспомнил о женщине и помрачнел. Она находилась в его комнате, склонялась над ним. Она заявила, что просто заходила сюда. Заходила незамеченная - в логово настороженных, преследуемых преступников!

Все это выглядело смешно. Не зная, что делать с ней, эти люди в конце концов заперли ее в одну из свободных комнат этой гасиенды. Станным, впрочем, было то, что среди мыслей мужчин, озабоченно слонявшихся взад-

вперед по дому, ее мыслей Пендрейк не замечал. Ни разу он не уловил даже намека на мыслительный процесс, присущий женскому разуму. Он не сомневался, что без труда смог бы различить его.

Когда пришел сон, он все еще ломал голову над этой проблемой.

Глава 25

Он проснулся внезапно, в кромешном мраке, и сразу же ощутил присутствие в комнате кого-то еще.

- Спокойно! - прошептал на ухо женский голос. - Это пистолет.

Его парализовало то, что он все еще не мог уловить ни малейших признаков присутствия ее мыслей. Он припомнил свои предыдущие размышления на эту тему, а потом пришел к простому выводу: *«Я не способен читать мысли женщин!»*

- Что тебе нужно? - спросил он тупо.

В темноте он чувствовал холод металла, прижатого к его голове, и в этой ужасной паузе, пока женщина хранила молчание, он не в состоянии был сосредоточиться на чем бы то ни было.

- Возьми свою одежду - одеваться не нужно, - и медленно иди к двери платяного шкафа, - приказным тоном начала женщина. - Там, за отодвинутой панелью, находится лестница, ведущая вниз. Спустишься по ней!

Вспотевший Пендрейк на ощупь нашел свою одежду! «Каким образом ей удалось сбежать из своей комнаты?» - подумал он.

- Как жаль, - хрипло прошептал он, - что мои товарищи ограничились спором, убивать тебя или нет, а ты...

Он замолчал, потому что пистолет прижался к спине сквозь пижаму, принуждая его идти вперед.

- Тихо! - раздался повелительный шепот. - Все дело в том, Джим, что прежде, чем здесь появятся законники - а они не заставят себя долго ждать, - тебе нужно узнать кое-какие факты о самом себе. А теперь, пожалуйста, поторопись.

- Как ты меня назвала?

- Двигайся!

Он медленно пошел вперед, но его разум ухватился за факт огромной важности, что она знает его. Эта женщина, которую они схватили, эта... как же она назвала себя?.. Анрелла Пендрейк *знала*, кем он является на самом деле.

Вначале он было подумывал, как бы извернуться в темноте и выхватить у нее пистолет. Но теперь ее слова все перевернули.

Ему пришлось протискиваться сквозь панель, оказавшуюся очень узкой. Винтовая лестница вела вниз. После первого же оборота появился призрачный свет от маленьких, закрепленных на стене лампочек, Лишь теперь он осознал по-настоящему, что он находится в каком-то старом доме на ранчо, где скрываются семнадцать осужденных на смерть убийц, и дом этот снабжен потайными ходами. Это не могло быть случайностью.

Он решил быстро нагнуться и схватить женщину за ноги.

- Джим! - раздался шепот-вздых сзади. - Я клянусь, что наши действия несколько не увеличивают опасность, что сейчас угрожает тебе. Когда ты хорошенько надо всем подумаешь, ты поймешь, что именно наша организация и занималась доставкой автомашин и самолетов, на которых вы совершили побег из тюрьмы, и вы...

- Что? - Он остановился, протестуя. - Послушай, эти автомобили и самолеты нам выделил наш друг из...

- Неужели какое-то частное лицо могло предоставить вам четыре автомашины и два самолета? Не будь таким глупым!

- Но...

Пендрейк замолчал, восхищаясь ее логикой.

- Ты продолжаешь называть меня Джимом, - продолжил он потом. - Джим...

- Джим Пендрейк.

- Но ведь тебя зовут Анрелла Пендрейк.

- Да, правильно. Ты мой муж. А теперь поторопись.

- Если ты моя жена, - вспыхнул Пендрейк, - то докажи это: дай мне свой пистолет и доверься мне. Дай мне его!

Оружие так быстро появилось над его плечом, что он мигнул, а потом осторожно протянул руку, не веря, что оно не исчезнет. Но нет, оружие осталось на месте. Его пальцы охватили пистолет, и женщина отпустила рукоятку. Пендрейк стоял с оружием в руке и в замешательстве от легкости, с которой она доверилась ему, понимая полную неуместность какого-либо насилия.

- Пожалуйста, спускайся, - снова раздался ее голос.

- Но кто такой Джим Пендрейк?

- Ты узнаешь все через несколько минут. Ну, пожалуйста, иди же.

И он пошел. Вниз, вниз и вниз. Дважды они миновали стальные плиты с проделанными в них отверстиями для лестницы, что делало их похожими на защитные металлические палубы крейсера. Их массивность потрясла Пендрейка. Восемь дюймов толщиной. *Каждая!*

Это была настоящая крепость.

Внезапно лестница кончилась. Узкий коридор, дверь - и ослепительный свет ламп, которые освещали огромную комнату, заставленную множеством различного рода машин. Здесь были прозрачные двери, ведущие в другие комнаты и на дразнящие верхние площадки сверкающих лестниц - дразнящие, потому что становилось ясно, что внизу располагаются еще этажи с другими комнатами. Тяжесть спала с плеч Пендрейка, тяжесть уверенности,

что у них, Петерса и остальных, нет никаких шансов на спасение. А здесь, в этом подземном мире, он чувствовал себя в полной безопасности!

Он ощутил прилив жизненных сил и зарождение надежды. Внезапно он почувствовал, как при этой мысли внутри словно зажегся огонь, наполняя его энергией. Он быстро и с интересом осмотрел все помещение машинного зала. Его разум пытался заметить признаки человеческой деятельности. У него было время осознать даже то, что мысли Петерса и остальных приговоренных не проникают сюда, в эти экранированные металлом глубины.

Справа открылась дверь в стене, и в зал вошли три человека. Но внимание Пендрейка привлек не сам факт их появления, а мысли, нахлынувшие на него.

Поток образов, картин и мыслей о нем, его прошлом и его жизни.

Сквозь сумбур этих образов он услышал, как один из мужчин прошептал женщине:

- Были какие-либо проблемы?

- Нет, - ответила та. - Все тщательно подготовленные меры предосторожности оказались излишними. Обыск был беглым. Они действительно хотели меня убить, но я в любую секунду могла воспрепятствовать этому. Никто ни разу не предложил проверить кнопки моей одежды, а там же содержался смертоносный газ. В конце концов они ведь, в сущности, не преступники... Но, тс-с, пусть он беспрепятственно прочитает содержимое наших разумов.

Сложившаяся в его сознании к тому времени картина была ограничена временными рамками. Она складывалась с того момента, когда он из разговора с Найперсом понял, что что-то идет не так. И кончалась здесь, в этой крепости. Их знание о его жизни было довольно отрывистым.

Пендрейк нарушил тишину напряженным голосом, в котором сквозило удивление:

- Должен ли я понимать это так, что Петерс, Макларг, я, Келгар, Рейни и остальные будем скрываться там, на поверхности, пока Вооруженные Силы Соединенных Штатов пытаются схватить нас? А вы собираетесь наблюдать со стороны, как мы будем пытаться выбраться из этой заварушки, ничем не помогая нам?

Его... жена... кивнула ему со слабой улыбкой.

Потом ее веселье исчезло. Глаза ее заблестели, и в них появилось какое-то странное сочувствие.

- Джим, ты оказался в самом центре событий. Тебе придется поднапрячься еще больше, чем во время побега из тюрьмы. Тебе предстоит освободиться от своих мысленных оков и стать суперменом. Видишь ли, ты сейчас находишься в заключительной фазе своего последнего превращения. И когда ты завершишь его, больше никаких изменений уже не будет.

Ее глаза внезапно увлажнились. Она непроизвольно протянула вперед руку и схватила его за запястье.

- Джим, неужели ты не понимаешь? Если мы сейчас поддадимся минутной слабости, то предадим тебя и всех остальных людей этого бедного измотанного мира... Джим, мы пришли в вывод, что никто из нас не выживет, если ты потерпишь поражение. Поэтому наша судьба связана с твоей. Послушай, здесь, под землей, находится чудесная коллекция машин. Через несколько минут несколько величайших ученых, входящих в нашу организацию, будут один за другим подходить к тебе - и ты получишь все огромные знания, которые хранятся в их разумах, - они станут твоими. Жаль, что ты не можешь читать мысли женщин, потому что у нас есть несколько замечательных женщин-ученых.

Она подвела его к креслу, села напротив и сказала:

- Джим, мы тотипотентны - ты, я и еще несколько человек - те, кто случайно оказался замешанным в этом деле с необыкновенным двигателем. Каждый из нас может давать кровь в течение нескольких месяцев людям, имеющим такую же, как у нас, группу крови, благодаря

чему к ним тоже возвращается молодость. Но ни один из них при этом не становится тотипотентным. И это делает их связь с нами еще сильнее, поскольку им вскоре необходимо сделать новое переливание, иначе они снова начнут стареть.

Если ты примешь во внимание то, что у каждого тотипотентного человека умственные способности превышают, по крайней мере, в два раза средний уровень, ты поймешь, что мы представляем собой первых представителей новой человеческой расы. Например, мы уже раз решили секрет лэмбтоновского двигателя. Этого не удалось сделать никому ранее, да и вряд ли когда-либо вообще в будущем. Немцы захватили более восьмидесяти процентов всех наших двигателей, и это неплохая добыча, но это все, чего они добились. Но даже наши умственные способности - только малая часть того, чего в потенциале мы можем достигнуть. Мы знаем это, потому кое-кто из нас во время сумрачных, выпавших из памяти периодов тотипотентности достигал такого уровня, который в двадцать раз превышал уровень обычного человека.

Послушай мою историю, которая тоже служит, хоть и слабым, но доказательством истинности моих слов. Я родилась в 1896 году, во время Первой мировой войны я работала медсестрой, и осколком разорвавшегося снаряда мне оторвало правую руку. Наверное, благодаря засохшей грязи, забившейся в рану, я не умерла от потери крови. Несколько дней я пролежала одна, без всякого медицинского ухода, и вот на что обрати внимание: нам неизвестен никто, кто стал бы тотипотентным, не испытывав невероятного напряжения всех сил, когда под угрозой была их жизнь. Это единственная наша зацепка. Тело, которое получает соответствующий медицинский уход, не может стать тотипотентным. Конечно, сразу ничего не произошло, но впоследствии, когда я работала в Лэмбтоновской исследовательской программе, я подвергалась воздействию лучей двигателя, и у меня снова выросла рука, и вернулась молодость.

- Откуда же взялся этот лэмбтоновский двигатель? - спросил Пендрейк.

- Это, - призналась женщина, - загадка для нас. Мистер Лэмбтон утверждал, что его дедушка был найден мертвым где-то в семидесятых годах прошлого века. Он пытался посадить свой аппарат на семейную ферму, но, видимо, скорость оказалась слишком высокой. В последнюю минут он понял, что произойдет катастрофа: он открыл дверь и попытался выпрыгнуть. Его так и нашли: наполовину высунувшимся из машины, наполовину внутри. Когда из кабины вытащили тело, то дверь аппарата автоматически закрылась, и никто не смог снова забраться внутрь. Машина не была тяжелой, поэтому ее оттащили в заднюю часть одного из больших амбаров, и она простояла там три четверти столетия - если верить словам мистера Лэмбтона. Когда сносили это старое строение, аппарат был обнаружен; он вспомнил эту историю и перетащил его в подвал. Вот тогда-то доктор Грейсон и обнаружил, чем же является этот двигатель.

После паузы женщина продолжила:

- В течение второй фазы моего тотипотентного периода я изобрела несколько металлических водоотталкивающих пластинок. Когда одна из них прикреплялась к подошвам моих туфель, я могла передвигаться по поверхности воды. Мы все еще не можем понять, каким образом это происходит. Можем лишь предположить, что, наверное, когда-то я едва не утонула, но мы не знаем этого наверняка. Мы не можем сделать их дубликат, хотя они, кажется, состоят из обычных материалов, которые спокойно можно найти на борту любого корабля. И это самое удивительное: прямо под нашими ногами скрываются изобретения, нужен только просто более острый ум, чтобы переосмыслить факты, находящиеся у всех на виду. Обучение и воспитание дают некоторую помощь в этом, но не более того.

Джим, ты знаешь свою задачу. На поверхности ты найдешь самые различные машины. Двигатели, инстру-

менты, электронные и электрические устройства и приборы - все, что душа пожелает. Десяток складов забит тем, что с виду может показаться хламом, но на самом деле это не так. Просмотри все внимательно, и путь твой разум попытается /создать новую комбинацию старых форм. И в тот момент, когда ты станешь что-то создавать, что-то придумашь, свяжись с людьми здесь, внизу. Они соберут для тебя все, что тебе понадобится, за несколько часов.

Джим, наш собственный опыт следования по пути идеализма печален. Нужно нечто большее. Мы хотим предпринять еще одну попытку перед тем, как принять решение: то ли оставить человечество в покое, то ли продолжить насильно ускорять развитие цивилизации. Понятно?

Когда Пендрейка отвели обратно в его спальню, ему казалось, что их намерения невозможно было выразить более ясно.

Он продолжал ощущать страх. Дважды, лежа в полудреме, он говорил себе, что посещение подземной крепости ему просто пригрезилось. Но всякий раз он начинал себя угрюмо ругать, что начинает строить иллюзии. Еще день назад, когда опасность казалась отдаленной, он тешил себя надеждой, что они действительно находятся в безопасности в своем укрытии в пустыне. Теперь он знал больше фактов. Когда на них бросят танки и самолеты...

Мысли его следовали неровным курсом всю эту долгую ночь. Однажды он даже удивился: «Уровень мыслительных способностей, который в двадцать раз превышает уровень обычного человека... да такого IQ* просто не может быть. Только у электронного компьютера IQ может равняться 2000. В мозгу существуют и другие факторы, которые оказывают свое воздействие. Ведь бывало же часто, что, например, человек с IQ, равным 100, обладал личностными и предводительскими каче-

* IQ - Коэффициент интеллекта. (Примеч. перев.)

ствами, которые в два раза превышали аналогичные у какого-нибудь уroda с IQ, равным 160? Нет, не может быть мозга с IQ, превышающим обычный IQ в 20 раз! Тогда бы... он просто не в состоянии был вообразить себе подобное.

Наверное, Пендрейк уснул при этой мысли. Когда он проснулся, по-прежнему было еще темно, но в нем уже созрело решение. Он попытается. Он не ощущал в себе никакой особой предрасположенности к придумыванию каких-либо вещей, но он попытается.

На рассвете Джефферсон Дейлс поднялся и сквозь глазницы своей безупречно подогнанной лицевой маски начал смотреть за окно гостиницы «Маунтинсайд». «Теперь осталось только ждать», - подумал он. Все, что можно было сделать, было сделано. Приказы, сложнейшее планирование, детали, обеспечивающие перекрытие всех возможных путей к бегству, - за всем этим он проследил лично. И теперь все остальные должны были сделать свою часть работы, а ему только и оставалось, как бродить взад-вперед по этому замкнутому пространству небольшой комнатки... и ждать.

Дверь за его спиной открылась, но он не повернулся.

Густые тени все еще устилали пустыню, но уже можно было разглядеть в светлеющем небе горы справа. А слева среди разбросанных деревьев за деревней он видел белые палатки пробуждающейся армии.

Кэй произнесла сзади:

- Я принесла тебе завтрак.

Он забыл, что кто-то вошел в комнату. И при этих словах он вздрогнул, потом утрюмо улыбнулся про себя. Повернувшись, он переспросил:

- Завтрак?

Президент молча выпил апельсиновый сок и съел тушеные почки. Когда он закончил, Кэй снова произнесла:

- Я совершенно уверена, что никто из них не подозревает о твоём пребывании здесь. - После секундной паузы

она добавила: - Мы начнем примерно через час. Понадобилось по меньшей мере три часа, чтобы преодолеть сорок миль по песку. Несколько наших наблюдателей под прикрытием ночи подобрались незамеченными к дому фермы. Однако в соответствии с приказом они не предпринимают попыток ворваться во двор. - Она закончила: - Я начинаю уже думать, что наши меры предосторожности оказались смешными, но согласна, что лучше быть уверенным наверняка, чтобы потом не сожалеть об упущениях. Сомнений больше нет. Мы должны схватить этого человека - иначе незачем нам даже думать о третьем сроке.

Ответа не последовало. «Еще четыре часа, - подумал Джефферсон Дейлс, - еще четыре часа - и тогда я узнаю свою судьбу».

Глава 26

На ранчо холод ночной пустыни уступал место прохладой рассвета, который медленно начал прогревать эту серую землю. Все встали рано. Почти не разговаривая, они съели завтрак, не высказали никаких возражений на заявление Пендрейка о том, что он назначает себе помощницу, после чего разошлись. Некоторые отправились наружу, чтобы сменить ночных дозорных на постах, располагавшихся на вершинах холмов, окружавших гасиенду среди неровно тянувшихся песков. Только один или два человека казались занятыми действительно чем-то важным.

Атмосфера стала напряженной, нервной, словно все чего-то ожидали. Закрыв за собой дверь третьего склада, Анрелла произнесла озабоченно:

- Я вообще-то ожидала, что, когда ты выскажешь желание, чтобы я весь день была с тобой сегодня, они станут возражать. Но, наверное, твое предложение озадачило их.

Пендрейк промолчал. Он тоже был озадачен тем, что бразды правления были отданы ему. Несколько раз он улавливал в сознаниях беглецов зачатки возражений, которые затем лишь бесследно исчезали. Внезапно он понял, что Анрелла снова озабоченно заговорила:

- Я уже жалею, что не посоветовала тебе снова прилечь немного. Нам желательно, чтобы ты со свежими силами принялся за работу. Но мы также хотели, чтобы все шло по согласованному ранее по времени плану, так что у тебя в запасе по меньшей мере полдня.

Странно, но почему-то эти слова вызвали у него раздражение. Он резко произнес:

- Я ограничен в выборе средств для достижения успеха. И я убежден, что подошел к решению этого вопроса не с той стороны. Неправильным является уклон в сторону механики. Я уже вижу несколько иных возможностей, например, использование электрического оборудования из дальнего склада: определенные возможности, предоставляемые анодными лампами, соединенных электрическими цепями...

Он замолчал, хмуро глядя на нее.

- У них всех имеется один пагубный изъян. Они убивают. Они сжигают и разрушают. Откровенно говоря, меня повесят еще до того, как я прикончу отряд этих бедолаг-солдат, выполняющих свой долг. И вообще, знаешь, я сыт этим всем уже по горло! - Он сделал нетерпеливый жест рукой. - Все это слишком трудно выразить словами. Я уже начинаю задаваться вопросом, в своем ли я уме. - Он нахмурился и гневно продолжал: - Позволь мне спросить тебя. Есть ли возможность посадить здесь в ближайшее время космический корабль через короткий промежуток времени, чтобы забрать всех

нас и таким образом спасти жизни всех людей, кто оказался в этом районе?

Взгляд Анреллы был спокоен, под стать ее поведению.

- Все гораздо проще. Мы могли бы отвести вас под землю. Но возможен и вариант с космическим кораблем. Над нами на высоте двадцати миль зависла несколько увеличенная модель того, что вы привыкли считать электрическим самолетом. Я могу отдать распоряжение его пилоту спуститься вниз прямо сейчас. Но я не стану этого делать. Наступил критический момент в плане, который мы вынашивали с тех пор, как впервые узнали о вашем существовании.

- Я не верю в твою угрозу покончить с собой, - огрызнулся Пендрейк. - Это просто еще один трюк с целью оказать на меня давление.

Анрелла тихо заметила:

- Ты устал, Джим, и ты находишься под огромным физическим стрессом. Клянусь честью, - то, что я сообщила тебе, - правда!

- Что такое обычная честь для суперженщины?

Анрелла оставалась спокойной.

- Если ты думаешь об осложнениях, вызванных твоим отказом убивать людей, собравшихся атаковать нас, то ты должен понять, что все, что мы делаем, оправдано чистотой наших намерений. Джим, мне уже больше восьмидесяти лет. Физически, конечно, я этого не чувствую, чего не скажешь в психологическом плане. И так же обстоит дело с остальными. Семнадцать человек старше меня, а двенадцать такого же возраста. Не кажется ли тебе странным, что совсем небольшое число людей стали обладателями тотипотентности после последней мировой войны; возможно, из-за того, что медицинское обслуживание стало лучше, но не это главное. Все мы много повидали и о многом размышляли. И мы искренне считаем, что станем помехой человечеству, если только не сможем помочь ему продвинуться на пути прогресса. Для этого у

нас должен быть лидер, который был бы более способным и сильным, чем мы. Мы...

Радиобраслет на ее руке мелодично зазвенел. Она подняла его к уху и повернула таким образом, чтобы Пендрейк тоже мог слышать его. Тихий, но отчетливый голос произнес:

- Колонна бронированных автомашин и несколько танков стремительно приближаются по дороге к Арройо Пасс в десяти милях южнее Маунтинсайда. Несколько самолетов пролетело над вами после рассвета. Если вы не видели их, то это означает, что им приказано держаться вдаль от ранчо. Это все.

Через минуту мелодичный звон повторился. А потом наступила тишина.

Анрелла прервала ее с напряжением в голосе.

- Думаю, Джим, - начала она, - что нам лучше перестать витать в облаках. Я уже начинаю верить, что неплохо бы применить какое-нибудь упреждающее оружие, которое задержало бы сухопутную армию и дало бы нам время успеть разработать основное изобретение. Я знаю наверняка, что нам не нужно беспокоиться о возможной бомбардировке с воздуха: самое последнее, чего желает Джефферсон Дейлс, - это уничтожение нас. - Она замолчала на несколько секунд. - А как насчет дезинтегрирующих лучей, воздействующих только на неорганическую материю? - Она бросила на него быстрый, вопросительный взгляд своих голубых глаз. - Нам нужно только подключить устройство к ближайшей розетке электросети, как это мы сделали в тюрьме. Или к передвижному источнику питания. - Она снова замолчала, потом продолжила: - Это устройство уничтожит их танки, бронированные автомобили, и они останутся в чем мать родила. - Анрелла нервно рассмеялась. - Это точно дезорганизует любую армию.

Пендрейк покачал головой.

- Я уже обдумывал подобную возможность перед завтраком. Это не сработает. Я мог бы уменьшить устрой-

ство до размеров ручного оружия, сохранив при этом его мощность. Но количественное увеличение не добавит энергии. Все зависит от одной лампы, которая...

Он пожал плечами.

- Все, что им нужно сделать, это удостовериться, что не я управляю этим устройством, после чего они дадут приказ артиллерии начать обстрел с расстояния в четверть мили. Возможно, - он печально улыбнулся, - что кто-нибудь из моих товарищей предпочел бы такую смерть удушению в газовой камере. Но ты ведь понимаешь, что это не решение проблемы. Что ты делаешь, Хайнс?

Они подошли к стройному небритому молодому человеку, который возился с двигателем какого-то автомобиля. Капот был поднят, и он стоял, держа в руке свечи зажигания и протирал их концы. На самом деле вопрос Пендрейка был лишним. Он ясно прочитал в сознании этого человека намерение заставить двигатель работать и выехать на машине из ранчо.

Ден Хайнс был актером, играющим второстепенные роли. Единственной причиной того, что он присоединился к людям, избивающим женщин на митинге, было то, что, как он впоследствии утверждал с хмурым видом на суде, он не мог примириться с тем фактом, что «миром заправляют бабы», и что он «возбуждился». После чего добавил, что с готовностью поддался этому чувству, «накатившему на него». Он никак не помогал во время бегства, лишь мешал своей издерганностью. И сейчас, когда до него внезапно дошло, в какую новую заваруху он угодил, его нервы сдали. Он виновато поднял глаза.

- О! - воскликнул он, увидев Анреллу. А потом произнес более небрежным тоном: - Вот, решил отремонтировать автобус. Я хочу, чтобы мы могли в случае чего удрать на нем.

Пендрейк прошел мимо него и с любопытством посмотрел на разобранный двигатель. Он мысленно гред- ставил весь агрегат, сначала в сборке, потом по частям.

Это было поверхностное изучение, чисто умозрительное: двигатель, аккумулятор, система зажигания, сцепление, генератор... Он остановился и вернул взгляд назад: аккумулятор.

Потом спросил, растягивая слова:

- Что случится, Хайнс, если весь заряд аккумулятора разрядить за одну стомиллиардную долю секунды?

- Гм-м! - тупо произнес Хайнс. - Это невозможно.

- Нет, почему же, - возразил Пендрейк, - если предварительно электрически закалить свинцовые пластины, а также использовать пентодную экранирующую трубку того типа, которые когда-то использовались для контроля избыточной мощности. Это...

Он замолчал. Внезапно у него в мозгу сложилась ясная и четкая картина. Он сделал мысленный расчет, а потом, подняв взгляд, увидел сверкающие глаза Анреллы.

Через секунду ее взгляд помрачнел. Она, вздрогнув, произнесла:

- Я понимаю, что ты задумал. Но не окажется ли температура слишком высокой? Я просто не могу поверить в цифры, которые приходят мне на ум.

- Мы можем использовать миниатюрный аккумулятор, - поторопился сказать Пендрейк. - В конце концов, это будет всего лишь ударный капсюль. Невероятно высокая температура внутри солнца вызвана лишь той причиной, что там нет подобной управляющей трубки, и поэтому, когда сходные условия создаются в каком-либо месте нашего пространственного континуума, то вспыхивает сверхновая.

Да, с аккумулятором обычных размеров температура оказалась бы слишком высокой. Но я думаю, что мы сможем отбросить четыре самых опасных нуля, если воспользуемся небольшой сухой батареей - благодаря чему мы будем вне опасности. Цепная реакция, конечно, все равно начнется, но в результате взрыва не произойдет, лишь начнется выделение избыточного тепла. И это продлится в течение нескольких часов. - Он замолчал,

нахмутив брови, потом продолжал: - Не уезжай, Хайнс. Останься здесь, на ранчо.

- Хорошо.

Пендрейк с задумчивым видом пошел прочь от него, потом снова остановился. «Не слишком ли быстро он согласился? - спросил он себя. - Почему?»

Он обернулся и широко раскрытыми глазами внимательно посмотрел на Хайнса. Тот стоял к нему спиной, но весь его разум был открыт перед ним. Пендрейк замер на месте, сравнивая и вспоминая; потом, удовлетворенный наконец, повернулся лицом к Анрелле и тихо произнес:

- Пусть ваши люди займутся этим со всей возможной быстротой. А также разработают какую-нибудь еще охлаждающую систему для дома ранчо. Мне кажется, батарейку следует зарыть примерно на десять футов в песок в трех или четырех милях к югу отсюда. И я не думаю, что на все про все уйдет больше сорока пяти минут. А что касается тебя и меня, - он с сардонической усмешкой посмотрел на нее, - отдай приказ космическому кораблю спускаться сюда. Мы полетим в Маунтинсайд.

- Мы что? - Она посмотрела на него, внезапно вся побледнев. - Джим, ты ведь знаешь, что это логически никак не связано с этим изобретением.

Он не ответил, просто продолжал пристально глядеть на нее; и через несколько секунд она продолжила:

- Все это неправильно. Я не должна так поступать. Я... - Она покачала головой в замешательстве. Потом, больше не протестуя, понесла к уху радиобраслет.

В восемь часов утра на крыльце гостиницы «Маунтинсайд» собрались старожилы. Пендрейк видел, как они искоса рассматривают его и Анреллу, и десяток женщин, в которых нельзя было не узнать представительниц секретной службы, расположившихся в креслах у дверей. Население Маунтинсайда не привыкло к подобному вторжению в их спокойную размеренную жизнь незнакомых людей, особенно женщин с непроницаемыми

лицами. Но слишком много чего произошло в последнее время. В их разумах читалась смесь возбуждения и раздражения. Они обменивались между собой мнениями приглушенными голосами.

В десять минут девятого один из стариков вытер пот со лба и прошаркал к термометру, висевшему у двери. Потом он вернулся.

- Девяносто восемь*, - объявил он своим приятелям. - Чертовски тепло в Маунтинсайде для этого времени года.

После чего последовала короткая и оживленная дискуссия, касающаяся температур в текущем месяце. Когда ветер из пустыни усилился, резкие голоса постепенно стихли, и наступила напряженная тишина. Еще раз какой-то старожил прошаркал к термометру. Он вернулся, качая головой.

- Сто пять**, - произнес он. - И ведь сейчас только двадцать пять минут девятого. Похоже, сегодня будет пекло.

Пендрейк прошел к этим людям.

- Я врач, - объявил он. - Подобные внезапные изменения температуры вредно действуют на пожилых людей. Отправляйтесь на озеро Маунтин Лейк. Пусть это будет для вас день отдыха. Отправляйтесь немедленно!

Когда он вернулся к Анрелле, те уже цепочкой покидали крыльцо гостиницы. Через две минуты они промчались мимо них на двух старых седанах. Анрелла хмуро посмотрела на Пендрейка.

- Ты поступаешь не как обычный психолог, - заметила она. - Старые пустынные крысы обычно не следуют советам молодых людей.

- Они не пустынные крысы, - возразил Пендрейк. - Они легочные больные. А для них слово врача - все равно, что Глас Божий. - Он улыбнулся и добавил: - Пусть

* 36,7 градуса по Цельсию.

** 40,6 градуса по Цельсию.

пройдутся немного по улице. Я видел одну старуху в доме, которой не помешало бы совершить прогулку по холмам.

Эту пожилую женщину не составляло большого труда уговорить отправиться на пикник. Она нагрозила свою подержанную старую машину консервами и уехала, подняв столб пыли.

В пятидесяти футах дальше располагалось небольшое белое здание метеорологической станции. Пендрейк открыл дверь и крикнул исходявшему потом человеку внутри:

- Какая сейчас температура?

Из-за стола выполз полный очкарик.

- Сто двадцать*, - простонал тот. - Какой-то кошмар! Работники служб из Денвера и Лос-Анджелеса считают, что я пьян. Но, - он скорчил гримасу, - но им следовало бы перечертить свои изобарные линии и предупредить население. К ночи у них будет такой ураган, что из-под их задниц повырывает стулья!

Когда они вышли на улицу, Анрелла устало произнесла:

- Джим, пожалуйста, расскажи мне, что все это значит. Если станет жарко, то мы все задохнемся в собственном поту.

Пендрейк невесело рассмеялся. Действительно становилось жарко. Он неожиданно почувствовал благоговейный страх. Крошечный источник тепла - он мысленно представил его там, в жарких песках к югу от них - испускает сейчас тепло в восемнадцать миллионов миллиардов градусов по Фаренгейту, что мощнее тысяч водородных бомб. Здесь, в Маунтинсайде, температура должна подняться по меньшей мере до 135 градусов, а там, где находилась закованная в броню армия, - было... 145... 150**. Такая жара не убьет, но офицеры, конечно, отда-

* 48,9 градуса по Цельсию.

** 57, 60 и 63 градуса по Цельсию.

дуг приказ армии возвращаться в более прохладный район холмов.

Когда они вернулись в гостиницу, стало еще жарче. И по дороге в холмы уже вилась колонна автомашин. От песков дышало жаром и сюда, в район унылых низинных холмов. В воздухе повис иссушающий и удушающий запах топки, и эта вонь резала легкие.

- Джим, ты уверен, что знаешь, что делаешь? - неуверенно спросила Анрелла.

- Все очень просто, - ободряюще кивнул ей Пендрейк. - По моим расчетам, мы получили эквивалент хорошего лесного пожара. Если ты когда-нибудь видела лесной пожар, а в моей памяти содержится информация по данному предмету, то тебе известно, что он выгоняет из укрытий любую дичь. Все сломя голову бросаются на поиски более прохладных территорий. Даже сам царь зверей вынужден бежать перед угрозой сожжения. Я предположил, что мы обнаружим здесь короля. - Пендрейк самодовольно закончил: - И вот он выполз сейчас сюда, на открытое место, где опасность остаться в дураках для меня минимальна.

Пендрейк кивнул в сторону двери гостиницы, откуда на веранду прошел стройный человек. Его лицо было заgrimировано так, чтобы походить на обычного американца средних лет, однако он сказал звонким, привыкшим отдавать приказы голосом Джефферсона Дейлса:

- Вы что, до сих пор еще не смогли запустить эти двигатели? - спросил он раздраженно. - Не кажется ли вам странным, что две машины сломались в одно и то же время?

Потом раздались приглушенные извинения и еще что-то о другой машине, которая должна вот-вот подойти. Пендрейк улыбнулся и прошептал Анрелле:

- Я вижу, что пилот вашего космического корабля все еще продолжает посылать помеховое излучение. Хорошо. Пойди и пригласи его.

- Но он не пойдет. Я уверена в этом.
- Если он не пойдет, то, значит, я просто просчитался, и мы отправимся немедленно на ранчо.
- Просчитался в чем? Джим, ведь это - вопрос жизни и смерти для нас!

Пендрейк посмотрел на нее.

- Ну и что? - язвительно спросил он. - Тебе не нравится, когда на тебя давят? Возможно, это приведет к увеличению в два раза твоего IQ.

Анрелла пристально посмотрела на него, затем произнесла, растягивая слова:

- Наверное, в твоей фазе тотипотентности есть какое-то качество, о котором никто из нас не знает. - Она замолчала. - Джим, поскольку ты ведешь себя так загадочно, я не решаюсь больше скрывать то, что собираюсь тебе сейчас сказать, хотя по личным причинам я предпочла бы утаить.

Пришла очередь задуматься Пендрейку, но он отбросил мысль объяснить ей свои действия. Еще не время. Возможно, в этой критической ситуации еще понадобится однажды оказать на нее давление. То, как мгновенно Хайнс подчинился его требованию остаться на ранчо, а не сбежать с него, как он планировал, дало ему необходимый ключ. Остальные случаи повиновения его приказам или предложению только подтверждали его догадку. Сначала Петерс принес его одежду и только после этого начал задавать вопросы, а потом Анрелла отдала ему пистолет и приказала космическому кораблю спускаться вниз, и старики, тут же отправившиеся в горы, - все эти факты доказывали, что мужчины и женщины подчинялись его внутренней силе.

Их послушание не было осознанным. Никто ни разу ничего не заметил. Его сила воздействовала глубже, на какие-то базисные нервные структуры в мозгу. Подчиняющимся его приказам людям казалось, что они действуют согласно собственной логике. И это было самым важным. Позже он объяснит это Анрелле. В данный же момент...

Анрелла снова заговорила.

- Я чувствую, что в тебе есть какая-то особая способность, которая на самом деле не принесет добра ни тебе, ни кому-либо другому. И поэтому, пока она не превратилась в постоянную, - с мольбой в голосе женщина обратилась к нему: - Джим, что ты помнишь?

Пендрейк раскрыл было рот, чтобы кратко обрисовать необъятность своей памяти, но, осознав, что это вовсе не его память, а лишь воспоминания полусотни других людей, включая, в настоящее время, и весь жизненный опыт президента Соединенных Штатов.

Все это он без особого желания объяснил Анрелле.

- Просканируй пространство вокруг себя! - приказала она.

Теперь уже настала очередь Пендрейка удивиться.

- Я не понимаю. Что я должен искать?

- Свою память.

Он снова открыл рот, намереваясь напомнить ей, что после происшедшей тотипотентной трансформации вся информация, содержащаяся в клетках его мозга, стерлась, словно по его памяти прошла некая поражающая своей эффективностью терка.

Но он не смог издать даже этого протеста.

Потому что увидел энергетическое поле. Он видел его мысленно, и, что было удивительно, оно, кажется, даже слегка светилось. Вблизи его тела этот свет усиливался и ослабевал дальше. Насколько далеко распространялось это сияние, Пендрейк не мог точно определить, но у него создалось впечатление, что на дюжину ярдов точно. Через секунду, когда он понял, что расстояние не играет никакой роли, он отбросил мысль об этом ограничении от себя, осознав, что частью его знания является и воспоминание о работе, которой занимался один ученый в Йельском университете, замерявший напряженность электрического поля вокруг каждого живого тела, начиная от крошечных семян и кончая людьми.

Эта мысль исчезла, потому что к нему вернулась вся память его жизни: детство, колледж, служба в ВВС, находка двигателя, Луна, Большой Олух, Элеонора... «О Господи! - подумал он. - Элеонора - все эти месяцы! а ведь это больше года - она в руках неандертальца...» - Он простонал. Потом с трудом взял себя в руки, беря под контроль чувства, вдруг нахлынувшие на него.

- Пригласи его, - хрипло приказал он.

Женщина сочувственно посмотрела на него.

- Я не знаю, что ты вспомнил, - произнесла она, - но постарайся держать себя в руках.

- Со мной будет все в порядке, - уверил он ее и подумал: «Первым делом - самое важное!» - Он снова стал самим собой.

Глава 27

Повернувшись, Анрелла начала подниматься по ступенькам на веранду.

Ему было слышно, как она слегка измененным голосом произнесла необходимые слова. Когда она закончила, Пендрейк позвал ее:

- Да идемте же! Вторая машина может следовать за нами.

Вслед за Анреллой по ступенькам спустились президент, Кэй и две женщины из охраны.

- Как ты думаешь, - спросила Анрелла, - мы можем взять с собой четверых?

- Разумеется, - ответил Пендрейк. - Кто-то может сесть вместе с нами спереди.

Кэй устроилась на переднем сиденье рядом с Анрел-

лой. Минутой позже урчащий автомобиль на второй передаче начал взбираться на первый пологий подъем.

- Ты знаешь, дорогая, - начал Пендрейк, - я подумал насчет охранниц, которые составляют личную армию президента Дейлса. Наркотик, который они приняли, можно нейтрализовать второй дозой, химический состав которой лишь чуточку отличается от первой. Кристаллический марганец в наркотике присоединяется к основе при помощи четырех связей. Это образование неустойчиво. И если удалить две из этих связей, то можно стабилизировать соединение. Это...

Он замолчал, когда краем глаза увидел, как внезапно напряглось лицо Анреллы. С заднего сиденья Джефферсон Дейлс бесстрастно спросил:

- А вы что, химик, мистер... не помню вашего имени.

- Пендрейк, - любезно подсказал Пендрейк. - Джим Пендрейк. - Он продолжал: - Нет, не химик. Можете назвать меня чем-то вроде универсального разрешителя проблем. Видите ли, я обнаружил в себе интересные умственные способности. - Он замолчал. Он увидел в зеркале, что две женщины на заднем сиденье тут же достали пистолеты. Прозвучал ровный голос Джефферсона Дейлса:

- Продолжайте, мистер Пендрейк.

- Господин президент, - начал Пендрейк, - в чем заключается суть ослабевающей демократии?

Последовала долгая пауза.

- Никто не может ответить на подобного рода вопрос, - наконец произнес президент. - Люди нуждаются в том, чтобы их убеждали, что жизнь имеет смысл, и когда все видят лишь путаницу, ложь и глупость, то они теряют присутствие духа и уже не могут бороться.

Пендрейк выжидал. Машина мчалась среди холмов. Он ощущал, что его вопрос успокоил насторожившихся женщин на заднем сиденье. Они по-прежнему продолжали сжимать пистолеты в руках, но жест руки их руководителя удержал их от активных действий.

Президент Дейлс нарушил тишину:

- Со стороны может показаться, что мы страдаем от потери нравственности, коррумпированности политиков и понимания того, что почти каждый в нашей стране в определенном смысле психопат.

- Мне же кажется, - начал Пендрейк, - что мы страдаем от отсутствия должного руководства. - Когда после этого заявления на заднем сиденьи последовало шокирующее молчание, то он понял, что его слова достигли цели. Он продолжал: - Видите ли, господин президент, в демократическом обществе мы выбираем правителя на ограниченный период времени. А это означает, что он будет править страной хуже, чем любой наследственный монарх. Если ему не удастся соединить воедино в руководстве духовное и общественное начала, то, следовательно, наша система управления действительно начинает приходить в упадок, и мы должны спрашивать себя, что же происходит. А ничего особенного и не происходит, просто мы выбрали слабака, который по каким-то своим внутренним причинам не способен руководить нами должным образом.

Наступила мертвая тишина, если не считать урчания автомобиля и визга шин.

- Мне кажется, - начал Пендрейк, - что вам, господин президент, необходимо обрести уверенность в том, что жизнь имеет смысл. Поэтому я хочу сделать вам одно выгодное предложение.

- Предложение? - Это слово не выдавало истинные чувства собеседника, скорее оно было автоматически вырвавшимся эхом человека, находящегося в состоянии глубокого шока.

- Предложение, - спокойно повторил Пендрейк. - Если за три года вам удастся возродить демократию и должным образом управлять страной, я добровольно отдам вам часть своей крови.

Кэй первой отреагировала на это предложение. Она резко произнесла:

- Боюсь, мистер Пендрейк, что вы не в том положении, чтобы диктовать условия, при которых может быть осуществлено переливание вашей крови.

- 'Заткнись, Кэй!' - резко оборвал ее Джефферсон Дейлс.

Женщина удивленно посмотрела на него и откинулась на спинку сиденья, потрясенная. И Пендрейк вдруг понял, что за все время их совместной работы президент никогда не обращался к своей напряженной, прекрасной и заблуждающейся любовнице подобным тоном.

Президент Дейлс прочистил горло.

- Я никак не могу понять, - признался он. - Мы, кажется, встретились с вами совершенно случайно, мистер Пендрейк, но, очевидно, вы преодолели заслон из нескольких дивизий американских вооруженных сил. И теперь меня все больше начинает интересовать, что же происходит на самом деле. Например, каким образом вам удалось сбежать из тюрьмы?

- Расскажи ему, дорогая, - обратился Пендрейк к Анрелле.

Та описала энергетический пистолет - изобретение Пендрейка.

Дейлс воскликнул удивленно:

- Каким образом ему удалось изобрести такое оружие из обычных радиодеталей? - Очевидно, это был лишь риторический вопрос, потому что он поторопился задать следующий: - И что еще он изобрел? - Когда Анрелла рассказала ему о тепловом источнике, по мощности сравнимым с новой, закопанном в песке пустыни, президент только и смог выдохнуть: - Так это он и вызвал эту жару? О Господи!

Президент Дейлс замер на сиденьи. На лице у него возникло выражение человека, который внезапно увидел решение того, что казалось нерешаемой проблемой. Он вдруг взорвался:

- Вот в чем дело! Всем нам - всем этим людям должно быть стыдно.

- Каким всем людям? - удивленно спросила Анрелла.

- Обычным людям, завсегдатаям баров, поклонникам секса, грязным сознаниям, мужчинам, выступающим против женщин, и женщинам, выступающим против мужчин, крутым парням, слабакам, глупцам, дуракам, бедным и богатым - всем этим деградировавшим, злобным, испуганным, несчастным, тупым, жалким беднякам там, - он широко махнул рукой, как бы охватывая своим жестом полмира, - и здесь, - он указал на самого себя. - Всем этим людям, гордящимся идиотскими достижениями, которые на самом деле вовсе никакие не достижения, по сравнению с тем, чем они являются. Три миллиарда людей позволили величайшему мозговому механизму во Вселенной превратиться в развалину, и наша задача первым делом дать им понять, что же они сотворили с собой, после чего помочь им освободиться от спутывающих их уз.

- Что вы предлагаете сделать? - спросила Анрелла.

Великий человек, казалось, не расслышал ее вопроса. Он, удивленно покачивая головой, продолжал:

- Я долго ломал голову над тем, почему практически полностью отсутствуют новые творческие разработки, и единственный ответ на этот вопрос - то, что человек находится в состоянии смятения.

Он покачал головой.

- Боюсь, что все не так просто, - произнесла Анрелла.

Пендрейк решил, что настало время перейти к делу. Он сказал:

- Мне кажется, армию следует отозвать, срок приговора уменьшить до пяти лет, снова поставить в неравное положение уравненных в правах женщин, защитить Лэмбтоновский поселенческий проект, дать амнистию тем, кто был вовлечен в него, допустить женщин на руководящие посты самого различного ранга...

В этот момент Анрелла подтолкнула его локтем.

- Этого достаточно, - произнесла она гневным голосом. - Джим, остановись!

Пендрейк ошарашенно замолчал. Он увидел, что она с пылающим гневом в глазах смотрит на него. В тот же миг он вдруг понял, что она догадывается о его планах.

- Хорошо, - сказал он, растягивая слова. - Ты права, этого достаточно.

Ее реакция удивила его.

Глава 28

Прошел час.

Две машины президента нагнали их, и Пендрейк заверил главу исполнительной власти, что он может без какой-либо опасности для своей жизни продолжать ехать в своем автомобиле, а он со своей женой возвратится на ранчо.

Никто и не пытался остановить их.

Как только президент и его люди скрылись из виду за поворотом, Анрелла произнесла:

- Пожалуйста, останови машину!

Удивленный Пендрейк выполнил ее просьбу.

Женщина хмуро сказала:

- Ты используешь телепатический гипноз.

- Ну и что? - ответил он беспечно.

- А вот что! - Анрелла начала рыться в своей сумочке.

В ее руке оказался маленький фонарик. Она направила на Пендрейка ослепляющий свет. Где-то глубоко в своем мозгу он ощутил резкую боль - кажется, свет что-то настраивал в его мозгу. Непроизвольно Пендрейк закричал.

Он вдруг понял, что Анрелла что-то говорит, но слов разобрать не был в состоянии. Наконец она замолчала. Последовала пауза, а потом он услышал, как Анрелла произнесла:

- У тебя больше нет этой способности.

Пендрейк сел, моргая. Похоже, он полностью пришел в себя, никакой боли не было. Он пристально взглянул на женщину.

- Ты механически загипнотизировала меня? - спросил он осуждающе.

- Нет. Я просто изменила структуру твоего мозга. - Ее голос звучал твердо. - Джим, все это на самом деле очень просто. Мы не можем допустить существование внутри нашей группы или где-нибудь на планете людей, имеющих способность воздействовать на других, причем таким образом, что те не замечают этого.

- Но ты ведь сама знаешь, что я использовал свой дар лишь для того, чтобы восстановить демократию.

- Демократия должна сама обрести свое спасение, - резко возразила она. - Ее развитие не может опережать развитие самих людей.

- Странное утверждение в устах подлинного руководителя Лэмбтоновского проекта, - удивленно заметил Пендрейк.

- Мы учимся и запоминаем уроки, - с горечью произнесла женщина. - Отдельным индивидуумам нельзя смещать свое законное правительство. Никаким малым группам в государстве нельзя самим поднимать себя на более высокий моральный уровень. Мы потеряли уже почти восемьсот человек, Джим, и если мы не получим помощи от правительства, то Лэмбтоновское поселение на Венере окажется в руках восточных немцев. Они знают его месторасположение.

- Этого не случится. - Пендрейк покачал отрицательно головой и рассказал ей о том, что президент Дейлс дал добро на высадку новой экспедиции на Луну. Потом он добавил: - Анрелла, мне нужно оружие. И я должен как

можно скорее оказаться на одной горной тропе на Среднем Западе. Оттуда мне необходимо перенестись на Луну.

Он описал это место, каким образом происходит перемещение да и всю ситуацию в целом.

Глаза Анреллы были широко раскрыты, когда он закончил.

- Я вызову космический корабль, - быстро произнесла она, потом добавила: - Но почему бы не подождать хотя бы день, в течение которого к тебе бы присоединились еще несколько наших молодых ребят? Тебе, возможно, понадобится помощь.

Пендрейк вспомнил об Элеоноре и покачал отрицательно головой.

- Я переполнен яростью и ужасом с той минуты, когда ко мне вернулась память. Отправь их вслед за мной, но ждать я не в состоянии.

Женщина с напряжением уставилась прямо перед собой. Наконец она тихо произнесла:

- Я понимаю тебя, Джим.

По пути он рассказал ей о людях, находящихся на Луне, и добавил в конце:

- Это соответствует тому, что ты говорила. Предлагаемое ими убежище настолько не вписывалось в мой реальный мир, что я выбрал рискованный вариант с саблезубым тигром. Очевидно, человек в своем развитии встал на последнюю ступеньку животной стадии и едва только начинает осознавать о проявлении первой ступеньки действительно человеческой стадии. В моих тотипотентных фазах я показал, каким *может* быть раскрепощенный человеческий мозг. Но я сам чувствую, что этот мозг все еще продолжает эволюционировать. И то, что мы будем в состоянии понимать, когда перейдем на следующую ступеньку развития, возможно, не будет иметь никакого отношения к тому, какими мы являемся в данный момент.

Их разговор закончился, когда остроносый ракетный корабль завис посредине шоссе. После краткого разворота, осуществляемого под руководством Пендрейка, настала пора попрощаться.

- Не беспокойся! - сказала Анрелла, целуя Пендрейка. - Мне повезло, что я вообще встретила и прожила некоторое время с тобой. Я добровольно уступаю тебя твоей Элеоноре. Мы еще встретимся.

Твердым шагом Пендрейк направился к двери и спустился по ступенькам лестницы, опущенной с корабля. Последняя из них висела прямо напротив невидимой перегородки, за которой шел поток. Став на нее, он осторожно протянул вперед руку и увидел, как его рука исчезла, после чего уверенно шагнул через то, что казалось пустотой.

Как в прошлый раз, возникло ощущение пребывания в черном тумане. И в следующее мгновение...

Что-то твердое, вроде камня, стукнуло его по голове, и с грохотом он рухнул на металлический пол.

Это было последнее, что он запомнил, перед тем, как потерять сознание.

Глава 29

Пендрейк очнулся, не зная, сколько времени он провел в беспамятстве.

Руки его были связаны за спиной. Над ним стоял Большой Олух.

Вид вокруг них был до ужаса знакомый. В нескольких футах находился край скалы.

Неандерталец хрипло хихикал. Он явно ликовал.

- Теперь я могу расслабиться. Все эти месяцы я ждал тебя, и даже позволил Девлину и его людям построить второй город, потому что не знал наверняка, что тебе может взбрести в голову. И, разумеется, на тот случай, если ты когда-нибудь появишься здесь еще раз, я установил это маленькое приспособление. И ты попался в мою ловушку. Теперь я могу заняться ими и перебить всех по одному, пока оставшиеся не завопят о пощаде.

Он остановился, чтобы перевести дыхание, потом снова заговорил:

- Мы продолжим с того места, где остановились в прошлый раз, Пендрейк. Дьявольское чудовище получит тебя, и поверь мне, на сей раз я не буду оттягивать этот момент.

Пендрейк внимательно смотрел на неандертальца. Силы возвращались к нему, но сейчас это не могло помочь ему. Он сделал последнюю из своих многочисленных ошибок, и через несколько минут настанет *конец* карьере Джеймса Пендрейка.

В этот краткий миг он вдруг с удивлением осознал, насколько же уязвимым является на самом деле человек. И теперь, когда он лишен своих тотипотентных способностей, он либо погибнет, либо будет искалечен после многочисленных ампутаций. Мысленно представив себя калеккой, он содрогнулся. Истина заключалась в том, что люди, постоянно подвергающие себя физическому риску, не способны долго оставаться в живых.

Мысль эта исчезла. Он увидел, что человек-обезьяна, ухмыляясь, смотрит на него. Чудовище дрожало, всем своим видом выказывая жуткое садистское возбуждение.

Пендрейк смог вымолвить:

- Большой Олух, - сказал он, но слова его прозвучали не слишком убедительно, - Вооруженные Силы Соединенных Штатов в течение недели высадутся на Луну, а на следующей неделе еще одна армия численностью в тысячу человек пройдет через ворота этой машины. Я раньше

прибыл сюда, чтобы поговорить с тобой и заручиться твоей поддержкой и сотрудничеством с нами. Убей меня - и в течение семи дней тебя самого казнят. Над тобой устроят военно-полевой суд, после чего тебя повесят.

- Заткнись! - маленькие глазки пронзительно уставились на Пендрейка. - Твоя болтовня ни к чему не приведет, Пендрейк. Я ожидал тебя, но никто больше не сможет прибыть сюда при помощи этой машины. Как только я избавлюсь от тебя, я взорву ее. А что касается какой-то армии, которая рискнет спускаться сюда - понадобятся годы на это, даже если они знают дорогу, все проходы и где копать. Ставлю сто против одного, что у них не будет никакого подходящего оборудования для рытья грунта. - Он замолчал на несколько секунд. - То, что произойдет здесь, - это наши с тобой дела. Никто другой ничего не узнает об этом. Девлин думает, что ты мертв. О чем еще он может думать, если не видел тебя уже несколько месяцев?

Пендрейк должен был согласиться. Да, об этом небольшом смертельном эпизоде принимают участие только Большой Олук, он сам и гигантский зверь в глубокой яме.

Неадерталец со злорадством продолжал.

- Ты видишь, что машина установлена всего в нескольких футах от края скалы. Когда-то все, что появлялось из машины, двигалось дальше по инерции и сваливалось вниз прямо вот сюда - и не было ничего, за что можно было бы ухватиться во время долгого падения. Я же просто шел по тропе, поэтому мне удалось отпрыгнуть назад, но само это дьявольское отродье, как и множество животных, которыми оно кормилось до того времени, когда я появился, скорее всего, бежали рысью по той тропе на Земле, а потом летели отсюда вниз.

Выстроив этот частокол, я спас жизнь всем оленям, бизонам и другим крупнокопытным, которые переносят

лись машиной. С тех пор я начал кормить это дьявольское чудовище, и всегда сам, поэтому теперь оно отзывается на мой голос. Вот, слушай!

Он прошел к краю скалы и издал низкий пронзительный крик. Потом постоял несколько секунд, глядя вниз, отвернувшись от Пендрейка. Слегка согнув ноги, он наклонился, внезапно показавшись Пендрейку живым воплощением животной части человеческого существа: приземистая, волосатая, нечеловеческая фигура полузверя, чье племя зародилось на рассвете доисторической эпохи, создание из отвратительного, почти невозможного сна, которое тем не менее являлось предком человека, и кое-что от него еще сохранилось в каждом современном человеке.

Но на несколько секунд он *отвернулся*.

Дрожа каждым нервом, проливая крошечные ручьи пота, Пендрейк пополз на спине вперед.

Большой Олух обернулся.

- Он идет, - сообщил он. Похоже, неандерталец не замечал напрягшееся человеческое тело, выражение усилия на лице пленника. Он заговорил сухим тоном, который больше внушал ужаса, чем звучавшие перед этим ярость и страстность: - Я опущу тебя на веревке, развязав перед этим узы на твоих запястьях - чтобы ты немного побегал, когда достигнешь дна. Чудищу это нравится - подобные упражнения не позволяют ему терять форму.

У одной стены пещеры была аккуратно сложенная витками веревка. Подняв ее, Большой Олух бросил один конец в пропасть, после чего пояснил:

- Веревка всегда лежит здесь под рукой - ты не первый, знаешь ли, кто узнает об ее существовании. Заметь: второй конец привязан к вбитой в землю металлической трубе. Забавно, - говорил он уже самому себе, - сколько всякой всячины люди захватывали сюда с собой с Земли: веревку, повозку с инструментами, динамит, ружья, револьверы - и все это попадало ко мне. Кое-что из этого, в основном

боеприпасы, спрятано в этой пещере, остальное - в других пещерах, о которых ты не знаешь, потому что я их завалил.

Я собираюсь применить против Девлина это оружие. Не требуется особого труда, чтобы перебить сотню людей из засады, если у тебя есть пули.

Ты видишь, - с ухмылкой закончил он, - что я все рассчитал.

Пендрейк поднялся на ноги и бросился прямо на монстра. Большой Олух замолчал и, зарывав, приготовился встретить врага, расставив свои огромные ручищи. Пендрейк прыгнул на него, как парашютист - ногами, а точнее, твердыми подошвами ботинок вперед. Всеми своими двухстами фунтами живого веса он врезался в живот Большого Олуха, тот так и осел на месте.

Пендрейк упал, будучи беспомощным из-за связанных рук, но при помощи ног увернулся от тянувшихся к нему рук, перекатился через себя и снова поднялся на ноги.

Большой Олух стоял, покачиваясь.

- А ты крутой парень, - проворчал он. - Но даже твое умение ударять ногами не поможет тебе в этой игре.

Молча и отчаянно Пендрейк метнулся к своему могучему противнику. Это была схватка не на жизнь, а на смерть. Он не питал иллюзий: либо все, либо ничего! И именно сейчас, пока Большой Олух не пришел в себя после того, что он назвал умением ударять ногами.

Неандерталец приготовился парировать еще один удар ногами, и поэтому то, что последовало, явилось для него сюрпризом. На полном ходу Пендрейк врезался головой в огромную тушу.

Большой Олух покачнулся назад, одновременно хватая с торжествующим воплем, сигнализирующем об успехе, Пендрейка.

- Попался! - взревел он.

Напрягая всю силу ног, Пендрейк толкал противника вперед.

И этих усилий оказалось достаточно.

Сила инерции, полученная при разбеге, и толчок вслед за этим оказались таковы, что Большой Олух потерял равновесие и попятился назад в сторону края скалы.

- Мы упадем вместе, - сказал Пендрейк.

Смысл того, что должно произойти, наверное, в это решающее мгновение дошел до монстра, потому что он издал пронзительный вопль. После этого он сделал то, что автоматически делает любой срывающийся вниз со скалы человек - он отпустил Пендрейка и ухватился за металлическую трубу.

Тот, не испытывая ни малейшей жалости, пнул его ногой, и Большой Олух, завизжав, как жирная свинья, свалился вниз с края скалы.

Глава 30

Прислонившись спиной к металлической трубе, Пендрейк грузно опустился на землю, тяжело дыша. Наконец, когда силы потихоньку начали возвращаться к нему, он заглянул в яму.

Большой Олух в это время поднимался на ноги с травы, устилавшей дно ямы, а рядом с ним осторожно кругами ходил саблезубый тигр. Потом Большой Олух начал пятиться от животного. Это были вполне понятные действия.

Но вот то, как вел себя саблезубый тигр, было необычно. Огромное животное издавало, несомненно, удивленный вой - *и пятилось от волосатого человека.*

Пятилось - но ведь оно не должно было ничего бояться! Ничто живое на Земле за последние десять миллионов лет не могло заставить трепетать от страха это жестокое создание.

Большой Олух тряс головой, как потрясенный чело-
век, и внимание Пендрейка переключилось на неандер-
талца, тем более, что тигр скрылся из виду.

Пендрейк увидел, что неандерталец направляется к
веревке, свисающей со скалы.

Одним движением вскочив на ноги, Пендрейк вытя-
нул часть веревки наверх, и теперь Большой Олух не мог
дотянуться до нее.

- Пендрейк!

Приземистое тело находилось прямо под ним. Невиди-
мая со скалы голова внизу с ужасом повернулась в ту
сторону, где исчез тигр; потом снова раздалось:

- Пендрейк, наверное, зверь узнал во мне того, кто
кормил его, но он вскоре вернется. Пендрейк, опусти
веревку.

Пендрейк не чувствовал жалости. Его тело леденело от
мыслей, которые проносились в его голове. Все его
существо дрожало. Он сказал:

- Отправляйся в преисподнюю, куда ты отправлял всех
остальных людей. Очутись в животе того зверя, которому
ты скармливал тела своих жертв. Помолись Богу, но
жалости от меня ты не дождешься!

- Я обещаю тебе сделать все, о чем бы ты ни попро-
сил!

Его ярость не уменьшалась. Наоборот, росла. Перед
его глазами предстали образы женщин, дрожавших при
одном виде этого монстра, трепетавших даже от слабого
прикосновения этого чудовища, сейчас человеческим
голосом молившего о пощаде, а ведь сам неандерталец
никогда не проявлял жалости ни к кому. Пендрейк
вспомнил об Элеоноре...

Это леденящая душу мысль еще больше укрепила его
решимость.

- Обещания, - язвительно рассмеялся он, и его смех эхом разнесся по древней долине давно уже как будто мертвой Луны.

И он резко оборвался.

В кустах в ста ярдах справа от него мелькнуло нечто желто-красно-сине-зеленое. Если минутой раньше Пендрейк с нетерпением ожидал возвращения могучего убийцы, то теперь... теперь его охватило отвращение, пришедшее на место предыдущим эмоциям. Ужас пронесся по его нервам. «Я сошел с ума, - подумал он. - Один человек не может самолично вершить суд - и обречь на подобную смерть другое человеческое существом. В конце концов, нельзя проводить параллель между ним и собой».

Он пнул веревку. Она упала прямо вниз.

- Быстрее! - крикнул он. - Мы поговорим, когда ты окажешься вне досягаемости...

Веревка натянулась; Пендрейк наблюдал за тем, как отчаянно сражается человек за свою жизнь. Тигр в лихорадочном возбуждении приближался, наблюдая за раскачивающимся над землей телом. В его желтых глазах горел огонь, зверь встревоженно зарычал, наверное, внезапно осознав, что жертва пытается сбежать от него. И в это же мгновение узы, что еще его сдерживали, узы невероятно древнего товарищества, возникшего между ними, были разорваны в клочья.

Зверь метнулся назад, потом снова повернулся в сторону скалы и превратился в сверкающую молнию, летящую на фоне зелено-коричневых стен. Сто, сто пятьдесят, сто восемьдесят футов несло животное к противоположной стене отвесной скалы. Прыжок - и промах. Похоже, зверь не дотянулся до жертвы всего на несколько футов.

Животное полетело вниз к земле. Приземлившись на землю, оно повернулось и, похоже, все рассчитав, побежало к противоположному краю ямы, а потом на огромной скорости бросилось назад. Как из катапульты, оно

взлетело вверх. В этот раз оно промахнулось всего на пару дюймов.

Но все же это *был* промах.

Приземлившись во второй раз, зверь отказался от дальнейших попыток. Просто сел на задние лапы, глядя на ускользнувшую от него жертву, карабкавшуюся вверх вне пределов его досягаемости.

Пендрейк сверху смотрел на обливавшуюся потом, раскачивающуюся фигуру неандертальца, сражающегося за свою жизнь. Несмотря на некоторое беспокойство, он был полон решимости. Когда Большой Олух оказался в десяти футах от него, Пендрейк сказал:

- Отлично, теперь хватит.

Неандерталец остановился в тот же миг и умоляюще посмотрел вверх.

- Пендрейк, не сбрасывай меня снова туда. У нас будет демократия. Мы дадим свободу женщинам - они будут сами выбирать того, кто им нравится.

- Брось мне свой нож, - приказал Пендрейк.

Секундой спустя нож прочертил воздух и упал в пятнадцати футах за спиной Пендрейка.

- А теперь, - начал Пендрейк, - опустишься на тридцать футов. Мне необходимо время, чтобы подобрать твой нож.

Повинуясь, Большой Олух осторожно проскользнул вниз на целых сорок футов.

- Поверь же мне, Пендрейк, я буду с тобой сотрудничать.

Пендрейк подобрал нож и вернулся к краю пропасти. Довольно много времени ему понадобилось, чтобы разрезать веревки на руках, но после этого он почувствовал себя лучше, увереннее, понимая, что все идет так, как надо.

Он подождал еще несколько драгоценных минут, пока не восстановилась циркуляция крови в запястьях и пальцах, после чего крикнул неандертальцу:

- Давай, поднимайся!

Тот начал подтягиваться вверх. Когда до края скалы остался фут, Пендрейк крикнул:

- Стой!

Тот в беспокойстве застыл.

- Что еще ты задумал? - выдохнул он.

- Обвяжи себя веревочной петлей так, чтобы удерживаться на весу без помощи рук.

Большой Олух рьяно принялся обвязывать себя петлей, соорудив себе веревочное сиденье.

- А теперь подними руки - я хочу связать их, - приказал Пендрейк.

Сделав это, Пендрейк произнес, растягивая слова:

- А вот теперь, Большой Олух, я задам тебе несколько ключевых вопросов. Что случилось с моей женой?

Существо тяжело задышало.

- С ней все в порядке, парень, - промямлил неандерталец. - Девлин увел ее с собой из моего поселения в тот же день, когда совершил свое нападение. Кое-кто говорил, что за ней пытался ухаживать какой-то парниша, но она заявила, что такие молодцы, как ты, не умирают.

Волна тепла разлилась по всему телу Пендрейка. «Добрая верная Элеонора», - подумал он.

- Большой Олух, - начал он, - сейчас я вытащу тебя наверх, после чего я доставлю тебя в поселок.

- Неужели ты собираешься выдать меня этим парням в таком виде, связанным? - тут же спросил охваченный паникой неандерталец.

- Я никому не собираюсь тебя выдавать! - спокойно ответил Пендрейк. - Мы разберем твой частокол и дадим тебе жилище в общине, как обычному человеку. Из больших и крутых парней и раньше получались отличные граждане.

Когда он вытащил неандертальца из пропасти, ему вдруг пришла в голову мысль, что человечество до сих пор сражается с тем зверем, что достался ему в наследство от

первобытных предков. Почему-то почти невозможным оказалось загнать в клетку эту звериную сущность (наверное, из-за разделения на нации и непрекращающуюся борьбу между ними). Но здесь, в этом ограниченном мире, где жило совсем немного людей, вероятно, достичь этого окажется вполне возможным - если путь на Землю еще остается открытым и если тайна этого перехода еще сохраняется, например, среди товарищей Анреллы.

Имелось множество разных «если». И потому что сам он все еще сомневался, поскольку никогда раньше человек не сталкивался с подобными проблемами, к тому же ему совсем не хотелось потерпеть здесь, на Луне, неудачу, Пендрейк прошел со своим пленником в пещеру с ярким голубым светом и прозрачным цилиндром, где остались последние машины лунного народа, поддерживающие то, что осталось от их странной жизни.

В центре машинного зала-пещеры Пендрейк мысленно спросил:

«Я поступаю правильно?»

Он вздохнул разочарованно, когда в мозгу возник ответ:

«Друг, во вселенной иллюзий, в которой пребываешь ты, нет правильного или неправильного».

Пендрейк попробовал снова:

«Но существуют ведь разные уровни истины. В той ограниченной системе, которой оперирую я, правильно ли я себя веду?»

«Материальная вселенная, - последовал ответ, - всего лишь кратковременная - по сравнению с вечностью - попытка дифференциации, но основная истина состоит в том, что все равно всему остальному».

Это высказывание потрясло Пендрейка. Он сказал в полном удивлении:

«Все различия - иллюзии?»

«Все».

«Существует только единство?» - спросил он.

«Да - вечное!»

Пендрейк проглотил комок в горле и продолжил упрямо:

«Но тогда как же объяснить всю множественность сигналов, которые мы получаем?»

«Это иллюзорные слабые и сильные энергетические сигналы».

«Но кому же они тогда сигналият?»

«Друг другу».

Несколько секунд Пендрейк лишь тупо хлопал глазами, по-прежнему не удовлетворенный ответами. Тем не менее в его тоне появилось больше злорадства, когда он спросил:

«Если это правда, то почему вы выбрали себе такую форму и продолжаете существовать?»

«Ответ на это - тайна, которую человечеству предстоит медленно и мучительно разрешать самому. Но и этот результат нашего ухода от вечной истины также преходящ. Задолго до того, как мы вернемся к ней, мы пригласим тебя туда - к единству».

«Я не доживу до этого времени, - мрачно заметил Пендрейк. - Жизнь человека коротка, не зависимо от того, каким образом он движется к бессмертию».

«Ни один сигнал никогда не теряется, - последовал спокойный ответ, - потому что все сигналы есть один-единственный сигнал».

Ответа на последнее утверждение Пендрейк так и не сумел найти, было очевидно, что эти анализы в духе Сократа не для него.

«До свидания», - только и смог выдать он на прощание.

Ответом ему было молчание.

Через час нежный поцелуй Элеоноры заставил Пендрейка позабыть обо всем, что говорили ему лунные люди. Поскольку она пребывала в его объятиях, а не в чьих-либо других; и именно ему она отдавала всю силу своей любви...

Остальные изменения в лунной общине тоже носили исключительно частный характер.

Не явилось сюрпризом (в свете того, что однажды сообщил ему Большой Олух) для Пендрейка то, что одна из жен человекообезьяны действительно решила остаться жить вместе с ним. Сам неандерталец, похоже, смирился с тем, что сделался обычным гражданином. Особенно очевидным это стало после того, как был разобран частокол. Именно тогда и обнаружился склад, где он прятал боеприпасы и другие ценные материалы.

Казалось, что такие действия говорят в пользу развития мирного будущего.

Пендрейк объяснил это Элеоноре:

- Возможно, мы не скоро поймем, в чем состоит смысл жизни. Возможно, мы никогда и не узнаем, что открыли лунные люди или думают, что открыли. Но если мы сможем организовать такую полицейскую службу, которая будет действовать здесь, опираясь на закон, то у нас будет достаточно времени, чтобы заставить эти супермашины работать для нас, не боясь, что кто-нибудь применит их против нас. По этой причине нашими лучшими союзниками будут люди из Лэмбтоновского проекта. А потом уж... что ж, будем делать только то, что разумно.

Элеонора вздрогнула и задала вопрос:

- А как быть с той ужасным чудовищем в яме?

Пендрейк улыбнулся:

- Мне кажется, во мне крепнет уверенность, что со временем мы приручим этого саблезубого тигра. Вот увидишь.

Глава 31

Зима не хотела сдавать своих позиций. Снег, казалось, не собирался сходить. Когда он наконец растаял, было открыто новое, сверкающее повсюду пластиковой обивкой здание Межпланетной службы - под торжественные звуки фанфар; а Хоскинс получил повышение по службе: комиссар... Председатель...

- Это совершенно несправедливо, - сказал он Кри Липтону, - что мне предложили эту должность. Есть десятки людей, которые проделали всю черновую работу и остались в тени. Честно признаюсь, я принял это предложение только после того, как услышал, что печально известный губернатор Картрайт, потерпевший поражение на последних выборах, метит на этот пост как на своего рода пенсию за заслуги перед партией.

- Не беспокойся насчет этого, - успокаивающе заметил Липтон. - Ты можешь оказать этим людям помощь, которую они никогда бы не смогли получить сами. Кстати, не видел ли ты объявление о Венере? С признанием колонии Лэмбтона как полноправного члена ООН граждане Венеры получили высокий статус. Смерть профессора Грейсона и других ученых и их семей оказалась не напрасной.

Хоскинс кивнул.

- Это великая победа.

Тут собеседник прервал его:

- Послушай, Нед, я вот по какому поводу хотел увидеть тебя... Надевай шляпу и идем.

Хоскинс покачал головой, улыбаясь.

- Не могу, старик. Доклады нашей первой успешной экспедиции на Луну идут сплошным потоком. Есть один по-настоящему любопытный факт...

Он достал из ящика одну папку и вынул из нее несколько листов.

- Пленные наци утверждают, - начал читать он, - что они были захвачены с такой легкостью потому, что их вооруженные силы уже несколько месяцев занимались раскопками взорванных туннелей, пытаясь добраться до жилищ каких-то жителей внутри Луны. Они утверждают, что эти существа - люди. В результате же наших изысканий были обнаружены только пещеры, которые в конце концов заканчивались тупиками.

Он увидел, что Липтон посмотрел на свои часы. Агент ФБР заметил этот взгляд и принес извинения:

- Мне не хотелось прерывать тебя, но приближается урочный час, и у нас осталось минимум времени, чтобы отправиться в Нью-Йорк и поприсутствовать на охоте.

Хоскинс выдохнул удивленно:

- Не хочешь ли ты сказать...

Он вскочил на ноги, схватил шляпу и пальто.

- Так отправляемся. Немедленно!

Когда послышался шум, приземистый человек бросил быстрый взгляд на своего лидера.

- Ваше превосходительство... - начал он.

Но замолчал, когда увидел, что худошавый мужчина сидит, не выпуская телефонную трубку из рук, уставясь куда-то перед собой. Бердман встревоженно наблюдал за тем, как трубка выпала из рук его шефа, а лицо превратилось в темную безжизненную маску.

Бердман рискнул произнести:

- Ваше превосходительство, как раз перед самым звонком вы говорили, что теперь, когда наши позиции на Луне и почти все наши двигатели захвачены, мы сможем использовать корабли, которым удалось вырваться из кольца окружения, как ядро для осуществления пиратских акций на межпланетных трассах, которые вскоре откроются. Мы станем, говорили вы, пиратами двадцать первого столетия. Мы...

Он замолчал, замерев в ужасе. Длинные костлявые пальцы его руководителя шарили в ящике письменного стола. Потом рука вынырнула, сжимая автоматический «маузер».

Когда Липтон, Хоскинс и еще дюжина остальных агентов ФБР ворвались в комнату, коренастый мужчина был уже на ногах, стоя перед столом, за которым сидел сухопарый человек, подносивший к виску револьвер.

- Ваше превосходительство, - дико закричал Бердман, - вы лгали. Вы тоже *боитесь*.

И тут рывкнул пистолет, сухопарый мужчина, дернувшись в короткой агонии, медленно соскользнул на пол. Бердман наклонился над ним, застыв в ужасе; он почти не сознавал присутствия ворвавшихся в комнату людей.

Когда его выводили из комнаты, на него одна за другой накатывались волны разочарования.

Эпилог

Прошло пять лет. Одним весенним утром Лен Кристофер, помощник смотрителя Большого зоологического сада Нью-Йорка медленно шел вдоль ряда клеток с большими кошками. Внезапно он остановился и уставился на огромное металлическое сооружение, сверкавшее в лучах восходящего солнца.

- Забавно, - пробормотал он, - клянусь, что ее не было еще прошлой ночью. Интересно, когда ее успели...

Он замолчал. Волосы встали дыбом, безуспешно пытаясь отделиться от головы. Несколько секунд он стоял, разинув рот, глядя на сине-зелено-желто-красное суще-

ство из ночного кошмара, который колоссальной фигурой смутно вырисовывался за металлическими прутьями толщиной в четыре дюйма. А потом...

Потом он со всех ног бросился, вопя, к кабинету управляющего.

В одной небольшой клетке... было заперто... чудовище.

РАССКАЗЫ

Перевод Д.Ю. и Я.Ю. Савельевых.

ПЕРВЫЙ ВИД: КОСМИЧЕСКОЕ ЧУДОВИЩЕ НЕ ТОЛЬКО МЕРТВЫЕ

У СЕВЕРНЫХ БЕРЕГОВ АЛЯСКИ ОБНАРУЖЕНЫ ОБЛОМКИ КИТОБОЙНОГО СУДНА

29 июня 1942 г. Сегодня в Беринговом проливе американским патрульным судном был обнаружен китобойный корабль «Альбатрос». Военные власти получили удивительный отчет о том, что палуба и борта ихуны имеют повреждения, которые не могли быть вызваны ни бомбами, ни торпедами, ни снарядами, ни каким-либо другим видом оружия, а какой-то неизвестной силой. Камбузная печь в момент обнаружения была теплой. В том районе в течение трех недель штормов не было. Объяснений случившемуся не последовало.

«Альбатрос» под командованием капитана Фрэнка Уорделла вышел из порта на западном побережье Америки в начале марта, имея на борту экипаж в составе восемнадцати человек. Никого из них обнаружить не удалось».

Капитан «Альбатроса» без особой радости вспоминал о трех месяцах без толку потраченных в поисках китов. Он начал осторожно вводить шхуну в укромную бухту в северной части Аляски, когда увидел на мелководье вблизи берега подводную лодку.

В это мгновение он потерял сознание. Когда он пришел в себя, его рефлексы автоматически уже успели сработать. Указатель машинного телеграфа встал на «ПОЛНЫЙ НАЗАД», а в голове уже ясно представлялся простой план.

Он уже открыл было рот, чтобы закричать рулевому, но тут же снова закрыл его, сам подошел к штурвалу и умелыми движениями развернул корабль вдоль лесистого мыса. С лязгом якорь пошел вниз, послышался всплеск воды, эхом откликнувшись в безветренном утреннем воздухе.

Потом воцарилась тишина; поверхность Северного моря нарушал только тихий плеск беспокойных вод, мягко ударявших о корпус «Альбатроса», тогда как дальше, на мелководье, волны возрастали, и время от времени слышался гул, когда какая-нибудь огромная волна с яростью накатывалась белой пеной на торчащую скалу.

Уорделл, возвратившись на маленький мостик, стоял совершенно неподвижно, позволяя своему сознанию отрешиться от всяких мыслей... Он прислушивался.

Но ни один незнакомый звук не доносился до его слуха, и, как он ни напрягал свой слух, не раздавалось ни шума дизельных двигателей, ни едва заметного гудения мощных электрических моторов. Тогда он начал дышать более спокойно. Он увидел первого помощника, которого звали Приди, тот бесшумно проскользнул к нему.

Приди тихо произнес:

- Не думаю, что они заметили нас, сэр. Ни видно ни одной души. Кроме того, они, по всей видимости, не собираются погружаться.

- Почему ты так думаешь?

- А вы разве не заметили, сэр, что у них нет боевой рубки? Наверное, ее оторвало взрывом.

Уорделл промолчал, пораженный тем, что сам не обратил на это внимания. То смутное восхищение, которое начало охватывать его, когда он с таким спокойствием управлял кораблем, исчезло.

В голове мелькнула еще одна мысль, и он нахмурился из-за постыдного намерения утаить другие доказательства своей ненаблюдательности. Но все же он ворчливым тоном начал:

- Забавно, что сознание запечатлевает предметы, не существующие в действительности. - Он замолчал на несколько секунд, потом продолжал: - Я даже не заметил, повреждено у них палубное орудие или нет.

В этот раз промолчал помощник. Уорделл бросил быстрый взгляд на его вытянутое лицо и понял, что помощник тоже пытается скрыть ту же смесь потрясения и раздражения, что было у него самого, и он быстро произнес:

- Мистер Приди, созывайте людей.

С сознанием собственной значимости Уорделл спустился на палубу. С огромной осторожностью он начал осматривать противолодочное орудие, что стояло рядом с гарпунной пушкой. Он слышал, как сзади собирались люди, но не поворачивался до тех пор, пока они не стали беспокойно переминаться с ноги на ногу.

И тогда он обернулся и посмотрел на них, переводя взгляд с одного грубого обветренного лица на другое. Пятнадцать мужчин и юнга: почти весь экипаж, кроме механика-моториста и его помощника - и каждый из них выглядит оживленным, выдернутым из лап скуки, которая за последние три месяца наложила свой заметный отпечаток на всю команду.

В голове Уорделла промелькнули воспоминания о долгих годах, которые он провел с некоторыми из этих людей; он кивнул удовлетворенно самому себе и начал:

- Похоже, мы наткнулись на поврежденную японскую подлодку. Ваш долг понятен. Военные оснастили нас трехдюймовой пушкой и четырьмя пулеметами, и...

Он замолчал, хмуро глядя на одного из ветеранов.

- В чем дело, Кеннистон?

- Прошу прощения, капитан, но эта штука - вовсе не подлодка. Я служил в военном флоте в восемнадцатом году и с первого взгляда могу определить, взорвана там боевая рубка или нет. Знаете, у этого судна борта вроде бы покрыты темной чешуей... неужели вы не заметили этого? Да, сэр, мы наткнулись здесь на *нечто*, но это вовсе не подлодка.

Из-за каменистой гряды, где он залег со своей небольшой экспедицией, Уорделл внимательно изучал странный корабль. Чтобы добраться до этого наблюдательного пункта, понадобилось совершить долгий и удивительно трудный переход, который занял больше часа. И теперь, когда он здесь, что же он видит?

В бинокль он хорошо рассмотрел судно: сигарообразный, остроконечный корпус из сплошного металла лежал неподвижно на мелководье. В небольших волнах, накатывавших на берег залива, переливались лучи солнца. Не было видно никаких признаков жизни. Тем не менее...

Уорделл неожиданно замер, осознав свою ответственность за всех этих шестерых людей, находившихся сейчас рядом с ним, у двоих из которых были драгоценные пулеметы, и за остальных, оставшихся на шхуне.

Это какой-то чужеродный корабль, его длина просто огромна, вдруг понял он, и от этой мысли по телу побежали мурашки. Темный чешуйчатый металлический корпус. Сзади кто-то нарушил тишину этих безжизненных скал:

- Если бы только у нас был радиопередатчик! Во что бы превратил бомбардировщик эту цель! Я...

Уорделл лишь смутно осознавал, почему голос вдруг перестал доходить до сознания. Он упорно думал: «Два пулемета против *этого*. Или, вернее (даже помимо воли он вынужден был признать мысленно огромную силу, против которой они сейчас выступили), четыре пулемета и одна трехдюймовая пушка. В конце концов, придется применить все вооружение, имеющееся на «Альбатросе», хотя шхуна и находится очень далеко. Он...

Мысли его оборвались. Он вздрогнул, заметив на плоской темной палубе движение: большая металлическая плита повернулась, потом резко откинулась, словно отброшенная пружинами, силу которых ничто не могло сдержать. Через люк выбралась какая-то фигура.

И это была фигура... *какого-то зверя*. Тварь выпрямилась на ороговелых сверкающих ногах, и в лучах утреннего солнца блеснула чешуя. Одна из четырех рук сжимала хрустальный предмет плоской прямоугольной формы; другая - небольшую вещицу с тупым концом, которая в ослепительных солнечных лучах сверкала малиновым отблеском. В остальных двух руках ничего не было.

Чудовище стояло под теплыми лучами земного солнца на фоне чистого сине-зеленого моря, высокомерно откинув назад голову на короткой шее, с такой гордостью и уверенностью, что Уорделл ощутил боль в затылке.

- О Господи! - хрипло прошептал кто-то. - Да стреляйте же в это!

Скорее сам голос, а не смысл слов заставил среагировать ту часть мозга Уорделла, которая управляла его голосовыми связками.

- Стреляйте! - пронзительно выкрикнул он. - Фрост! Уизерс!

Тра-та-та! Пулеметы ожили, и эхо очередей разорвало девственную тишину бухты.

Фигура, которая, проворно ступая, направилась было вперед по изгибающейся палубе в противоположном берегу направления, ясно показывая при каждом шаге свои перепончатые лапы, внезапно остановилась, повернулась и... посмотрела вверх.

Глаза, зеленые и горящие, какие бывают у кошки, когда она испепеляющим взглядом смотрит на тебя из темноты, казалось, глядели прямо на Уорделла. Капитан почувствовал, как мышцы свело судорогой; ему захотелось резко вскочить и скрыться за уступом, однако он не в состоянии был пошевелиться даже под угрозой смерти.

Этот паралич, наверное, поразил каждого моряка: пулеметы прекратили стрельбу - и воцарилась неестественная тишина.

Желто-зеленая рептилия быстро задвигалась. Она помчалась обратно к люку. Оказавшись возле отверстия, она наклонилась, как бы собираясь прыгнуть вниз головой, словно таким образом быстрее можно скрыться внутри.

Но вместо этого тварь передала хрустальный предмет, который был в ее одной руке, кому-то, кто находился внизу, после чего она выпрямилась.

Люк с грохотом захлопнулся, рептилия осталась одна на палубе, и все пути для спасительного бегства теперь были отрезаны.

На какую-то долю секунды все замерло - застывшие фигуры на фоне спокойного моря и темного, почти пустынного берега. Бестия стояла, замерев как вкопанная с откинутой назад головой, горящими глазами, уставившимися на людей, прятавшихся за уступом.

Уорделлу эта поза не показалась раблепствующей. Внезапно чудовище выпрямилось и запрыгало по-лягушачьи, а потом сложилось, как прыгун, входящий в воду. После соприкосновения с водой последовал только слабый всплеск. Когда сверкающие круги потревоженной воды исчезли, бестии нигде не было видно.

Люди ждали.

- То, что уходит в глубины, - наконец сказал Уорделл голосом, в котором чувствовалось едва заметное дрожание, - потом всплывает наверх. Только одним Небесам известно, что это такое, но держите оружие наготове.

Медленно проходили минуты. Слабый бриз, который слегка тревожил поверхность вод залива, совсем стих; и теперь перед ними тянулось ровное, сверкающее стеклянным отблеском покрывало, чья гладь разрывалась лишь вдали у узкого перешейка, соединявшего залив с морем.

Через десять минут Уорделл беспокойно пошевелился, устав лежать в одной позе. Когда истекла двадцатая минута, он встал.

- Мы должны возвращаться на корабль, - напряженно произнес он. - Эта тварь не для нас.

Спустя пять минут они медленно побрели вдоль берега, когда начался переполох: слышались отдаленные крики, потом длинные пулеметные очереди, после чего - тишина.

Все это доносилось с той стороны, где стояла шхуна, которую они сейчас не могли видеть за деревьями, росшими в полумиле от берега.

Уорделл рычал на бегу. И раньше было нелегко идти по этой местности. А сейчас же, передвигаясь прыжками и спотыкаясь, он испытывал постоянную боль. Дважды уже в первые минуты он грузно падал.

После второго падения он очень медленно встал и дождался отставших запыхавшихся товарищей. «Бежать больше не обязательно, - внезапно с ошеломляющей ясностью понял он, - то, что произошло на судне, уже случилось».

Осторожно Уорделл стал прокладывать путь через нагромождение скал. Он яростно проклинал себя за то, что оставил «Альбатрос». И особенно за саму мысль выступить на хрупком деревянном корабле против бронированной подлодки.

Тем более что, как выяснилось, это оказалась вовсе не подлодка.

Его сознание пасовало перед простой догадкой того, с чем же они столкнулись.

Несколько секунд он пытался посмотреть на себя со стороны - пробиравшегося по бесплодному каменистому берегу залива для того, чтобы увидеть то, что эта... ящерица сделала с его кораблем. И не мог. Картина распадалась на отдельные фрагменты, которые ему не удавалось сложить воедино. Она даже отдаленно не напоминала ту привычную ткань жизни, которая плетется вереницей спокойных дней и вечеров, которые он проводил на мостиках кораблей, то ли просто сидя, то ли раскуривая свою трубку, безмятежно созерцая море.

Еще более смутной и несвязной представлялась картина мира, где он играл в покер и громко смеялся в окружении женщин с нахальными глазами, что составляло его жизнь во время тех коротких месяцев, которые он проводил на берегу, веселая и бесцельная жизнь, которую он всегда без всякого сожаления покидал, когда наступала пора снова выходить в море.

Отбрасывая от себя эти смутные бесполезные воспоминания, Уорделл сказал:

- Фрост, возьми Блейкмана и Макканна - заберите канистры с водой. Дэнни должен был уже наполнить их. Нет, пулемет оставьте у себя. Я хочу, чтобы вы остались там с канистрами, пока я не пришлю еще людей. Мы заберем воду, после чего будем сматываться отсюда.

Приняв это решение, Уорделл почувствовал себя лучше. Он возьмет курс на юг к военно-морской базе; а потом другие, лучше оснащенные и подготовленные люди займутся эти кораблем-чужаком.

Если только его корабль находится все еще там неповрежденным - именно этого он боялся, чувствовал неуверенность. И какое же облегчение он испытал, когда, взобравшись на последний и самый крутой холм, увидел, что корабль стоит на месте стоянки. В бинокль он увидел фигуры людей на палубе. И последний груз тревоги свалился с его души: все было в порядке.

Но, конечно, что-то случилось. Через несколько минут он узнает...

Некоторое время казалось, что он никогда не поймет, что же ему пытаются рассказать. Когда он взобрался на борт корабля, его обступили люди, более уставшие, чем он смел себе признать, и каждый начал что-то возбужденно говорить, так что он ничего не мог разобрать.

Наконец он понял, что речь идет о каком-то чудовище, «похожем на лягушку размером с человека», взобравшемся на борт судна. Что-то еще о машинном отделении и о механике с мотористом, которые, проснувшись...

В конце концов Уорделл, в замешательстве рывкнув басистым голосом, положил конец этому безумию.

- Мистер Приди, есть ли жертвы? - спросил капитан хриплым голосом.

- Нет, - ответил помощник, - хотя Рузерфорд и Кресси все еще в шоке.

Сообщение о механике и его помощнике было невразумительным, но Уорделл не обратил на него внимания.

- Мистер Приди, отправьте на берег шесть человек, чтобы они помогли доставить на судно-воду. После этого поднимитесь ко мне на мостик.

Спустя несколько минут Приди представил Уорделлу полный отчет о случившемся. Услышав пулеметные очереди отряда Уорделла, все моряки собрались у левого борта шхуны и оставались там.

Мокрые следы, оставленные существом, показали, что забралось оно с правого борта. Впервые его увидели стоящим у бакового люка, спокойно рассматривающим орудия на носу.

Затем тварь храбро направилась вперед, сознавая о девяти парах глаз, пялящихся на нее, судя по всему, прямо к орудиям, однако внезапно развернулась и, подбежав к борту, прыгнула за борт. После чего заговорили пулеметы.

- Не думаю, чтобы мы попали, - признался Приди.

Уорделл задумался.

- Я не уверен, - начал он, - что наши пули могут причинить вред твари. Она... - Капитан оборвал свою мысль. - Какого черта я это говорю? Ведь она убегает всякий раз, когда мы открываем огонь. Но продолжай.

- Тогда мы обошли весь корабль и обнаружили Рузерфорда и Кресси. Они были без сознания и не помнили о твари. Впрочем, механик доложил, что никаких повреждений нет... ну и это все.

«И этого достаточно», - подумал Уорделл, однако вслух ничего не сказал. Он некоторое время постоял,

представляя у себя в голове эту желто-зеленую ящерицу, взбирающуюся на борт его судна. И содрогнулся. «Чего этой проклятой твари было надо?»

Солнце уже почти поднялось в зенит, когда на борт корабля доставили последнюю канистру с водой и был поднят якорь.

Взойдя на мостик, Уорделл со вздохом облегчения наблюдал за тем, как шхуна отходит от белопенного мелководья, направляясь в глубокие воды. Капитан толкнул рукоятку машинного телеграфа на «полный вперед», но дизели зачихали и вскоре смолкли.

«Альбатрос» по инерции еще некоторое время двигался, медленно покачиваясь с борта на борт. В смутно освещенном машинном отделении Уорделл обнаружил Рузерфорда, который пытался поджечь спичками лужицу солярки на полу.

То, что он делал, было настолько безумным, что капитан остолбенел при этом зрелище, не в силах вымолвить ни слова.

Но горячее не желало загораться. Рядом с золотистой лужицей уже валялось четыре обгорелых спички.

- Черт побери! - воскликнул наконец Уорделл. - По-твоему, эта *тварь* добавила в наше горячее что-то, отчего...

Он не смог закончить фразу, да ответ и не нужен был. Но, наконец, не поднимая глаз, механик глухо ответил:

- Кэп, я вот все пытаюсь понять. Для чего мы понадобились здесь этой своре ящериц?

Уорделл вернулся на палубу, ничего не ответив. Вдруг засосало под ложечкой. Но он не обманывал себя, что это от голода - никогда у него не возникало таких ощущений в пустом желудке.

Уорделл ел, едва ли замечая, что именно, потом вышел на свежий воздух, чувствуя себя неповоротливым и сонным. Подъем на мостик отнял все силы. Несколько секунд он простоял, глядя в направлении узкого пролива, ведущего в бухту.

И тут он сделал открытие: в те недолгие минуты, что дизели работали на топливе, оставшемся в трубопроводе, «Альбатрос» передвинулся поближе к темному кораблю, и сейчас тот был хорошо виден вдалеке.

Уорделл сонными глазами уставился на молчаливый корабль чужаков, потом оглядел береговую линию в бинокль. Наконец он вернул свое внимание к палубе перед собой - и едва не подпрыгнул.

Там была *тварь*, спокойно согнувшаяся над гарпунной пушкой, ее чешуйчатое тело блестело, как мокрая шкура огромной ящерицы. У ее ног образовалось несколько маленьких темных лужиц, которые потекли к голове гарпунщика Арта Зоута. На вид он был мертвее мертвого.

Если незванный гость был человеком, то Уорделл не сомневался, что он смог бы заставить свои парализованные мышцы сократиться и выхватить револьвер, висевший на поясе. Или если бы эта тварь была дальше, чем в тот раз, когда он впервые увидел ее.

Но до нее сейчас было меньше двадцати пяти футов, и он не мог отвести взгляда от блестящего рептилеподобного чудовища, имевшего четыре руки и ноги, защищенные чешуйчатым панцирем, и из глубин памяти пришла мысль, что перед этим пулеметные пули не смогли причинить ей никакого вреда и...

Со спокойным безразличием к вероятным наблюдателям рептилия попыталась вытащить гарпун, торчавший из ствола китобойной пушки. Через несколько секунд она оставила эти попытки, подошла к пушке со стороны казенника и начала копошиться там. Малиновый предмет, который тварь держала в руке, вспыхивал алыми отблесками, когда волна смеха и голосов разорвала тишину полудня.

В следующую секунду дверь камбуза распахнулась и дюжина людей вышла на палубу. Массивный деревянный полубак скрывал чудовище от них.

Они несколько секунд постояли, и эхо их громкого смеха пронеслось по воздуху над вечно холодным морем.

В каком-то оцепении Уорделл прислушивался к неприличным шуткам, еще более непристойным ругательствам и подумал: «Да они просто дети! Ведь им отлично известно, что эти невероятные существа сделали неподвижным их судно, но это до сих пор еще не дошло до их сознания. В противном случае они бы не вели себя так беспечно, в то время как...»

Уорделл оборвал эту мысль, поражаясь тому, что он позволил ей отвлечь на одну секунду его внимание. Резко выдохнув, он выхватил револьвер и навел его на неприкрытую спину ящерицы, которая сейчас согнулась над тяжелым темным канатом, соединяющим гарпун с кораблем.

Интересно, что после выстрела последовало мгновение полной тишины. Ящерица медленно выпрямилась и полуобернулась в раздражении. А потом...

Люди закричали. Пулемет на «вороньем гнезде» залился короткими истеричными очередями, которые, не попадая ни в палубу, ни в рептилию, вспенивали белые воды у носа шхуны.

Уорделл страшно разозлился на этого чертового дурака. В ярости запрокинув голову, он закричал стрелку, чтобы тот научился стрелять точнее. Когда он снова посмотрел на палубу, бестии там уже не было.

Слабый всплеск воды пробился сквозь дюжину других звуков; в ту же секунду загрохотали подошвы ботинок моряков, бросившихся к поручням. Экипаж рассматривал воды, а стоявшему над ними Уорделлу показалось, что он заметил желто-зеленое сияние в глубинах, однако сразу же это пятно смешалось с зелено-серой синевой Северного моря.

Уорделл стоял совершенно неподвижно, чувствуя холодок под сердцем от нереальности происходящего. Его пистолет не дрогнул. Он не мог промахнуться. Но ничего не случилось после выстрела.

Холодная лапа, стиснувшая сердце, немного отпустила, когда он увидел, как Арт Зоут, целый и невредимый,

покачиваясь встал с палубы. «Живой! Добрый старый Арт! Требуется нечто большее, чем какая-то подлая ящерица, чтобы убить такого человека!»

- Арт! - пронзительно закричал Уорделл, не в силах справиться с охватившим его невероятным возбуждением. - Арт, наведи трехдюймовую пушку на эту сублодку. Утопи эту проклятую штуку. Мы научим этих сволочей...

Первый снаряд не долетел до цели. Он только поднял брызги в ста ярдах от далекого металлического корпуса. Второй тоже разорвался слишком далеко, поразив лишь серые камни на берегу.

Третий точно попал в цель. Как и следующие десять. Это была отличная стрельба, но потом Уорделл беспокойно крикнул вниз:

- Хватит. Похоже, снаряды не могут пробить корпус - я не вижу никаких отверстий. Лучше побережем их на крайний случай. Кроме того...

Он замолчал, боясь высказать мысль, которая только что пришла ему на ум: пока что эти существа с загадочного судна не причинили им никакого вреда, а экипаж «Альбатроса» только и делает, что поливает их огнем. Конечно, он помнил о том, что они сделали их топливо бесполезным для использования да плюс еще то любопытное изучение их китобойной пушки - ведь тварь забралась к ним на борт только с этой единственной целью. И тем не менее....

Он и Приди обсуждали это тихими голосами, в которых ощущалось замешательство, весь туманный полдень и прохладный вечер, в конце концов решив ночевать с закрытыми люками под охраной часового на «вороньем гнезде».

Уорделла разбудили возбужденный вопль. Солнце только поднялось над горизонтом, когда он выбрался на палубу полуодетый. Он успел заметить, переступая порог, что крышка люка аккуратно откинута.

Нахмутив брови, он присоединился к небольшой группе людей, собравшихся вокруг пушек. Комендор Арт

Зоут сердито показал на повержденную гарпунную пушку.

- Гляди, капитан, эти сволочи отрезали наш гарпунный канат и подсунули нам какую-то медную проволочку или черт знает что. Посмотри на эту дрянь.

Уорделл тупо взял протянутую ему проволоку. Все это казалось бессмысленным. Он услышал, как комендор продолжал:

- И эту чертову дрянь они запихнули также и в оба оставшихся гарпунных комплекта, которые теперь годятся только для подметания на топ-мачте. Они понаделали отверстий в палубе и, пропустив проволоку через них, привязали к шпангоуту. Ничего плохого в этом не было бы, будь эта дрянь хороша, но эта проволочка... черт!

- Дайте мне кусачки, - процедил Уорделл. - Мы начнем убирать ее, и...

Но, удивительное дело, кусачки не смогли перерезать проволоку. Он напряг все силы, но проволочка, кажется, лишь слегка засветилась, хотя, возможно, это был зрительный обман. Сзади кто-то произнес тихим голосом:

- Мне кажется, нам предлагают сделку. Но на какого же кита они нас готовят?

Уорделл стоял совершенно неподвижно, пораженный странным смыслом этих слов: *«На какого же кита они нас готовят?»*

Он выпрямился, приняв решение.

- Друзья, - сказал он громко, - давайте позавтракаем. Нам ничего другого не остается, как идти напролом.

Уключины скрипели, вода тихо плескалась о борт шхуны... и с каждой минутой Уорделлу их положение нравилось все меньше и меньше.

И тут до него дошло, что шхуна направляется вовсе не прямо к подлодке, а под углом и на палубе ее можно было рассмотреть очертания какого-то предмета.

Уорделл поднял бинокль - и тут же замер, не в силах пошевелиться от изумления. Да, действительно, он не ошибся, там была... *гарпунная пушка*.

Сомневаться не приходилось! Такой же формы, они даже не изменили конструкцию, длину гарпуна и... «Постой! А какой же у них канат?»

Он различил игрушечных размеров барабан с медным отблеском, который все рассказал ему.

«Они дали нам, - подумал Уорделл, - канат, такой же крепкий, как у них, который выдержит что угодно. - И снова по телу его пробежали мурашки, и он вспомнил фразу моряка: *«На какого же кита...»*.

- Ближе! - отдал команду он хриплым голосом.

Уорделл лишь смутно осознал, что то, что он делает, - простое безрассудство. «Осторожно, - сказал он себе, - слишком много идиотов уже жарятся в аду. Такая идиотская храбрость...

- Ближе! - повторил он.

В пятидесяти футах от них темнел длинный корпус корабля и была ясно различима даже подводная его часть; не было видно ни малейшей царапины от разрывов снарядов, которыми они осыпали чужеродное судно, ни каких-либо следов повреждений.

Уорделл открыл рот, чтобы отдать приказ, намереваясь под прикрытием пулеметов забраться на борт корабля, но тут раздался громовой раскат.

Он был похож на какой-то катаклизм - словно одна за другой заговорили чудовищные пушки. Грохот эхом отразился от бесплодных холмов и стал перекатываться по естественной чаше залива.

Длинный корабль, имеющий форму торпеды, тронулся с места. Быстрее, быстрее... Он сделал огромный полукруг. Языки пламени вонзились в воду за кормой. А потом, оставив позади шлюпку, он направился в сторону узкого пролива, ведущего в открытое море.

Внезапно рядом с кораблем поднял брызги первый разорвавшийся снаряд, за ним последовал второй и третий. Уорделл заметил вспышки пламени, вырывавшиеся из ствола трехдюймовой пушки, установленной на

далекой палубе «Альбатроса». Вне всякого сомнения, Арт Зоут и Приди решили, что сейчас настал критический момент.

Но чужой корабль не обращал на выстрелы никакого внимания и продолжал двигаться своим курсом к выходу из залива, рассекая волны между разрывами снарядов. Когда он оказался в глубоких водах на расстоянии мили от шхуны, выстрелы прекратились. Небо не сотрясали грохочущие раскаты. Корабль продвинулся еще немного по инерции, а потом остановился.

И остался там, молчаливый и безжизненный, как в самом начале, выделяясь темными очертаниями на фоне беспокойных волн. Арт Зоут, несомненно, понял всю бессмысленность дальнейшей стрельбы.

В воцарившейся тишине Уорделл слышал тяжелое дыхание гребцов. Шлюпка дергалась при каждом ударе весел и продолжала покачиваться, когда все еще не успокоившиеся воды залива ударили по бортам...

Вернувшись на судно, Уорделл вызвал к себе Приди. Он налил два стакана, одним глотком выпил свой и произнес:

- Вот мой план: мы снарядим небольшую шлюпку и отправим трех человек вдоль побережья за помощью. Очевидно, что мы не можем долго играть в кошки-мышки здесь, не зная правил игры. И недели не пройдет, как трое здоровых мужика доберутся до полицейского кордона на Мысе, а может, понадобится и меньше времени. Что скажешь?

Ответить Приди не успел: неожиданно распахнулась дверь и в комнату бесцеремонно ворвался человек, державший в руках какие-то два темных предмета. Он пронзительно закричал:

- Смотрите, капитан, что одно из этих чудовищ только что забросило к нам на борт: плоскую металлическую пластину и пакет с чем-то. Она исчезла прежде, чем мы даже смогли увидеть ее.

...Внимание Уорделла привлекла металлическая пластина: она показалась ему совершенно бессмысленной. Толщиной она была в полдюйма, в десять дюймов длиной и в восемь - шириной. Одна ее сторона была серебристого металлического цвета, а другая - черного.

Вот и все. После этого Уорделл увидел, что Приди поднял пакет и открыл ее.

- Смотри, кэп! - выдохнул помощник. - Здесь фотография машинного отделения, нарисована стрелка, направленная на бак с горючим... и какой-то серый порошок. *Наверное, он восстанавливает соларку.*

Уорделл отложил металлическую пластину и протянул руку, чтобы взять пакет. Однако остановился, когда до него внезапно дошла вся необычность черноты этой пластины.

Она была трехмерной. Поражала невероятная глубина пластины. И это бросилось ему в глаза. В бархатной полной темноте вспыхнули яркие точки света.

И пока Уорделл смотрел на них... картина изменилась. Что-то выплыло со стороны верхней части, приблизилось и проявилось на фоне тьмы в виде крошечного животного.

«О Господи, - подумал Уорделл, - это же фотография, нечто вроде фотографии с меняющимся изображением».

От следующей мысли он поежился: «Только фотография чего?»

Животное выглядело совсем крохотным, но даже для его глаз, много чего повидавших, оно казалось самым ужасным зверем, которое он когда-либо видел. У этой отвратительной карикатуры на живое существо, которая могла возникнуть только в безумной фантазии какого-нибудь сумасшедшего, было множество лап, длинные тело и рыло.

Уорделла передернуло - тварь стала увеличиваться в размерах, вот уже занимает половину этой фантастической пластинки, и все равно создавалось впечатление, словно съемка ведется с большого расстояния.

- Что это такое? - услышал он шепот Приди за спиной.

Уорделл не ответил: действие разворачивалось перед их глазами.

Только так и могла начаться схватка с демоническим существом Блалом (как это всегда и происходило) - неожиданно. Резкий энергетический удар поразил безынерциальный патрульный корабль, но когда автоматическая защитная система нанесла ответный лучевой удар, было уже слишком поздно, и корабль начал беспомощно вращаться в космическом пространстве.

Чудовище появилось в верхней части обзорного экрана, и от его толстой головы тянулся тонкий оранжевый луч. Командор Рэл Дорно застонал, когда увидел, что этот оранжевый луч вонзился в белый сверкающий энергетический экран патрульного корабля... и что длится это достаточно долго, чтобы уничтожить судно.

- Великий Космос! - пронзительно завопил он. - Мы не успели вовремя ударить по его Накопителям! Мы не...

Маленький корабль встряхнуло от кормы до носа. Огни замигали и погасли, коммуникатор подозрительно загудел и замолчал. Беззвучная работа могучих атомных двигателей сменилась хриплым прерывистым кашляньем, после чего и они отключились.

Космический корабль начал падать.

Из-за спины Дорно раздался чей-то голос - Сенны, - крикнувшего с облегчением:

- Его Накопители почернели. Мы все же сбили их. Оно тоже падает.

Дорно не ответил. Вытянув перед собой все четыре чешуйчатые руки, он ошупью пробрался от бесполезного обзорного экрана к ближайшему иллюминатору и начал с хмурым видом вглядываться в темноту за бортом.

Трудно было разглядеть что-нибудь в ярких лучах солнца этой планетной системы, но наконец ему удалось различить пулеобразные очертания стофутowego чудовища. Злобная десятифутовая пасть то открывалась, то

захлопывалась, словно огромный стальной капкан. Лапы, закованные в броню, ошетинились когтями, пронизывая пустое пространство; длинное тяжелое тело изгибалось в колоссальной работе мышц.

Кто-то скользнул в темноте к нему. Не поворачиваясь, Дорно напряженно произнес:

- Да, мы действительно попали по его Накопителям. Но оно все еще живое. Сопротивление атмосферы планеты, что под нами, замедлит его падение, так что оно не погибнет, а только потеряет на некоторое время сознание. Мы должны попытаться использовать наши ракеты, чтобы не приземлиться в пятистах *негах* от этой твари. Нам понадобится не меньше пятьсот *ланов*, чтобы отремонтировать корабль, и...

- Командор... что это?

Слова эти прозвучали почти шепотом - такими робкими они были. Дорно узнал голос - это была новенькая, Корлисс, его нынешняя жена.

Он еще не привык к тому, что жена у него не Ярослав. Лишь через несколько секунд до него дошло, что с ним нет ветерана многих экспедиций. Но Ярослав воспользовалась привилегией женской части Патруля.

«Я приближаюсь к возрасту, когда мне надо иметь детей, - заявила она ему, - и, поскольку по закону только один из них может быть твоим, то я хочу, чтобы ты, Рэл, нашел себе какую-нибудь симпатичную практикантку и женился на ней на время двух твоих последующих экспедиций...»

Дорно не спеша повернулся, слегка раздраженный мыслью, что кто-то на борту еще не понял, что происходит. Он отрывисто бросил:

- Эта дьявольская тварь, именуемая Блал, - дикий зверь с IQ, равным 10. Он устраивает себе логово в неисследованных внешних планетных системах, где эти чудовища еще не истреблены. Он необычно свиреп; в его голове есть орган, который называют Накопителем, ибо он вырабатывает огромной мощности энергию.

Естественное назначение этой энергии - обеспечивать передвижение твари. К сожалению, когда Блал в движении, то любая машина, оказывающаяся поблизости и работающая на субмолекулярных силах, вступает во взаимодействие с ее органического происхождения силой. Чудовище медленно и долго перекачивает в себя энергию, а потом требуется значительное время и терпение, чтобы атомный или электрический двигатель снова заработал.

Нашей автоматической защите удалось уничтожить Накопители энергии Блала как раз в тот момент, когда он достал нас. Теперь мы должны уничтожить и его тело, но мы не можем сделать это, пока не будет снова действовать наше энергетическое оружие. Все понятно?

Карлисс, женщина из рода Сахфид, неуверенно кивнула. Затем спросила:

- Что, если он живет на планете под нами? А если там есть и другие? Что тогда?

Дорно вздохнул.

- Моя дорогая, - начал он, - существует правило, согласно которому каждый член экспедиции обязан познакомиться со сведениями о любой системе, даже если корабль пролетает мимо...

- Но ведь мы увидели это солнце всего лишь пол-*лана* назад.

- На экранах оно появилось еще три *лана* назад... но это неважно. Населенной в этой системе является лишь одна планета - находящаяся под нами. Лишь двадцатая часть ее поверхности - суша, и ее колонизировали тепловкровные человеческие существа с Водеска. Саму планету эти люди называют Земля, и им еще предстоит разработать теорию межзвездных путешествий.

Я могу сообщить тебе несколько астрографических фактов, включая и тот, что дьявольская бестия Блал предпочитает не появляться вблизи таких планет, потому что здесь слишком высокая восьмикратная гравитация, а также в атмосфере находится кислород. К сожалению,

даже несмотря на физическую и химическую несовместимость, чудовище выживет, и это представляет огромную, можно даже сказать, абсолютно смертельную опасность.

Блал способен ощущать только одно чувство - ненависть. Мы уничтожили его главный органический источник энергии, но в действительности вся его нервная система является аккумулятором энергии. Во время охоты он преследует метеориты, мчащиеся со скоростью в несколько десятков миль в секунду. Чтобы отыскивать их след, существо в давние времена выработало в себе способность настраивать себя на любое материальное тело.

Из-за боли, которую мы ему причинили, он настроен на нас после первого обмена энергиями; так что сразу же после приземления он независимо от дальности расстояния он направится в нашу сторону. Поэтому необходимо отремонтировать наш дезинтегратор до того, как он доберется до нас. Иначе...

- Но разве он может как-нибудь навредить металлиту-вому корпусу космического корабля.

- Не только может, но, будь уверен, и сделает это. У него не обычные клыкобывные клыки: из его пасти вырываются лучи энергии, и они расплавят любой металл, даже самый твердый. Можешь представить себе, какие неисчислимые бедствия принесет он Земле после расправы с нами, прежде чем Патруль узнает о случившемся здесь... а я ведь еще не упоминал о том факте, что, по мнению галактических психологов, для юной цивилизации будет катастрофой узнать о существовании Галактической сверхцивилизации.

- Я знаю, - энергично закивала Корлисс. - Существует закон, согласно которому мы должны убить любого аборигена, узнай он, пусть даже случайно, о нашем существовании.

Дорно согласно хмыкнул и хмуро закончил:

- Поэтому наша самая главная проблема - приземлиться достаточно далеко от чудовища, чтобы при этом успеть и защитить себя, и уничтожить его до того, как он

воспользуется своими разрушительными способностями, и, кроме того, сделать так, чтобы нас не видел никто из людей.

А сейчас, я думаю, тебе будет интересно наблюдать за мастерством Сенны, когда он с помощью ракетных дюз осуществит аварийную посадку. Он...

В открытых дверях рубки мелькнул свет. Вошедший Фахфид был выше даже здоровяка Доно. В руках он нес глобус, светившийся интенсивным светом.

- У меня плохие новости, - начал Сенна. - Ты должен помнить, что во время преследования преступников с Кьева, мы израсходовали наше ракетное топливо и не успели перезарядиться. Так что во время посадки мы будем ограничены маневрированием.

- Что-о-о! - вскричал Дорно и обменялся встревоженным взглядом с женой.

Даже после ухода Сенны он продолжал молчать. Говорить-то и *было* не о чем: это была катастрофа.

Они упорно и с тихой яростью принялись за работу - он, Дорно, Корлисс, Сенна со своей женой Деджель. Прошло четыре *лана*, все фильтры отремонтировали, и теперь оставалось только ждать со страхом, когда же наконец все электронные связи придут в порядок. Дорно сказал:

- Некоторые из вспомогательных двигателей, бесполезное ручное оружие и станки в ремонтном отсеке придут в норму до появления демона Блала. Но это мало чем нам поможет. Должно пройти четыре суточных периода этой планеты прежде, чем снова заработают тяговые двигатели и дезинтеграторы... Кажется, сейчас наше положение совсем безнадежно.

Конечно, мы могли бы применить что-то вроде реактивного оружия, используя остатки нашего ракетного топлива, но боюсь, что этим мы только еще больше раздражим чудовище.

Он пожал плечами.

- Судя по нашим последним наблюдениям, чудовище

приземлится примерно в сотне негов к северу от нас; отсюда следует, что мы должны ожидать его появления уже завтра. Мы...

В этот момент зазвучал сигнал молекулярной тревоги. Спустя несколько минут они следили за продвижением шхуны по узкому проливу, которая затем поспешно развернулась. Лишенные век глаза Дорно, не мигая и задумчиво, наблюдали за китобоем, пока тот не исчез из виду.

Он несколько минут молчал, разглядывая сделанные приборами фотографии, работавшие на химической основе, почему и не пострадали во время катастрофы, в отличие от всех остальных систем корабля. Наконец он произнес, растягивая слова:

- Не уверен, но, кажется, нам повезло. Увеличенные снимки показывают, что на борту этого судна есть две пушки и что из ствола одной из них торчит острый двусторонний крюк - и это натолкнуло меня на одну мысль. В случае необходимости мы должны использовать остатки нашего ракетного топлива, чтобы оставаться вблизи этого корабля, пока я буду находиться на нем и проводить исследование.

- Береги себя! - озабоченно воскликнула Корлисс.

- Моя невидимая броня, - сказал ей Дорно, - защитит меня от всего, кроме прямого попадания пушечного снаряда...

Его удивил контраст между теплыми лучами ослепительного солнца и пронизывающе холодной водой. Боль в жабрах была мучительной, но даже беглого осмотра гарпунной пушки ему хватило, чтобы понять, что его усилия оказались не напрасными.

- Какое замечательное оружие, - сказал он своим спутникам, возвратившись на патрульный корабль. - Конечно, против Блала понадобится более мощный заряд и более качественный материал для каждой детали конструкции. Мне придется еще раз побывать на судне,

чтобы сделать замеры и установить новое оборудование. Но все это особых трудностей не представит. Тем более что я нейтрализовал их топливо.

Он закончил:

- Потом его придется восстановить - когда придет время. Им понадобится свобода маневра при появлении с Блалом.

- Но они будут сражаться? - спросила Корлисс.

Дорно невесело улыбнулся.

- Моя дорогая, - начал он, - вот это-то мы не можем оставить на волю случая. Скопеографический фильм расскажет им эту довольно устрашающую историю. А что касается остального, то мы будем просто держать их корабль между собой и демоном Блалом: чудовище почувствует жизненную силу на борту их судна и ввиду своей тупости примет их за нас. Да, я могу дать гарантии, что они будут сражаться.

- Возможно даже, что Блал избавит нас от необходимости впоследствии убивать их, - заметила Корлисс.

Дорно задумчиво посмотрел на нее.

- О да, - вспомнил он, - эти правила! Уверю тебя, что мы переправим им послание.

Он улыбнулся.

- Когда-нибудь, Корлисс, ты узнаешь их все. Те умные и великие, кто разработал для нас эти правила, предусмотрели все, абсолютно все.

Пальцы Уордел ла побелели, когда он сжимал бинокль, рассматривая огромную, с темным блеском горбатую спину, мощно рассекавшую волны в полумиле от судна. Что-то жуткое направлялось прямо к ним. За чудовищем тянулся сверкающий след.

Глядя на ту часть существа, что возвышалась над водой, его можно было принять за огромного кита. Уорделл цеплялся за дикую надежду, но затем...

Тварь подняла брызги - и его иллюзия была сметена прочь, как пушечное ядро пробивает пуленепробиваемый жилет.

Потому что ни один кит на широких просторах океана, созданного Богом, никогда не изрыгал воду таким внушающим ужас образом. В голове Уорделла на несколько секунд возникла яркая картина десятифутовой пасти, конвульсивно захлопывающейся под волнами, а потом выплескивающей захваченную воду подобно огромным мехам.

На мгновение он разозлился на себя за то, что даже на несколько секунд подумал, что это может быть кит. Но гнев его исчез, когда он вдруг понял, что в этой мысли был толк: она напомнила ему, что всю свою жизнь он играл в игру, где страх был отнюдь не первостепенным фактором.

Не спеша и очень осторожно он выпрямился. Потом спокойным звучным голосом крикнул:

- Моряки, хотим мы того или нет, но мы попали в заваруху. Так давайте покажем, что мы, черт побери, отличные китобой!..

Все свои повреждения «Альбатрос» получил в первые две минуты после того, как гарпун вылетел из пушки Арта Зоута.

От жестокого удара это порождение ночного кошмара - лишенная век голова - взметнулась вверх, подняв тонны воды; а потом тварь, безумно молотя по воде лапами, закованными в броню, набросилась на отступавший в страхе корабль.

Но им удалось в конце концов оторваться от чудовища; и Уорделл, с трудом выбирающийся из-под обломков мостика, лишь сейчас обратил внимание на грохот двигателей корабля ящериц и второй гарпун, торчащий в бок чудовища, медный блеск туго натянутого каната, тянувшегося от гарпуна к кораблю чужаков, одетому в чешуйчатую броню.

В бестию выстрелили еще четырьмя гарпунами, по два с каждого судна, после чего тварь оказалась растянутой между ними обоими. Еще целый час Арт Зоут всаживал остатки их снарядов в тело, корчившееся в агонии и бессильной злобе.

А затем им пришлось ждать еще долгих три дня и ночи, пока чудовище не подошло, изгибаясь и сражаясь за жизнь в бессмысленной и бесконечной ярости...

И вот настало утро четвертого дня.

Со вдребезги разбитой палубы своего корабля Уорделл наблюдал за другим судном. Там две ящерицы устанавливали какое-то любопытное сверкающее сооружение, из которого потом полился серый призрачный свет. Почти материально ощущаемый туман достиг чудовища, покачивавшегося на волнах моря, и там, где он касался твари, плоть превращалась... в ничто.

На борту «Альбатроса» все замерли. Люди молча стояли как вкопанные, глядя в немом восхищении на то, как стотонное чудовище медленно исчезает под воздействием невидимой силы.

Прошли долгие тридцать минут прежде, чем от твердого и внушающего ужас тела не осталось и следа...

После этого блестящий дезинтегратор разобрали, и снова воцарилась гробовая тишина. На севере у края горизонта появился редкий туман, который напелзал на оба корабля. Уорделл ожидал развязки вместе со своими людьми в напряжении, страхе и... изумлении:

- Давайте убираться отсюда, - произнес кто-то. - Я не доверяю этим сволочам, пусть даже мы и помогли им.

Уорделл беспомощно пожал плечами.

- А что мы можем сделать? Того химического порошка, который они подбросили нам вместе с кинопластинкой, хватило только для восстановления полутора баков горючего. Во время маневров мы использовали почти все топливо - осталось только несколько галлонов. Мы...

- Черт бы пробрал этих мерзавцев! - простонал еще один моряк. - Загадочность, с которой они все делают, мне не нравится. Почему, раз им нужна была наша помощь, они просто не пришли и не попросили нас об этом?

Уорделл до сих пор еще не понимал, сколь же велико было его собственное напряжение. Слова моряка вызвали в нем волну гнева.

- Да, конечно, - язвительно заметил он, - я просто представляю себе, как мы приветствуем их... трехдюймовой пушкой.

Только представьте себе: вот они заявляются к нам сказать, что они хотят замерить нашу гарпунную пушку и затем построить такую же у себя, при этом еще и сделать так, что наша окажется в состоянии удерживать двадцать китов за раз, попросить нас: не будете ли вы так добры, чтобы остаться здесь на некоторое время и дожидаться появления этой чертовой твари... Ну, конечно, мы бы остались! Да черта лысого мы бы остались!

Но они не настолько глупы. Это было чертовски трудное дело, в котором я когда-либо участвовал, но с ним уже покончено. А остались мы потому, что нас вынудили пойти на это, и благодарности за это мы не получим. Меня беспокоит то, что никогда раньше мы не видели и не слышали об их породе. Может быть, они решат, что только мертвые молчат и не рассказывают историй, но...

Он замолчал, потому что на корабле ящериц снова началась деятельность - там устанавливали еще одно сооружение, но поменьше, не такое блестящее, как первое, оно было оснащено странными, похожими на стволы ружей, газометами.

Уорделл сперва замер, но потом его бас прокатился эхом по палубе:

- Это по нашу душу! Арт, ведь у тебя еще осталось три снаряда. Вставай и приготовься стрелять...

Дуновение сверкающего серебристого дыма оборвало его слова, его мысли, его сознание...

Мягкий шипящий голос Дорно тихо раздался в тишине корабельной рубки:

- Правила устанавливаются, чтобы сохранять моральные устои цивилизации и предотвращать слишком буквальное толкование основных законов со стороны черстных или бестолковых администраторов. Правильно то,

что не допускается контакт с планетами, находящимися на низкой ступени развития, и поэтому еще более верно то, что смерть должна ждать тех, кто узнал истину. Но...

Дорно улыбнулся и продолжал:

- Когда галактическим гражданам или официальным лицам оказана важная помощь, все равно, при каких обстоятельствах, моральная необходимость сохранять свою цивилизованность повелевает нам изыскать другие способы недопущения распространения историй о нашем появлении здесь...

- Конечно, - тихо добавил Дорно, - такие прецеденты уже имели место. Ввиду этого я сейчас занимаюсь изменением курса следования корабля. Теперь нам придется побывать у далекого солнца Водеска и удивительные зеленые планеты, с которых началась колонизация Земли.

Нет необходимости держать наших гостей в состоянии анабиоза. Как только они придут в себя после воздействия серебристого газа, дадим им возможность... насладиться путешествием по галактическим просторам.

ВТОРОЙ ВИД: МАРСИАНСКОЕ ЧУДОВИЩЕ ЗАКОЛДОВАННАЯ ДЕРЕВНЯ

«Исследователи *новых границ*» - так называли их перед отлетом на Марс.

После того, как их корабль разбился в марсианской пустыне и в живых остался каким-то чудом только Билл Иженнер, он время от времени выплевывал эту фразу, пытаясь перекричать постоянно дувший песчаный ветер. Он презирал себя за то чувство гордости, которое он испытывал, когда впервые услышал эти слова.

Его ярость убывала с каждой пройденной милей, и беспроектная тоска по погибшим друзьям превращалась в тупую боль. Постепенно он осознавал, что сделал губительную ошибку.

Он недооценивал скорость, с которой двигалась их ракета. Ему казалось, что понадобится пройти триста миль, чтобы достичь мелкого Полярного моря, которое он с друзьями заметил с орбиты. На самом же деле их корабль, наверное, преодолел гораздо большее расстояние перед тем, как они потеряли управление им.

Дни сменяли друг друга - бесчисленные, как раскаленные красные чуждые песчинки, которые обжигали его сквозь оборванную одежду. Он превратился из человека в пугало, двигавшееся по бесконечной бесплодной пустыне... но он не сдастся!

К тому времени, когда он дотопился до гор, еды давно же не оставалось. Из четырех фляг сохранилась только

одна, да и в ней лишь что-то плескалось на самом дне, так что он мог лишь время от времени смачивать свои потрескавшиеся губы и разпухший язык, когда жажда становилась просто нестерпимой.

Когда до Дженнера дошло, что он взобрался довольно высоко и это не просто очередная дюна, вставшая на его пути, он остановился и начал оглядывать гору, которая возвышалась над ним. По коже пробежали мурашки. На мгновение он почувствовал всю безнадежность этой безумной гонки в никуда... но все же он достиг вершины. Он увидел, что внизу тянется долина, окруженная холмами, не менее высокими, чем тот, на который он взобрался. И там, в долине, находилась какая-то деревня.

Он видел деревья и выложенный мрамором двор. С двадцать домов располагались вокруг того, что выглядело, как центральная площадь. По большей части они были невысокими, кроме четырех башен, величественно устремленных в небо. Они сверкали в лучах солнца мраморным блеском.

До Дженнера донесся едва слышный тонкий пронзительный свист. Он то вздымался, то падал, вовсе пропадая, после чего снова поднимался и становился ясно различимым, принося боль ушам. Даже когда Дженнер побежал в направлении этого жуткого и неестественного свиста, он продолжал резать слух.

Спускаться Дженнер начал по гладкой скале. Но во время скольжения он упал, перевернулся, содрав кожу, и полускатился по каменистому склону в долину. Вблизи дома по-прежнему казались такими же новыми и сверкающими. От их блестящих стен отражались яркие лучи солнца. Со всех сторон дома окружала растительность - красновато-зеленый кустарник и желто-зеленые деревья, увешанные пурпурными и красными плодами.

Дженнер со всех ног бросился к ближайшему фруктовому дереву. Когда он подбежал поближе, оно оказалось сухим и ломким. Но огромный красный фрукт, который

он сорвал с самой низкой ветки, оказался мягким и сочным.

Поднеся его ко рту, он вдруг вспомнил, что во время подготовки, которую он прошел перед полетом, их предупреждали, что нельзя на Марсе пробовать ничего, пока не будет проведен химический анализ. Но для человека, у которого единственным химическим прибором было его собственное тело, этот совет был бессмыслен.

Тем не менее он, опасаясь возможной опасности, действовал осторожно. Не торопясь, он сделал первый укус. На вкус плод показался ему горьким, и он тут же выплюнул его. Оставшийся во рту сок обжег ему десны, словно огнем, и его стошнило. Мышцы начали дергаться, и он улегся на мрамор, боясь, что рухнет как подкошенный. Ему казалось, что миновало несколько часов, когда наконец это ужасное дерганье его тела прекратилось, и он смог снова видеть. Дженнер с омерзением посмотрел на дерево.

Боль наконец покинула его, и он постепенно расслабился. Тихий бриз шелестил сухие листья. Расположенные неподалеку деревья тихо раскачивались, и внезапно до Дженнера дошло, что этот ветер здесь, в самой долине, - не более, чем тихий шепот того завывания, который он слышал в бесплодной пустыне за горами.

Сейчас не было слышно никаких других звуков. Неожиданно Дженнер вспомнил тот пронзительный, постоянно меняющийся свист, который он услышал перед тем, как начал спускаться в долину. Он лежал совершенно неподвижно, внимательно прислушиваясь, но слышал лишь шелест листьев. Того пронзительного свиста не было. Он подумал, а не был ли это сигнал тревоги, предупреждающий жителей деревни о его приближении?

Встревоженный, он вскочил на ноги и потянулся за пистолетом. Его охватило ощущение беды, когда он в шоке осознал, что оружия не было на месте. Потом ему смутно припомнилось, что он впервые хватился оружия более недели назад. Дженнер в беспокойстве огляделся,

но нигде не было никаких признаков жизни. Он взял себя в руки. Ему некуда идти из этой деревни. Если придется, он будет до самой смерти сражаться за то, чтобы остаться в этой деревне.

Осторожно Дженнер сделал глоток из фляги, промочил потрескавшиеся губы и распухший язык. Потом закрутил колпачок и направился между двумя рядами деревьев к ближайшему дому. Он сделал широкий круг, чтобы осмотреть его с разных точек. С одной стороны он заметил низкую и широкую арку, которая вела внутрь. Сквозь нее смутно различался полированный блеск мраморного пола.

Дженнер начал обходить дома, расположенные по внешнему краю деревни, всегда держась на почтительном расстоянии от любого выхода. Он не видел никаких признаков живого. Он дошел до противоположного края выложенной мрамором платформы, на которой стояла деревня, и решительно повернулся. Пора было заняться осмотром самой деревни.

Он выбрал одно из четырех зданий с башнями. Когда до него осталось с дюжину футов, он увидел, что ему придется наклониться, чтобы проникнуть внутрь.

Тут же подтекст, который следовал из этого, заставил его остановиться: эти здания были созданы для каких-то существ, которые, по всей видимости, заметно отличались от людей.

Потом он двинулся вперед, наклонился и медленно прошел внутрь здания, напрягая каждый мускул.

Он оказался в комнате, совершенно пустой. Однако от одной из мраморных стен отходило несколько низких мраморных перегородок. Они образовывали нечто, что выглядело как группа четырех широких и низких стойл. У каждого из стойл у самого пола имелся открытый лоток.

Во второй комнате четыре наклонные мраморные плиты сходились к возвышению. Всего внизу оказалось четыре комнаты. В одной из них спиральный пандус вел, судя по всему, в башню.

Дженнер не стал подниматься по лестнице. Испытываемый раньше им страх, что он обнаружит чуждую жизнь, сменился беспощадной уверенностью, что этого не произойдет. Отсутствие жизни означало отсутствие еды и никакой возможности получить ее. В неистовой спешке он бросался от одного здания к другому, заглядывал в молчаливые комнаты, время от времени останавливаясь, чтобы издать хриплые вопли.

Наконец не осталось никаких сомнений. Он был один, в безлюдной деревне, на безжизненной планете, без еды, без воды - если не считать жалких остатков во фляге, - и без надежды.

Он оказался в четвертой, и самой маленькой комнатке одного из зданий с башнями, когда до него дошло, что поиски закончены. В этой комнатке было одно-единственное «стойло», выступавшее из одной стены. Дженнер устало улегся в нем. Наверное, он в тот же миг уснул.

Проснувшись, он сразу же осознал две перемены, первая когда только открыл глаза: снова раздавался тот свист, резкий и пронзительный; он звучал на пороге слышимости.

А второй переменной оказались брызги какой-то жидкости, капавшей прямо на него с потолка. Одного только запаха этой жидкости было достаточно для Дженнера, который был техником, чтобы торопливо вскочить на ноги и выскочить из комнаты, кашляя и со слезами в глазах, с обожженным лицом.

Он выхватил носовой платок и торопливо вытер обнаженные части тела и лицо.

Добравшись до конца деревни, он остановился и попытался понять, что же произошло.

В деревне, похоже, ничего не изменилось.

Тихий ветерок шелестел листья на деревьях. Солнце поднялось над вершиной горы. Дженнер по его положению догадался, что снова наступило утро и что он проспал не меньше двенадцати часов. Ослепительный белый свет

заливал долину. Полускрытые деревьями и кустарником дома деревни сверкали и переливались.

Похоже, он оказался в оазисе посреди огромной пустыни. «Да, действительно, это оазис, - утрюмо подумал Дженнер, - отнюдь не для человеческих существ». Ему самому этот оазис с его ядовитыми фруктами больше представлялся мучительно манящим миражем.

Дженнер вернулся внутрь здания и осторожно заглянул в комнату, где он спал. Душ из газа прекратился, и не осталось никаких следов запаха. Воздух был свеж и чист.

Он осторожно переступил через порог, немного наклонясь, чтобы сделать проверку. Он мысленно представил себе давно умершего марсианина, лениво развалившегося на полу в «стойле», в то время как на него льется целебный газовый душ. Тот факт, что эти химические вещества были смертельны для людей, только подчеркивал то, насколько чуждым для человека была жизнь, зародившаяся на Марсе. Но, похоже, почти не оставалось сомнений в том, почему использовался именно этот газ: марсианин, видимо, привык по утрам принимать такой душ.

Переступив порог «ванной», Дженнер осторожно сделал первый шаг в стойло. Когда его бедра стали вровень с входом в стойло, с твердого потолка ударила струя желтоватых брызг. Дженнер тут же отпрянул назад от стойла. Газ прекратился так же внезапно, как и начался.

Дженнер попытался еще раз, чтобы удостовериться, что это всего лишь автомат. Да, он включался, а потом выключался.

Дженнер, мучаясь от жажды, возбужденно открыл рот и подумал: «Если здесь имеется один автомат, то могут быть и другие».

Тяжело дыша, он выбежал в другую комнату, осторожно просунул ноги в одно из двух стойл. В тот момент, когда его бедра оказались внутри, лоток у стены заполнился жижей.

В восхищении, к которому примешивался ужас, он

установился на жирную массу: еда... и питье. Он вспомнил ядовитый фрукт и почувствовал отвращение, однако заставил себя наклониться и макнуть палец в горячую жирную массу. Потом он поднес палец ко рту и облизнул его.

Масса оказалась безвкусной и волокнистой, словно распаренная мочалка, с трудом он сделал глоток, и тут же на глаза навернулись слезы, а рот конвульсивно открылся. Он понял, что сейчас его вырвет, и побежал к наружной двери... но недостаточно быстро.

Когда он наконец оказался снаружи, его охватила вялость и невыразимая апатия. И в этом состоянии депрессии, в котором пребывал его разум, он вдруг снова услышал пронзительный свист.

Его удивило то, что он, по всей видимости, не обращал внимания на него в течение нескольких минут. Он начал лихорадочно озираться, пытаясь определить источник звука, но так ничего подходящего и не заметил. В какую бы сторону, откуда, как ему на мгновение казалось, доносился звук, он ни направлял взгляд, в тот же миг свист слабел, а может, смещался и доносился уже с другого конца деревни.

Дженнер попытался представить, какой же должна быть инопланетная культура, нуждающаяся в подобных душераздирающих звуках... впрочем, конечно, может быть и так, что они вовсе не являлись неприятными для этих существ.

Он остановился и начал щелкать пальцами, когда безумная, но тем не менее вполне правдоподобная мысль пришла ему в голову. Может, это музыка?

Он стал обдумывать эту мысль, пытаясь представить, какой же была эта деревня столетия назад. Может быть, существа некоей любящей музыку расы занимались выполнением ежедневных заданий под аккомпанемент того, что являлось для них прекрасной мелодией?

Отвратительный свист все повторялся и повторялся, то слабей, то усиливаясь. Дженнер пытался спрятаться от

него между зданиями, искал укрытие в самых разных комнатах, надеясь, что, по крайней мере, в одной окажутся звуконепроницаемые стены. Но тщетно. Свист преследовал его везде, куда бы ни направлялся он.

Он вернулся в пустыню и преодолел почти полсклона, прежде чем свист стих настолько, чтобы не причинять боль его ушам. Наконец запыхавшийся, но с чувством невероятного облегчения, он тяжело сел на песок и тупо подумал: «А что дальше?»

То, что простиралось перед ним, было одновременно картиной и рая, и ада. И слишком знакомой ему: красные пески, каменистые дюны, небольшая деревня инопланетян, казавшая вначале столь многообещающей, но на самом деле почти ничего не давшая ему.

Дженнер смотрел на нее с лихорадочным блеском в глазах, а потом облизнул опухшим языком потрескавшиеся пересохшие губы. Он знал, что если ему не удастся изменить автоматы, изготавливающие еду, скрывающиеся, наверное, где-то в стенах и под полом зданий деревни, то он умрет уже в самом скором времени.

В давние времена остатки цивилизации марсиан жили в этой деревне. Все остальные вымерли, но эта деревня продолжала существовать, противостоять напору песков - убежище для любого марсианина, который мог забрести сюда, в долину. Но не осталось ни одного марсианина. Был только Билл Дженнер, пилот первого космического корабля, совершившего посадку на Марс.

Он должен заставить деревню готовить еду и питье, пригодные для него. Без инструментов, если не считать его рук, с минимальными познаниями по химии, он должен заставить деревню изменить свои привычки.

Напрягшись, он поднял флягу. Сделав еще один глоток, он начал сражаться с желанием допить последнюю оставшуюся во фляге каплю. И, снова взяв вверх в этой борьбе, он выпрямился и начал спускаться по склону.

Он прикинул, что выдержит, наверное, еще три дня. К тому времени он должен победить деревню.

Он уже шел среди деревьев, когда до него внезапно дошло, что «музыка» прекратилась. Вздыхнув облегченно, он склонился над небольшим кустарником, крепко ухватился за него и потянул.

Куст вырвался без труда, вместе с куском мрамора. Дженнер внимательно рассмотрел его, с удивлением отмечая, что он ошибался, предполагая, что ствол проходит сквозь отверстие в мраморе - он просто-напросто был прикреплен к его поверхности. Потом он заметил кое-что еще: у куста не было корней. Почти инстинктивно Дженнер посмотрел на место, откуда он вырвал кусок мрамора вместе с растением, и увидел там песок.

Он отбросил куст, опустил на колени и погрузил пальцы в песок. Песок свободно струился сквозь них. Он принялся рыть глубже, используя всю силу рук... но не было там ничего, кроме песка.

Дженнер встал и изо всех сил рванул еще один куст. Тот с такой же легкостью вырвался и тоже вместе с куском мрамора. И у него не было корней, а на месте, где он рос, был песок.

Не веря своим глазам, Дженнер бросился к фруктовому дереву и начал трясти его. После секундного сопротивления сломалась мраморная плита, на которой стояло дерево, и медленно приподнялась. Дерево упало с шумом и треском, когда ломались на тысячи частей сухие ветки и листья. Под плитой тоже оказался песок.

Песок был повсюду. Город был выстроен на песке. Марс, планета песка. Конечно, это не совсем точно. Вблизи полярных ледяных шапок была замечена сезонная растительность. Все растения, кроме самых стойких, погибали с наступлением лета. Посадка корабля должна была состояться возле одного из мелких морей, окруженных такой растительностью.

Но когда во время посадки корабль потерял управление и рухнул вниз, то вместе с этой катастрофой был

разрушен не только сам космический корабль - погибла и надежда остаться в живых единственного уцелевшего в этой катастрофе члена экспедиции.

Дженнер медленно приходил в себя. Ему в голову пришла одна идея. Он поднял один из кустов, которые он уже успел вырвать, наступил ногой на кусок мрамора, к которому куст был прикреплен, а потом сначала слегка, а затем сильнее потянул.

Куст, наконец, оторвался от мрамора, но не возникало сомнений, что и куст, и кусок мрамора были частями единого целого - куст рос прямо из мрамора.

«Из мрамора?» - спросил себя Дженнер, опустил на колени рядом с одним из отверстий и вгляделся в излом. Это был пористый камень, вероятно, известковый, но вовсе не мрамор. Когда он протянул руку, собираясь отломать кусочек, он изменил цвет. Дженнер в изумлении отшатнулся. Вокруг излома камень стал яркого оранжево-желтого цвета. Он растерянно посмотрел на него, потом осторожно прикоснулся.

И словно бы погрузил пальцы в обжигающую кислоту. Тут же возникла резкая ноющая боль. Вскрикнув, Дженнер отдернул руку.

Он почувствовал слабость от непрекращающейся мучительной боли. Его зашатало, и он, стая, прижал руки и ноги, покрытые ссадинами и синяками, к телу. Когда боль наконец исчезла, и он мог уже посмотреть на свои раны, то увидел, что на пальцах руки слезла кожа и вздулись кровавые волдыри. Дженнер угрюмо посмотрел на отверстие в камне. Края по-прежнему оставались яркого оранжево-желтого цвета.

Деревня была настороже, готовая защищать себя от новой атаки.

Внезапно почувствовав усталость, Дженнер отполз в тень дерева. Из того, что произошло, можно было сделать только один вывод, и он почти не согласовывался со здравым смыслом: деревня была живой!

Лежа под деревом, Дженнер попытался представить себе огромную массу живой субстанции, которая, вырастая, превращалась в форму зданий, сама приспособливаясь к нуждам и потребностям другой жизненной формы, начиная играть роль слуги в самом широком значении этого слова.

Если она может обслуживать одну расу, то почему она не может этого делать и с другой? Если она смогла приспособиться к марсианам, то, может, это ей удастся и с людьми?

Конечно, имеются определенные трудности. В его утомленном мозгу мелькнула мысль, что вряд ли здесь могут быть необходимые для людей жизненно важные элементы. Кислород для производства воды можно получить из воздуха... Тысячи различных соединений можно изготовить из песка... И хотя он знал, что, если не найдет решения, его ждет смерть, но, успев лишь совсем немного поразмышлять над всей этой проблемой, он провалился в сон.

Когда он проснулся, было совсем темно.

Дженнер с трудом поднялся на ноги. Мышцы почти не слушались его, и это встревожило его. Он обмакнул губы каплей воды из фляги и побрел, спотыкаясь, к входу в ближайшее здание. Если не считать царапанья его ботинок о «мрамор», вокруг царила напряженная тишина.

Дженнер замер как вкопанный, прислушиваясь и оглядываясь. Ветер стих. Он не мог видеть гор, которые окружали долину, но сами строения все еще смутно различались черными тенями в призрачном мире теней.

Впервые за все время ему подумалось, что, хотя в нем появилась новая надежда, но, возможно, лучше бы было, если бы он умер. Даже если он выживет, то какой будет в этом смысл? Он слишком хорошо помнил, с каким громадным трудом удалось привлечь внимание общественности и финансовых структур к организации этой экспедиции, получить ту огромную сумму денег, которая

требовалось для этого. Он помнил, какие колоссальные проблемы пришлось решить при постройке космического корабля, и некоторые из людей, которые занимались решением этих проблем, лежат сейчас захороненными где-то в марсианской пустыне.

Возможно, пройдет еще двадцать лет, прежде чем еще один корабль с Земли попытается достигнуть единственной во всей Солнечной системе планеты, где сохранились следы жизни других существ.

И все эти бесчисленные дни и ночи, складывающиеся в годы, он будет здесь один. Только на этот призрачный шанс и оставалось ему надеяться... если только он доживет до того времени. Пробираясь на ощупь к возвышению в одной из комнат, Дженнер размышлял над еще одной проблемой: каким образом дать этой живой деревне знать, что она должна изменить работу своих автоматов? В какой-то степени она должна была уже понять, что он новый житель. Как же теперь ему заставить ее осознать, что ему нужна еда, имеющая другую химическую природу по сравнению с той, что годилась для ее хозяев в прошлом; что ему нравится музыка, но совсем иная; что он с удовольствием будет принимать душ каждое утро, но водный, а не из ядовитого газа?

Он дремал урывками, скорее как больной человек, а не как спящий. Дважды он просыпался в жару: губы горели, глаза пылали, а тело заливалось потом. Несколько раз он вскакивал, разбуженный звуками собственного голоса, пронзительно кричавшего в гневе и страхе что-то в забытьи.

И тогда ему показалось, что он умирает.

Он провел во мраке ночи несколько долгих часов, мечась, поворачиваясь, изворачиваясь, одурманенный волнами жары. Когда наступило утро, он с легким удивлением понял, что все еще жив. С трудом он сошел с возвышения и направился к двери.

Дул резкий холодный ветер, но он с радостью подставил свое разгоряченное лицо ему. Он спросил себя,

достаточно ли в его крови бацилл, чтобы он схватил простуду? Но ответить не смог.

Через несколько секунд его начало знобить. Он вернулся внутрь дома, и только сейчас заметил, что, несмотря на отсутствие дверей, ветер вообще не проникает в здание. В комнатах было прохладно, но не сквозило.

Тут же возникла новая мысль: откуда же тогда взялся этот жар, обдающий его тело? Шатаясь, он подошел к возвышению, где провел ночь, и уже через несколько секунд он задыхался в пятидесятипятиградусной жаре.

Он сошел с возвышения, поражаясь собственной глупости. Он прикинул, что с его потом вышло не меньше половины всей оставшейся в его иссушенном теле воды и осталось на этом ложе.

Эта деревня для человеческих существ. Даже постели здесь подогреваются для существ, которым нужна температура, выдерживать которую человеческое тело не в состоянии.

Дженнер провел всю оставшуюся часть дня в тени огромного дерева. Он был истощен и только временами он вспоминал, что ему необходимо решить какую-то проблему. Когда снова раздался свист, он сперва встревожил его, но Дженнер был слишком утомлен, чтобы подняться и уйти. Чувства его были настолько притуплены, что он едва замечал этот свист.

В конце дня он вспомнил о кустах и дереве, которые он выдернул накануне днем, и спросил себя, что же случилось с ними. Он смочил губы последними каплями воды, оставшимися во фляге, после чего, пошатываясь, поднялся на ноги и пошел посмотреть на выдернутые им растения.

Но он не обнаружил иссушенных остатков. Он даже не смог найти отверстий в тех местах, где выдернул их. Живая деревня поглотила мертвые свои частицы в самое себя и «залатала» повреждения в своем «теле».

Это привело Дженнера в чувство. Он снова начал думать... о мутациях, генетической способности приспо-

сабливаться к новым условиям жизни. Он вспомнил лекцию, которую им читали перед отлетом корабля с Земли, скорее, это были даже общие обзоры, рассчитанные на то, чтобы познакомить экипаж с проблемами, с которыми могут столкнуться люди на чуждой планете. Главный принцип был совсем прост: приспособься - или погибни.

Деревня должна к нему приспособиться. Он сомневался, что способен нанести ей серьезный вред, но он мог бы попытаться, подталкиваемый желанием выжить, для чего требовались суровые и решительные меры.

Дженнер принялся лихорадочно рыться в карманах. Перед тем, как покинуть ракету, он позапихивал в них всякую всячину. Охотничий нож, складной металлический стакан, транзистор, крошечная супербатарея, которую можно было подзаряжать, вращая маленькое колесико, крепившееся к ней... и вместе с другими вещами там же была и мощная электрическая зажигалка.

Дженнер присоединил к батарее зажигалку и не спеша повел ее докрасна раскаленным концом по поверхности «мрамора». Тут же последовала ответная реакция. В этот раз субстанция стала темно-фиолетового цвета. Когда вся эта часть пола изменила цвет, Дженнер направился к ближайшему лотку в стойле и проник в него достаточно далеко, чтобы активировать его.

В этот раз автомат сработал с задержкой. Когда наконец пища появилась в лотке, было ясно, что живая деревня поняла причину, почему он это сделал. Еда была бледно-кремового цвета, а не как раньше, темно-серого.

Дженнер опустил палец в нее, но тут же выдернул его с криком и подул на палец. В течение нескольких секунд палец мучительно ныл. Дженнера беспокоил жизненно важный вопрос: что, если деревня специально предложила ему еду, которая причинит ему вред? Или, возможно, она пытается угодить ему, не зная, что же он может есть?

Он решил рискнуть еще раз и вошел в соседнее стойло. Зернистая масса, наполнившая лоток в этот раз,

была более желтого цвета. Она не обожгла палец, но, когда Дженнер попробовал ее, то тут же выплюнул. На вкус она показалась ему супом, приготовленным из жирной смеси глины с бензином.

Сейчас, когда во рту он ощущал неприятный привкус, его еще больше начала мучить жажда. От в отчаянии бросился наружу и открутил колпачок фляги и разбил флягу, надеясь отыскать внутри хоть немного влаги. Он так рьяно взялся за дело, что пролил несколько капёлек воды на плиты двора. Опустив лицо, он слизнул их языком.

Прошло полминуты, а он продолжал слизывать влагу языком, и по-прежнему там была вода.

Внезапно этот факт дошел до его сознания. Он поднялся и в изумлении посмотрел на капельки воды, которые сверкали на гладкой поверхности каменной плиты. Пока он смотрел, на сплошной и твердой на вид поверхности появилась еще одна капля, сверкая в лучах заходящего солнца.

Он нагнулся и кончиком языка слизнул каждую капельку. А потом он долго лежал, прижав губы к «мрамору», всасывая крохи воды, которые деревня милостиво предлагала ему.

Сияющее белое солнце исчезло за холмом. Внезапно наступила ночь - словно окрестности деревни накрыли черным экраном. Воздух стал сперва прохладным, потом ледяным. Дженнер задрожал, когда под его оборванную одежду пробрался пронизывающий ветер. Но окончательно он пришел в себя, когда плита, на которой он лежал и пил, сломалась.

Дженнер в изумлении привстал и осторожно ощупал в темноте камень. Он воистину раскрошился. Судя по всему, субстанция отдала ему всю имевшуюся в ней воду, после чего разрушилась. Дженнер прикинул, что он выпил в общем примерно одну унцию* воды.

* 0,03 л.

Это была убедительная демонстрация желания деревни угодить ему, но тут имелся еще один, менее удовлетворительный подтекст. Если деревня должна будет всякий раз, давая ему воду, уничтожать какую-нибудь часть себя, то, очевидно, этот источник не безграничен.

Дженнер торопливо прошел в ближайшее здание и поднялся на возвышение... а потом поторопился сойти с него, когда его снова обдало жаром. Он подождал, предоставляя Разуму деревни возможность понять, что он хочет изменения, после чего он предпринял новую попытку. Но было все так же жарко.

Он отказался от дальнейших попыток, потому что его уже с ног валил сон, и он не мог придумать какой-нибудь способ дать деревне понять, что ему нужно, чтобы в спальне была другая температура. Он уснул прямо на полу с тревожной мыслью, что это *не может* долго так продолжаться. Он часто просыпался ночью, и в голове возникала мысль: «Воды недостаточно. Как бы ни пыталась деревня...» - после чего он снова проваливался в сон лишь для того, чтобы вскоре снова проснуться, в таком же напряженном и унылом состоянии.

Тем не менее утром к нему на некоторое время вернулась способность ясно мыслить и вся его решимость, благодаря которой он прополз не меньше пятисот миль по неизвестной пустыне.

Он направился к ближайшему лотку. В этот раз после того, как он активировал его, последовала заминка, длившаяся чуть больше минуты, а потом на дно лотка выплеснулось около наперстка воды.

Дженнер досуха вылизал его, потом подождал еще несколько минут в надежде на новую порцию. Но когда он понял, что его надежды не оправдались, он печально подумал, что где-то в этой деревне разрушилась еще целая группа клеток, чтобы высвободить для него свою воду.

И тут ему пришло в голову, что только человек, способный двигаться, может обнаружить новый источ-

ник воды для деревни, которая не в состоянии передвигаться.

Конечно, пока он будет искать источник воды, деревне придется поддерживать его силы. А это означает, помимо всего прочего, что ему понадобится и кое-какая пища.

Он принялся рыться в своих карманах. Покидая корабль, он позапихивал еду в небольшие куски ткани. В карманы просыпались крошки, и он неоднократно пытался выискать их во время остановок на длинном пути по пустыне. Сейчас, когда он разрезал швы, он действительно обнаружил там крошечные кусочки мяса, хлеба, сала и еще чего-то непонятного.

Осторожно он склонился над соседним стойлом и положил в лоток эти остатки. Деревня может предложить ему лишь нечто более или менее похожее на тот образец, который он ей покажет. Если несколько пролитых им капелек помогли деревне понять, что он нуждается в воде, то, может, когда он сейчас покажет ей эти крохи, то это явится ключом для создания ею имеющей такую химическую природу пищи, которую он окажется в состоянии есть.

Дженнер подождал, потом вошел во второе стойло и активировал его. Примерно с пинту густой, похожей на крем субстанции вытекло на дно лотка. Малое количество, похоже, свидетельствовало о том, что, возможно, там содержится вода.

Дженнер попробовал. Еда имела резкий запах, отдававший плесенью и чем-то затхлым, к тому же оказалась сухой, как мука... но его желудок принял ее.

Дженнер ел медленно, ясно сознавая, что сейчас находится целиком во власти деревни. Откуда ему знать, нет ли в еде какого-нибудь ингредиента, замедляющего его действия.

Когда Дженнер закончил есть, он прошел к пищевому лотку в другом здании. Он не стал есть еду, появившуюся

на лотке, но активировал другой лоток. В этот раз он слизнул несколько капелек воды.

Потом он решительно направился к зданию с башней. В этот раз он начал подниматься по пандусу, который вел на верхний этаж. Он остановился только на несколько секунд в комнате наверху и тут, когда увидел сгруппированные по трое уже такие знакомые ему возвышения, понял, что, похоже, это тоже спальни.

Его заинтересовала винтовая лестница, ведущая наверх - сперва в меньшую по размерам комнатку, устроенную непонятно для чего; потом она достигала верха башни, примерно в семидесяти футах над поверхностью земли. Достаточно высоко, чтобы заглянуть за холмы, окружавшие деревню. Ему и в первый раз хотелось сделать это, но он был тогда слишком слаб, чтобы продолжить подъем. А сейчас же он смотрел вдаль до самого горизонта. И почти сразу же надежда, которая привела его сюда, померкла.

Картина, представшая перед ним, была разочаровывающе пустынной. Насколько хватало глаз, простиралась сухая пустыня, а сам горизонт был скрыт тучами поднятого ветром песка.

Дженнер всматривался в даль с растущим чувством отчаянья. Если где-то и есть марсианское море, то до него ему не добраться.

Неожиданно он в гневе на свою, теперь уже неумолимую, судьбу сжал руки. Что хуже всего - его ждало разочарование там, где он надеялся найти убежище для себя, - в гористой местности. Моря и горы - основные два источника воды. Конечно, он должен был знать, что на Марсе есть всего несколько гор. Ему бы просто невероятно повезло, если бы он действительно добрался до горной гряды.

Его ярость утихла, потому что у него уже не осталось сил для каких-либо эмоций. Оцепенело он начал спускаться по лестнице.

Его неясный план помочь деревне теперь был так быстро и бесповоротно похоронен.

...Дни летели один за другим, но сколько точно времени прошло, он не имел ни малейшего представления. Всякий раз, когда он отправлялся есть, ему доставалось все меньше воды. И он постоянно говорил себе, что это будет последний его прием пищи: ему казалось бессмысленным верить в то, что деревня уничтожит себя, когда его судьба так ясно представлялась ему.

И что было хуже всего, еда его оказалась недоброкачественной, что он вскоре понял со всей ясностью. Он подсунил деревне несвежие, а может, и вовсе гнилые образцы пищи, и теперь только продлевал свою агонию мучительного существования. Часто после еды у Дженнера кружилась голова. Еще чаще голова раскалывалась, а тело сотрясилось в лихорадке.

Деревня делала все, что могла. Все остальное зависело только от него, и он не мог даже приспособить свой организм к этому подобию земной пищи.

Два дня Дженнер чувствовал себя так скверно, что не мог даже подползти к стойлу. Один час за другим он лежал на полу. На вторую ночь боль в теле стала такой сильной, что он наконец решился.

«Если я смогу взобраться на возвышение, - сказал он себе, - то одна только жара прикончит меня; и, поглотив мое тело, деревня получит немного потерянной ею воды».

Он не меньше часа с огромным трудом полз по пандусу к ближайшему возвышению, и когда он наконец оказался там, то замер неподвижно, словно мертвец. Его последней мыслью было: «Милые друзья, я иду!»

Галлюцинация была столь совершенной, что на мгновение ему показалось, что он оказался снова в контрольной рубке на корабле, и вокруг него - его прежние товарищи.

Со вздохом облегчения Дженнер снова погрузился в лишенное сновидений забвение.

Его разбудили звуки скрипки. Печальная и нежная мелодия рассказывала о подъеме и упадке давно исчезнувшей расы.

Дженнер некоторое время слушал ее, а потом во внезапном откровении понял истину: эта мелодия пришла на смену свисту. Деревня приспособила свою музыку к его слуху!

И тут проявился еще один феномен, связанный с его органами чувств. Возвышение теперь не обжигало жаром, а было уютным и теплым. Ему показалось, что он находится в замечательной физической форме.

Дженнер торопливо спустился по пандусу к ближайшему пищевому стойлу. Пока он полз вперед, его нос находился совсем рядом с полом, а лоток наполнился дымящейся массой. Запах был таким аппетитным, что он погрузил в нее свое лицо и принялся жадно лакать. Когда он съел все, ему впервые за все время не хотелось пить.

«Я победил! - торжествуя подумал Дженнер. - Деревня подстроилась под меня!»

Через некоторое время он вспомнил кое о чем и пополз в ванную. Осторожно глядя на потолок, он заполз в стойло с душем. Желтые брызги полились на него, холодные и восхитительные.

В экстазе Дженнер вертел своим четырехфутовым хвостом и поднял свое длинное рыло, чтобы струйки жидкости смыли остатки пищи, которые прилипли к его острым зубам.

А потом он медленно потащился к выходу, чтобы погреться под лучами солнца и слушать нескончаемую приятную мелодию своего народа.

ТРЕТИЙ ВИД: ОКЕАНСКОЕ ЧУДОВИЩЕ МОРСКОЕ ЧУДОВИЩЕ

Чудовище выбралось из воды и несколько секунд постояло, покачиваясь на нетвердых человеческих ногах, словно пьяное. Почему-то все казалось ему расплывчатым: сознание обволакивал черный туман. Он пытался приспособиться к человеческому телу и привыкнуть к ощущениям холодного мокрого песка под ногами.

Сзади с берега, с залитого лунным светом пляжа слышался плеск волн. А впереди...

Вглядываясь в темноту мира, простиравшегося перед ним, существо чувствовало себя до странности неуверенно - ему очень не хотелось уходить от края воды. Бесконечная меланхолия охватила его. По всем рыбьим нервам пробежала волна беспокойства, когда оно осознало, что его смертельно опасная, но тем не менее высшая цель не оставляет ему другого выхода, кроме как идти вперед. Страх был неведом этому холодному рыбьему мозгу, и все же...

Существо содрогнулось, когда мрак ночи разорвал хриплый грубоватый смех, принесенный слабым теплым ветром. Бестелесные раскаты чьего-то хохота были странным образом искажены на расстоянии - звуки хриплого надменного смеха с другой стороны кораллового острова пронзили его призрачные, освещаемые лунным светом просторы. В ответ существо издало хриплый язвительный

воплъ - ледяной и безжалостный, человеческие черты его лица, превратившись на несколько секунд в оскал тигриной акулы, голова почти потеряла человеческую форму. Стальные зубы металлически шелкнули, словно тварь, как акула, уже перекусывала пополам тело своей жертвы.

Существо судорожно задышало, втягивая воздух в свой человеческий рот и пропуская его через человеческое горло. После краткого мгновения возврата в предыдущее рыбье состояние воздух внезапно показался ему почему-то неприятно сухим и горячим; это болезненное ощущение заставило его зайтись в мучительном кашле, давясь белой пеной. Сильными человеческими пальцами оно ухватило за шею и стояло так несколько ужасных мгновений, пытаясь побороть тошноту и мрак, застилавшие его сознание.

Волна дикой ярости на это человеческое тело пробежала по всей нервной системе холоднокровного рыбьего существа. Оно *ненавидело* свою новую форму: с беспомощными ногами и руками, эту ужасную конструкцию из шарообразной головы и тонкой, как у змеи, шеей, ненадежно прикрепленной к почти твердой глыбе, что составляли хрупкая плоть и кости. Тело это было почти бесполезным не только в воде, но, похоже, и на суше.

При этой мысли тварь напрягла мышцы и стала внимательно рассматривать смутно вырисовывавшиеся очертания острова. Неподалеку во мраке выделялось какие-то затемненные деревья! Вдалеке были видны и другие темные пятна, но трудно было разобрать, что там: деревья, холмы... или дома!

Впрочем, одно из них точно являлось каким-то зданием. Из проема в его низком длинном корпусе лился бледный желто-оранжевый свет. Когда чудовище окинуло его мрачным взглядом, какая-то тень пересекла полоску света. Тень Человека!

Эти белые своей активностью заметно отличались от смуглых туземцев близлежащих островов. И хотя еще не наступил рассвет, но они уже успели подняться.

При мысли об их этой работе существо фыркнуло, потом судорожно сплюнуло в дикой ненависти. Губы его скривились в отвратительной ухмылке: его охватила неконтролируемая ярость на эти человеческие существа, которые смели охотиться и убивать акул.

Пусть люди держатся суши и живут на ней - там им и место! А вот море - буйное и великое море - не для их расы; а из всех обитателей моря именно его повелители - акулы - были священны и неприкосновенны. Все остальное не имеет значения, но *на них* нельзя систематически охотиться. Самозащита - основной закон природы!

Зарычав в лютой ярости, чудовище зашагало по полосе темно-серого берега, потом свернуло в глубь острова, направившись туда, где на фоне разгоравшегося неверного рассвета смутно мерцал желтый свет.

Полная луна опускалась к водам на западе, когда Корлисс взобрался на насыпь от того места, где он мылся, к кухне. Идущий впереди него голландец Проже перешагнул порог хижины, заслоняя тусклый огонек желтой лампы.

Корлисс слышал могучий рев, вырвавшийся из горла Проже:

- Что, завтрак еще не готов? Тебе бы только спать да спать, сопляк ты ленивый!

Корлисс мысленно выругался. В каком-то смысле ему даже нравился этот огромный голландец, но слишком уж быстро порой в раздражении он начинал проявлять свой вспыльчивый характер. Руководитель резко крикнул:

- Заткнись, Проже!

Тот обернулся на пороге и проворчал:

- Если я голоден, Корлисс, значит, я голоден; и черт бы побрал этого горожанина за то, что он заставляет меня ждать. Я...

Он замолчал, и Корлисс увидел, что он вздрогнул. От глаз его отражалось слабое желтое сияние, когда он

смотрел не мигая на бледный шар луны. Он спросил со странной настойчивостью:

- Корлисс, итак, мы все здесь, все шестнадцать, верно? На этом конце острова, я имею в виду.

- Именно так было минуту назад, - удивленно ответил руководитель. - Я увидел, что все выбрались из барака и пошли умываться. А в чем дело?

- Только понаблюдать за этой луной, - напряженно бросил Прже. - Возможно, это произойдет еще раз.

Увидев окаменевшее лицо напряженно всматривавшегося в луну голландца, Корлисс прикусил язык и проследил за его взглядом.

Медленно тянулось время. Жуткое ощущение нереальности происходящего охватило Корлисса. Перед ними темной массой простирался остров, и только белая лунная дорожка тянулась в глубь тихой темной земли.

А еще дальше, за островом, тянулись темные воды лагуны, а далее был еще более темный океан, и в нем широкой полосой отражался лунный свет.

В этой ночи под темно-синим южным небом он увидел невероятное зрелище. *Плеск* волн о прибрежный песок; слабый далекий и зловеющий рев волн, постоянно разбивающих выщербленное защитное кольцо небольших скал вокруг острова. Сверкающие белизной в темноте волны казались разбросанными обломками разбитого стекла, которые кружились, опадали вниз, ломались, с ревом ударялись о берег, продолжая вечную битву между морем и сушей.

И над всем этим светилось огромное ночное небо; луна, блестящая и светлая, лениво опускалась за океан на западе.

Откуда-то из другой реальности донесся голос голландца:

- Я мог бы поклясться... нет, я клянусь! Я видел фигуру человека на фоне луны!

Корлисс с трудом сбрасывая с себя чары этого раннего утра, резко произнес:

- Ты что, спятила! Человек здесь, в этой глуши посреди Тихого океана! У тебя галлюцинации.

- Возможно, - пробормотал Прже. - Действительно, тебе это должно казаться сумасшествием.

Он неохотно повернулся, и Корлисс последовал за ним завтракать.

Существо инстинктивно притормозило, когда оказалось у желто-оранжевой полоски возле дверей. Изнутри доносились мужские голоса - там велся разговор. Были слышны и еще какие-то звуки, а также существо почувствовало слабый запах незнакомой пищи.

Лишь мгновение чудовище колебалось, а потом шагнуло на полосу света. В напряжении оно прошло через открытые двери и остановилось, моргая рыбьими глазами при виде сцены, открывшейся перед ним шестнадцать мужчин сидели за огромным столом, их обслуживал семнадцатый - тощая, отвратительная карикатура на человека в засаленном белом переднике; он тут же посмотрел прямо в глаза существа.

- Черт побери! - воскликнул он. - Какой-то чужак! Откуда, дьявольщина, вы взялись?

Шестнадцать голов разом поднялись. И тридцать два глаза впились в тварь холодными твердыми взглядами, в котором удивление смешивалось с различными догадками и настороженностью, отчего существо почувствовало беспокойство, отдаленное ощущение тревоги, ледяное предчувствие, что этих людей убить окажется не так просто, как оно считало ранее.

Мгновение молчания превратилось в секунды; и у чудовища вдруг возникло жуткое ощущение, что за ним не мигая наблюдают не несколько, а целый миллион горящих глаз - миллион пытливых подозрительных глаз, которые, закружившись в хороводе, превратились в неясное пятно, продолжая, однако, впиваться в него сверкающими жесткими глазами. Чудовище пыталось побо-

роть это ощущение; и лишь сейчас из глубин сознания пришел ответ на вопрос, который ему задал маленький лондонец. В тот момент, когда существо осознало эту неприятную мысль, второй человек задал следующий вопрос:

- Откуда ты взялся здесь?

«Откуда!» Вопрос с трудом проторил себе дорожку в сознании твари. Да из моря, конечно! Откуда еще? Ведь на множество миль только дикие темные просторы океана, и волны его вздымаются и опадают в своем бесконечном ритме - сверкая, как отшлифованные драгоценные камни, вечно повторяющимися солнечными днями, мрачно разбухая ночами! Первозданный океан, шепчущий, волнующийся, нашептывающий о неописуемых вещах.

- Эй! - рявкнул Проже, опережая Корлисса. - У тебя что, языка нет? Кто ты такой? И откуда ты взялся?

- Я... - начало существо нерешительно. - Я...

Волна парализующего страха прокатилась по рыбьим нервам твари. Вдруг показалось невероятным, что она не подготовила заранее объяснений. *Что* же она должна ответить, чтобы удовлетворить этих злых проницательных людей?

- Ну, я... - снова начало беспомощно существо. Лихорадочно оно пыталось откопать в своей памяти какие-нибудь воспоминания о происшествиях, случавшихся с людьми. На ум пришла мысль о лодке, которая...

- М-моя лодка... перевернулась. - Вырвались торопливые слова. - Я греб, и...

- Греб! - фыркнул Проже. Корлисса показалось, что интеллект могучего датчанина до глубины души оскорблен подобным объяснением. - Да ты просто бессовестный лгун! Лодка в тысяче милях от ближайшего порта! Что у тебя на уме? Чего ты пытаешься добиться? Кого ты думаешь одурачить?

- Снизь обороты, Проже! - рявкнул Корлисс. - Неужели ты не видишь, в какой передрыге побывал этой парень?

Он с величественным видом командира поднял свое грузное тело со стула и обошел стол. Сорвав с вешалки полотенце, он бросил его существу.

- Держи, незнакомец, вытри свое тело!

Потом он почти обвиняюще повернулся к остальным.

- Неужели вы не видите, что он прошел через ад! Представьте себе: плыть сюда в этих кишасших акулами водах и случайно наткнуться на этот остров! Наверное, он сейчас на грани сумасшествия. Он почти не соображает и едва ли что помнит. Амнезия, так это называют. Держи, незнакомец, эту сухую тогу!

Корлисс сорвал с вешалки пару старых штанов и грубую серую рубашку, бросил существу и стал наблюдать, как то начало осторожно надевать одежду.

- Эй, - сказал кто-то, - он надевает штаны задом наперед.

- Видите же, - хмуро заметил Корлисс, когда чудовище с секундной заминкой исправило свою ошибку, - насколько ему досталось. Он даже не помнит, как нужно одеваться. Но по крайней мере понимает, что мы говорим. А теперь, незнакомец, садись сюда и съешь чего-нибудь горячего. Должно хорошо пойти после того, что ты пережил.

...Единственное свободное место находилось напротив Проже, и чудовище нерешительно уселось на этот стул, а потом - тоже нерешительно - пододвинуло тарелку с едой, которую повар поставил перед ним, и принялось работать вилкой и ножом, как это делали остальные.

- Мне не нравится этот тип! - пробурчал Проже. - Эти глаза! Возможно, он сейчас сродни недоразвитому ребенку, но я уверен, что его выбросили за борт с корабля за какие-нибудь проделки. От одного вида этих глаз меня продирает дрожь!

- Заткнись! - в приступе внезапной ярости рявкнул Корлисс. - Никого из нас нельзя винить за наш облик, и следует лишь благодарить Бога за то, что он дал его нам.

- Ба! - воскликнул Проже. Потом он продолжил шепчущим голосом, но его слова доходили до Корлисса несвязными фразами: - Если бы я был боссом... поверьте, эта команда... чертово преступление... когда я не доверяю человеку, то это уж точно... вероятно, помощник с какого-нибудь грузового парохода... и поэтому за его проделки его выбросили за...

- Это невозможно! - бесстрастно воскликнул Корлисс. - Здесь нет никакого торгового пути, по которому ходили бы грузовые пароходы. И первый пароход появится здесь лишь через пять месяцев, чтобы забрать нас. Объяснения этого парня, хотя и смутные, вполне ясны: он плыл на лодке; и тебе так же хорошо, как и мне, известно, что к югу от нас находится несколько больших островов, где живут туземцы и несколько белых. Возможно, он прибыл оттуда.

- Ага! - рявкнул Проже, и пухлое лицо неприятно покраснело. Корлисс узнал свойственную могучему датчанину упрямость, которая временами делала его неуправляемым. - Знаете, он мне не нравится! Ты слышишь это, слышишь?

Тварь подняла глаза, и волна еще не успевшего разгореться гнева накатила на его чужеродный мозг. Во враждебной настроенности этого человека она увидела опасность для выполнения своих целей, его подозрительный мозг будет следить за каждым ее шагом. Из внезапно охрипших голосовых связок вырвался резкий яростный крик:

- Да, я слышу!

Одним прыжком существо вскочило на ноги. Перегнувшись молниеносным движением через стол, оно схватило Проже за отвороты рубашки, растянутой на груди, - и рвануло!

Голландец яростно взвыл, когда стальные мышцы подняли его в воздух, ударили о стол и швырнули одним размашистым движением головой вперед за дверь.

Полдюжины тарелок с грохотом свалились на це-

ментным пол, но поскольку они были сделаны из прочной глины, они не разбились.

Кто-то в благоговейном ужасе произнес:

- Возможно, он и слабоумный, но теперь я могу понять, что он способен проплыть не одну милю.

В наступившей вслед за этим гробовой тишине существо, усевшись, снова принялось за еду, пытаясь побороть убийственное желание броситься к потерявшему сознанию человеку и разорвать его на куски. Лишь с огромным трудом ему удалось справиться с этим диким желанием. И оно поняло, что произвело хорошее впечатление на этих суровых людей.

Тишина давила на Корлисса. В желто-оранжевом свете ламп, свисавших с потолка, напряженные лица людей, сидевших вокруг грубо сколоченного стола, казались призрачными. Только частью своего разума он замечал свет, проникавший сквозь окно слева от него, тусклым пятном отражаясь на полу.

Снаружи донеслось царапанье Проже, яростно очищавшего себя от грязи. В этих гневных звуках чувствовалось неистовство, ярость дикой неукротимой натуры обезумевшего от унижения человека. Корлисс знал, что здоровяк-голландец был непредсказуем. Все могло произойти.

Когда из-за двери показалось нахмурившееся лицо Проже, Корлисс на мгновение замер. Когда тот вошел и выпрямился во весь свой огромный рост, Корлисс резко бросил ему:

- Проже, если не хочешь потерять мое уважение, не предпринимай ничего.

Голландец окинул его грозным взглядом.

- Ничего я не собираюсь делать. Просто на меня что-то нашло. Но мне все равно не нравятся его глаза. Вот и все.

Он обошел стол. «Странно, - подумал Корлисс, - несмотря на легкость, с которой этот незнакомец упра-

вился с ним, уважение, с которым к нему относились остальные, нисколько не убавилось». Было ясно, что Проже вернулся в дом вовсе не из-за страха: это чувство ему было неведомо.

С ворчанием Проже уселся на свой стул и принялся в бешеном темпе запихивать еду в рот. Корлисс, словно эхо, издал вздох вслед за остальными - прозвучавший, как тихий свист. Мысленно он уже представил себе барак, разнесенный в щепки.

Один из мужчин - смуглый француз Перратин - торопливо заговорил, и эта поспешность была скорее свидетельством его желания разрядить напряженную атмосферу, нежели его озабоченности, которую он пытался выразить в своих словах:

- Босс, мне кажется, двоим из нас следует пойти и проверить, не появилось ли снова то чудовище, которое мы видели вчера. Клянусь - и *Бог* тому свидетель - я попал ему между глаз!

- Чудовище! - воскликнул высокий худощавый чело-век, сидевший в конце стола. - Что еще за чудовище?

- Его заметили со второй лодки! - коротко объяснил Корлисс. - Перратин рассказал мне об этом прошлой ночью, но меня тогда клонило ко сну, и я помню что-то насчет огромного существа с плавниками, как у ската.

- *Sacre du Nom!* - закричал Перратин. - Да скат просто безвредное дитя по сравнению с этим чудовищем! Оно было серо-голубым, и его трудно было разглядеть в воде, но у него была акулья голова и хвост - длинные и ужасные... - Он внезапно замолчал. - Что с тобой, Умник? Ты так вылупил глаза, словно уже видел это существо раньше.

- Нет, не видел, но слышал! - ответил высокий худощавый англичанин, растягивая слова.

Что-то странное прозвучало в его словах, и Корлисс резко взглянул на него. Он глубоко уважал Умника Стапли - ведь тот получил университетское образование; прошлое его было окутано тайной, но нельзя сказать, что

это было необычным - у каждого из людей, собравшихся в этом бараке, было что-то в прошлом.

Стапли продолжал:

- Возможно, ты, Перратин, не знаешь, но только что ты описал мифического владыку акул. Вот уж не думал услышать, что такое чудовище существует на самом деле...

- О Господи, - кто-то прервал его, - мы что, должны выслушивать весь этот вздор про туземные суеверия? Продолжай, Перратин.

Тот посмотрел на худошавого Стапли с выражением нескрываемого уважения, которое он и еще несколько из собравшихся испытывали к англичанину, а потом, когда Стапли ничего не добавил к своим словам, по всей видимости, погрузившись в собственные думы, он продолжил:

- Первым его заметил Дентон. Расскажи им, Дентон.

Дентон, коротышка с подвижными черными глазками, в своей обычной резкой и отрывистой манере повел свой рассказ:

- Как отметил Перратин, мы сидели в лодке, а этот кусок мяса плясал в воде, как приманка. Вы знаете, что вчера нам пришлось взять темное мясо, знаете и то, как пугливы акулы, когда видят темное мясо. Ну, так оно и случилось. Они просто ходили кругами вокруг, почти обезумев от запаха мяса, но боялись приблизиться, поскольку оно было темное. Думаю, их было не меньше пятнадцати, когда я увидел эту тушу в воде - и существо это вынырнуло на поверхность.

И оно не было одиноко. Рядом с ним была стая рыб-молотов, самых опасных акул, которых мне когда-либо доводилось видеть. Огромные, мощные, длиннющие твари, с жуткими головами и торпедообразными телами... пару из них мы подстрелили - вы видели их. Как бы то ни было, но эта громадина с плавниками плыла посередине них, словно повелитель.

Ну, в этом на самом деле нет ничего удивительного. Нам уже доводилось видеть, как рыба-меч описывает

крути вокруг акул, и как все акулы собирались вместе, словно им известно о своем родстве; хотя, признаться, я раньше никогда не встречал вместе с акулами морского дьявола и не знал, что он может примкнуть к стае акул.

В любом случае, это чудовище было там, огромное, как сама жизнь. Оно остановилось и посмотрело на приманку, которую мы еще не вытянули из воды; а затем, как бы говоря: «Эй, приятели, чего же вы боитесь?» - бросилось к мясу, и это послужило сигналом. Вся стая рванула к приманке и принялась с удовольствием рвать мясо... ну, а мы того и ждали.

Корлисс заметил, что незнакомец вглядывается в Дентона напряженно и заворуженно. На секунду ему стало понятно отвращение Проже к этим глазам, но, пересилив себя, он сказал:

- Дентон хочет сказать, мы обнаружили, что, когда акулы атакуют, у них наблюдается полное отсутствие страха, независимо от того, сколько их гибнет во время этой атаки. Вся наша работа - добыча их поразительно прочной кожи - основывается на этом факте.

Незнакомец смотрел на них, словно давая знать, что он все понимает.

Дентон продолжал:

- Ну, так все и было. Когда вода успокоилась, мы начали вытаскивать их из...

Перратин нетерпеливо перебил его:

- Тогда-то я заметил, что гигант отплыл в сторону и просто наблюдает за нами - во всяком случае, именно так мне показалось. Говорю вам, он просто лежал там, не сводя с нас своих холодных глаз, со спокойным равнодушием наблюдая за нашими действиями. И я попал ему точно между глаз. Он метнулся, словно ужаленный мул, а затем погрузился в глубины, как свинцовая болванка.

Говорю вам, босс, я в него попал, и, наверное, сейчас он наверняка плавает на поверхности. Поэтому двоим из нас следует выйти и отбуксировать его сюда.

- Гм-м! - хмуро пробурчал Корлисс. Он задумался, и

его сильное, загорелое лицо помрачнело. - На самом деле мы не можем послать больше одного человека. Тебе придется самому отправиться на небольшой лодке.

Существо вздрогнуло, внутренне затрепетав в неудержимой ярости, при взгляде на Перратина. Именно этот человек вел огонь из оружия, которое нанесло тот ужасный удар. Каждый его нерв дернулся от секундного ужасного воспоминания о поразительной боли от этого удара по голове. Он в ярости едва не набросился на этого человека, и с большим трудом ему удалось подавить в себе это неистовое желание, после чего существо слабым голосом произнесло:

- Буду только рад отправиться вместе с ним и помочь. Я должен каким-то образом зарабатывать себе еду. Я могу помогать в любой физической работе.

- Спасибо! - воскликнул Корлисс. Он надеялся, что Проже после этого предложения станет стыдно за свои подозрения в отношении этого чужака. - И, кстати, поскольку мы не знаем твоего настоящего имени, мы будем звать тебя Джоунсом. А теперь отправляйтесь. Впереди тяжелый день!

Следуя за людьми в сыром и душном полумраке зарождающейся зари, существо с алчностью подумало: «Это оказалось даже легче, чем мне казалось!» - На мгновение внутри чудовища все сжалось от пожирающего его неистового желания. Напрягшиеся стальные мышцы вибрировали от предвкушения того, что оно сделает с человеком, когда они вдвоем останутся в маленькой лодке.

Дрожа от жажды крови, оно следовало за людьми - следовало по мягко стелющейся траве, пересекая погруженную в тень землю в направлении выступа суши, вдававшегося в серые воды лагуны. Там маячили очертания какого-то здания - длинного и низкого, вскоре превратившегося в деревянное строение с платформой, доходящей до воды.

От здания несло вонью. Когда первая волна этого невероятного пронзительного смрада ударило в ноздри чудовища, оно остановилось как вкопанное. Мертвая акула! Терпкая вонь разлагавшейся рыбы. Чудовище, чувствуя тошноту, двинулось вперед. Его мозг закружился в безумном водовороте назойливых мыслей, и по мере того, как вонь становилась все сильнее и сильнее, этот неуправляемый поток мыслей с каждой секундой становился все безумнее и неистовее.

Оно не сводило со спин мужчин горящих сверкающих глаз, пытаясь справиться с дьявольским желанием наброситься на ближайшего человека и вонзить острые, как лезвие, зубы в мягкую шею, а потом атаковать с убийственной яростью второго человека и разорвать его на куски до того, как остальные поймут, что происходит.

Затем... Чудовище почти беззвучно зарычало с дикой ненавистью. На мгновение от ярости и жажды крови с ужасным возбуждением при мысли об убиении этих людей и вырывании внутренностей из слабых человеческих тел оно едва не утратило над собой полный контроль.

Но тут в сознании существа возникло яркое воспоминание, которое покончило с этим безумным побуждением. Воспоминание о том, что сейчас оно имеет слабое человеческое тело. И напасть на этих крепких опытных людей будет самоубийством.

Чудовище вздрогнуло, когда увидело, что Перратин приотстал и теперь идет рядом с ним. Человек сказал:

- Мы с тобой пойдем туда, Джоунс. Это хорошее имя - Джоунс. Ничего не говорящее - также, как, к примеру, Перратин! Мы сядем вон в ту маленькую лодку. Впереди нам предстоит много и долго грести. Мы поплывем прямо на запад. И к тому же это лучший способ выбраться отсюда: несколько довольно опасных скал делят лагуну на ряд секторов, и нам придется тихонько плыть вдоль берега, чтобы миновать их, после чего через

пролом в ломающих волнах мы выберемся в открытое море. Ха, это ведь забавно, не так ли? Пролом в ломающихся волнах. До тебя доходит, Джоунс?

«Забавно! - мысленно повторило чудовище. - Забавно! Что забавно, почему? А может, - и задумалось, - ждут ли от него ответа». - Оно напряглось при мысли, что если оно не ответит, в этом человеке проснется подозрительность, и именно сейчас, когда он уже почти ступил ногой в ловушку. Существо постепенно расслабилось, когда смуглый коротышка вставил весла в лодку и крикнул:

- Забирайся внутрь.

Было все еще темно, но волны уже приобрели оттенок необычайно красивой голубизны, когда заря медленно разгоралась все выше и выше, а небо на востоке светлело, пока весь горизонт не вспыхнул ослепительным сиянием восходящего солнца.

Неожиданно первые лучи отразились от сверкающей поверхности воды, и Перратин произнес:

- Может, возьмешься за весла и начнешь грести? Два часа - это уж слишком для одного человека!

Когда они менялись местами в узком пространстве лодки, в сгорающем от нетерпения мозгу чудовища мелькнула мысль: «Сейчас!» - Но оно удержалось от искушения - слишком близко они находились от острова, сверкающего позади на фоне солнца, поднимавшегося прямо за ним, как изумруд в платиновой оправе. Ослепительные воды океана представляли собой незабываемое зрелище - с господствующим пылающим красным шаром, полностью выступавшим сейчас над вздымающимся над поверхностью воды горизонтом.

- *Господи*, - воскликнул Перратин, - да ведь их тут целая стая! Я уже насчитал две дюжины акул за две минуты. Нашим людям следовало бы поохотиться здесь сегодня.

Он не спускал пальца с крючка длинного ружья.

- Может, подстрелить парочку, а потом мы бы отбуксировали их на берег. У меня достаточно веревок.

Чудовище замерло на место, когда вдруг поняло, что Перратин держит в руках оружие. По нервам существа быстро пронеслись сигналы тревоги. Оружие полностью меняло всю ситуацию. Чудовище разозлилось на себя, что так послушно принялось за весла, оставив тем самым человеку свободные руки. Уверенность в том, что Перратин станет для него легкой жертвой, оно уже не чувствовало.

Прошло несколько часов. Солнце уже высоко поднялось над горизонтом, остров превратился в темную точку посреди необъятных просторов воды, когда Перратин произнес:

- Оно должно быть где-то здесь. Напряги свои гляделки, Джоунс. Только бы эти чертовы акулы не сожрали его раньше. Эй, ты же трясешь лодку!

Его пронзительный тревожный голос, казалось, доносился откуда-то издалека. А тело его было далеким и одиноким на носу лодки. Тем не менее чудовище видело все со сверхъестественной четкостью.

Смутное лицо маленького приземистого человека приобрело необычную бледность под загаром, глаза безумно расширились. Руки и пальцы застыли в напряжении, но не выпускали ружье.

- Какого черта ты это делаешь? Здесь ведь акулы! *Sacre du Nom*, скажи же что-нибудь и перестань пялиться на меня этими ужасными глазами. Я...

Он выпустил ружье и судорожно вцепился в борта лодки. С диким рычанием существо бросилось к нему, и одним быстрым движением стальных мышц выбросило его за борт. Вода закипела, когда длинные темные сигарообразные тела вынырнули из глубин на поверхность. Голубая вода окрасилась кровью, и чудовище взялось за весла.

Все его тело дрожало от ужасного возбуждения и удовольствия. Но теперь... нужно придумать объяснение случившемуся. Успокоившись, существо погрузилось в размышления и погребло в сторону острова, дремлющего в теплом сиянии утреннего солнца.

...Оно возвратилось на остров слишком рано! Солнце висело в зените над молчаливой пустынной сушей. Где-то поблизости находился повар, но его не было слышно. Лодки других рыбаков были скрыты от взгляда за голубым горизонтом, едва заметно дрожащего на фоне голубой небесной дымки.

Ожидание оказалось для него настоящим мучением. Бесконечно долго тянулась вторая половина дня, казалось, он никогда не кончится. В напряжении чудовище прохаживалось по берегу, потом улеглось, мучимое беспокоемством, на зеленой траве под прохладной сенью пальм, одурманенное безумным хаосом мыслей, различных планов, необузданных чувств и наполненное жаждой убийства. Существо постоянно мысленно повторяло подготовленные им объяснения.

Однажды оно услышало грохот тарелок из хижины повара. В голове гулко застучало, и первым его диким желанием было броситься туда и убить повара. Но существо подавило его. Нет, оно направится туда и оценит реакцию человека... Однако потом тварь решила ничего не предпринимать.

Наконец начали прибывать моряки; их лодки буксировали на длинных веревках мертвых акул. Создание смотрело на это пылающим безжалостным взглядом, и в ярости оно едва не поддалось безумию и не бросилось к этим лодкам, чтобы нести смерть.

Скоро из одной лодки выбрался Корлисс, и чудовище вдруг поймало себя на том, что говорит что-то хриплым голосом, и Корлисс в неверии восклицает:

- Набросилась на вас! Эта тварь с плавниками набросилась на лодку и прикончило Перратина!

Корлисс смутно осознавал, что остальные моряки поторопились выбраться из лодок и начали тихо задавать вопросы. Солнце, уже у самого горизонта, бросало копыя косых лучей прямо в его глаза, и он продолжал шуриться, стоя на деревянной временной платформе дока. Инстинктивно он развел ноги пошире, словно готовясь встре-

тительный удар, затем уставился на худое смуглое лицо чужака со странными глазами, мощной челюстью и орлиным носом; и по спине вдруг пробежали мурашки, в конце обдав ледяным холодом его мозг.

Это не была смерть. Он видел смерть раньше, и смерть ужасную; и слышал о том, что подобные шокирующие вещи случались с людьми, которых он знал. И он всегда чувствовал, что когда-нибудь по закону вероятностей такое произойдет и с ним. И уже неоднократно он ощущал это удивительно потрясающее прикосновение смерти, когда казалось, что этот день уже наступил.

Нет, это не была смерть. Это было ощущение нереальности, неверия, медленно нарастающего недоверия к этому... этому Джоунсу, и вот наконец внутри себя он ощутил тупую боль. Его голос, когда он заставил себя снова заговорить, ему самому показался резким и хриплым:

- Почему же Перратин не пристрелил это проклятое чудовище? Пары пуль хватило бы...

- Но он стрелял! - поторопилось сообщить создание, ухватившись за эту новую мысль. До этого момента оно не вспоминало о ружье, но если Корлисс хотел, чтобы Перратин стрелял из ружья, то так тому и быть. Существо быстро продолжило: - Но у нас не было и шанса. Чудовище тут же с такой силой налетело на лодку, что Перратин выпал за борт. Я попытался затащить его в лодку, но не успел. Тварь утащила Перратина под воду, и я, испугавшись, что она снова может напасть, взялся за весла и погреб к острову. Повар подтвердит вам, что я прибыл где-то в полдень.

Из-за спины Корлисса Проже зашелся в диком смехе - хриплом невеселом хохоте, который эхом раздавался по воздуху.

- Из всех натянутых историй, которые я когда-либо слышал, эта - самая паршивая. Послушай, Корлисс, а ведь чертовски забавно, что отправившись впервые с одним из

наших людей, этот чужак возвращается с вестью об убийстве. Да, я сказал «убийство»!

Корлисс пристально посмотрел на могучего голландца, и на мгновение ему показалось, что его лицо очень похоже на облик Проже: такое же смуглое, угрюмое и подозрительное. И потом... странно, что Проже, облекая в слова те же мысли, что будоражили его ум, заставил его внезапно осознать, насколько же безумной и нелепой является сама мысль о подобном. Убийство! Вверх нелепости!

- Проже, - резко бросил Корлисс, - ты должен научиться контролировать свой язык! Ты говоришь полную чушь!

Чудовище посмотрело на голландца, замерев на месте. Странно, но сейчас оно только и могло, что чувствовать эгоистическую радость, что контролирует ситуацию; и настолько сильной была эта эмоция, что тварь не способная в этот момент даже разъяриться.

- Я не хочу с тобой ругаться, - начало существо, - сам понимаю, что происшедшее выглядит не лучшим образом, но просто вспомни, что мы отправились за существом, которое сам Перратин описал, как новый и опасный тип акул. И с какой стати мне убивать совершенно незнакомого мне человека? Я...

Оно замолчало, потому что Проже отвернулся и устался на лодку, на которой плыли он и Перратин. Эта лодка швартовалась в конце дока, и Проже несколько секунд простоял над лодкой, глядя вниз на нее. Потом внезапно он спрыгнул в нее, и у чудовища перехватило дыхание, когда голландец исчез из виду за краем дока. Первым его побуждением было побежать вперед и посмотреть, что же тот делает, но оно не посмело.

Корлисс сказал:

- Все верно, Проже. Вы все разбрасываетесь обвинениями направо и налево. Какие могут быть мотивы...

Существо не слышало больше его. В его голове закружился хоровод хаотичных мыслей, когда оно в ужасе

установилось на Проже. Голландец выпрямился, в руках он держал сверкающую на солнце винтовку Перратина. Потом он что-то вынул из оружия - какую-то блестящую металлическую вещицу, которая сверкала в его руках.

- Сколько раз, ты говоришь, Перратин стрелял? - тихо спросил он.

Сознание чудовища охватило какое-то неясное ощущение ужаса. Оно поняло, что этот вопрос задан не просто так: на суровом мускулистом лице голландца появилось строгое выжидательное выражение. Ловушка! Но какая же? Существо проговорило, запинаясь:

- Ну... два... три раза. - Прилагая ужасные усилия, оно попыталось взять себя в руки. - То есть два раза. Да, два! Потом та тварь с плавниками ударила по лодке, и Перратин выронил ружье, и...

И тут чудовище замолчало! Замолчало, потому что на лице Проже появилась улыбка - грозная, отвратительная, торжествующая, язвительная. Он произнес звонким спокойным тоном:

- Тогда как получается, что в магазине ружья все пули? Объясните мне это, мистер Умный Чужестранец Джонс... - И тут он взорвался в приступе гнева: - Ты, проклятый убийца!

Станным образом спокойствие, в котором они пребывали в этом забытом всеми мире, внезапно оказалось поколеблено. Корлиссу показалось, что все перевернулось вверх дном, под ложечкой неприятно засосало, возникло совершенно необычное неудобное ощущение страха и тревоги, словно они внезапно оказались вовсе не на острове, а на голой деревянной не защищенной ничем платформе посреди огромного враждебного океана. И это неприятное ощущение еще больше усилилось видом длинных низких зданий, чьи очертания смутно вырисовывались на фоне зелени, растущей на острове. Только дрожащие тени, падавшие на темно-синие воды, виделись сейчас ему; и неописуемые меланхоличные звуки

волн, бесконечно плескавшихся о деревянные сваи, подерживавших платформу, эхом отдавались в его мозгу.

Слова Проже не имели смысла. Огромное тело голландца возвышалось над ним, и на лице человека сияла тигриная безрадостная улыбка, выражающая непоколебимую уверенность. И на долю секунды Корлисс мысленно представил весь ужас, который испытал смуглолицый коротышка француз, бедняга Перратин, когда его разрывало на куски закованное в броню чудовище из морских глубин. Но остальное не имело смысла. Он резко крикнул:

- Ты сошел с ума, Проже. С какой стати, во имя всех Богов этого океана, Джоунсу убивать кого-нибудь из нас?

Растерявшееся существо лихорадочно ухватило за эту спасительную мысль. Оно в замешательстве спросило:

- Магазин? Не понимаю, что ты имеешь в виду!

Голландец стремительно придвинул свое бычье лицо к худому обеспокоенному лицу чудовища, остановившись всего в футах от него.

- Да-а-а! - рявкнул он. - Вот на этом-то ты и поймался - раз не знаешь, что такое автоматическая винтовка. Да, все дело в том, что в ней имеется магазин, а в магазине - пули, двадцать пять штук, вот он, магазин, и он полон, ни одна пуля не израсходована!

Существо показалось, что стальные челюсти капкана, в которое оно попало, захлопнулись на нем. Но теперь, уже сознавая опасность, он скинул прочь неуверенность и смущение, оставив осторожность и сожаление. Существо сплюнуло и произнесло гнусавым голосом:

- Не знаю, как это получилось, но все произошло так, как я говорил. Он дважды выстрелил, и если ты не можешь понять этого, то тут я ничем помочь тебе не могу. Повторяю, с какой стати мне убивать кого-нибудь здесь? Я...

- Мне кажется, я могу дать объяснение случившемуся. - Высокий худощавый Умник Стапли протиснулся

вперед среди людей, стоявших в хмуром молчании. - Предположим, Перратин действительно стрелял дважды и что две эти пули остались в старом магазине. Он, наверное, успел вставить новый магазин, но было слишком поздно. Джоунс мог быть настолько взволнован, что даже не заметил этого действия Перратина.

- Джоунс не из тех, кто волнуется, - пробурчал Проже, однако по его ворчанию чувствовалось, что неохотно, но ему придется согласиться с этим объяснением.

- Но тут имеется еще одна вещь, которую не так легко объяснить. - Стапли продолжал напрягшимся голосом. - Учитывая то обстоятельство, что акулы способны перемещаться со скоростью до семидесяти миль в час, как могло такое случиться, что они обнаружили эту тварь почти в том же самом месте, что и вчера. Другими словами, Джоунс лжет, когда утверждает, что они видели это существо, если только...

Он замолчал, и Корлисс спросил:

- Если только...

Умник не решался продолжить несколько секунд, но потом, наконец, неохотно произнес:

- Я снова вернусь к теме, о которой я уже говорил - о владыке акул.

Он торопливо продолжал, прежде чем кто-нибудь успел его перебить:

- Только не говорите, что это натянуто. Я сам это вижу. Но мы все уже не один год провели в этих южных морях, и мы все видели вещи, которые не поддаются объяснению. За это время в наших сознаниях произошел любопытный психологический поворот в сторону иррациональности. Я знаю это: любой ученый или психолог назвал бы меня суеверным простаком, но я дошел уже до тех пределов, чтобы не согласиться с подобным заключением: я считаю, что я уже приспособился к таинственному миру, который нас окружает. Я могу видеть разные вещи, ощущать их, *принимать* то, что показалось бы бессмысленным западному человеку.

Уже много лет я исследовал места, где нет людей, прислушивался к волнам, тихо накатывающим на сотни далеких берегов. Я наблюдал за Луной здесь, в Южном полушарии, и весь преисполнился ощущения безвременности этого мира воды - невероятного первозданного безвременья.

Мы, белые люди, пришли в этот мир со свойственным нам шумом, и мы принесли сюда корабли, приводимые в движение мощными двигателями, построили города на берегах. Иллюзорные города! В самом сердце безвременности они наводят на мысль о бренности, и вы знаете, что им не просуществовать здесь долго. Придет день, когда в этой части планеты не останется белых людей - останутся только эти острова и народы, их населяющие, океан и его обитатели.

Вот к чему я веду: я сидел среди костров туземцев и слушал старые-престарые истории о владыках акул, о формах его тела в воде. Все сходится. Поверь мне, Корлисс, все сходится с рассказом Перратина. Сначала мне показалось любопытным, что на самом деле это может оказаться и какая-нибудь акула. Но потом я принялся размышлять над этим, и чем больше я размышлял, тем больше проникался тревогой.

Потому что, видишь ли, владыка акул способен принимать форму человека. И, по правде говоря, нет иного объяснения тому, что на этом острове появился человек, в тысяче миль от ближайшего порта. Джоунс - это...

Его прервал громкий язвительный голос. К удивлению Корлисса, это был голос Проже, полный сарказма:

- Хватит нести эту бредовую суеверную чушь! Умник, пошел бы ты остудить в воде свою голову. Мне по-прежнему не нравится поведение этого парня, его глаза. Мне не нравится все в нем. Но в тот день, когда я поверю в подобные бредни...

- Перестаньте болтать, - перебил его коротышка англичанин Дентон. Корлисс увидел, что тот стоит у края

здания, откуда была видна часть острова. - Если вы подойдете сюда и увидите то, что вижу я, вы оба перестанете городить всякую чушь. Там плывет какой-то туземец в каноэ, и он уже за ломающимися волнами и направляется вдоль берега в нашу стороны. И это является доказательством, что Джоунс мог приплыть сюда на лодке.

Туземцем оказался красивый молодой человек с загорелой кожей, статный и мускулистый. Вытащив свое каноэ на каменистый в этой части острова берег, он приближался с широкой дружественной улыбкой и естественной доброжелательностью островитянина к белым людям. Корлисс улыбнулся в ответ, но слова его были обращены к Проже и «Джоунсу»:

- Дентон прав... и Джоунс, поверь, мне очень жаль, что мы причинили тебе столько хлопот.

Тварь выслушала извинения и слегка кивнула головой. Но она не дала послабления своему телу или разуму. Существо не сводило немигающего холодного взгляда с приближающегося туземца, напрягая каждый мускул. Его тревожила мысль о том, что жители островов обладают особенной способностью опознавать их.

Полностью сосредоточившись, оно сделало полуоборот, когда туземец остановился в нескольких футах от Корлисса. Частично прикрытый группкой людей, оно опустилось на колени и притворилось, что завязывает шнурок на ботинке. Оно услышало, как Корлисс произнес на одном из островных диалектов:

- Что привело тебя сюда, дружище?

Юноша ответил низким, мелодичным голосом, характерным для своего народа:

- Приближается шторм, белый брат, а я заплыл далеко в море. Шторм идет со стороны моего острова, поэтому я отправился сюда искать убежище. Я...

Он вдруг замолчал, и Корлисс увидел, что туземец пялится широко раскрытыми глазами на Джоунса.

- Эй, - сказал руководитель, - ты знаешь его?

Чудовище поднялось на ноги, словно загнанный тигр. В ледяном взгляде, с которым оно уставилось в глаза смуглого человека, на секунду мелькнула безжалостная неконтролируемая лютость. Невероятная яростная ненависть нахлынула на мозг хладнокровного рыбьего существа, устремляясь от него к туземцу. Тот открыл рот и попытался что-то произнести, но лишь облизнул пересохшие губы, после чего молча повернулся и кинулся бежать обратно к своей лодке.

- Какого дьявола! - воскликнул Корлисс. - Эй, вернись!

Туземец даже не обернулся. Не сбавляя ходу, он достиг лодки. Одним движением столкнул ее в воду и запрыгнул в нее. И в сгуставшихся сумерках наступающей ночи он начал яростно грести, позабыв об опасности, по извилистой дорожке глубоких вод, выходящей среди скал, которые превращали лагуну в ловушку для неосторожных.

Корлисс резко крикнул:

- Проще, уводи людей к складу! - Его голос сорвался на визг: - Эй, глупец! Нельзя выплывать в такой шторм. Мы дадим тебе надежное убежище!

Наверное, туземец это все слышал. Но в темноте было невозможно рассмотреть, обернулся ли он. Корлисс повернулся лицом к чудовищу и подозрительно поглядел на него.

- Вполне очевидно, - холодным тоном начал он, - что этот человек узнал тебя. Что означает, что ты либо с его острова, либо с какого-либо соседнего. Ты перепугал его, да так, что он тут же решил, что угодил в руки твоей банды. Проще был прав. Ты крутой орешек. А теперь я предупреждаю тебя: с такими крутыми парнями, как мы, ты еще никогда не имел дело! И больше ты никогда не останешься один на один с кем-нибудь из нас, хотя должен признаться, что я до сих пор не могу поверить в то, что ты убил Перратина. Это нонсенс. Как только закончится шторм, мы доставим тебя на острова и раз узнаем, кто ты такой.

Он резко повернулся и ушел. Но чудовище почти не обратило на это внимания. Оно яростно думало: «Этот островитянин наверняка вернется сюда. Он не забудет слова Корлисса о том, что он предоставит ему надежное убежище, и он знает, что белые люди могущественны. Охваченный ужасом, он выдаст меня. Можно сделать только одно!»

Сейчас еще более стемнело, и туземец был едва виден в сумерках, что окутали остров и воду. Чудовище быстро направилось к месту, где поток воды каскадом падал в лагуну. Здесь лагуна становилась глубже, а дно не так круто уходило вниз от скалистого берега. Чудовище было настолько поглощено видом акулы, метавшейся в бурлящей воде, что шум этого крошечного водопада заглушил шаги приближающегося Корлисса. Внезапно, судорожно вздохнув, оно повернулось и увидело Корлисса, стоявшего в нескольких футах от него, уставившегося на черные воды.

Корлисс не мог дать объяснение побуждению, заставившему его повернуться и пойти вслед за существом. Сначала ему захотелось понаблюдать за аборигеном, а потом его внимание привлекло движение в воде в том месте, к которому направлялся Джоунс, и необычная поза Джоунса, склонившегося над водой.

Волна ужаса охватила его в следующую секунду, когда он увидел в гаснущем свете длинную темную грозную фигуру похожего на торпеду тела. Оно нырнуло и исчезло в глубине. Корлисс резко поднял голову и взглянул на существо, внезапно осознавая, что оказался в смертельной опасности.

Несколько секунд существо стояло совершенно неподвижно, не сводя пылающего взгляда с человека. Они были одним там, у края моря, и все его тело было напряжено, наэлектризовано убийственной решимостью утащить этого сильного утрюмого человека в воду. Оно присело, готовясь к прыжку, когда уловило блеск металла в руке Корлисса, и при виде этого смерто-

носного оружия его дьявольское желание моментально улетучилось.

Корлисс сказал:

- Клянусь Небесами, это была акула, и ты разговаривал с ней! Я, наверное, схожу с ума...

- Вот-вот! - выдохнуло чудовище. - Я увидел акулу и отогнал ее прочь. Если буря утихнет к утру, то я хотел бы поплавать здесь, и мне не нужно, чтобы поблизости тут плавали какие-нибудь акулы. Выбросьте эту мысль из головы. Я...

Его прервал чей-то пронзительный крик о помощи: дикий вопль прорезал воздух - крик, полный смертельного ужаса. Он шел от того места, где на фоне темной воды и темного безлунного неба неясно вырисовывались очертания фигуры туземца. Корлисс почувствовал, как кровь стынет в его жилах.

Сгушающаяся темнота окутала его, как одеяло, тяжелое, но не сохраняющее тепло. А в нескольких шагах от него находился Джоунс - худощавый, ладно сложенный человек с холодными нечеловеческими глазами, блестящими в сумрачном свете наступавшей ночи. Ощущение, что этот казавшийся безжалостным чужак набросится на него, стало таким сильным, что Корлисс сжал свой револьвер крепкими пальцами и рискнул бросить лишь один короткий взгляд на юго-запад, где в темной воде смутно вырисовывалась фигура аборигена.

Инстинктивно он попятился от края воды и от чужака, а потом снова бросил взгляд в сторону эбонитового океана. Туземец, похоже, с отчаянной безнадежностью сражался с кем-то, атакующим из воды, нанося удары веслом. Трижды, пока Корлисс смотрел, юноша хватался за борт каноэ и просто повисал на нем, пытаясь удержать хрупкое суденышко от переворота. Корлисс стремительно перевел взгляд на чудовище и угрожающе махнул оружием.

- А ну, пошел - впереди меня! - Он повысил голос, отдавая команду людям, стоявшим на берегу: - Эй, Проже, быстрее! Бери лодку и заводи мотор! Мы должны спасти этого аборигена; а двое пусть идут сюда, ко мне на помощь.

Через несколько секунд подошло двое. Корлисс узнал Дентона и человека, которого звали Тарейтон, - тупоногого и тупоголового американца. Корлисс резко произнес:

- Доставьте этого типа в барак и охраняйте его, пока я не вернусь. Дентон, держи мой пистолет!

Он бросил оружие крепкому коротышке англичанину и побежал, но успел рысслышать, как Дентон резким голосом приказал:

- А ну, пошевеливайся!

Когда Корлисс запрыгнул на борт лодки, двигатель уже работал, и направляемая умелыми руками Проже лодка в ту же секунду отчалила от причала. Запыхавшийся Корлисс присел возле Проже, стоявшего у штурвала. Мощный голландец повернул к нему свое смуглое суровое лицо.

- Мы просто идиоты, что рискуем налететь в такой темноте на скалы!

Корлисс веско возразил ему:

- Мы должны спасти жизнь этому аборигену, защитить его от твари, что атакует его... и узнать, почему он так панически боится Джоунса. Поверь мне, Проже, это самое важное для нас в данный момент.

Еще не совсем стемнело. Черные воды впереди лодки освещал мощный прожектор. Корлисс напряженно смотрел, как лодка начала на убийственно медленной скорости лавировать вдоль линии скал, окружавшей котловину глубокой воды с единственным выходом в большую, более глубокую часть лагуны, где уже нельзя было разглядеть аборигена - стало слишком темно из-за черных грозных туч, выплывших из-за горизонта и вздымавшихся, словно чудовищные волны в ночном небе.

Неожиданно раздался леденящий душу скрежет! Лодка закачалась, и Корлисс швырнуло на несколько футов. Ошеломленный, он вытянул руку и, вцепившись в корпус, подтянулся. Лодка по-прежнему оставалась круто наклоненной, двигатель хрипел на полных оборотах, а потом - непонятно каким образом - они вновь поплыли дальше.

Корлисс с трудом выдохнул:

- Мы напоролись на скалу!

Он ожидал, что сейчас в лодку хлынет вода и их утянет в черные глубины. И тут он услышал громкий голос Проже, полный удивления и тревоги:

- Это вовсе не скала. Мы уже более минуты, как покинули мелководье. На несколько секунд мне даже показалось, что мы налетели на каноэ туземца, но в таком случае я бы сначала заметил его!

Корлисс расслабился и тут последовал новый удар, и его с силой швырнуло на борт. Он отчаянно, на ощупь пытался за что-нибудь ухватиться, а затем смутно увидел, что лодка накрывается под опасным углом. С криком он, ухватившись за что-то, бросил свое тело в противоположную сторону, отчаянно пытаясь выровнять лодку. Но одному ему было не справиться. Поняв это, он поблагодарил своих богов за то, что, повинуясь собственному внутреннему опыту, выбрал в свою команду охотников на акул несгибаемых быстросоображающих людей - людей, которые, подобно ему, не раз смотрели в лицо смертельной опасности и ими не нужно было руководить и указывать, что делать в случае непредвиденной опасности. Они тоже все как один бросились к тому же борту, что и он, отчаянно пытаясь уравновесить лодку.

И лодка выпрямилась и поплыла вперед.

- Убавить скорость! - хрипло крикнул Корлисс. - И направьте луч прожектора на воду. Мы должны увидеть, где мы.

Кто-то произвел необходимые манипуляции с прожектором, и луч осветил лагуну. Сверкнув, он отразился

от поверхности воды таким ослепительным блеском, что на мгновение Корлисс ослеп. А потом...

Потом он содрогнулся. Никогда до конца жизни ему не забыть этот ужас, леденящий душу ужас, который охватил его при виде кошмарных силуэтов, которые разворачивались и извивались, кружились и сверкали в прозрачном свете прожектора.

Казалось, вода буквально кишела акулами. Массивные кружащиеся и извивающиеся тела, блестящие трехугольные плавники. Сотни длинных, зловещих, похожих на торпеды фигур. *Тысячи!*

Глядя расширенными глазами, он понял, что где-то там находится разорванное на куски тело аборигена. Натолкнувшись на гигантскую рыбу, лодка закачалась, словно человек, у которого закружилась голова. Корлисс увидел, как голландец молниеносно повернул штурвал, и лодка, тоже сделав поворот, выпрямилась.

- Назад! - загремел голос Корлисса. - Назад, если вам дорога жизнь! Курс на берег! Вытащить лодку из воды на песок! Они хотят нас перевернуть!

Вода кружилась и бурлила; двигатель урчал на полных оборотах; лодка содрогалась и визжала каждой своей тонкой и крепкой доской, а над головой в далеком небе враждебно вздымались черные тучи. Первый порыв ветра налетел на них, словно удар молота. Их окатило водой, когда они лихорадочно вытаскивали лодку на песок. Корлисс крикнул:

- Быстрее! Быстрее собрать снаряжение и бегом в барак. Мы оставили Дентона и Тарейтона наедине с этим дьявольским чудовищем! У них нет и шанса, поскольку они не знают, что им противостоит.

Густая завеса дождя ударила его по лицу и телу, едва не свалив его с ног на землю. Он повернулся спиной к дождю и ветру, которые безжалостно хлестали спины бежавших охотников за акулами, растянувшихся длинной цепочкой, отчаянно пытавшихся спастись от разбушевавшейся стихии.

...Завывание ветра снаружи доносилось до чудовища. Его, с одеревеневшими мышцами и напряженными до предела нервами, закрыли в бараке. Для его обостренных чувств, занятых одной мыслью о побеге, это смутно различимое пространство, заполненное деревянными койками, казалось каким-то нереальным фантастическим миром. Жуткие желтые тени метались по стенам, когда свет от ламп, свисавших с потолка, то усиливался, то ослабевал в безумствующем потоке воздуха, проникавшем сквозь щели в стенах грубо сколоченного барака.

И тут начался дождь, оглушительный грохот которого, казалось, вот-вот пробьет дыру в крыше над ними. Но она по крайней мере была сделана на совесть и не протекала. Ищущий выхода, обезумевший разум существа поразила мысль о том, что люди, вышедшие в море в эту ужасную бурю, как раз сейчас, возможно, приближаются к этой хижине - если только сумели спастись. Но оно не питало призрачной надежды, что им не удалось уйти от опасности бороздивших воды чудовищ.

Тварь и эту мысль отбросила в сторону; и снова всю необыкновенную мощь своего разума она направила на двух мужчин, преграждавших ей путь к свободе, двух мужчин, которые умрут через две минуты, пока не возвратились Корлисс и остальные.

Две минуты! Чудовище направило свой леденящий взгляд на этих людей, которые уже, наверное, в сотый раз за последние полчаса принялись обсуждать создавшееся положение.

Дентон сидел на краю своей кровати; невысокого роста толстяк выказывал нервозность: без конца раскачивал ногами, вертел телом, то и дело проводил пальцами по сверкающей поверхности револьвера, который он держал в руках. Он увидел оценивающий взгляд чудовища и замер; слова, которые слетели с его губ, только укрепили того во мнении: коротышка англичанин весьма решительно настроен.

- Да! - резко произнес Дентон. - Выражение твоих глаз

говорит мне, что ты что-то задумал. Не советую начинать это! Я в этих морях уже двадцать лет, и поверь мне, я управлялся и не с такими крутыми парнями. И не нужно меня предупреждать о твоей силе - я видел, как ты разделался сегодня утром с Проже, так что я знаю, на что ты способен, помни, что этот маленький кусочек железа уравнивает наши шансы.

Он махнул револьвером со спокойной уверенностью, и чудовище напряженно подумало: «Если бы я успел принять свой истинный облик, то я бы убил его несмотря на этот пистолет, но я не смогу сделать обратное превращение и выбраться из этой хижины. Я оказался в ловушке!»

И тут оно поняло, что американец что-то начал говорить.

- То, что сказал Дентон, вдвойне относится и ко мне! Нет такой вещи, которую я когда-либо не сделал. На мой взгляд, Перратин был замечательным парнем, и мне не нравится то, как он погиб. У меня просто руки чешутся от желания, чтобы ты кинулся на нас, и мы вдвоем с Дентоном нашпиговали бы тебя свинцом. Знаешь что, Дентон, - он полуобернулся в направлении своего напарника; его карие глаза сверкали, ноздри приплюснутого носа раздувались, - а почему бы нам просто не взять его на мушку, прикончить, а потом сказать Корлису, что он пытался сбежать?

- Нет! - Дентон покачал головой. - Корлисс появится здесь с минуты на минуты со всеми. Кроме того, я не хочу быть простым убийцей.

- Ба! - свирепо пробурчал Тарейтон. - Разве считается преступлением убийство убийцы?

Чудовище с тревогой наблюдало за Дентоном. У него был револьвер, и ничто иное не имело значения. Оно произнесло, прилагая невероятные усилия, чтобы его слова прозвучали небрежно:

- Вы, люди, либо глупцы, либо трусы. Мы оказались здесь одни, на этом острове. И ни у одного из нас нет

способа выбраться отсюда. Если я сбегу из этой хижины, то куда мне деться, а? Так что я проведу ужасную ночь под открытым небом. Или вам хочется сидеть и охранять меня всю ночь?

- Черт побери! - резко крикнул Тарейтон. - А это мысль. Вышвырнем его наружу, запрем дверь изнутри, а потом немного поспим.

В сознании чудовища ярко вспыхнула надежда, которая тут же погасла, когда Дентон покачал отрицательно головой.

- Нет, я не сделаю это даже с бешеным псом. Но твои слова натолкнули меня на одну мысль. - Его голос стал насмешливым: - Тарейтон, покажи этому джентльмену, что мы собираемся сделать с ним. Возьми веревку с того гвоздя за тобой и свяжи его. А я буду следить за всем этим с хлопушкой в руках, так что без глупостей! Помни об этом, иначе пожалеешь!

Чудовище хриплым голосом произнесло:

- Я что, похож на идиота, чтобы набрасываться на Тарейтона и сразу же получить пулю в спину...

Однако, испытывая ужасное нетерпение, оно подумало: «Американец на долю секунды заслонит пистолет. А даже если и нет, то это не имеет значения. Он окажется рядом, впервые за все время окажется вблизи, а большего и не требуется. Никто из них не имеет и малейшего намека на силу, с которой они столкнулись, и...

Пора!»

С тигриной скоростью оно прыгнуло на Тарейтона. На какой-то миг оно увидело его вытаращенные глаза, рот, разинутый для крика. Оторвав американца от пола, оно бросило его одним быстрым движением прямо на Дентона.

Хриплый удивленный рев Дентона слился с испуганным баритоном Тарейтона в единый крик боли, когда они столкнулись и, оглушенные, врезались в ближайшую стену.

Чудовище хотело накинуться на них и разорвать их

плоть на куски, но не было времени даже проверить, остались ли они живы. Давно уже миновали те две минуты, что оставались у него в запасе. Было уже слишком поздно... слишком поздно на что-либо, кроме немедленного бегства.

Чудовище рывком распахнуло дверь и со страшной силой врезалось головой в Корлисса. Потеряв равновесие, оно полетело назад. И в это мгновение оно увидело крупную фигуру Проже, стоявшего за спиной предводителя. А следом шли остальные охотники за акулами.

В эту ночь обезумевшая стихия казалась вечностью. Желто-оранжевый свет, шедший изнутри барака, бросал безумные призрачные блики на лица удивленных людей, сгибающихся под кошмарными ударами бури; изогнутый след молнии высветил худое смуглое хищное лицо чудовища, пытавшегося подняться.

Существо в равной степени оказалось удивленным такой неожиданной встречей, но в сотни раз более крепкие стальные мышцы раньше оправились от удивления. Чудовище нанесло яростный удар по Корлиссу, отразить который тот был не в состоянии - человека бросило на Проже... после чего чудовище устремилось в темноту ночи, где неистово бушевали ветер и дождь.

Сначала оно, склонив голову, напрягло все мышцы тела, противостоя необузданному буйству стихий, но затем, осознав, что медленное продвижение вперед делает из него удобную мишень, оно перестало пятиться, повернувшись спиной к ветру и дождю и побежало на восток - туда, где блестели черные воды, подхлестываемые яростными порывами обезумевшего ветра.

Оно принялось на бегу срывать с себя одежду - рубашку, штаны, ботинки, носки, и на мгновение люди увидели его во время вспышки молнии - высокую обнаженную фигуру на фоне неба, на мгновение ослепительно сверкнувшего.

Они увидели его еще раз, когда чудовище взобралось на край скалы. А потом оно пропало - белой молнией нырнув в глубины черных вод. К Корлиссу наконец вернулся дар речи:

- Мы схватим его! - прокричал он, перекрывая рев бури. - Мы схватим его, куда бы это дьявольское отродье не попыталось скрыться от нас!

Прежде чем он успел что-нибудь добавить, волна людей внесла его в открытые двери внутрь барака. Дверь закрылась, и тяжело дышавший Проже резко произнес:

- Что, черт побери, ты хотел этим сказать: «Мы достанем его»? Этот идиот покончил с собой. Могут биться о заклад, что после прыжка в бездну он точно не выживет.

Корлисс с трудом пришел в себя, но когда стал отвечать, его буквально прорвало.

- Поверьте мне, - сказал он в конце, - это-то и есть доказательство правоты Умника! Эта дьявольская тварь - на самом деле и есть владыка акул в человеческом облике... и я говорю вам, мы схватим его, если мы поторопимся!

Он строчил слова как из пулемета:

- Неужели вы не видите? В том месте лагуны, где он прыгнул, нет иного выхода в море, кроме канала, которым пользуемся мы сами, пробираясь на лодках. В одном месте канал подходит близко к берегу, и именно там мы его остановим, не дадим спокойно выйти в открытое море. Умник!

- Да, сэр! - Высокий худощавый с лицом интеллектуала англичанин тут же вышел вперед.

- Возьми шесть человек, захватите динамит со склада, прожектор и займите пост на берегу возле этого канала. Через одинаковые промежутки времени взрывайте динамит *под* водой - ни рыба, ни любое другое живое существо не выдержат подводного взрыва. Прожектором освещайте воду. Там очень узко. Вы не можете и не должны упустить его! Поторопитесь!

Когда люди ушли, Проже сказал:

- Босс, ты забыл об одной вещи. *Имеется* еще один выход в том месте, где эта проклятая тварь прыгнула в лагуну. Помнишь об узком перешейке между двумя вертикальными скальными стенами. Акула может запросто проскользнуть там.

Корлисс хмуро покачал головой.

- Я не забыл, но ты прав: акула может выбраться в том месте. Но у той твари в его естественной форме огромные и мощные плавники. И эти плавники - слишком большие для того, чтобы тварь протиснулась сквозь узкий проход - ее плавники будут оторваны и разрезаны на мелкие ленточки. Неужели ты не понимаешь, что это означает? Чудовище должно принять свой человеческий облик, если хочет пройти сквозь ту узкую горловину, и тогда оно станет чрезвычайно уязвимой, иначе бы оно не вело себя с нами так осторожно. Оно...

В эту секунду его оборвал глухой *взрыв*, разорвавший тишину ночи. На его суровом властном лице медленно растянулась безжалостная улыбка удовлетворения.

- Вот и первый взрыв. Это возможно означает, что проклятое чудовище попыталось пройти по обычному каналу. Что ж, теперь оно научено. Мы загнали его в угол. Либо оно рискнет плыть через тот адский проход в человеческой форме, либо же мы прикончим его завтра утром, в каком бы оно ни было облике. А теперь торопитесь, все хватайте факелы и ружья и выстраиваемся в цепь вдоль берега. Оно не должно пройти мимо нас!

Море было слишком бурным, волны слишком высокими, ночь слишком темной! Предчувствие беды, ледяное и зловещее, пронзило холодные рыбы нервы чудовища, когда оно пыталось сохранить свой человеческий облик на поверхности, где его беспомощная человеческая голова могла вдыхать воздух. Оно яростно сражалось, но море грохотало и ревело, волновалось и бурлило.

Кошмарное море непреодолимой темной стеной вздымалось со всех сторон, кроме одной. И там вода сверкала белизной - даже в этом мраке можно было различить

белые бешеные волны прибоя. В этом белом пенистом море оно видело темную полосу - единственный путь в безопасность огромного океана - узкую темную полосу, где вода была глубокой, бурлящей и невероятно быстрой.

И именно через этот сотрясаемый штормом канал акула сейчас плыла из лагуны в сторону океана.

Чудовище с трудом удерживалось на поверхности, яростно перебирало ногами, месило руками бурлящую обезумевшую воду, до предела напрягая зрение, чтобы не упустить из виду слабое поблескивание треугольного плавника плывшей впереди акулы, служившей ей проводником в этом адском канале.

Акула с трудом продвигалась вперед, лихорадочно маневрируя, борясь с ревущей свирепостью волн, которые лились и изрыгались сквозь бурлящую горловину. Плавник исчез, но потом снова появился, едва различимый на фоне серо-белых волн.

Акула преодолела этот узкий проход и теперь была в безопасности: смутное пятно плавника тут же расстало в темноте ревущего океана.

Чудовище остановилось в нерешительности. Теперь настала его очередь, но ему вовсе не хотелось бросаться в эти ревущие бурлящие воды в своем хрупком человеческом теле.

Оно зарычало от ярости разочарования, издав высокий пронзительный нечеловеческий крик ненависти, и полуобернулось спиной к берегу, горя диким отчаянным желанием пробиться через кордон из мягкотелых людей и забыв об опасности.

А потом оно снова зарычало и, увидев цепочку пылающих факелов, протянувшихся по берегу, сплюнуло в ярости. Каждый факел бросал бледный мерцающий круг света, и за каждым из них нетерпеливо переступал человек с ружьем наизготовку.

Этот путь был закрыт. Чудовище осознало это, подавив в себе безумное желание стремглав броситься вдоль берега. И только сейчас - и слишком хорошо - оно

разглядело ловушку, в которую угодило. Эта маленькая часть лагуны была непроходима, словно природа сама дожидалась миллионы лет этого момента, чтобы поймать несущее смерть чудовище в ловушку.

И снова тварь направила свой холодный, сверкающий взгляд рыбьих глаз к выходу из канала. Стальные челюсти шелкали в гневе, губы сжались в тонкую акулю морду, и тут она бросилась в бурлящие воды.

Возникло ощущение невероятной скорости; инстинктивно существо попыталось свернуть в сторону, куда исчезла акула-лоцман. Вода хлынула в пасть твари; она сплюнула, закашлялась, а потом на секунду у нее перед глазами мелькнуло ужасное видение своей гибели: прямо перед ней возвышалась каменная стена высотой в ярд - черная, мрачная, безжалостная. В лихорадочной спешке оно повернулось и бросилось в сторону, в безумии выбросив вперед руки. Но никакие мускулы уже не способны были сразаться с непобедимым океаном.

Оно успело бросить еще один взгляд на свою судьбу, вновь бесстрашно зарывав с удивительной невероятной свирепостью, после чего пришла невыносимая боль, когда его человеческая голова превратилась в кровавое месиво после удара о твердую, как сталь, скалу. Сломанные кости, порванные мышцы и связки, раздавленная плоть - таким изуродованное тело было унесено темными водами океана.

Акула-лоцман учуяла свежее мясо и, сделав несколько кругов, вернулась. Через несколько секунд к ней присоединилась еще дюжина других темных силуэтов.

Шторм продолжался всю эту темную ночь. Люди продрогли, промокли и устали. Когда Корлисс направил первую лодку в успокоившиеся воды лагуны, в сторону узкого, все еще ревущего и смертельно опасного прохода, на его хмуром лице читались следы усталости после долгого ночного бдения.

- Если это чудовище все же рискнуло, - с твердой решимостью произнес он, - то мы ничего не найдем, но

будем знать. В том месте, где канал делает поворот, есть подводное течение, с которым только крупная рыба способна совладать. Любое существо будет там размозжено.

- Эй! - с тревогой воскликнул Дентон; из-за боли лицо у него по-прежнему было бледным. - Не слишком приближайтесь к этому месту. Мы с Тарейтоном достаточно натерпелись сегодня.

Только к полудню Корлисс приобрел уверенность, что ни какого опасного существа в лагуне нет. Когда они направились к берегу, хоть и уставшие, но испытывающие огромное чувство облегчения, лучи южного неба ярким светом заливали изумрудный остров, который ослепительно сверкал в оправе из волн огромного сапфирового океана.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВИД: МУЛЬТИМОРФНОЕ ЧУДОВИЩЕ УСЫПАЛЬНИЦА ЧУДОВИЩА

Чудовище ползло, скуля от страха и боли. Бесформенное, аморфное существо, меняющее форму при каждом резком движении, оно ползло по коридору космического корабля, пытаясь побороть неудержимое стремление своих клеток принять форму окружающих его предметов. Серая масса распадающейся субстанции то ползла, то переваливалась, то катилась, то текла, разливаясь жидкостью, и в каждом движении отражалась отчаянная борьба с ненормальным для него желанием приобрести устойчивую форму. Любую форму! Создание готово было даже превратиться в твердую холодно-голубую металлическую стену земного корабля или толстый каучуковый пол. Ну, с полом-то справиться было легко. В отличие от металла, который притягивал и притягивал... Как же легко застыть вот так в металле на веки вечные...

Но что-то препятствовало этому. Какой-то внушенный приказ. Приказ этот барабанной дробью передавался от одной молекулы к другой, вибрировал от одной клетки к другой, не меняя своей силы, что напоминало какую-то особенную пытку: найти самого величайшего математика в солнечной системе и доставить его в усыпальницу, построенную из марсианского суперметалла. Великий Прежний должен быть освобожден! Замок, секрет которого был связан с простым числом, должен быть открыт!

Именно этот приказ воздействовал на все его составные части. Великие и злые создатели ввели эту мысль в самые основы его сознания.

В противоположном конце коридора что-то шевельнулось. Открылась дверь. Раздались шаги. Какой-то человек что-то тихо насвистывал. С металлическим скрежетом, похожим на вздох, существо разлилось, мгновенно превратившись в лужу ртути. Потом оно приобрело такой же, как у пола, коричневый цвет - оно стало полом, чуть-чуть толще полосы темного коричневого каучука, длиной в несколько ярдов.

Существо испытывало неопишемое блаженство от одного только лежащего положения, превратившись во что-то плоское, застыв, почти став мертвым, когда отступает любая боль. Вечный покой так сладок: жизнь - сплошная невыносимая мука! Пусть эта живая форма поскорее минует его. Если оно остановится, то чудовище примет его форму. Живая форма это умеет. Жизнь сильнее металла. И это означало муки, борьбу, боль.

Существо напрягло свое плоское гротескное тело - тело, которое способно было обрасти могучими мускулами и начать борьбу не на жизнь, а на смерть.

Парелли, механик космического корабля, радостно насвистывал, идя по сверкающему коридору из машинного отделения. Он только что получил радиотелеграмму из больницы: «Жена чувствует себя хорошо. Родился мальчик весом в восемь фунтов». Он подавлял в себе желание кричать и танцевать. Мальчик. Жизнь казалась прекрасной.

Боль пронзила чудовище, распростертое на полу. Первородная боль, обжигающая, как кислота, разлилась по его телу. Когда Парелли шел по полу, каждая коричневая молекула чудовища дрожала. Чудовище охватило огромное желание потащиться вслед за ним и принять его форму. Оно испытывало безумное желание, стараясь побороть панику и этот жуткий ужас, все более и более

сознательно, поскольку могло уже мыслить, используя мозг Парелли. Зарябившая полоска пола покатилаь вслед за мужчиной.

Но чудовище ничего не могло с собой поделаться. Рябь превратилась в лужицу, которая в один миг приняла форму человеческой головы из ночных кошмаров - форму демона. Существо в ужасе издало металлический звук, потом разлилось кашицей от страха, боли и ненависти, когда Парелли ускорил шаг - слишком быстро для его медленного улиточного ползания. Писк смолк. Растекшись по коричневому полу, тварь лежала неподвижно, но при этом дрожала от неконтролируемого желания жить - жить несмотря на боль, несмотря на ужас. Жить, чтобы выполнить намерение его создателей.

Пройдя тридцать футов по коридору, Парелли остановился. Он резко выбросил из головы мысли о ребенке и жене. Повернувшись, он неуверенно посмотрел на коридор, ведущий в машинный зал.

- Что это такое, черт побери? - вслух выразил он свои мысли.

Станный, еле слышный, но пугающий звук эхом отдался в его сознании. По спине пробежались мурашки. Дьявольский звук!

Высокий мускулистый мужчина стоял перед ним, обнаженный до пояса, потея от жары генераторов ракет, которые в настоящее время тормозили корабль, возвращающегося на Землю из метеорологического полета на Марс. Вздвогнув, он сжал пальцы в кулак, медленно двинулся назад тем путем, которым пришел сюда.

Чудовище дрожало, чувствуя свое влечение к этому человеку, оно мучениями отдавалось в каждой его охваченной нетерпением и возбуждением клетке. Постепенно оно осознало всю неизбежность и необходимость принятия формы этого живого существа.

Парелли остановился в неуверенности. Пол двигался под его ногами, он, не веря собственным глазам, смотрел, как пол коричневой пугающей волной начал поднимать-

ся и превращаться в пузыреобразную шипящую массу. Отвратительная демоническая голова возвышалась на скрюченных получеловеческих плечах. Шишковатые кисти на обезьяньих деформированных руках вцепились в его лицо в безудержной ярости и, не выпуская, продолжали изменяться.

- Боже милостивый! - глухим голосом воскликнул Парелли.

Руки, схватившие его, становились более нормальными и похожими на человеческие, приобретая загар и обрастая мускулами. Появилось лицо со знакомыми чертами, на нем вырос нос, образовались глаза, красные губы. И вот неожиданно перед ним возникло его собственное тело, одетое в такие же, как у него, брюки и такое же потное.

- ...милостивый!... - как эхо, повторило существо, с невероятной силой цепляясь пальцами за него.

Широко раскрыв рот, Парелли пытался освободиться, потом с размаха нанес удар в искривленное лицо. Существо издало пронзительный вопль. Оно повернулось и побежало, растекаясь по полу во время бега, пытаясь справиться с этим процессом и издавая нечеловеческие вопли. Парелли бросился преследовать его, но ноги его подгибались от только что пережитого ужаса. Парелли все еще никак не мог поверить увиденному. Вытянув руку, он рванул за расползающиеся брюки, и в его руках остался кусок - холодный скользкий извивающийся кусок, похожий на мокрую глину.

Мерзкое ощущение. С него было достаточно. Он почувствовал отвращение и споткнулся. И тут услышал, как впереди крикнул пилот:

- Что случилось?

Парелли увидел открытую дверь склада. Судорожно вздохнув, он бросился туда и спустя мгновение выскочил обратно, держа в руках атомный пистолет. Пилот, стоя лицом к одному из огромных иллюминаторов, побледнев, уставился на него карими глазами.

- Там! - крикнул он.

Серая клякса растеклась по стеклу, став прозрачной. Парелли бросился вперед, подняв атомный пистолет. По стеклу пошла рябь, затемняя его; а затем на мгновение он увидел, как эта капля возникла по другую сторону иллюминатора, где царил холод космоса. Рядом с ним остановился офицер. Они оба наблюдали, как серая бесформенная масса, медленно ползя по корпусу несущегося в пространстве космического корабля, скрылась из виду.

Парелли очнулся.

- У меня есть кусок этого! - выдохнул он. - Я бросил его на пол в складу.

Его обнаружил лейтенант Мортон. Крошечный участок пола вздыбился, а потом стал разрастаться, пытаясь принять человеческую форму. С вылезавшими из орбит глазами Парелли сгреб эту массу совком. Она зашипела. Потом почти превратилась в часть металлического совка, но этому помешало близость людей. Парелли стоял на трясущихся ногах за своим начальником. Он зашелся в истерическом хохоте.

- Я коснулся его, - он не мог остановиться, - я коснулся его!

Огромная жидкая лужица металла снаружи космического корабля слегка шевельнулась, когда корабль ворвался в земную атмосферу. Металлический корпус корабля покраснел, потом стал белым от жары, но существо, не обращая на это внимание, продолжало медленно трансформироваться в серую массу. Оно смутно ощущало, что настала пора действовать.

Внезапно оно отделилось от корабля и начало медленно падать, словно в силу каких-то обстоятельств сила тяжести Земли перестала оказывать на него сколь серьезное воздействие. Его атомная решетка подверглась изменениям, и через минуту падение его ускорилося - чуждое существо стало теперь более податливым к действию гравитации. Внизу простиралась зеленая поверхность планеты; и в лучах заходящего солнца вдалеке блеснул

какой-то город. Чудовище снизило скорость падения и начало дрейфовать, словно падающий лист, несомый ветром к еще очень далекой земле. Оно приземлилось у моста на окраине города.

Какой-то человек шел по мосту быстрым нервным шагом. Наверное, он был бы поражен, если бы оглянулся и увидел свою точную копию, выбирающуюся из рва на дорогу, а потом направившуюся вслед за ним.

«Найти... величайшего математика!»

Прошло полчаса. Страдание, порожденное этой навязчивой мыслью, превратилось в сознании существа в постоянную боль, когда оно шло по многолюдным улицам. Боль эта усиливалась еще и по другим причинам. Приходилось бороться с притяжением эта напиральной со всех сторон, спешащей человеческой массы, не обращающей на него никакого внимания. Но ему было легче думать и легче удерживать свою форму сейчас, когда у него был мозг и тело человека.

«Найти... величайшего математика!»

«Зачем?» - задавалась вопросом человеческая часть его сознания. И тут все его тело содрогнулось от шока, вызванного подобной ересью. Карие глаза забежали встревоженно, как бы ожидая мгновенной и ужасной гибели. На краткий миг его лицо слегка потеряло свою форму, когда сознание затопила волна хаотических мыслей, но затем ему удалось принять облик человека с крючковатым носом, проходившего мимо, потом - загорелое лицо высокой женщины, всматривающейся в витрину магазина.

Процесс трансформации продолжался бы и дальше, однако существо отбросило от себя страх и попыталось принять облик гладко выбритого молодого человека, который ленивой походкой вышел из боковой улочки. Посмотрев на чудовище, он отвел взгляд в сторону, но затем, пораженный, снова взглянул на него. В сознании существа эхом повторилась мысль молодого человека: «Кто это, черт возьми? Где же я раньше видел его?»

К ним приближалась группа из шести женщин. Существо отпрянуло в сторону, когда они проходили мимо. Его коричневый костюм, когда существо на мгновение потеряло контроль над своими внешними клетками, приобрел слегка голубоватый оттенок. Голова загудела от шелеста платьев и щебетания: «Моя дорогая, как она ужасно выглядит в этой нелепой шляпке?»

Впереди тянулась вереница гигантских зданий. Чудовище покачало человеческой головой, сознавая, что множество зданий означает металл; и силы, которые удерживают вместе атомы металлов, будут оказывать влияние и на его человеческую форму. Погруженное в обдумывание причин для этого, существо вдруг заметило не спеша проходившего мимо стройного мужчину в темном костюме. Это был какой-то служащий. Чудовище уловило его мысль - он завидовал своему начальнику, Джиму Брендеру, главе фирмы «Дж. П. Брендер и К°».

Обертоны этой мысли заставили существо внезапно повернуть и направиться следом за Лоренсом Пирсоном, бухгалтером фирмы. Если бы прохожие обратили внимание на него, то через секунду они были бы поражены видом двух Лоренсов Пирсонов, идущих по улице на расстоянии пятидесяти футов друг от друга. Второй Лоренс Пирсон узнал из сознания первого, что Джим Брендер изучал математику в Гарвардском университете, а также финансы и политическую экономику и стал последним в длинной череде финансовых гениев, уже в тридцать лет став главой невероятно богатой фирмы «Дж. П. Брен-дер и К°».

«А ведь мне тоже тридцать, - эхом отдалась мысль Пирсона в голове существа, - но я ничего не добился. Тогда как Брендер имеет все, а мне придется жить в одном и том же старом доме до конца жизни».

Стало темно, когда они вдвоем переходили реку. Существо ускорило шаг, агрессивно догоняя шедшего впереди человека. В самый последний миг жертва уловила что-то из его ужасных мыслей. Стройный молодой чело-

век повернулся и слабо вскрикнул в страхе, когда стальные пальцы сомкнулись на его горле. В голове потемнело, она закружилась, когда мозг Лоренса Пирсона прекратил свою деятельность. Задышавшись, пытаясь не разлиться на асфальтовом покрытии моста, твари наконец удалось взять контроль над своим телом. Существо обхватило труп и перебросило его через бетонное ограждение. Потом внизу раздался всплеск и бульканье воды.

Чудовище, которое теперь было Лоренсом Пирсоном, двинулось вперед сначала быстро, но затем сбавило шаг, пока не подошло к огромному кирпичному дому. Оно встревоженно посмотрело на номер, вдруг почувствовав неуверенность: что, если оно неправильно запомнило номер. Неуверенно оно открыло дверь. Наружу устремился поток желтого света, и в чувствительные уши чудовища ударил резкий смех. Тут же в голове раздался такой же нестройный шум множества мыслей, как и на многолюдной улице. Существо пыталось отгородить свое сознание от потока этих мыслей, угрожавших затопить разум Лоренса Пирсона. Оно оказалось в огромном, ярко освещенном холле, в конце которого за стеклянной дверью в какой-то комнате за столом сидело человек двенадцать; они ужинали.

- А, вот и мистер Пирсон, - произнесла хозяйка, восседавшая во главе стола. С мимолетным интересом существо посмотрело на эту женщину с орлиным носом и тонкими губами. Оно восприняло ее мысль. У нее был сын, преподававший математику в университете. Существо пожало плечами. Одного короткого взгляда ему хватило, чтобы понять правду. Сын этой женщины был в смысле интеллекта таким же бездарем, как и мать. - Вы пришли как раз вовремя, - без особого интереса продолжила она. - Сара, принеси мистеру Пирсону тарелку.

- Спасибо, но я не голоден, - ответило существо, мысленно смеясь, подобного ощущения никогда прежде оно не испытывало. - Пожалуй, я пойду прилягу.

Все долгие часы ночи существо, лежа на постели

Лоренса Пирсона с открытыми настороженными блестящими глазами, все больше и больше осознавало, что же оно такое: «Я машина, не имеющая собственного разума. Я использую сознания других людей. Но по какой-то причине мои создатели дали мне возможность быть не просто эхом чуждых мыслей - я использую мозги людей для выполнения задания».

Принявшись размышлять над своими создателями, оно почувствовало, как волна паники охватывает всю нервную систему чужеродного существа, затуманивая его человеческий разум. Неясное воспоминание о физической боли и химической реакции, разделившей его тело на отдельные элементы, вызвало у него испуг.

На рассвете существо поднялось с постели и стало прогуливаться по улицам города, пока не наступило полдесятого. В тому времени оно достигло импозантного входа в здание, где помещалась фирма «Дж. П. Брендер и К°». Внутри оно грузно уселось в удобное кресло, помеченное инициалами «Л. П.» и начало прилежно корпеть над записями, которые не успел закончить Лоренс Пирсон прошлым вечером. В десять часов арку входа пересекал высокий молодой человек в темном костюме и начал стремительно обходить конторские помещения. Он расточал налево и направо улыбки со спокойной уверенностью. Чудовищу не нужно было слышать приветствия служащих, хором повторяющих «Доброе утро, мистер Брендер», - чтобы понять, что прибыла его жертва. Оно приподнялось изящным гибким движением, на которое не был способен настоящий Лоренс Пирсон, и быстро прошло в ванную. Мгновение спустя двойник Джима Брендера появился из-за двери и с такой же спокойной уверенностью направился к двери в личный кабинет, куда несколькими минутами раньше вошел Джим Брендер. Постучав, чудовище вошло внутрь... в ту же секунду осознав одновременно о трех вещах. Во-первых, оно обнаружило разум, за которым его послали. Во-вторых, само оно было не в состоянии быстро и точно скопиро-

вать острый ум молодого человека, удивленно взиравшего на него своими темно-серыми глазами. И в-третьих, на стене кабинета висел огромный металлический барельеф.

В шоке, едва не вызвавшем хаос в голове, оно ощутило притяжение металла. И в одно мгновение поняло, что это и есть суперметалл, созданный замечательными умельцами древнего Марса. Предприимчивые человеческие существа с Земли постепенно откапывали погребенные под слоями песка за тридцать или пятьдесят миллионов лет города, полные бесценной мебели, произведений искусства и машин. Суперметалл! Металл, который не нагревается, на поверхности которого ни алмаз, ни любой другой режущий инструмент не способен был оставить даже царапины. Землянам так и не удалось воссоздать его, такого же загадочного, как и сила *йеис*, которую марсиане черпали, казалось, из ниоткуда.

Все эти мысли пронесли в сознании существа, когда оно исследовало клетки памяти Джима Брендера. С огромным усилием существо отбросило от себя мысли о металле и перевело взгляд на Джима Брендера. Оно уловило полный изумления поток мыслей в сознании привставшего человека.

- О Господи! - воскликнул Джим Брендер. - Кто вы?

- Меня зовут Джим Брендер, - ответило чудовище с безжалостной веселостью, внезапно осознав, что теперь оно способно ощущать подобные эмоции.

Настоящий Джим Брендер пришел в себя.

- Присаживайтесь, присаживайтесь, - участливо сказал он. - Это самое удивительное совпадение, с которым я когда-либо встречался.

Он прошел к зеркалу, украшавшему панель левой стены. Потом внимательно посмотрел - сначала на себя, потом на существо.

- Удивительно, - произнес он. - Просто не верится.

- Мистер Брендер, - начало существо, - я увидел вашу фотографию в газете и подумал, что наше поразительное

сходство заставит вас прислушаться к тому, что я вам сообщу, тогда как в ином случае вы, скорее всего, не обратили бы на мои слова никакого внимания. Я совсем недавно возвратился с Марса и пришел сюда, чтобы убедить вас вернуться туда вместе со мной.

- Это невозможно, - возразил Джим Брендер.

- Погодите, - поторопилось заметить существо, - я вам все объясню. Не доводилось ли вам когда-нибудь слышать о Башне Чудовища?

- Башне Чудовища! - повторил Брендер, растягивая слова. Он обошел вокруг стола и нажал на кнопку.

Из украшенного орнаментом переговорного устройства донесся голос:

- Да, мистер Брендер?

- Дэйв, раздобудь для меня какую только сможешь достать информацию о Башне Чудовища и легендарном городе Ли, который, как предполагают, когда-то существовал на Марсе.

- Я вам сразу дам ответ, - последовал ответ. - Большинство марсианских историй упоминает легенду о том, что когда Марс был юным, с неба на землю упало чудовище... и с этим событием связано какое-то страшное пророчество; чудовище, когда его обнаружили, находилось в бессознательном состоянии - что произошло вследствие его выпадения из подпространства. Прочитав его мысли, марсиане пришли в такой ужас, что попытались прикончить его, но не смогли. Поэтому они построили огромную усыпальницу, примерно в пять тысяч футов в диаметре и в милю высотой - и поместили туда чудовище. Было предпринято несколько попыток обнаружить этот город Ли, но ни одна из них не увенчалась успехом. По общему мнению, это просто миф. Вот и все, Джим.

- Спасибо! - Джим Брендер отключил связь и повернулся к посетителю. - Ну?

- Это вовсе не миф. Я знаю, где находится Башня Чудовища... И еще мне известно, что чудовище все еще живо.

- Так, послушайте, - с легкой улыбкой начал Брендер. - Меня заинтриговало ваше сходство со мной. Но не думайте, что я поверю в такую историю. Что некое чудовище (если вообще существовали такие чудовища) падает с неба во времена, когда Марс был молодой планетой. Кое-кто из авторитетных ученых утверждает, что марсианская раса вымерла сотни миллионов лет назад, впрочем, по оценкам более умеренных историков - это случилось примерно двадцать пять миллионов лет назад. И от их цивилизации остались лишь строения из суперметалла. К счастью, в конце своего существования они строили почти все из этого неуничтожимого металла.

- Позвольте мне рассказать вам о Башне Чудовища, - спокойно произнесло существо. - Это башня гигантских размеров, и она всего лишь на сто футов выступает над песками, когда я увидел ее. В верхней части находится дверь, и эта дверь заперта замком с часовым механизмом, связанным по линии *йеис* с самым большим простым числом.

Джим Брендер уставился на него; и существо уловило его удивление, первые проявления неуверенности, брешь, пробитую в его скептицизме.

- Самым большим, максимальным, - повторил Брендер.

Он достал какую-то книгу с полки небольшой настенной библиотеки рядом с письменным столом и начал быстро пролистывать ее.

- Самым большим известным простым числом... э-э... является... 230584300921393951. Еще несколько других, если верить этому справочнику, - 77843839397, 182521213001 и 78875944372201.

Складка на его лбу углубилась. :

- Все это кажется какой-то нелепостью. Ведь максимальное простое число должно быть числом неопределенным. - Он с улыбкой посмотрел на существо. - Если и существует какое-то чудовище, и оно заперто в усыпальнице из суперметалла, на двери которой замок с

часовым механизмом, связанным по линии *йеис* с самым большим простым числом, то это чудовище замуровано там навеки. Ничто в мире не способно освободить его.

- Наоборот, - возразило существо. - Чудовище уверило меня, что несколькими землянам-математикам вполне по силам разрешить эту проблему, но необходимо, чтобы человек был прирожденным математиком, прошедшим всю математическую подготовку, которую только возможно получить на Земле. И вы - такой человек.

- Вы что, думаете, что я освобожу этого демона зла - даже если совершу чудо и разрешу эту математическую головоломку?

- Никакой он не демон зла! - резко ответило существо. - Просто в нелепом страхе перед неизвестным марсиане заточили его в темницу, совершив величайшую несправедливость. Это создание - ученый из другого пространства, который стал жертвой одного из своих собственных экспериментов. Я называю его «он», хотя даже не знаю, конечно, существует ли в его расе разделение на пол.

- Так вы на самом деле разговаривали с этим чудовищем?

- Оно связалось со мной при помощи телепатии.

- А ведь было доказано, что мысли не могут проникать сквозь суперметалл.

- А что людям известно о телепатии? Они между собой могут вступать в устойчивый контакт лишь в исключительных случаях, - с презрением бросило существо.

- Это так. И если ваша история правдива, значит, этим делом должен заняться Совет.

- Нет, это дело касается лишь двоих: вас и меня. Или вы забыли, что усыпальница чудовища расположена в центральной башне великого города Ли... а ведь там сокровищ на миллиарды долларов - различная мебель, произведения искусства, машины? Чудовище требует, чтобы его освободили прежде, чем оно позволит кому-

либо извлечь эти сокровища. Вы можете его освободить, и мы поделим это богатство.

- Позвольте мне задать один вопрос, - сказал Джим Брендер. - Какое ваше настоящее имя?

- П-Пирс Лоренс! - с запинкой ответило существо. В эту секунду оно не могло вспомнить ни одного другого имени, кроме как назвать имя и фамилию своей первой жертвы, поменяв при этом их местами и слегка изменив первое слово. Мысли существа смешались, когда Брендер продолжил:

- А на каком корабле вы прибыли на Землю?

- Н-на Ф4961, - запинаясь, ответило существо. Ярость еще больше усилила его замешательство. Оно пыталось взять себя в руки, но почувствовало, что начинает терять форму, внезапно ощутив притяжение суперметалла, из которого состоял барельеф на стене, и поняло, что это означает опасность распада на отдельные элементы.

- Это, наверное, грузовой корабль, - заметил Джим Брендер. Он нажал на кнопку. - Карльтонс, узнай, был ли на борту Ф4961 пассажир или человек по имени Пирс Лоренс. Через сколько будет ответ.

- Через несколько минут, сэр.

Джим Брендер откинулся на спинку кресла.

- Это простая формальность. Если вы действительно были на этом корабле, то я буду вынужден обратить более серьезное внимание на ваше заявление. Вы ведь, разумеется, понимаете, что я не могу действовать вслепую.

Коммутатор записал.

- Да? - произнес Джим Брендер.

- На борту Ф4961, когда он приземлился позавчера, было только два человека. И на борту не было человека с именем Пирс Лоренс.

- Спасибо! - Джим Брендер встал. Потом он холодно произнес: - Прощайте, мистер Лоренс. Просто не могу представить себе, на что вы надеялись, придя ко мне с такой абсурдной историей. Хотя, честно признаюсь, она меня заинтересовала, как и вы сами.

Снова раздался звонок.

- Вас хочет увидеть мистер Горсон, сэр.

- Очень хорошо, проси его.

Существо сейчас же взяло себя в руки, и в сознании Брендера оно прочитало, что Горсон - это финансовый магнат, имеющий дело с фирмой Брендера. Узнало оно и еще кое о чем, вследствие чего оно покинуло кабинет Брендера и, выйдя из здания, стало дожидаться появления мистера Горсона перед входом в здание фирмы. Через несколько минут два мистера Горсона шли по улице. Это был весьма подвижный для своих пятидесяти лет человек. Он вел активную жизнь, много путешествовал - в его памяти хранились воспоминания о различных климатах и нескольких планетах, где он побывал. Существо уловило живость натуры Горсона благодаря своим чувствительным клеткам и двинулось вслед за человеком с осторожностью и уважительностью, еще не решив, как оно будет действовать. «Я уже не то беспомощное существо, которое не способно удерживать форму, - подумало оно. - Мои создатели дали мне способность учиться и развиваться. Все легче и легче бороться с распадом на составные части и оставаться в человеческом облике. Имея дело с этим человеком, мне нельзя забывать, что, используя должным образом свою силу, я непобедим».

Через минуту осторожного прощупывания разума своей предполагаемой жертвы оно узнало точный путь до конторы. В сознании существа ясно отложился образ входа в огромное здание. Потом длинный коридор из мрамора, в конце которого располагался автоматический лифт, поднимавший до восьмого этажа, еще один небольшой коридор с двумя дверьми. За одной из них находился личный кабинет Горсона, другая вела в кладовку, которой пользовался дворник. Горсон время от времени заглядывал туда, и среди прочих вещей в его памяти отложился и находившийся там огромный ящик.

Существо дождалось в этой кладовке, пока ничего не подозревающий Горсон пройдет мимо двери. Раздался

скрип двери. Горсон повернулся, и его глаза расширились. У него не было ни малейшего шанса. Удар из твердой стали превратил его лицо в кровавое месиво, а сломанные кости вонзились в хрупкий мозг. В этот раз существо не совершило ошибку, когда в предыдущий раз настроилось на разум своей жертвы. Оно схватило падающее тело, стальной кулак при этом снова принял человеческий вид. С лихорадочной поспешностью оно запихнуло крупное и атлетически сложенное тело в большой ящик и плотно закрыло крышку. Осторожно выглянув из укрытия, оно вышло в коридор, прошло в личный кабинет мистера Горсона и уселось за сверкающий дубовый стол. Человек, ответивший на его вызов, увидел Джона Горсона, который сказал ему:

- Криспинс, я хочу, чтобы ты немедленно начал продажу этих акций по нашим секретным каналам. Продавай, пока я не скажу тебе, что следует закончить, даже если ты сочтешь это безумием. Я получил информацию относительно них.

Криспинс взглянул на столбцы названий пакетов и вытаращил глаза.

- Боже милостивый, дружище! - воскликнул он наконец с фамильярностью, на которую он имел право, будучи его доверенным советником. - Но ведь это надежные акции! Даже ваше состояние не способно выдержать такого удара!

- Говорю тебе, я не один участвую в нем.

- Ведь это же незаконная дезорганизация рынка, - запротестовал мужчина.

- Криспинс, ты слышал, что я сказал. Я ухожу из офиса. Не пытайся связаться со мной. Я позвоню тебе.

Чудовище, которое было Джоном Горсоном, встало, не обращая на спутанные мысли, которые потоком проносились в мозгу Криспинса. Оно вышло за дверь, покидая здание. На улице оно подумало: «Все, что мне нужно - это убить полдюжины финансовых магнатов, начать распродажу их акций, после чего...»

К часу все было кончено. Биржа закрывалась в три, но уже в час нью-йорские телеграфы начали выстукивать новости. В Лондоне, где уже стемнело, вышел чрезвычайный вечерний выпуск газет. В Ханьчжоу и Шанхае ослепительное утро омрачили продавцы газет, кричавшие по улицам под сенью небоскребов о банкротстве фирмы «Дж. П. Брендер и Компани» и о назначенном расследовании...

- Мы имеем дело, - сказал утром следующего дня председатель окружного суда в своем вступительном слове, - с самым удивительным совпадением в истории. Старая и уважаемая фирма, имеющая широкие связи и филиалы по всему миру, внезапно обанкротилась из-за неожиданного падения цен на акции, в которых была заинтересована. Потребуются месяцы, чтобы выяснить, кто же несет ответственность за их продажу и последующую катастрофу. Пока же я не вижу причин - испытывая сожаление, как, наверное, и все старые друзья Дж. П. Брендера и его сына, чтобы не удовлетворить требования кредиторов и не ликвидировать всю движимую и недвижимую собственность фирмы путем распродажи и других законных мероприятий...

Коммандор Хьюз из Межпланетных Космических Путей Сообщения вошел в кабинет своего начальника в воинственном настроении. Это был человек невысокого роста, но крепкого телосложения; и существо, которое сейчас звалось Луисом Дьером, с напряженным взглядом уставилось на него, осознавая о силе и могуществе этого человека.

- Ты получил мой рапорт по делу Брендера? - начал Хьюз.

Существо нервно принялось крутить ус Луиса Дьера, потом нашло небольшую папку и прочло вслух:

- «По психологическим причинам опасно принимать на работу Брендера... Слишком много ударов одновременно. Потеря богатства и положения... Ни один обыч-

ный человек не останется нормальным при... подобных обстоятельствах. Возьми его в свою контору... води себя с ним по-дружески... дай ему какую-нибудь должность, на которой его несомненно большие способности... но не на космическом корабле, где требуется исключительная крепость, как умственная, моральная, душевная, так и физическая...

Хоюз прервал его:

- Именно эти пункты я хотел подчеркнуть. Я знал, что ты поймешь, что я имею в виду, Луис.

- Конечно, я все понимаю, - ответило существо, с безжалостной улыбкой посмотрев на собеседника: оно в последнее время обрело исключительную уверенность в собственных силах. - Твои мысли, твои предложения, твой моральный кодекс и твои методы оставили неисгладимый след на твоем образе мышления, и, - торопливо добавило оно, - я никогда не имел ни малейших сомнений в правильности твоих выводов. Однако в данном случае я не уступлю. Джим Брендер не примет обычной должности, предложенной ему друзьями. Просто смешно, чтобы он был в подчинении у людей, которых превосходит по всем статьям. Он когда-то командовал на своей космической яхте - и он знает больше о математической стороне этой работы, чем весь наш персонал вместе взятый. И это вовсе не упрек в адрес нашего персонала. Он знаком с космическими полетами, и, на его взгляд, это именно то, в чем он сейчас нуждается. И поэтому я приказываю тебе, Питер, - впервые за все время нашего длительного сотрудничества - назначить его на космический грузовой корабль Ф4961 на место механика Парелли, с которым случился нервный срыв после любопытной истории с существом из космоса, о котором рассказал лейтенант Мортон... Кстати, нашли ли вы наконец тот... э-э... образец существа?

- Нет, сэр. Он исчез в тот день, когда вы пришли взглянуть на него. Мы обыскали то помещение вдоль и поперек - ведь ничего более странного вы никогда в

жизни не видели. Оно проходит сквозь стекло так же легко, как свет. Можно даже подумать, что это какая-то форма света... Признаюсь честно, я тоже испугался. Это высшая фаза развития, адаптирующаяся в окружающей среде лучше, чем что-либо, обнаруженное нами до сих пор. Говорю тебе: ты не можешь так просто убрать меня из дела с этим Брендером.

- Питер, не понимаю, что с тобой. Впервые я вмешался в твою работу, и...

- Я подаю в отставку, - простонал человек голосом, полным горечи.

Существо подавило улыбку.

- Питер, ведь это ты подбирал весь персонал Космических Путей Сообщения. Это твоё детище, твоё создание. Ты не можешь отказаться от него, неужели ты не понимаешь, что не можешь...

В тихо звучащих словах послышались обертоны тревоги: существо уловило в сознании Хьюза первые настоящие причины его отставки. Услышав только что о собственных достижениях в любимой работе, в его мозгу промелькнули воспоминания, и человек лишь сейчас осознал, насколько сильной была его обида на угрожающее вмешательство в его работу. Существо тут же поняло, что означает отставка этого человека: недовольство людей, быстрое осознание создавшейся ситуации с Джимом Брендером, вслед за которым последует отказ от должности, а ведь только благодаря этому назначению Брендер и мог попасть на корабль, не особо ломая голову обо всем случившемся. А уж оказавшись на борту корабля, он совершит полет на Марс - а ничего другого и не требовалось.

Существо начало задумываться над тем, как бы принять облик Хьюза. Но потом с мучительной болью осознало, что это безнадежное дело. До самой последней минуты и Луис Дьер, и Хьюз должны оставаться на своих местах.

- Но послушай, Питер, - в замешательстве начало

существо, но остановилось. - Дьявольщина! - продолжило оно потом: это было так по-человечески. Но тут же в еще большее замешательство его привело осознание того, что Хьюз воспринял эти слова как признак слабости. Неуверенность черным облаком обволакивало сознание существа.

- Я сообщу Брендеру, когда он придет через пять минут, что я обо всем этом думаю! - резко произнес Хьюз; и существо поняло, что случилось самое худшее. - Если ты запретишь мне разговаривать с ним, то можешь считать, что я уже подал в отставку! Я... Боже милостивый, твое лицо!

Существо пребывало одновременно и в состоянии замешательства, и в состоянии ужаса. Внезапно оно поняло, что его лицо начинает терять форму при осознании угрозы, грозившей уничтожить его планы. Пытаясь взять контроль над своим телом, оно вскочило на ноги, успев заметить страшную опасность. Секретариат находился сразу же за матовым стеклом двери... После первого же крика Хьюза подоспеет помощь. Полувсхлипнув, существо пыталось превратить свою кисть в имитацию металлического кулака, но в комнате не было металла, чтобы совершить это превращение. Был только твердый кленовый письменный стол. Издав резкий крик, существо перемахнуло через стол и попыталось вонзить острый деревянный штырь в горло Хьюза.

Тот удивленно выругался и с поразительной силой ухватился за палку. Снаружи слышались крики, топот ног...

Брендер оставил машину неподалеку от корабля. Затем несколько секунд постоял. Но не потому, что испытывал какие-либо сомнения. Он был из породы людей, любивших риск, и поэтому был в хороших отношениях с госпожей Удачей. На то, чтобы выяснить, обнаружен ли уже марсианский город Ли, не потребуется слишком много времени. И если это действительно так, то он

вернет себе утраченное состояние. Он быстро направился к кораблю.

Остановившись на стартовой полосе, ведущей к открытой двери Ф4961, - огромному шару сверкающего металла, имевшему триста футов в диаметре - он увидел, что к нему бежит какой-то человек. Он узнал Хьюза.

Приближавшееся существо, которое было Хьюзом, пыталось успокоиться. Ему казалось, что оно попало под перекрестный огонь сил притяжения. Существо сжалось под напором мыслей людей, ворвавшихся в кабинет, который оно только что покинуло. Все пошло наперекосяк. Оно никогда не планировало делать то, что теперь вынуждено было сделать. Оно собиралось провести большую часть путешествия к Марсу, приняв форму жидкого металла на внешней обшивке корабля. С огромным трудом оно контролировало себя.

- Мы немедленно улетаем, - произнесло оно.

Брендер удивленно посмотрел на него.

- Но это означает, что мне придется рассчитывать новую орбиту в более трудных...

- Вот именно, - обормовало его существо. - Я слышан о твоих чудесных математических способностях. Пора на деле доказывать это.

Джим Брендер пожал плечами.

- У меня нет возражений. Но почему я лечу именно с вами?

- Я всегда летаю с новичками.

В этом был здравый смысл. Брендер ступил на посадочную полосу. За ним последовал и Хьюз. Впервые за последнее время существо ощутило мучительное притяжение металла. И теперь в течение многих недель ему предстоит сражаться с металлом, пытаясь сохранить облик Хьюза, выполняя в то же время тысячи обязанностей. Боль пронзила все клетки его тела, сводя на нет уверенность в себе, которую существо приобрело, будучи человеком по имени Луис Дьер. Входя внутрь корабля вслед за Брендером, чудовище услышало сзади крик. Оно

торопливо оглянулось. Из нескольких выходов в сторону корабля устремились люди. Брендер уже прошел несколько ярдов по коридору.

С присвистом, похожим на всхлипывание, существо запрыгнуло внутрь и рвануло рычаг, который закрыл огромную дверь.

Тут же находился аварийный рычаг, управляющий антигравитационными пластинами. Одним рывком существо утопило тяжелый рычаг до упора. В ту же секунду появилось чувство легкости свободного падения. Сквозь огромный иллюминатор существо смотрело на взлетное поле внизу, заполненное людьми, размахивающими руками. Побелевшие лица глядели вверх. А потом все исчезло вдаль, и лишь грохот ракет вибрацией пронизывал корабль.

- Надеюсь, - сказал Брендер, когда Хьюз вошел в рубку управления, - вы хотели, чтобы я включил ракеты.

- Да, - глухо ответило существо. - Я оставляю всю математику вам.

Оно не посмело оставаться здесь, в такой близости от тяжелых металлических двигателей, хотя рядом и было тело Брендера, которое помогало ему сохранять человеческую форму. Оно торопливо вышло в коридор. Самым лучшим местом для него была отдельная каюта.

Внезапно оно остановилось, покачиваясь на кончиках пальцев - уловило мысль Брендера из рубки управления, только что покинутой им. Существо едва не расползлось по полу, когда осознало, что Брендер сидит у радиоаппарата и отвечает на настойчивый вызов с Земли.

Оно ворвалось в рубку и резко остановилось. Глаза его расширились в человеческом испуге. Брендер быстро повернулся. В руках у него был револьвер. В его сознании существо прочитало зарождающееся понимание всей правды. Брендер закричал:

- Ты... то существо, которое пришло в мой кабинет и рассказало о простом числе и усыпальнице чудовища!

Он сделал шаг в сторону, чтобы закрыть открытую

дверь, ведущую в другой коридор. Это движение привлекло внимание существа к телеэкрану - на нем было изображение настоящего Хьюза. В ту же секунду Хьюз увидел существо.

- Брендер, - громко произнес он, - это именно то чудовище, которое Мортон и Парелли видели во время возвращения с Марса. Оно не реагирует ни на жару, ни на химические вещества, но мы никогда не пытались прикончить его пулями. Стреляй, быстрее! - Здесь было слишком много металла и в голове царил слишком большой сумбур. С визгом существо расползлось по полу. Ужасное воздействие металла превратило его в тяжелую полуметаллическую массу, и к этому полуметаллическому телу крепилась две змеиные руки и отвратительная шишкообразная голова с одним наполовину исчезнувшим глазом - существо пыталось сохранить человеческий облик. Инстинктивно оно старалось приблизиться к Брендеру, чтобы притяжение его тела помогало ему в этом.

И полуметалл начал превращаться в нечто, похожее на плоть, пытающееся вернуться в прежнюю человеческую форму.

- Послушай, Брендер! - В голосе Хьюза чувствовалась настойчивость. - Баки с топливом в машинном отделении сделаны из суперметалла. Один из них пуст. В прошлый раз мы захватили часть этого монстра, и он не смог выбраться из небольшой емкости, сделанной из суперметалла. Если бы ты сумел загнать тварь в этот бак, воспользовавшись моментом, когда она потеряет контроль над собой, что, кажется, случится с нею довольно легко...

- Сперва я посмотрю, как ему понравятся свинцовые пули! - рявкнул Брендер ломающимся голосом.

Бах! Из полусформированной щели рта существа вырвался пронзительный крик, и оно попятилось, ноги при этом расплылись в серую тестообразную массу.

- Больно, да? - выкрикнул Брендер. - А ну, ты, проклятая тварь, двигай в машинное отделение, в бак!

- Продолжай, продолжай! - кричал Хьюз с телеэкрана.

Брендер снова выстрелил. Существо издало слабый писк и снова отступило. Оно вновь все больше и больше походило на человека. И в его карикатурной руке появилась карикатура на револьвер Брендера.

Оно приподняло незаконченный несформировавшийся до конца пистолет. Последовал выстрел, а потом чудовище пронзительно вскрикнуло. Револьвер упал на пол, потеряв форму и превратившись в маленькую серую массу, которая лихорадочно поползла к материнскому телу и пристало, словно какая-то огромная раковая опухоль, к правой ноге.

И тут впервые могучие и полные зла разумы, создавшие это чудовище, попытались взять контроль над своим роботом. Вzbешенный, хотя и осознающий одновременно и то, что дело надо вести очень осторожно, Контроллер подчинил своей воле это полностью сломленное существо. Пронзительный вопль сотряс воздух вслед за криком, вызванным болью, когда эта перемена произошла с неустойчивыми элементами. Через мгновение чудовище стояло в облике Брендера, но вместо револьвера из загорелой могучей кисти вырос сверкающий металлический прут, блестящий, как зеркало, каждая грань которого переливалась, словно какая-то невероятная драгоценность. Металл излучал слабое, неземное сияние. И в том месте, где только что находилось радио и экран с лицом Хьюза, на нем теперь зияла большая дыра. Брендер в отчаянии посылал в это тело одну пулю за другой, но даже покачиваясь, существо не сводило с него спокойных глаз. Сверкающее оружие повернулось в его сторону.

- Когда ты закончишь, - произнесло оно, - возможно, мы сможем поговорить.

Его голос звучал так мягко, что Брендер, уже напрягшийся, чтобы встретить смерть, в удивлении опустил пистолет. Чудовище продолжало:

- Не тревожься. Ты сейчас видишь и слышишь андроида, сконструированного нами так, чтобы он мог действовать в вашем измерении. Сейчас несколько из нас в

трудных условиях и с огромным трудом пытаются поддерживать контакт с тобой, так что я буду краток.

Мы живем в измерении, где время течет неизмеримо медленнее, чем в твоём. Благодаря системе синхронизации мы произвели настройку в нескольких из этих пространств таким образом, чтобы связаться с тобой. Нашей целью является освободить Калорна из марсианской гробницы. Проводя эксперименты, Калорн случайно угодил в искривление времени и оказался на планете, известной тебе, как Марс. Марсиане, почему-то испугавшись его огромных размеров, сконструировали самую дьявольскую из всех тюрем, и нам нужны знания математики, отвечающие твоему пространству и измерению, для одной лишь цели - освободить его.

Спокойный голос продолжал, страстно, но без агрессивности, настойчиво, но дружески. Говоривший сожалел, что их андроид убивал людей. Более детально он объяснил, что каждое пространство основано на своих различных числовых системах, в одних, к примеру, все числа отрицательные, в других - только положительные, в третьих существует смешанная система, и этих систем - невероятное множество, и каждая из них имеет свою математику, связанную со структурой пространства и его законами.

Ничего таинственного, по существу, в силе *йеис* нет. Это просто поток энергии из одного пространства в другой, происходящий вследствие разности потенциалов. Однако этот поток является одной из универсальных сил, которые можно уравновесить только другой силой. Именно ее говорящий эти слова и использовал несколько минут назад. Суперметалл - действительно супер. В их же пространстве это обычный металл, молекулы которого состояли из отрицательных атомов. В мозгу Брендера он прочитал, что марсиане ничего не знали об отрицательных числах, поэтому, по всей видимости, они построили металл из обычных атомов - это можно было сделать и так, хотя задача усложняется.

В конце он сказал:

- Вся проблема сводится вот к чему: ваши математики должны сказать нам, как, используя нашу универсальную силу, совершить деление максимального простого числа - то есть разложить его на множители - для того, чтобы открыть дверь в любой момент. Ты можешь спросить, как можно разложить на множители простое число, когда оно делится только на себя и на единицу. Эту проблему в вашей системе исчисления разрешить могут лишь ваши математики. Ты сделаешь это для нас?

Брендер спрятал револьвер в карман. Успокоившись, он начал говорить:

- Похоже, вы были искренни и логичны. Если бы вы желали устроить нам неприятности, то проще всего было бы послать столько ваших сородичей, сколько вы сочли бы нужным. Конечно, весь этот вопрос нужно поставить перед Советом...

- И тогда это дело станет безнадежным. Совет не даст согласия...

- И вы считаете, что я сделаю то, что, как вы полагаете, самая высшая в Солнечной системе власть не способна сделать? - воскликнул Брендер.

- Нельзя рисковать жизнями граждан - такова сущность демократии. У нас здесь такое же правительство; и его члены уже информировали нас, что в сходных обстоятельствах они не стали бы рассматривать вопрос освобождения неизвестного чудовища. Отдельные индивидуумы, однако, могут рискнуть там, где отказывает правительство. Ты уже признал, что наша аргументация логична. Чего же в таком случае придерживаются люди, если не логики?

Контролер через своего андроида встревоженно следил за мыслями Брендера. Он заметил сомнения и неуверенность, которым противостояло присущее человеку желание помочь, основывавшееся на логической убежденности, что он при этом остается в безопасности. Копаясь в его сознании, Контролер сразу же понял, что

глупо, имея дело с людьми, слишком надеяться на логику... Он продолжил:

- Отдельному индивидууму мы можем предложить... все! Через минуту - с твоего позволения - мы перенесем этот корабль на Марс - не за тридцать дней, а за тридцать секунд. Знание того, как это было осуществлено, останется в твоей памяти. Оказавшись на Марсе, ты поймешь, что лишь тебе известно местонахождение древнего города Ли, в центральной башне которого находится гробница чудовища. В этом городе ты найдешь сокровища и предметы из суперметалла стоимостью в миллиарды долларов, а ведь по законам Земли пятьдесят процентов всего этого будут по праву твоими. Вернув себе состояние, ты сможешь вернуться на Землю еще сегодня.

Брендер побледнел. Со злобой андроид следил за мыслями, проносившимися в его сознании - воспоминание о катастрофе, в которой погибла его семья. Брендер с решимостью посмотрел на андроида.

- Хорошо, - сказал он. - Я сделаю все, что смогу.

Мрачная горная цепь спускалась в котловину красно-серого песка. Слабый порыв марсианского ветра поднял облачко песка над зданием. И *каким* зданием! Издалека оно казалось просто большим, поднимаясь на сто футов над пустыней - сто футов высоты и *полторы тысячи в диаметре*. Да к тому же оно должно было уходить в зыбучее море песка по меньшей мере еще на тысячу - только так достигалась совершенная гармония формы и сказочная красота, без которых давно вымершие марсиане не мыслили ни одну из своих, даже массивных, конструкций. Брендер показался самому себе внезапно маленьким и незначительным, когда реакторы его скафандра понесли его на высоте несколько футов над песком в направлении этого невероятного строения.

Вблизи простота вертикальных стен чудесным образом скрадывалась богатством отделки. Колонны и пилястры, установленные группами, разбивали плоскость фа-

сада, сходились и снова разбегались. Плоская поверхность стены и крыши переходила в богатство орнамента и псевдоукрашений, исчезала и терялась в игре света и тени.

Существо летело рядом с Брендером.

- Я вижу, ты всерьез пытаешься разрешить эту проблему, - начал Контролер, - но, похоже, этот андроид не способен поспевать за абстрактной мыслью, поэтому я не знаю, каким путем идут твои размышления. Однако я заметил, что ты, кажется, доволен.

- По-моему, я нашел ответ, - сказал Брендер, - но сначала я хочу взглянуть на замок с часовым механизмом. Давайте поднимемся.

Они поднялись в небо, а затем начали спускаться за краем здания. Брендер увидел огромную плоскую равнину - и в центре... У него перехватило дыхание!

Слабый свет далекого Солнца падал на конструкцию, размещенную на чем-то, что выглядело как середина большой двери. Конструкция эта была высотой примерно в пятьдесят футов, и казалось, что ее образовывали четыре квадранта, сходящиеся в центре - металлической стреле, направленной прямо вверх. Наконечник стрелы не был сплошным. Он словно разделялся на две части, которые искривлялись и сходились вновь. Впрочем, не совсем: между двумя металлическими секциями имелся промежуток примерно в фут, да к тому же их соединял едва заметный тонкий зеленый мосточек пламени силы *йеис*.

- Часовой механизм! - кивнул Брендер. - Я так и думал, что будет нечто, вроде этого, хотя ожидал, что устройство окажется больше и солиднее.

- Пусть тебя не обманывает его хрупкий вид, - ответило существо. - Теоретически сила суперметалла бесконечна, а силу *йеис* может уравновесить только другая, универсальная, сила. Каким же именно будет результат, предсказать заранее невозможно, поскольку он связан со всей системой счисления, на основе которой

создан этот район пространства. А теперь скажи, что нам делать.

- Хорошо. - Брендер опустился на песчаную дюну и выключил антигравитационные пластины. Он лежал на спине и задумчиво смотрел на сине-черное небо. На некоторое время все сомнения, тревоги и страхи покинули его. Он расслабился и начал:

- Марсианская математика, как Эвклидова и Пифагорова, основывалась на бесконечной величине. Отрицательные числа были недоступны их философии. На Земле же со времен Декарта математика продолжала развиваться. Размеры и величины, доступные для восприятия, были заменены величинами, меняющимися в зависимости от положения в пространстве.

Для марсиан между единицей и тройкой расположено только одно число. На самом же деле таких чисел бесконечное множество. И с появлением понятия квадратного корня из минус единицы - или числа i - и комплексных чисел, математика перестала быть простой вещью, величины которой можно было представить у себя в голове. Оставалось сделать только один шаг от ничтожно малой величины к еще меньшему пределу любой возможной конечной величины, чтобы появилась теория о переменной, способной принимать различные значения от любого выбранного числа (не являвшегося нулем) и ниже.

Простое число, согласно теории чистой величины, не существует в *реальной* математике, но в данном случае оно тесно связано с силой *йеис*. Марсиане знали *йеис*, как бледно-зеленый поток длиной около полуметра и мощностью примерно в тысячу лошадиных сил (на самом же деле 12,171 дюйма и 1021,23 лошадиных сил, но это неважно). Созданная мощность никогда не менялась, как и длина потока, и так было год за годом, тысячелетия за тысячелетием. Марсиане приняли эту длину за эталон и назвали ее один «эль»; а в качестве эталона мощности тоже выбрали эту мощность, назвав ее «рб». И из-за полной неизменности потока они решили, что он вечный.

Потом они решили, что ничто не может быть вечным, не будучи простым числом. Вся их математика основана на числах, для которых можно подобрать делитель, то есть разложить их на сомножители и уменьшить, и на числа без делителей, которые нельзя разложить на сомножители, поделить на меньшие группы.

Любое число, которое можно разложить на сомножители, не может быть бесконечным, следовательно, бесконечное число должно быть простым числом.

Поэтому они сконструировали механизм, связанный с линией *йеис*, чтобы он действовал, пока не перестанет перетекать эта сила - что произойдет в конце Времени, если только не произойдет какого-либо вмешательства в его работу. Чтобы не допустить этого вмешательства, они укрыли механизм перехода в суперметалле, который невозможно уничтожить и который не подвержен действию коррозии. Согласно их математике этого вполне хватало.

- Но ты нашел ответ, - нетерпеливо перебил его голос существа.

- Это просто: марсиане установили величину перехода на один «рб». Если вы вмешаетесь в работу механизма, даже самую малость, то вы уже не будете иметь один «рб», а меньшую величину. Являвшийся универсальным поток автоматически становится уже не универсальным и не бесконечным. Простое число перестает быть простым. Давайте предположим, что вы вмешиваетесь в его работу на величину максимального простого числа *минус единица*. Значит, тогда вы получаете число, которое делится на два. Вообще-то это число, как и большинство огромных чисел, тут же распадется на множество частей, то есть будет разделено на десятки тысяч меньших чисел. Если настоящее время окажется вблизи одного из этих мест распада, то дверь тут же откроется, если только, конечно, удастся осуществить такое вмешательство, чтобы один из делителей проявился в настоящем.

- Это вполне понятно, - сказал с удовлетворением

Контролер, и двойник Брендера торжествующе улыбнулся. - Теперь мы можем использовать этого андроида для создания универсальной величины, и Калорн вскоре будет освобожден. - Он громко рассмеялся вслух. - Бедняга андроид сейчас гневно протестует, что его уничтожат, но ведь в конце концов он просто машина, да к тому же не лучшая. Кроме того, он мешает мне хорошо принимать твои мысли. Послушай его крики, когда я буду придавать ему новую форму.

После этих слов, сказанных с холодной жестокостью, по спине Брендера пробежали мурашки, спустив его с абстрактных высот, где он витал, к реальному положению дел. Благодаря продолжительной напряженной работе мозга он отчетливо увидел то, что раньше ускользало от его внимания.

- Одну минутку, - произнес он. - Как получается, что этот робот, созданный в вашем мире, живет в моем временном измерении, в то время как Калорн продолжает жить в вашем?

- Очень хороший вопрос. - На лице существа появилась торжествующая ухмылка. Контролер продолжал: - Потому что, мой дорогой Брендер, тебя обманули. Да, действительно, Калорн живет в нашем временном измерении, но это произошло вследствие короткого замыкания в нашей машине. Устройство, созданное Калорном, было достаточно велико, чтобы перенести его, однако не имело механизма адаптации, чтобы приспособить его к любому новому пространству, куда он проникнет. В результате он перенесся в ваше измерение, но при этом не адаптировался. Но это, конечно, возможно для нас, его помощников, и мы способны перенести такой небольшой предмет, как андроид, хотя о самом устройстве мы знаем не больше тебя.

Короче говоря, мы могли бы использовать то, что от нее осталось, но тайна ее конструкции заперта в нашем собственном суперметалле и в мозгу Калорна. Ее изобретение Калорном явилось одной из тех случайностей,

которые, по теории вероятности, происходят раз в миллионы лет. Теперь, когда ты дал нам способ вернуть назад Калорна, мы сможем построить бесчисленное множество межпространственных машин. И наша цель - установить господство над всеми пространствами, всеми мирами - в особенности обитаемыми. Мы собираемся стать абсолютными правителями всей Вселенной.

Иронический голос умолк, и Брендер продолжал лежать, охваченный ужасом. И ужас этот был вызван двумя причинами - чудовищным планом Контролера и мыслью, которая стучала у него в мозг. Он застонал, осознав, что эта предостерегающая мысль будет перехвачена автоматически принимающим его мысли мозгом робота. «Погоди, - мысленно произнес он. - Тут добавляется новый фактор - время...»

Существо пронзительно закричало, когда его силой заставили менять форму. Крик перешел в всхлипывание, потом существо умолкло. На серо-коричневой поверхности песка и суперметалла лежало загадочное устройство из блестящего металла.

Металл светился; а затем устройство воспарило. Оно поднялось к кончику стрелы и нависло над зеленым пламенем луча *йеис*.

Брендер схватил свой антигравитационный диск и вскочил на ноги. Это резкое движение подняло его на несколько сотен футов в воздух. Реакторы плюнули огнем, и он стиснул зубы, ощущая боль от ускорения. А под ним огромная дверь начала открываться все быстрее и быстрее, уподобляясь маховому колесу. Песок бросало во все стороны, словно в миниатюрном шторме.

На полной скорости Брендер отлетел в сторону - и вовремя. Сначала центробежная сила вышвырнула с огромного колеса машину-робота. Потом дверь отделилась от здания и, завращавшись с невероятной скоростью, стремительно начала подниматься вверх и исчезла вдали.

Из мрака усыпальницы вылетело облачко черной пыли. Пытаясь подавить свой страх, вспотев, но чувствуя

огромное облегчение, Брендер подлетел туда, где робот упал на песок. Теперь там вместо сверкающего металла лежал кусок потускневшего от времени металлолома. Потом этот тусклый металл слегка засветился и принял квазичеловеческую форму. Тело осталось серым, сморщенным, словно вот-вот готовое от старости развалиться на куски. Андроид попытался встать на сморщенных ногах, но это закончилось тем, что он остался лежать, уже совершенно неподвижно. Его губы шевелились, бормоча:

- Я принял твое предупреждение, но я не позволил им узнать его. А теперь Калорн мертв. Они поняли, в чем дело, когда это случилось. Настал конец Времени...

Оно умолкло, и Брендер продолжил:

- Да, настал конец Времени, когда поток на мгновение перестал быть вечным - дошел до точки события, случившегося несколькими минутами раньше.

- Я... только частично... был под их... влиянием, Калорн все время... Даже если бы им повезло... потребовались бы годы, прежде чем... они изобрели бы другую машину... и один год у них - миллиарды... ваших... Я не сказал им... Я принял твою мысль... и не позволил... им...

- Но почему ты сделал это... Почему?

- Потому что они заставляли меня страдать. Они собирались уничтожить меня. Потому что... я полюбил... людей. Я был... кем-то!

Тело медленно растеклось в лужицу серой лавы. Потом эта лава сморщилась и распалась на сухие хрупкие кусочки. Брендер коснулся одного из кусочков, и тот рассыпался в пыль. Он посмотрел на мрачную пустынную котловину и вслух пожалел чудовище:

- Бедный Франкенштейн!

После чего повернулся и полетел к далекому космическому кораблю.

ПЯТЫЙ ВИД: ЗАГАДОЧНОЕ ЧУДОВИЩЕ ВОСКРЕСШЕЕ ЧУДОВИЩЕ

Огромный корабль завис на высоте четверти мили над одним городом. Поверхность внизу подверглась космическому опустошению. Медленно опускаясь в энергетическом коконе-сфере, Энаш увидел, что здания уже начали рассыпаться от ветхости.

- Никаких следов военных действий! – ежеминутно в его ушах раздавался бестелесный голос автомата. Энаш перенастроил его.

На земле он отключил поле своего кокона, и когда защитный экран исчез, он оказался на окруженном стенами участке, поросшем бурьяном. Рядом с наклонившимся зданием в высокой траве лежало несколько скелетов. Это были скелеты длинных, двухногих и двуруких существ, и у каждого к верхнему тонкому спинному хребту крепился скелет. Все эти скелеты, по всей видимости, взрослых существ, казались прекрасно сохранившимися, но когда он нагнулся и прикоснулся к одному из них, то тут же весь сустав рассыпался в прах. Распрямившись, он увидел, как поблизости приземляется Йоал. Энаш подождал, пока историк не выйдет из своего кокона, после чего сказал:

- Как, по-твоему, может, нам следует воспользоваться методом воскрешения давно умерших?

Йоал задумался.

- Я расспрашивал многих, кто совершал посадки здесь, и все утверждали, что эта планета какая-то не такая, здесь что-то не так. Ничто живого не уцелело - даже насекомых! Мы должны выяснить, что здесь случилось прежде, чем начать колонизацию.

Энаш ничего не возразил на эти слова. Слабый ветерок шелестел листьями росших неподалеку деревьев. Он махнул рукой в сторону деревьев. Йоал кивнул и сказал:

- Да, растительная жизнь процветает, но ведь растения в конце концов реагируют совсем иначе, чем активные формы жизни.

Тут их прервали.

- В центре города обнаружен музей, - произнес голос из приемника Йоала. - На его крыше расположен красный маяк.

- Я отправлюсь вместе с тобой, Йоал, - сказал Энаш. - Там могут оказаться скелеты животных и разумных существ на различных стадиях эволюции. Но ты так и не ответил на мой вопрос: собираешься ли ты воскрешать этих существ?

- Я намерен обсудить этот вопрос на Совете, - ответил Йоал, растягивая слова, - но мне кажется, ответ не вызывает сомнений. Мы должны узнать причину этой катастрофы. - Он как-то неуверенно обвел полукруг одним своим щупальцем. Потом добавил: - Конечно, действовать мы будем осторожно, начиная с самых ранних ступеней эволюции. Отсутствие скелетов детей указывает на то, что раса достигла индивидуального бессмертия.

Совет собрался для осмотра экспонатов. Энаш знал, что все это простая формальность. Решение уже было принято. Будет начато воскрешение. Помимо всего прочего, они были заинтригованы. Космос так огромен, межзвездные путешествия длятся очень долго, кажутся такими тоскливыми, и поэтому при приземлении их всех охватывает волнение и нетерпение и оживают их надежды на обнаружение новых форм жизни, которых можно изучить...

Музей выглядел как все музеи. Высокие сводчатые потолки, огромные залы. Пластиковые фигуры странных зверей, множество артефактов - их было слишком много, чтобы все осмотреть и понять за столь короткое время. Эволюция расы была представлена последовательными группами реликтов. Энаш рассматривал их вместе с остальными и обрадовался, когда они добрались, наконец, до ряда скелетов и мумий. Он уселся за силовым экраном и наблюдал, как специалисты-биологи вытаскивали из каменных саркофагов одну мумию. Она была перебинтована в несколько слоев полосами материи, но биологи и не думали разворачивать истлевшую ткань. Просунув пинцет, они отломили только небольшой кусочек черепа - как и требовалось при этой процедуре. Несмотря на то, что годилась любая часть скелета, самые лучшие результаты, наиболее полная реконструкция получались, когда использовались определенные участки черепа.

Главный биолог Хамар объяснил, почему было выбрано именно это тело.

- Химические вещества, использованные для сохранения этой мумии, свидетельствуют о зачаточном состоянии химии. Резьба же на саркофаге указывает на то, что это примитивная и немеханическая цивилизация. У таких цивилизаций не могут получить особенное развитие потенциальные возможности нервной системы. Наши специалисты по языкам проанализировали записи говорящих машин, имеющихся во всех разделах выставки, и, хотя языков оказалось множество (есть даже запись, сделанная на древнем языке, на котором говорили в то время, когда жило это существо), они без особого труда расшифровали все понятия, а затем настроили наш универсальный переводчик так, что тот переведет слова любого желающего поговорить с воскресшим существом на его язык. Разумеется, машина сделает и обратный перевод. Ага, я вижу, что мы уже готовы начать воскрешение первого тела.

Энаш вместе с остальными внимательно наблюдал за

действиями биологов: те закрепили крышку пластикового воскресителя, после чего начался собственно процесс воскрешения. Он почувствовал, как внутри все напряглось. Все происходило так, как должно было быть. Через несколько минут оживший древний обитатель этой планеты встанет и уставится в удивлении на них. Научный метод воскрешения был прост и безотказен.

Из тьмы бесконечно малых величин возникает жизнь. Уровень зарождения и умирания жизненных форм и... не жизни - в этих смутно отличимых границах вещество легко переходит из одного состояния в другое. Из состояния органики в неорганику, либо же наоборот. Электроны не бывают живыми или неживыми. Атомам ничего не известно об одушевленности или неодушевленности. Но когда атомы образуют молекулы, то достаточно одного шажка, одного крошечного шажка, чтобы возникла жизнь... если жизнь вообще зарождается. Один шажок - а потом тьма. Или жизнь.

Камень или живая клетка. Крупица золота или травинка, пески океана или столь же бесчисленные крошечные живые существа, обитающие в бездонных глубинах рыбьего царства. Разница возникает в сумеречной зоне зарождения материи. Именно там каждая живая клетка обретает присущую ей форму. Если у краба оторвать ногу, то на месте оторванной вырастает новая. Червь вытягивается, и вскоре происходит деление его пополам и возникают два червя, оба идентичных друг другу, с двумя пищеварительными системами, таких же прожорливых, как и родитель, целых, ничуть не поврежденных этим делением. Из каждой клетки можно воссоздать все существо. Каждая клетка «помнит» это целое в мельчайших и немыслимых подробностях, и никакими словами невозможно описать их.

Но весь парадокс заключается в том, что память не является органической. Обыкновенный воск запоминает звуки. Магнитная лента легко воссоздает голос человека, жившего много лет назад. Память - физиологический

отпечаток, след на материи, и поэтому при желании можно сделать так, что *клетки* воспроизведут те же образы в том же ритме.

И вот сейчас в ответ на действия воскресителя мультиквадриллионы образов-формул памяти существа-мумии устремились в машину. И, как всегда, память была воссоздана неповрежденной.

Воскрешенный моргнул и открыл глаза.

- Значит, это правда, - вслух сказал он, и эти слова тут же были переведены на язык гэнейцев.. - Смерть - это просто врата к другой жизни... но где же мои приближенные? - Последнюю фразу он произнес жалобным тоном.

Он сел, потом выбрался из аппарата, крышка которого автоматически поднялась, когда он ожил. Он увидел своих воскресителей. И замер как вкопанный, но только на секунду. Воскрешенный был горд и обладал особым высокомерием, мужеством, которое и пришло ему сейчас на помощь. Он неохотно опустил на колени, простерся ниц, но тут, должно быть, сомнения закрались в его душу.

- Вы - боги Египта? - Он поднялся на ноги. - Нет, вы вовсе не похожи на них! А я не кланяюсь безыманным демонам.

- Убейте его! - приказал капитан Горсид.

Двуногое чудовище, дергая конечностями, растаяло в пламени лучевого оружия.

Вскоре на ноги поднялся второй воскресенный, бледный, дрожащий от страха.

- О Господи, клянусь, я не прикаснусь больше к этой проклятой дряни! Подумать только, разговаривать с розовыми слонами...

Йоала его слова заинтриговали:

- О какой *дряни* ты говоришь, воскресенный?

- Самогонке, отраве во фляжке из заднего кармана, спиртное, которым меня накачали во время того разговора... О Господи!

Капитан Горсид вопросительно посмотрел на Йоала:

- Стоит задерживаться на нем?

Йоал несколько секунд раздумывал.

- Я заинтригован. - Он обратился к воскрешенному:
- Допустим, я скажу вам, что мы посетители с другой звезды. Как вы отреагируете?

Воскрешенный вылупился на него. Он был явно в замешательстве, но страх оказался сильнее.

- Послушайте, - начал он, - я ехал по своим делам. Признаюсь, я опрокинул пару лишних рюмок, но во всем виновато спиртное. Клянусь, я не видел никакой другой машины... Если теперь так наказывают водителей за то, что они садятся пьяными за руль, то, ладно, ваша взяла. Пока я жив, больше не выпью ни капли, только отпустите меня.

- Он управлял «автомобилем», - пояснил Йоал, - и совершенно не думает о нем. Во всяком случае, никаких машин мы не видели. Туземцы даже не побеспокоились сохранить их в музеях.

Энаш заметил, что каждый ждет, что кто-нибудь другой сделает какой-либо комментарий, и решил сам прервать наступившее было молчание:

- Попроси его описать автомобиль. Как он работает?

- Вот теперь совсем другое дело, - заметил воскрешенный. - Скажите, куда вы клоните, задавайте вопросы, пожалуйста, и я все объясню. Я могу так напиться, что в глазах начинает двоиться, но все равно смогу вести машину. Как она работает? Ну, просто включаешь стартер и давишь на газ.

- Газ, - повторил техник-лейтенант Виид. - Двигатель внутреннего сгорания. Все ясно.

Капитан Горсид махнул охраннику с лучевым оружием.

Когда встал третий воскрешенный, он задумчиво рассматривал пришельцев некоторое время.

- Со звезд? - наконец спросил он. - У вас есть какая-то система, или вы попали сюда случайно?

Гэнейские советники, собравшиеся в этом зале, где вершилась судьба воскрешенных, неловко заерзали в

своих изогнутых креслах. Энаш заметил, что Йоал поглядывает на него. Выражение потрясения в глазах историка встревожило метеоролога. Он подумал: «Слишком быстро этот двуногий приспособился к новой ситуации, такое поразительное понимание реальности происходящего просто ненормально. Ни один гэнеец не способен так быстро отреагировать».

- Скорость мысли не обязательно признак превосходства, - произнес главный биолог Хамар. - И медленно думающий осторожный мыслитель занимает свое место в иерархии интеллекта.

И тут Энаш вдруг невольно подумал: «Дело не в скорости, а в правильности и точности выражения мысли». - Он попытался представить себя на месте воскрешенного, смог бы он сразу же осознать значение присутствия инопланетян со звезд. Нет, не смог бы.

Впрочем, он тут же забыл об этом мысли: воскрешенный выбрался из машины. Под пристальными взглядами инопланетян он быстро прошел к окну и бросил взгляд наружу. Всего один короткий взгляд, а потом он повернулся к ним.

- Везде то же самое? - спросил он.

И снова скорость его понимания ситуации произвела на пришельцев впечатление. Наконец Йоал ответил:

- Да. Опустошение. Смерть. Развалины. Имеете ли вы представление, что же случилось?

Воскрешенный вернулся к ним и остановился перед энергетическим экраном, который окружал гэнейцев.

- Могу я осмотреть музей? Я должен прикинуть, в какой я эпохе. Когда я был жив, у нас были кое-какие средства уничтожения, но вот какое из них было применено, зависит от того, сколько времени прошло.

Советники посмотрели на капитана Горсида, тот несколько секунд колебался, потом обратился к охраннику с лучевым оружием:

- Следи за ним! - Затем повернулся к воскрешенному. - Нам ясны ваши намерения. Вам хочется взять контроль

над ситуацией и обеспечить свою безопасность. Позвольте мне предупредить вас: не делайте лишних движений, и тогда все будет нормально.

Поверил воскрешенный в эту ложь или нет, он никаким образом этого не выказал. Ни единым взглядом, ни единым жестом он не показал, что заметил оплавленный пол там, где лучевое оружие сожгло двух его предшественников. С выражением интереса на лице он прошествовал к ближайшей двери из зала, оглядел еще одного охранника, который там дожидался его, после чего медленно перешагнул порог. Вслед за ним вышел и первый охранник, а потом с места сдвинулся передвижной энергетический экран, и лишь после этого, наконец, последовала вереница советников.

Энаш третьим перешагнул через порог. В этом зале располагались скелеты и пластмассовые модели животных. Следующий зал Энаш назвал, за неимением лучшего термина, «цивилизованным». В нем были выставлены предметы из одного периода, и все говорило о высоком уровне развития техники и культуры. Он осмотрел несколько машин, когда они в первый раз прошли по залу, и подумал: «Атомная энергия». Подобная мысль пришла в голову не одному только Энашу. За спиной капитан Горсид сказал воскрешенному:

- Вам же запретили прикасаться к чему бы то ни было. Одно лишнее движение - и охранники откроют огонь.

Тот спокойно стоял посреди зала. Несмотря на чувство тревожного любопытства Энаша привело в восхищение его спокойствие. Наверное, он знал, какой будет его судьба, но все равно стоит и смотрит на них с задумчивым видом. Наконец воскрешенный уверенно произнес:

- Дальше не нужно идти. Возможно, вам удастся лучше меня определить, сколько прошло времени с момента, когда я родился и когда были построены эти машины. Вон там я вижу прибор, который, судя по табличке над ним, подсчитывает взрывающиеся атомы. Как только взорвется определенное их количество, автоматически

отключается источник питания для того, чтобы предотвратить цепную реакцию, - на точно рассчитанный промежуток времени. В мое время у нас были тысячи грубых устройств для замедления ядерной реакции, но понадобилось две тысячи лет с начала атомной эры, чтобы создать подобное устройство. Можете ли вы сделать сравнительный расчет?

Советники посмотрели на Вииду. Техник-лейтенант раздумывал над ответом. Наконец он неохотно признался:

- Девять тысяч лет назад у нас были тысячи способов замедления ядерных взрывов. - Он замолчал, потом, растягивая слова, продолжал: - Никогда не слышал о приборе, который был создан только для подсчета атомов.

- И все же, - шепотом сказал астроном Шури, почти неслышно, - эта раса была уничтожена.

Последовала пауза, которая закончилась, когда Горсид обратился к ближайшему охраннику:

- Убей чудовище!

Но в этот миг охранник рухнул вниз в вспышке пламени. И не только он один, но и все остальные охранники! Они одновременно были сражены голубым лучом. Этот луч лизнул по экрану, отпрянул, потом рванулся еще яростней, снова отпрянул, разгораясь все ярче. Сквозь огненную завесу Энаш увидел, что воскрешенный отступил к дальней двери, а экран прибора, подсчитывавшего атомы, загорелся ярким синим светом.

Капитан Горсид закричал в переговорное устройство:

- Все выходы охранять, держать наготове лучевое оружие! Подвести корабли поближе и уничтожить чужака при помощи тяжелых пушек.

- Мысленный контроль, - сказал кто-то. - Нечто вроде мысленного контроля. На что же это мы натолкнулись?

Они попятились. Синий луч уже был у потолка, пытаясь пробиться через экран. Энаш бросил последний взгляд на прибор. Наверное, он все еще подсчитывал

атомы: теперь его экран был темно-синим. Вместе с остальными Энаш помчался в зал, где проводились воскрешения. Там они оказались под защитой еще одного энергетического экрана и, уже в безопасности, они вошли в свои купола и, пронесаясь стрелой мимо дверей, достигли корабля. Когда огромный звездолет воспарил над городом, вниз из него была сброшена атомная бомба, а потом гриб взрыва и пламя скрыли от пришельцев музей и весь город.

- Но мы по-прежнему не знаем, почему погибла эта раса, - прошептал Йоал на ухо Энашу, когда затихли раскаты чудовищного взрыва.

Бледно-желтое солнце медленно поднималось над горизонтом утром третьего дня после взрыва бомбы, на восьмой день после посадки. Энаш вместе с остальными спустился в новый город. Он решил выступить против продолжения новых воскрешений.

- Как метеоролог, - сказал он, - я заявляю, что для гэнейской колонизации эта планета вполне безопасна. Я не понимаю, к чему нам дальше рисковать. Эта раса познала тайны собственной нервной системы, и мы не можем позволить...

На этом месте его прервали. Это был биолог Хамар.

- Если им столько уже стало известно, - сухо заметил он, - то почему они не переселились на другую звездную систему и не спасли себя от гибели?

- Полагаю, - произнес Энаш, - что вполне могло случиться такое, что ими так и не был открыт наш способ обнаружения звезд, имеющих планеты. - Он с серьезным видом обвел взглядом круг друзей. - Мы ведь сами признали, что это открытие - уникальное и случайное, и это результат не столько силы ума, сколько удачи.

Тут он увидел выражения на их лицах и понял, что они не согласны с его доводами. Мысленно представив, как эта великая раса встречает свою смерть, он почувствовал собственное бессилие предотвратить неизбежную

катастрофу. Наверное она случилась быстро, но все же не так быстро, чтобы они не узнали о ней - слишком уж много скелетов лежали на открытых местах в садах великолепных домов, словно мужья с женами вышли из дома специально для того, чтобы встретить гибель своего народа. Он попытался обрисовать эту картину советникам - картину последнего дня, случившегося давным-давно, когда целая раса спокойно встретила свою гибель. Но это ему не удалось: советники нетерпеливо заерзали на своих сиденьях за несколькими рядами энергетических экранов, и капитан Горсид сказал:

- Что же именно, Энаш, вызвало у вас такую эмоциональную реакцию?

Энаш несколько секунд раздумывал над ответом. Он не думал, что тут дело в эмоциях. И не понимал природу этой навязчивой идеи, столь незаметно она овладевала им. И внезапно он вдруг понял.

- Тот, третий воскрешенный, - ответил он, растягивая слова. - Я увидел, как он стоит за завесой пламени, в дверях, с любопытством наблюдая за нашим поспешным бегством. Его мужество, спокойствие, ловкость, с которой он нас одурачил, - в этом-то все дело.

- И это привело его к смерти! - заметил Хамар.

Все захохотали.

- Послушайте, Энаш, - добродушно произнес Мейярд, помощник капитана. - Не станете же вы утверждать, что существа этой расы храбрее нас, или что, несмотря на все предпринятые предосторожности, нам нужно бояться одного человека?

Энаш ничего не ответил; он чувствовал себя глупо. Открытие того, что он может ощущать эмоции, привело его в замешательство. Он не хотел выглядеть неблагодарным в их глазах. Он сердито произнес последнее возражение:

- Я хочу только сказать одно: ваше желание узнать, что же случилось с погибшей расой, вовсе не кажется мне таким уж существенно важным.

Капитан Горсид махнул рукой биологу.

- Приступайте к оживлению.

Потом он обратился к Энашу:

- Разве можем мы вернуться на Гэну и рекомендовать массовое переселение сюда - а потом признаться, что мы так и не завершили здесь исследования? Мой друг, это невозможно.

Это был старый довод, но Энаш неохотно сейчас признал, что и эта точка зрения тоже имела свой смысл. Но он тут же забыл обо всем: шевельнулся четвертый воскрешенный.

Он встал, а затем исчез.

Последовало молчание пораженных ужасом, удивленных пришельцев. Потом капитан Горсид резко сказал:

- Он не мог покинуть этот зал. Мы знаем это. Он где-то здесь.

Гэнейцы вокруг Энаша привстали из своих кресел и принялись всматриваться в пространство под куполом энергетического экрана. Охранники стояли, безвольно опустив щупальца с лучевым оружием. Краем глаза Энаш увидел, как один из техников, обслуживавших защитные экраны, подозвал к себе Вииду, и тот наклонился к нему. Потом он с хмурым видом вернулся и сказал:

- Мне сказали, что когда он исчез, стрелки приборов прыгнули на десять делений. Это уровень внутриядерных процессов.

- Во имя древнего гэнейца! - прошептал Шури. - Вот мы и столкнулись с тем, чего всегда боялись.

Горсид закричал в микрофон:

- Уничтожить все локаторы на звездолете. Уничтожить, вы слышите!

Он повернулся к советникам со сверкающими глазами.

- Шури, - громко произнес он, - кажется, они не понимают. Отдай сам приказ своим помощникам. Все локаторы и воскрешители должны быть уничтожены.

- Скорее, скорее! - слабым голосом поторопил помощников Шури.

Когда это было выполнено, они перевели дух. Появились хмурые улыбки и напряженное удовлетворение.

- По крайней мере, - заметил помощник капитана Майярд, - теперь ему не удастся обнаружить Гану. Наша великая система обнаружения солнц с планетами останется нашим секретом. Мы можем не опасаться возмездия...

- Он замолчал, потом продолжил, растягивая слова: - Что это я тут несу? Мы ведь ничего не сделали здесь, мы не несем ответственность за катастрофу, которая случилась с обитателями этой планеты.

Но Энаш знал, что Майярд хотел сказать. На поверхность сознания в подобные моменты пробивается чувство вины - призраки всех уничтоженных гэнэяцами рас: беспощадная воля, наполняющая их, когда они совершили первую посадку, следующее вслед за тем уничтожение того, что находится на планете. Темная бездна тихой ненависти и ужаса, разверзающиеся за ними повсюду; дни конца света, когда они безжалостно облучали ничего не подозревающих миролюбивых жителей планеты - все это скрывалось в словах Майярда.

- Я по-прежнему отказываюсь поверить в то, что ему удалось сбежать, - сказал капитан Горсид. - Он здесь. Дождается, что мы приспустим свои экраны, чтобы сбежать. Что ж, не будем этого делать.

Они в терпеливом молчании заерзали в своих креслах, ощущая пустоту под защитным куполом. Воскрешитель покоился на своих металлических подставках. Но больше ничего там не было. Ни одного блика неестественного света, ни тени. Ослепительно сверкающие желтые лучи солнца проникли через окна в комнату, не оставляя места, где можно было бы спрятаться.

- Охрана, - сказал Горсид, - уничтожить этот воскрешитель. Я не думаю, что он может вернуться и осмотреть его, но мы не можем рисковать.

Машина взорвалась в яростном белом пламени.

И Энаш, почему-то надеявшийся, что смертоносная энергия заставит двуногое чудовище появиться, почувствовал, что его надежды медленно гаснут внутри него.

- Но куда он мог сбежать? - прошептал Йоал.

Энаш повернулся, чтобы обсудить этот вопрос. Во время поворота он увидел чудовище, стоявшее под деревом в двадцати футах и внимательно их рассматривавшего. Наверное, именно *в эту секунду* он и появился: все советники одновременно открыли рты и отпрянули. Один из техников, проявляя величайшую находчивость, установил между гэнейцами и чудовищем энергетический экран. Существо медленно направилось вперед. Воскрешенный, стройный человек, держал свою голову запрокинутой назад. Глаза его сияли, будто освещенные внутренним огнем.

Приблизившись к экрану, он остановился и, протянув руку, прикоснулся к нему пальцами. Экран вспыхнул, а потом начали переливаться краски, и экран затуманился. Затем краски стали ярче и сложились в сложный узор объемной фигуры, которая обхватила человека с головы до земли. Через несколько секунд все было кончено: туман прояснился, узор исчез, а воскрешенный уже прошел через экран.

Он рассмеялся - звук был странно мягким - потом посерьезнел.

- Когда я впервые пробудился, ситуация эта меня заинтриговала. Весь вопрос в том, что же мне делать с вами.

Эти слова, раздавшиеся в неподвижном утреннем воздухе этой планеты мертвецов, показались Энашу приговором судьбы. Чей-то голос разорвал тишину, такой напряженный и неестественный, что лишь через несколько секунд он узнал его: это был капитан Горсид.

- *Убейте его!*

Когда бластеры прекратили свою бесполезную пальбу, неуничтожимое чудовище все также оставалось стоять. Потом воскрешенный медленно направился вперед,

пока не оказался всего в шести футах от ближайшего гэнейца. Энаш располагался взади всех. Человек начал, растягивая слова:

- Напрашиваются два решения: одно - основанное на благодарности за мое воскрешение, другое - на действительном положении дел. Я знаю, кто вы и для чего вы здесь. Да, *мне известно* о вас - к вашему несчастью. Трудно быть милосердным по отношению к вам. Что ж, попробую, - продолжал он, - давайте допустим, что вы откроете мне тайну локатора. Разумеется, теперь, когда система уже существует, мы никогда не попадемся так глупо, как в тот раз.

Энаш погрузился в собственные думы, его разум так лихорадочно работал, рассматривая возможные последствия катастрофы, что, казалось, в нем не осталось места ни для чего другого. И все же часть его внимания сейчас отвлеклась от волновавших его проблем.

- Что случилось? - спросил он.

Человек изменил краски. Его голос стал глухим от эмоций, которые пробудил в нем тот далекий день.

- Ядерная буря. Она пришла из глубин космоса, захватив весь этот край нашей Галактики. В диаметре она имела примерно девяносто световых лет, гораздо больше того, что было нам доступно. Мы не могли спастись от нее. Мы обходились без космических кораблей, и поэтому у нас не было времени построить их. Кастор, единственная звезда с планетами, которую мы смогли обнаружить, тоже оказался на пути бури. - Он замолчал на несколько секунд. - Итак, секрет локатора?

Сидевшие вокруг Энаша советники перевели дух.

Теперь они не боялись, что их раса будет уничтожена. Энаш с гордостью отметил, что первое потрясение прошло, и они уже даже не боятся за себя.

- Так, значит, - тихо начал Йоал, - вы не знаете этого секрета. Несмотря на все свои великие открытия, только нам по силам завоевать Галактику. - Он посмотрел на остальных, на его губах появилась улыбка, выдававшая

его уверенность в себе. - Господа, - продолжал он, - мы можем по праву гордиться великими достижениями гэннейцев. Полагаю, что мы можем вернуться на наш корабль. Больше на этой планете у нас нет дел.

Потом последовал момент замешательства, пока формировались их коконы-экраны, и Энаш успел задать себе вопрос, не попытается ли это двуногое чудовище помешать их отлету. Но когда он бросил взгляд назад, то увидел, что воскрешенный неторопливой ленивой походкой шагает по улице.

Когда корабль начал взлетать, именно этот образ запомнился Энашу. Да еще и то, что три атомные бомбы, сброшенные одна за другой на город, так и не взорвались.

- Так просто мы не откажемся от этой планеты, - заявил капитан Горсид. - Предлагаю еще раз поговорить с этим существом.

Они снова опустились в город - Энаш, Йоал, Виид и главнокомандующий. Голос капитана Горсида еще раз прозвучал в их наушниках:

- ... Мне кажется... - Сквозь туман Энаш видел блеск трех прозрачных коконов-экранов, которые окружали его. - Мне кажется, мы, не имея достаточных на то оснований, слишком торопимся с выводами относительно этого существа. К примеру, сразу же после пробуждения он исчез. Почему? Конечно, потому что он боялся. Ему хотелось взять ситуацию под контроль. Он не считает себя всемогущим.

В словах капитана была логика. Эти доводы пришлись по душе Энашу. Внезапно ему показалось непонятным, что он так легко поддался панике. Теперь он глядел на опасность под новым углом. Только один живой человек на целой планете. Новой. Если у них хватит решимости, то можно будет начать переселение колонистов, словно его вообще никогда не было. Он вспомнил: так уже делалось в прошлом. На нескольких планетах небольшим группкам местного населения удавалось выжить после действия разрушительной радиации и укрыться в отда-

ленных районах. Но почти всегда прибывшие отряды колонистов начинали охоту за ними и постепенно уничтожали их до единого. Впрочем, в двух случаях, насколько помнил Энаш, туземцы еще удерживали небольшие области своих планет. В каждом из этих случаев было решено, что нет смысла уничтожать их, потому что при этом возникла бы угроза и жизни гэнейцев на планете. Поэтому колонисты там примирились с выжившими туземцами. Ну, а здесь единственный местный житель не займет слишком много места.

Когда они отыскиали его, он деловито подметал нижний этаж небольшого бунгало. Отложив в сторону метлу, он вышел на террасу. На нем была свободно развевающаяся туника из какой-то ослепительно сверкающей материи, а на ногах - сандалии. Он лениво посмотрел на них, но ничего не сказал.

Капитан Горсид ввел его в суть дела. Энаш с восхищением слушал рассказ, который тут же машина переводила на язык людей. Главнокомандующий был предельно откровенен: так решили заранее. Он подчеркнул, что гэнейцы не собираются оживлять мертвых обитателей этой планеты. От них и нельзя было ждать подобного, принимая во внимание, что все возрастающие орды гэнейцев постоянно нуждаются в новых мирах. Всякий раз очередное увеличение численности населения становилось проблемой, которую разрешить возможно было только одним способом. В данном же случае колонисты с уважением отнесутся к правам единственного живого обитателя этой планеты.

Именно в этом месте человек прервал капитана.

- Но какова цель этой бесконечной экспансии? - Его, кажется, действительно интересовал этот вопрос. - Что случится, когда вы, наконец, займете все планеты в этой Галактике?

Капитан Горсид обменялся недоуменным взглядом с Йоалом, потом быстро перевел его на Вииду, а затем и на Энаша. Тот отрицательно покачал туловищем, испыты-

вая жалость к воскрешенному. Тот до сих пор еще этого и не понял! Да, наверное, так никогда и не поймет. Старая история о двух расах, жизнеспособной и утасаживающей, придерживающихся противоположных точек зрения: одна стремилась к звездам, другая склонялась под неотвратимостью судьбы.

- А почему бы не взять контроль над своими инкубаторами? - спросил человек.

- И вызвать падение правительства! - воскликнул Йоал.

Потом он начал говорить более спокойно, и Энаш увидел на лицах остальных улыбки - их забавляла наивность воскрешенного. Энаш понял, что интеллектуальная пропасть между ними расширяется. Это существо не оценило по достоинству природу жизненных сил, управляющих миром. Человек снова заговорил:

- Ладно, если вы не можете контролировать их, то мы сделаем это за вас.

Последовало молчание.

Они все начали окостеневать от ярости. Энаш ощущал это в самом себе, видел признаки этого в остальных. Его взгляд перебегал с одного лица на другое, потом снова вернулся к существу, стоявшему на пороге дома. И уже не в первый раз у Энаша мелькнула мысль, что их враг кажется беспомощным. «Почему бы, - вдруг подумал он, - мне не обхватить его сейчас щупальцами и не раздавить?»

Интересно, включает ли мысленный контроль на уровне энергий ядер, атомов и гравитонов способность защитить себя от макрокосмической атаки?»

Он думал, что это так. Сила, проявления которой они видели два часа назад, должна была иметь какие-то пределы, но даже в таком случае, им-то они не были известны. Сила или слабость больше не имели особого значения - им недвусмысленным образом угрожали: «Если вы не можете взять их под контроль, это сделаем мы».

Эти слова эхом звучали в ушах Энаша, и, по мере того, как их смысл доходил до его сознания, его отчужденность

от происходящего исчезала. Он всегда считал себя отстраненным наблюдателем. Даже раньше, когда он возражал против воскрешения, некая изолированная часть его сознания наблюдала за разворачивающимися событиями, а не участвовала в них. Сейчас он с предельной ясностью понял, почему он всегда уступал и в конечном итоге соглашался с другими. Возвращаясь в прошлое, к далеким-далеким дням, он теперь видел, что никогда не считал себя участником захвата планет, населенных другими расами. Он просто наблюдал, размышлял, рассуждал на тему жизни, которая, кажется, не имела для него особого значения. Но теперь с этой бессмысленностью было покончено. Его захлестнула волна чувства, которое теперь управляло его поступками. Ему казалось, что он тонет, но на поверхность он вынырнул типичным представителем народных масс гэнейцев. Вся сила и вся воля его расы сконцентрировалась в его крови.

Он рывкнул:

- Существо, если ты питаешь еще надежды воскресить свою погибшую расу, то оставь их теперь.

Человек посмотрел на него, но промолчал.

- Если бы ты мог уничтожить нас, - продолжал Энаш, - то ты бы уже сделал это. Но все дело в том, что твои возможности ограничены. Наш корабль построен так, что на нем невозможна никакая цепная реакция. Любой пластине из потенциально неустойчивого материала противостоит другая пластина, и это не допускает образования критических масс. Ты можешь произвести взрывы в наших двигателях, но и они тоже останутся ограниченными и просто-напросто начнут процесс, для которого и предназначены - перемещение корабля в пространстве.

Энаш почувствовал прикосновение руки Йоала.

- Осторожнее, - предупредил его историк. - Не позволю своему гневу выдать жизненно важную информацию.

Энаш стряхнул его щупальце.

- Нужно быть реалистами, - резко произнес он. - Этому чудовищу, по всей видимости, достаточно было взглянуть на наши тела, чтобы понять почти все секреты нашей расы. Глупо полагать, что оно еще не взвесило наши и свои возможности в создавшейся ситуации.

- *Энаш!* - раздался властный голос капитана Горсида.

Так же быстро, как появилась, ярость отхлынула. Он отступил и сказал:

- Да, главнокомандующий.

- Кажется, я знаю, что вы намеревались сказать, - произнес капитан Горсид. - Уверяю вас, я целиком с вами согласен, но в качестве высшего представителя властей Гэны я должен предъявить вам ультиматум.

Он повернулся. Его рогатое тело нависло над воскрешенным.

- Ты угрожаешь нам, и этому нет прощения. Ты сказал нам, что ты попытаешься ограничить движение великого духа гэнейцев.

- Не духа, - возразил человек. Он тихо рассмеялся. - Нет, вовсе не духа.

Главнокомандующий не обратил внимание на его замечание.

- И поэтому у нас нет выбора. Мы считаем, что если тебе дать время, ты, собрав материалы и изготовив необходимые инструменты, сможешь построить воскрешитель. По нашему мнению, тебе понадобится по меньшей мере два года, чтобы сделать это, *даже если ты знаешь технологию*. Это необычайно сложная машина, собрать которую отнюдь не просто единственному представителю расы, отказавшейся от машин за тысячелетия до катастрофы.

У тебя не будет времени построить звездолет. И мы не дадим тебе времени построить также и воскрешитель.

Через несколько минут наш корабль начнет бомбардировку. Возможно, что ты сможешь воспрепятствовать взрывам в этой местности, и поэтому мы начнем бомбить на противоположной стороне планеты. Если же тебе удастся остановить нас здесь, то нам понадобится по-

мощь. После шести месяцев полета с наивысшим ускорением мы достигнем точки, откуда сможем связаться с ближайшей планетой гэнейцев, и тогда сюда будет направлена такая огромная флотилия кораблей, что тебе не устоять. Ежеминутно бросая сотню или даже тысячу бомб, мы наверняка сможем уничтожить каждый город планеты, так что не останется даже праха от скелетов существ твоей расы.

Таков наш план. И все так и будет. А теперь делай с нами, что хочешь, - мы в твоей власти.

Человек покачал головой.

- Сейчас я не стану ничего делать! - сказал он. Он помолчал несколько секунд, потом задумчиво произнес: - Ваши рассуждения весьма логичны. Разумеется, я не всемогущ, но мне кажется, вы забыли одну маленькую вещь. Я не скажу вам, какую именно. Ну, а теперь, - сказал он в конце, - прощайте! Возвращайтесь на свой корабль и улетайте. Мне предстоит еще много чего сделать.

Энаш спокойно стоял, весь кипя от ярости. А затем, зашипев, он прыгнул вперед, вытянув щупальца. Он едва не прикоснулся к мягкому телу человека, но что-то остановило его.

Он оказался вдруг на борту звездолета.

Он не помнил, как это случилось, он не был ранен, не испытывал головокружения. Рядом с ним стояли Виид, Йоал и капитан Горсид, столь же потрясенные, как и он сам. Энаш замер, как вкопанный, вспоминая слова воскрешенного: «... вы забыли одну маленькую вещь». Забыли? Это означало, что они это знали. Что же это может быть? Он все еще ломал голову над этим, когда Йоал произнес:

- Теперь мы можем быть уверены наверняка, что бомбардировка будет предотвращена.

Он оказался прав.

Когда звездолет оказался в сорока световых годах от Земли, Энаша вызвали в зал Совета. Йоал уныло приветствовал его.

- Чудовище на борту.

Его слова поразили Энаша как гром, но одновременно на него снизошло внезапное озарение.

- Так вот что он имел в виду, когда говорил, что мы кое о чем забыли! - произнес он наконец. - Что он способен передвигаться в космическом пространстве силой воли в пределах - какую же цифру он однажды назвал? - в пределах девяности световых лет.

Он вздохнул. Его вовсе не удивило то, что гэнейцы, использовавшие корабли для космических путешествий, сразу же не подумали о такой возможности. Постепенно реальность начала утрачивать для него значение. Теперь, после потрясения, он чувствовал себя старым и изнуренным, а его сознание снова погружалось в предыдущее состояние отчужденности от реальности. Понадобилось несколько минут, чтобы осознать смысл этой новости. Один из физиков-ассистентов по пути в кладовую заметил человека в нижнем коридоре. «Удивительно, как раньше никто из многочисленного экипажа звездолета не заметил на борту корабля незваного гостя», - подумал Энаш.

- Но ведь в конце концов мы не собираемся держать путь к одной из наших планет. Неужели он считает, что сможет воспользоваться нами для определения местонахождения нашей планеты, если только мы не решим воспользоваться видео... - Энаш замолчал. Вот в чем дело! Для установления связи придется воспользоваться направленными видеолучами, и воскрешенный сможет отправиться в нужном направлении в тот же миг, как будет установлена связь.

Энаш прочел решение в глазах своих спутников - единственное возможное в данных условиях решение. И все же ему казалось, что они упустили нечто важное. Он медленно прошел к огромному видеоэкрану, установленному в конце зала. Картина, застывшая на нем, была такой четкой, такой яркой и величественной, что с непривычки начинали ходить круги перед глазами, как

после потрясения от мощного удара по голове. Даже Энаша, неоднократно видевшего подобное зрелище, охватило оцепенение перед немыслимой, невообразимой бездной космоса. На экране показывалась часть Млечного Пути - как она виделась в телескопы, способные улавливать даже свет красных карликов, удаленных на расстояние в тридцать тысяч световых лет, - четыреста миллионов звезд!

Видеоэкран имел двадцать пять ярдов в диаметре - таких телескопов просто не существовало нигде. А в других галактиках не было столько звезд.

И только одно из двухсот тысяч этих сверкающих солнц имело планеты.

Именно этот факт колоссального значения заставил их принять роковое решение. Утомленный взгляд Энаша обвел всех гэнейцев.

- Чудовище очень умно, - сказал он спокойным голосом. - Если мы полетим дальше, то оно проследует вместе с нами, овладеет воскресителем и вернется при помощи своего способа передвижения в космосе на свою планеты. Если мы попытаемся для связи воспользоваться направленным лучом, то произойдет то же самое: оно устремится вдоль луча, овладеет воскресителем и снова первым вернется на свою планету. В обоих случаях к тому времени, когда наши флотилии достигнут планеты, он успеет воскресить достаточно своих соплеменников, чтобы отразить любую нашу атаку.

Энаш покачал туловищем. Он все точно обрисовал, в этом он не сомневался, но все же кое-что еще стоило добавить. Он продолжал, растягивая слова:

- Сейчас у нас есть одно преимущество. Какое бы решение мы не приняли, у него нет машины-переводчика, и ему не удастся узнать, что же мы решили. Мы можем заниматься осуществлением своих планов, уверенные, что он ничего не знает о них. Ему известно, что ни он, ни мы не в состоянии взорвать звездолет. И это оставляет перед нами только один выбор.

Наступившее вслед за этими словами Энаша молчание разорвал капитан Горсид:

- Итак, господа, я вижу, вы знаете все. Мы включим двигатели, взорвем приборы управления и погибнем вместе с ним.

Гэнейцы обменялись взглядами, и в их глазах светилась гордость за свою расу. Энаш в свою очередь коснулся щупальцами каждого.

Спустя час, когда температура в звездолете ощутимо поднялась, мелькнувшая в голове Энаша мысль заставила его побрести, спотыкаясь, к устройству связи, и он вызвал астронома Шури.

- Шури, - закричал он, - ты помнишь, что когда чудовище пробудилось в первый раз, у капитана Горсида возникли проблемы с твоими помощниками, когда он приказал им уничтожить локаторы. Мы так никогда и не поинтересовались, чем же была вызвана эта задержка. Спроси у них сейчас об этом... спроси...

Последовала пауза, потом сквозь рев статических разрядов донесся едва слышный голос Шури:

- Они... не могли... попасть... в тот... отсек. Дверь была заперта.

Энаш тяжело опустился на пол. «Итак, мы упустили еще одну вещь, - подумал он. - Человек пробудился, тут же все понял - и исчез, отправившись на корабль, где узнал тайну локатора и, возможно, тайну воскресителя - если он не узнал это еще раньше. Когда он снова появился перед их глазами, он уже взял у них все, что хотел. Все остальное предназначено было для того, чтобы направить их на этот шаг отчаяния.

И сейчас, через несколько минут, *чудовище* покинет корабль, уверенное в том, что вскоре ни одному инопланетному существу не будет известно о существовании его планеты. Да к тому же зная, что его раса снова воскреснет, и в этот раз уже никогда не погибнет.

Энаш покачнулся, вцепился в рычащий приемник и выкрикнул в микрофон то, что только что понял. Ответа

не последовало. Все заглушал рев невероятной, неконтролируемой энергии. Жар уже проникал под его бронированную кожу. Когда он попытался добраться до передатчика материи, навстречу ему рванулось фиолетовое пламя. С криками и воплями он бросился бегом обратно к устройству связи.

Спустя несколько минут он продолжал мычать от боли, когда гиганский звездолет нырнул в самое сердце бело-синего солнца.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛУННЫЙ ЗВЕРЬ 5

РАССКАЗЫ

Первый вид: Космическое чудовище
Не только мертвые 235

Второй вид: Марсианское чудовище
Заколдованная деревня 263

Третий вид: Океанское чудовище
Морское чудовище 283

Четвертый вид: Мультиморфное чудовище
Усыпальница чудовища .. 322

Пятый вид: Загадочное чудовище
Воскресшее чудовище 355

Альфред Ван Вогт

ЛУННЫЙ ЗВЕРЬ

Литературно-художественное издание

Издательство «СИГМА-ПРЕСС»
107140, Москва, Б. Краснопрудный тупик, 8/12

Лицензия ЛР № 061867 от 3.12.92. Подписано в печать
15.09.95. Формат 84×108^{1/32}. Бумага книжно-
журнальная. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Уч.-изд. л. 18,5. Физ. п. л. 12. Тираж 15 000 экз.
Заказ № 522.

Издание осуществлено при содействии издательства
«Фактор».
Тверь, ул. 2-я Лукина, 9.

Отпечатано с готовых диапозитивов в АООТ
«Тверской полиграфический комбинат».
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

**В межиздательской серии
«Англо-американская фантастика
XX века»**

*вышли в свет следующие книги
Альфреда Ван Вогта:*

Вып. 1. Слэн

Вып. 2. Волшебник Линна

Вып. 3. Крылатый человек

Вып. 4. Бесконечная битва

Вып. 5. Оружейники

КНИГО-
ТОРГОВАЯ
ФИРМА
«БУКС»

По вопросам реализации данной книги опто-
вым покупателям обращаться в книготорговую
фирму «БУКС».

телефон: (095) 111-41-57

